

Санкт-Петербургский научно-культурный центр по исследованию истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии Кафедра истории Нового и Новейшего времени исторического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета Русская христианская гуманитарная академия

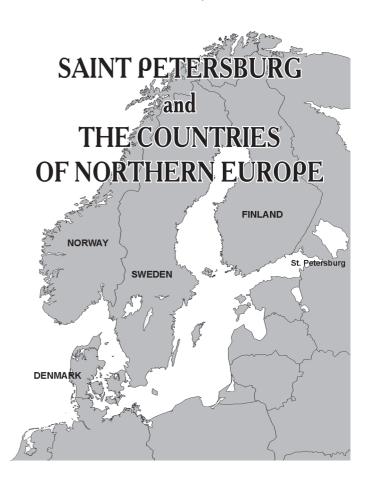

Материалы Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции

Санкт-Петербург 2010

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State Yniversity,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

Proceedings of the 11th Annual International Conference

Saint-Petersburg 2010 Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор),
д-р ист. наук, профессор Н. И. Барышников,
д-р ист. наук, профессор В. Е. Возгрин,
Т. Н. Гордецкая,
д-р ист. наук, профессор А. П. Кротов,
канд. ист. наук К. Е. Нетужилов,
канд. филос. наук Т. Ф. Фадеева,
д-р филос. наук Д. В. Шмонин

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор В.И. Фокин (Санкт-Петербургский государственный университет); канд. ист. наук, доцент А.В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека); канд. ист. наук А.И. Терюков (Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции $(1-2\ anpeля\ 2009\ r.)\ /\ Под\ ред.\ В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, <math>2010.-352\ c.$

ISBN 978-5-88812-402-4

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

> На обложке: Санкт-Петербург. Знаменская площадь конца XIX— начала XX века (ныне Площадь Восстания)

ISBN 978-5-88812-402-4

- © Коллектив авторов, 2010
- © В. Н. Барышников, П. А. Кротов, составление, 2010
- © Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организованна под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедры истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), а также Историко-этнографического музея-заповедника «Ялкала».

Конференция проходила 1–2 апреля 2009 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые РХГА, члены профессорско-преподавательского состава исторического факультета и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии, Швеции и Великобритании.

Как в ходе работы конференции, так и в процессе подготовки материалов к изданию большое внимание

уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими отношения Санкт-Петербурга и в целом России со Скандинавскими странами и Финляндией. В сборник включены, прежде всего, тексты докладов, посвященные Северной войне и Полтавскому сражению 1709 г., а также проблемам, относящимся к вхождению Финляндии в состав Российской империи. Двухсотлетний юбилей этого события отмечался как в нашей стране, так и в соседних с Россией северных государствах. Ряд статей посвящен событиям 70-летней давности, связанным с началом так называемой «зимней войны».

В книге также представлены статьи, касающиеся раскрытия генезиса, эволюции, дискурсивных и полититеских практик в полинациональных общностях Северной Европы в эпоху Нового и Новейшего времени.

Материалы предыдущих конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» ¹.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the eleventh annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical — ethnographic museum — reserve "Yalkala" took part in organizing the conference too.

The conference was held 1–2 April 2009. Historians, philologists, ethnographists, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Sweden, Finland and Great Britain.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Восьмой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2009.

So the most of the reports devoted to the events connected with history of the Northern war and Poltavskaya battle of 1709 were included in this volume. And the articles on affiliation of Finland into the Russian empire were also published. 200 anniversary of this event was celebrated not only in Russia, but also in neighboring northern states. The researchers' attention was also captured by the 70 years old story referring to so called "winter war". While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference. They are devoted to revelation of genesis, evolution, discursive and political practice in polinational communities in Northern Europe in modern and upto-date epoch.

The materials of previous conferences were published in volume "Petersburg readings 98–99" and further editions called "Saint Petersburg and Northern European countries" ¹.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

¹ Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98-99. The Proceedings of Enciclopedia's library "Saint Petersburg - 2003". SPb., 1999. P. 431-490; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. The Proceedings of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the eighth international annual Scientific Conference. SPb., 2007; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the ninth international annual Scientific Conference. SPb., 2008; Saint Petersburg and North European countries. The Proceedings of the tenth international annual Scientific Conference. SPb., 2009.

Т.А. Базарова

РЕЗИДЕНЦИЯ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА П.П. ШАФИРОВА НА ГОРОДСКОМ ОСТРОВЕ В ПЕТЕРБУРГЕ: 1710—1720-е гг. *

Первые гражданские постройки на Березовом (Городском) острове ¹ появились через несколько дней после закладки деревоземляной Петербургской крепости (16 мая 1703 г.). На берегу Невы поставили свои деревянные хоромы Петр I и А.Д. Меншиков, срубили избы и для других участников ингерманландского похода. Изначально в глубине острова стали селиться офицеры, чиновники, еще дальше разместились солдатские слободы и землянки работных людей. К западу от Домика Петра I и Посольских хором А. Д. Меншикова образовалась Троицкая площадь, названная по построенной в 1703 г. небольшой церкви Св. Троицы. Впоследствии там возвели Гостиный двор и мазанковое здание коллегий. Троицкая площадь стала главной площадью С.-Петербурга. Именно там начинались маскарады, устраивали триумфальные шествия и фейерверки, а также публичные казни. Берег Невы застраивали ближайшие соратники Петра I (Ф. А. Головин, Г. И. Головкин, Н. М. Зотов и др.) 2. Эта часть острова в петровское время являлась центральной частью города.

В ближнее окружение Петра I входил и Петр Павлович Шафиров (будущий первый российский вице-канцлер (с 1709 г.), а в 1703 г.— тайный секретарь), сделавший выдающуюся карьеру

на дипломатическом поприще 3 . П. П. Шафиров в первые месяцы строительства крепости находился в Невской дельте, и его деревянные хоромы также стали одной из первых построек нового города. Весной 1708 г. во время первого визита царской семьи в С.-Петербург в доме П. П. Шафирова останавливались сестры Петра I, царевны Марья и Федосья Алексеевны.

В связи с переездом российского двора и Правительствующего Сената в С.-Петербург (1712–1713) на берегах Невы началось интенсивное строительство каменных и мазанковых домов, перестраивались и дома на набережной Городского острова. «Знатнейшей частью города» называл эту местность в 1716–1717 гг. немецкий путешественник Геркенс. Однако его утверждение о том, что набережная линия застроена деревянными домами, можно признать справедливым только по отношению ко времени до 1713–1714 гг. 4 Вдоль Невы в середине 1710-х гг. уже стояли каменные дворцы сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, Н. М. Зотова, стольника И. И. Ржевского и канцлера Г.И. Головкина ⁵ (за ними, уже вдоль Большой Невки, располагались палаты Г. П. Чернышева, П. И. Бутурлина, У. А. Сенявина и других видных деятелей Петровской эпохи). Между домами М. П. Гагарина и Н. М. Зотова находилась резиденция вице-канцлера барона П.П. Шафирова.

Каменное строительство на участке П.П. Шафирова началось еще во время пребывания вице-канцлера в качестве посла-заложника в Османской империи. Новый дом, как и первоначальные деревянные хоромы, возводился по указу Петра I за счет казенных средств («из казны»). Когда в 1713 г. приступили к строительству, семья П.П. Шафирова находилась в Москве, поэтому барон за возведением каменного дома поручил наблюдать надворному советнику С. Л. Владиславич-Рагузинскому. В мае 1713 г. он сообщил жене вице-канцлера баронессе Анне Степановне, что петербургский каменный дом «скоро почнет строитца, ибо деревянный уже сломан», прибавив: «...я по моей должности господину камисару Синявину, которому строение приказано, повседневно докучаю, изволит и ваше превосходителство о том к нему приказать писать, дабы он в том имел лутчшее попечение, дабы сего лета потрудился привесть тот двор в совершение к пришествию его баронского превосходителства» ⁶. В августе 1713 г. уже сам вице-канцлер попросил

^{*} Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (в рамках проекта № 07–01–00514 а).

возглавлявшего Канцелярию городовых дел У. А. Сенявина: «Пожалуй, потрудись, дабы оное строение было совершено немедленно. Також и архитекту изволите приказать, чтоб он делал его попрочнее и доброю пропорцыею» 7. Сохранились данные переписи декабря 1713 г.: «...двор подканцлера борона Петра Павловича Шафирова вновь строитца. Полаты о четырнатцати жильях, две избы люцких с печьми, двои сени, два погреба с напогребицами, баня с печью» 8.

Таким образом, за один сезон строительство каменных палат П. П. Шафирова закончить не удалось. В мае 1714 г. вице-канцлер отправил несколько посланий из Стамбула в С.-Петербург (А. Д. Меншикову, У. А. Сенявину, С. Л. Владиславич-Рагузинскому) о своем желании купить соседний двор, принадлежавший зятю А. Д. Меншикова. Барон просил «склонить господина Ивана Колиныча Пушкина, чтоб он строение свое, которое вошло в мой двор, снес и место, которое надлежит мне по данной, а он захватил, очистить, или б пожаловал он уступить и весь двор за тысячю рублев...» 9. Осенью 1714 г. каменная резиденция вице-канцлера возводилась «с поспешанием» и «изрядною манерою, четвероуголным конштом итальянского манера под оною кровлею» 10.

Постепенно работы приближались к завершению, чему способствовало покровительство светлейшего князя и самого государя, которые не раз посещали строившиеся палаты П.П. Шафирова. В октябре 1714 г. С.Л. Владиславич-Рагузинский смог пообещать барону, что «дом вашего превосходителства будет во всякой готовности к вашему счастливому пришествию» ¹¹. Русское посольство покинуло столицу Османской империи осенью 1714 г. В декабре 1714 г. П.П. Шафиров, ненадолго задержавшись в Москве и посетив некоторые из своих вотчин, прибыл в С.-Петербург. В январе 1715 г. на 64 возах из Москвы в петербургский дом доставили имущество вице-канцлера ¹².

Возможно, построенные за казенный счет палаты показались вице-канцлеру не вполне подходящими для его большой семьи и придворного статуса. По переписи 1718 г., в петербургской резиденции поселились не только П.П. Шафиров с женой и четырьмя младшими детьми, но и пятьдесят пять человек прислуги ¹³. К тому же в 1714 г. ему не удалось присоединить к своим владениям двор И.К. Пушкина, поэтому для П.П. Шафирова

не смогли возвести более просторное здание. Светлейший князь приобрел участок своего зятя для себя и лишь в конце 1715 г. продал его вице-канцлеру 14 .

Весной 1719 г. начались работы по расширению каменных палат вице-канцлера. Перестройку дворца за два строительных сезона и 3500 рублей подрядились выполнить частновладельческие крестьяне Ярославского уезда С. Ф. Федоров и Т. М. Михайлов. Согласно проекту И. Г. Маттарнови в доме вице-канцлера значительно увеличилось число покоев, были переделаны окна и двери, перекрыта крыша, устроены каменные погреба. Выходивший на набережную Невы фасад здания украсили колоннами, гербами и скульптурами 15. Стены главного зала парадного второго этажа обили привезенным из Османской империи малиновым бархатом, другие комнаты — тисненой кожей, узорной тканью и панелями из орехового дерева. В оформлении палат участвовали отец и сын Растрелли. В течение двух лет Б. К. Растрелли декорировал интерьеры лепными украшениями, изготавливал алебастровые «фигуры к каминам в болшую салу», а тогда еще начинающий архитектор Ф. К. Растрелли «отправлял» «архитектурное искусство в камерах, покоев, печах, каминов в покоях людских, во оранжерей» и т. д. 16

Для петербургского дворца по распоряжению вице-канцлера покупалась европейская мебель. В августе 1719 г. П. Н. Готовцев поручил мебельному мастеру в Гданьске по заранее присланным меркам изготовить к январю следующего года две дюжины стульев и два канапе «из самого доброго ореховова дерева и самою доброю работою, и самою нынешнею новою модою» ¹⁷. В сентябре того же года П. Н. Готовцев сообщил П. П. Шафирову цену на дубовую мебель: «Дубовые стулы самого лутчаго дубу и лутчего мастерства по шеста гулдена прусских стул один» ¹⁸. Двумя годами ранее, в августе 1717 г., С. Л. Владиславич-Рагузинский заказал для резиденции вице-канцлера в Венеции мраморные камины ¹⁹.

П. П. Шафиров перевез из Москвы в новую петербургскую резиденцию свою библиотеку. Согласно описи, составленной в 1723 г. при передаче книг Академии наук после конфискации имущества вице-канцлера, в книжном собрании П. П. Шафирова было не менее 484 книг. Это была библиотека и для работы, и для досуга, в состав которой входили главным образом книги

на иностранных языках по истории, философии, географии, а также словари ²⁰.

Запечатленный на гравюрах А. Ф. Зубова и рисунках из коллекции Ф. В. Берхгольца дворец П. П. Шафирова считался одним из самых роскошных в новой столице. Дом вице-канцлера нередко посещал Петр I со своими приближенными, в нем устраивались ассамблеи, обедали иностранные дипломаты и путешественники. Современников восхищали не только роскошь и великолепие наполненных европейской мебелью и предметами прикладного искусства залов петербургского дворца вице-канцлера, но и погреб вице-канцлера, который «славится винами, каких нет ни у кого в России» ²¹.

Дворец на Городском острове стал местом проведения свадеб трех детей П.П. Шафирова. Еще в неперестроенном дворце 18 октября 1718 г. состоялась свадьба Натальи Петровны и А.Ф. Головина. 19 января 1721 г. Екатерина Петровна вышла замуж за шталмейстера князя Василия Петровича Хованского ²², а 6 февраля в доме праздновалось бракосочетание Исайя Петровича и Евдокии Андреевны Измайловой ²³. На двух последних торжествах присутствовали Петр I и Екатерина Алексеевна.

В начале 1723 г. в результате конфликта в Правительствующем Сенате с гг. Скорняковым-Писаревым П. П. Шафиров был отстранен от должности вернувшимся из Персидского похода Петром І. Для разбора дела император учредил особый Вышний суд из непричастных к конфликту сенаторов и военных. Вицеканцлера обвинили в казнокрадстве, буйном поведении в Сенате и приговорили к смертной казни с лишением чинов, титулов и имений. Но в день казни Петр I заменил смертный приговор ссылкой ²⁴.

В феврале 1723 г. все имущество вице-канцлера, в том числе его поместья, а также московские, петербургские и загородные дворы были конфискованы и обрели новых владельцев. Недолго пустовал и петербургский дворец П.П. Шафирова на Городском острове. В августе 1723 г. он стал резиденцией персидского посла Измаила Бека. В сентябре после последней официальной аудиенции Измаил Бек «давал праздник» в бывшем дворце вице-канцлера. По словам очевидца, «дом этого министра был прекрасно иллюминован, а за столом <...> подавались в перемежку кушанья персидския и русския» 25. После отъезда

из столицы персидского посольства здание перешло в ведение Академии наук, в котором в 1725 г. состоялось ее первое заседание. Академии наук передали и библиотеку П.П. Шафирова. Остальное имущество вице-канцлера было описано и разошлось по другим владельцам.

Часть мебели украсила резиденции Петра I и Екатерины Алексеевны. М. И. Пыляев отметил, что в одной из комнат Екатерининского дворца в Царском Селе находились «редкие шкафы персидской работы и ореховой фанеровкой, с медной оправой на ящиках и с зеркалами из конфискованного дома Шафирова, с оправой медной на ящиках» ²⁶. Лучшие вина из погребов московских и петербургских домов вице-канцлера были переданы в Дворцовую канцелярию.

По-видимому, некоторые вещи удалось оставить в семье. После процесса над П. П. Шафировым в канцелярию Вышнего суда поступили челобитные близких и дальних родственников с просьбами вернуть из конфискованного в казну имущества временно находившиеся в доме вице-канцлера принадлежавшие им предметы. Дочь барона, Мария Петровна, подала прошение «о даче ей готовленных от отца ее Петра Шафирова и от матери в приданое разных вещей и пожитков» ²⁷. Жена старшего сына бывшего вице-канцлера, Исайя Петровича, Евдокия, била челом «...об отдаче приданого ее и подаренных вещей от свекра и мужа ее» ²⁸.

В марте 1725 г. Екатерина I вернула П. П. Шафирова из ссылки, восстановила в баронском достоинстве и поставила его во главе Коммерц-коллегии ²⁹. Однако после смерти благоволившей к барону императрицы положение барона снова пошатнулось. Летом 1727 г. Верховный тайный совет распорядился отправить П. П. Шафирова налаживать «китоловное дело» в Архангельск. Не пожелавший ехать к Белому морю барон в феврале 1728 г. вышел в отставку ³⁰. Однако уже в июле того же года император Петр II не только простил П. П. Шафирова, но и возвратил ему резиденцию на Городском острове.

В начале 1728 г. в связи с переездом Академии наук на Васильевский остров (в бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны) дом П. П. Шафирова был освобожден. 27 июня Академия наук передала опустевшее здание в ведение Канцелярии от строений, а осенью 1728 г. его принял служитель

П.П. Шафирова Степан Каманицкий. Пять лет дворец не имел заботливого хозяина. Составленная при передаче здания опись отразила плачевное состояние более пятидесяти жилых и хозяйственных помещений. В большинстве покоев были выбиты оконные стекла, с печей и каминов отбиты изразцовые плитки, со стен сорваны обои, в дверях испорчены замки, потолки закоптились и потрескались. «Полата прихожая плитошная. Стены попорчены, 60 плиток нет; камин попорчен, у трубы затвор; печь цела и з затвором; потолок закончен, кзынс (гзымс, т.е. карниз. — Т.Б.) попорчен. <...> Спалня с обоем красным травчетым. Печь с камелком, затворка железная на камине, фигурки золочены попорчены, у комина на полу плит нет; в окончинах 4 стекла разбито. <...> Полата шпалерная. Отбою нет, камин мраморной расколот, закопчен; стены и верх истрескались; в одной окончине стекла нет. <...> В сале обою 6 местах выдрана по штуке; 2 комина, оба попорчены, внизу доска мраморная преломлена, вверху кзынс побит; в окончинах розбито 26 стекол; на галерете к Неве реке у дверей замка нет. Из салы в сени двери, замка медного нету; на той же двери резба изломана; у четверных дверей замка медного нет». Несмотря на то, что в течение пяти лет дворец несколько раз менял владельцев, в некоторых помещениях сохранилась часть мебели бывшего вице-канцлера. Однако и она несла на себе следы повреждений. В кабинете у орехового шкафа были испорчены замки. В столовой палате сохранился «шкап резной дубовой» с нижним ящиком и замком, от которого потерян ключ и т. л. ³¹

При императрице Анне Иоанновне П. П. Шафиров вернулся в большую политику и восстановил свою парадную резиденцию. В царствование Елизаветы Петровны дом на Городском острове был выкуплен казной у старшего сына барона Исайи Петровича ³². К тому времени набережная утратила свой престижный статус центра города. Во второй половине XVIII в. высшие сановники Российского государства возводили свои парадные резиденции на Адмиралтейском острове. Восхищавшие современников Петра I дворцы обветшали и были сломаны. На самой первой набережной С.-Петербурга от первоначальной застройки сохранился только заключенный в каменный футляр Домик Петра I.

- ¹ В петровское время бытовали и другие названия острова Городовой, Гарнизонный (Гварнизонный), Петербургский.
- ² Подробнее см.: *Анисимов Е. В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 179–201; *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 88–89; 190–192; *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 24–38.
- ³ Петр Павлович Шафиров (1673?–1739), родился в семье крещеного еврея, холопа. Переводчик Посольского приказа (1691), сопровождал царя в первом заграничном путешествии (1697–1698); вице-канцлер (1709), барон (1710), участник Прутского похода (1711), посол в Османской империи (1711–1714), вице-президент Коллегии иностранных дел (1717), сенатор (1718); приговорен к смертной казни, замененной ссылкой (1723); помилован Екатериной I (1725).
- ⁴ Описание... столичного города С.-Петербурга / Пер. Е.Э. Либталь; предисл., научн. ред. и коммент. С. П. Луппова // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1975. С. 217.
- 5 *Комелова Г.Н.* «Панорама Петербурга» гравюра работы А.Ф. Зубова // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 131–133.
- 6 Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 6000. Л. 1–2 об.
 - 7 Там же. Оп. 3. Кн. 10. Л. 527.
- $^8\,$ РГАДА. Ф. 26 (Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I). Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 2 об.
 - 9 Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 328.
 - 10 Там же. Оп. 1. Д. 6774. Л. 2.
 - 11 Там же. Д. 6801. Л. 1 об.
 - 12 Там же. Д. 7889. Л. 1-4 об.
- $^{13}\ \it{Komenega}$ О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. С. 113.
- 14 РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ¹⁵ Николаева М.В. Частные застройщики петровского времени дома-дворцы на набережных Большой и Малой Невы // Труды ГЭ. Т. XLIII: Петровское время в лицах−2008: К 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 197–198.
- 16 Комелова Г. Н. «Панорама Петербурга» гравюра работы А. Ф. Зубова. С. 132, 141, примеч. 61; Калязина Н. В. Лепной декор в жилом интерьере Петербурга первой четверти XVIII в. // Русское искусство первой четверти XVIII века: Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1974. С. 112.
 - 17 Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7688. Л. 1.
 - 18 Там же. Д. 7693. Л. 1 об.
 - 19 Там же. Д. 7487. Л. 1 об.

- 20 Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 227–229.
- 21 *Берхгольц* Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Части 1–2 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 169, 359.
 - 22 Походный журнал 1721 г. СПб., 1855. С. 18.
- 23 Там же. С. 21. Описание свадьбы см.: Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. С. 158–159.
- 24 Подробнее см: *Иванов П.И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.
- 25 Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сб. РИО. Спб., 1885. Т. LXIX. С. 392.
- 26 Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Л., 1996. С. 360.
- ²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого»). Оп. 1. Д. 104. Л. 158 об.
 - ²⁸ Там же. Л. 152 об.
 - ²⁹ Серов Д.О. Администрация Петра І. М., 2008. С. 104.
 - 30 Там же. С. 105.
 - 31 ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 172–174.
- 32 *Бытков Ф.А.* Барон Исай Петрович Шафиров (1699–1756) // Исторический вестник. 1886. Т. 25. С. 130.

Т.А. Шрадер

СЕМЬЯ ФИНЛЯНДСКИХ ЮВЕЛИРОВ ТИЛЛАНДЕР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

В конце XIX — начале XX в. прогуливаясь по Невскому проспекту и прилегающим к нему улицам, прохожие останавливались и любовались ярко освещенными, сверкающими драгоценными камнями витринами, драгоценности которых принадлежали ювелирам из различных стран: Франции, России, Германии, Швеции и др. Недалеко от магазина ювелирных изделий легендарного Карла Фаберже располагался ювелирный магазин фирмы семьи Тилландеров, которые переехали в столицу Российской империи из Финляндии. Судьба этой семьи, обосновавшейся в Санкт-Петербурге, стала ярким примером того, как могла сложиться история людей, которые, покинув свою родину, смогли своим трудолюбием и мастерством достигнуть высокого положения в российском обществе.

Александр Эдвард Тилландер (Александр Густавович Тилландер, 1837—1918) приехал из Финляндии в Петербург в первой половине XIX в. и уже в 1860 г. основал собственную ювелирную мастерскую. Он работал при трех российских императорах — Александре II, Александре III и Николае II. Фирма обслуживала Великих князей, царскую семью, государственных советников, прима-балерин Мариинского театра, ученых университета. Сред тех, кто пользовался услугами Тилландеров, были семьи барона Врангеля, композитора Глазунова и многих других известных в России персон не только столицы, но и Екатеринбурга, Киева, Выборга и др. Однако в годы революции в 1917 г. значительная

часть ювелирных изделий была вывезена из Петербурга, также как и ценнейшие документы, раскрывающие характер деятельности этих ювелиров — отчеты за 1901–1917 гг. Эти документы могли дать более полную картину внутренней жизни ювелирной фирмы в России, и в частности в Санкт-Петербурге.

О деятельности фирмы Тилландеров в Петербурге в отечественной историографии в настоящее время известно достаточно мало. В ряде работ, касающихся более известной компании Карла Фаберже, о ней упоминается лишь вскользь 1. Например, в книге «История фирмы Фаберже» пишется, что ювелирное предприятие «Тилландер» активно сотрудничало с К. Фаберже; также отмечается, что эта компания в 1909–1911 гг. поставляла свои изделия к царскому двору. Упоминаются адреса, где располагалось предприятие «Тилландер»: фирма занимала помещения в весьма престижном районе Петербурга — на Большой Морской, 28, а с 1911 г. контора компании переехала прямо на Невский, 26, который выходил своими окнами прямо на Казанский собор 2.

Большую работу по исследованию деятельности компании в последнее время проделал известный финский ученый, профессор М. Энгман ³. В своей монографии, посвященной пребыванию представителей Финляндии в Санкт-Петербурге, Энгман уделяет внимание и основателю фирмы Александру Эдварду Тилландеру. Книга, переведенная на русский язык, содержит весьма интересные сведения, касающиеся, прежде всего, истории создания данной компании ⁴. Но не менее примечательным стало и оригинальное издание его работы на шведском языке. В книге автор в разделе, посвященном исследованию тогдашней социальной структуры общества и месту в ней «петербуржских» финляндцев, представил очень интересный фотоиллюстративный материал, показывающий облик ювелирной мастерской А. Тилландера с краткой информацией о его фирме ⁵.

М. Энгман написал также обширную статью о финляндских ювелирах, работавших в Санкт-Петербурге на протяжении двух столетий для прекрасно изданного каталога на финском, шведском и английском языках 7. Каталог был приурочен к открытию в Хельсинки в марте 1980 г. выставки «Карл Фаберже и его современники». Основные статьи каталога были посвящены творчеству Карла Фаберже 8. Но поскольку выставка была

организована финской фирмой «OY A. Tillander Ab», а во главе выставочного комитета находилась правнучка основателя фирмы Улла Тилландер-Годенхельм, то немало также было представлено материалов, касающихся ювелиров Тилландеров.

Улла Тилландер-Годенхельм является на данный момент одним из ведущих специалистов по истории ювелирного искусства в России и Финляндии. Ею был опубликован ряд интересных по содержанию и прекрасно оформленных монографий, демонстрирующих высокое ювелирное мастерство, в частности, и ее соотечественников из Финляндии 9.

Не менее интересными представляются работы внука основателя фирмы Герберта Тилландера, опубликовавшего краткую историю фирмы Тилландеров 10 . Но главным, безусловно, является исследование, которое фактически стало биографическим исследованием о его семье — «От сына торпари до придворного ювелира». Книга вышла в свет вначале на финском, а в 1991 г. на шведском языке 11 . Именно в этой работе наиболее полно представлено описание жизни в Петербурге членов семьи Тилландеров до начала XX в.

Как справедливо отметил Герберт Тилландер, отец основателя петербургской ювелирной фирмы Густав Тилландер (1793–1877) был всего-навсего наемным батраком, представлявшим беднейший из слоев шведскоязычного крестьянства в южной части Финляндии. Он являлся торпари. Работал Густав Тилландер и его семья на хуторе Тали под Хельсинге. В семье было четверо детей: две дочери — Ловиса и Софиа Вильхельмина и два сына — Адольф Густав и Александр Эдвард. Естественно, что положение сына торпари не давало больших возможностей добиться какого-либо успеха в жизни. Оставалось или продолжать работать, как его отец, на земле, или искать счастья на стороне. Оба сына Густава Тилландера стремились к большему, чем крестьянская доля. В то время именно Санкт-Петербург с его большими возможностями был притягательным городом. Братья отправились именно туда.

Старший брат Адольф Густав становится учеником сапожника, а младший Александр Эдвард в 1848 г.— учеником золотых дел мастера Фредерика Адольфа Хольстениуса. Этот ювелир совсем недавно перебрался из Финляндии в Россию и в пригороде Петербурга Царском Селе основал мастерскую. Возможностей для

ювелиров в загородной резиденции русских царей представлялось очень много, поскольку в летний период Царское Село наводнялось представителями знати, членами царской семьи, офицерами. Все они проявляли повышенный интерес к дорогим и красивым вещам. И вот, при внимательном и требовательном отношении к делу, после семи лет обучения в мастерской Хольстениуса, Александр Тилландер в 1855 г. наконец впервые изготовил свою первую авторскую ювелирную вещь. Изделие оказалось очень высокого качества, его работу заметили, и Александра приглашают в качестве практиканта в Петербург к известному немецкому ювелиру Карлу Бексу.

Молодой ювелир действительно оказался весьма талантлив. В 1857 г., по прошествии практики, он получает повышение. Теперь его рабочим местом становится мастерская ювелира Карла Рейнхольда Шуберта. В мастерской Александр работает практически целыми днями, лишь немногое свободное время посвящая учебе. Александр Тилландер понимал, что без общего образования и знания иностранных языков на ювелирном поприще продвинуться будет трудно. В 1860 г. он получил аттестат мастера, что позволило ему основать собственную мастерскую. Естественно, что вначале образованное им предприятие представляло собой весьма скромную мастерскую.

Тем не менее спустя восемь лет, в 1868 г., при финансовой поддержке коммерсанта Мальмберга мастерская переросла в достаточно известную фирму «Tilander & Co». Александру Тилландеру приходилось много трудиться, работал он по 16 часов в день.

Александру Тилландеру удалось организовать реализацию ювелирных изделий в весьма выгодных и богатых ювелирных магазинах на Невском проспекте, принадлежавших Ваиллату и Клементу Губеру Болину. В 1870 г. Тилландер с Матильдой Густав Ингман, бывшей прежде в прислуге в доме Александра, открыл мастерскую в богатом доме на Гороховой, 25, около Екатерининского канала. Владельцем доходного дома, где стали проживать Тилландеры, был известный петербургский домовладелец Ф. А. Штраух. Весь третий этаж дома был в распоряжении Тилландеров, и ювелир решил открыть здесь свою контору.

Тогда же в семье Тилландеров родился первенец Александр Теодор (Александр Александрович). Однако со свадьбой его родителей дело все время затягивалось, и она состоялась лишь

в феврале 1872 г. В этот год глава фирмы позволил себе купить построенную в Борго (Порвоо) яхту и после этого стал уже членом престижного яхт-клуба в Петербурге. Жизнь семьи Тилландеров становилась достаточно светской, в 1874 г. они впервые выехали за границу, в Париж.

Очень важным для фирмы, конечно, было то, что у нее появился собственный магазин, богато обставленный и украшенный весьма изящными гранитными панелями. Кроме того, он имел вывеску сразу на трех языках — русском, немецком и французском, что указывало на предполагаемых клиентов предприятия. Сам же хозяин фирмы хорошо владел шведским, финским, немецким языками и мог лично принимать состоятельных иностранных покупателей. В целом в этот период число покупателей росло, экономическое положение улучшалось, компания явно набирала обороты. В мастерской Тилландеров трудилось четыре ювелира.

Следует учитывать к тому же, что в начале 1880-х гг. в России после находок скифского золота на Черном море стал крайне популярным «античный стиль», особенность которого заключалась в том, что изделия украшались геммами и жемчугом. Поэтому в последние десятилетия XIX в. фирма активно выпускала портсигары, чашки, вазы, рамки для фотографий, напоминавшие античные произведения. В начале XX в. вошли в моду также украшения «в стиле Людовика XVI» — стиля, который стал важной составляющей выпускаемой продукции фирмы. Покупатели магазина Тилландера могли купить украшения в виде животных, цветов, букетов, фруктов из цветных камней. Успехом пользовались пасхальные яйца в стиле Фаберже. Помимо дорогих украшений фирма изготавливала жетоны — нагрудные украшения или сувениры из золота с драгоценными камнями и эмалью, которые носили на цепочке.

В продукцию фирмы также входили знаки отличия для заслуженных офицеров, которыми награждались в Сенате или других государственных ведомствах. Жетоны подобного рода заказывали и финские учреждения (Nordiska Föreningsdanken, Helsingforts Spårvägs-jch Omnibusatiebolag). Фирма в своей продукции стремилась к качественному и элегантному исполнению, что особенно отмечалось в изготовлении ювелирами фирмы ожерелий, брошей, портсигаров и т. п.

В 1902 г. мастерами фирмы было подготовлено к продаже до 700 изделий. Некоторые ювелирные украшения исполнялись и по специальному заказу. Так, одна французская актриса заказала бриллиант в 100 карат, но владелец фирмы нашел для нее бриллиант в 120 карат. В память русского композитора Глинки был заказан серебряный венок. Некоторые состоятельные покупатели заказывали для своих домашних животных ошейники с ювелирными украшениями, а один житель Франкфурта сделал заказ на производство переплета для Библии из серебра и золота. Компания 1903 г. насчитывали 40 дистрибьюторов, и в ней работало 40 подмастерьев.

Жена Александра Матильда экономно вела хозяйство, имела прислугу. В 1882 г. Тилландеры уже переселились в дом генерала И.Д. Тутомина, на Гороховую, 13, находящуюся на углу Большой Морской. Сын Александр, которого дома звали Саша, в 1885 г. начал учиться ювелирному мастерству у Иохана (Иоана) Леннстрема. В этом же году Александр Густавович получил первую серебряную медаль на Выставке искусств в Петербурге. Через несколько лет отец и сын отправились со своими изделиями на выставку в Екатеринбург, где получили серебряную медаль.

Кроме этого, Тилландеры не забывали и о своих соотечественниках, живших в Петербурге. Среди материалов Российского государственного исторического архива, касающихся лютеранской (шведской) церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, имеется дело о пожертвовании Александром Тилландером 6000 рублей в пользу церковного прихода для образования фонда им. Иоанна Леннстрема с целью содержания в церковной богадельне двух престарелых людей. Условиями А. Тилландера были следующие: во-первых, фонд должен был носить имя Иоанна Леннстрема, служившего много лет в фирме, который, по мнению А. Тилландера, проявлял особое усердие и старание. Во-вторых, фонд был рассчитан на двух престарелых ремесленников, мастеров или подмастерьев финского или шведского происхождения, входивших в шведский приход. В-третьих, предпочтение отдавалось содержанию золотых дел мастеров, и в-четвертых, за 6 рублей в год необходимо было присматривать за могилой Иоанна Леннстрема, похороненного на Смоленском кладбище 12.

В целом фирма «Тилландер» становилась настолько известной, что владельца даже наградили орденом Св. Владимира. Эта награда давала право на дворянский титул. Но Александротец отказался от этой привилегии, поскольку этим орденом награждали русских, а он считал себя финляндцем. В 1909 г. фирме присвоили звание «Поставщика императорского двора», однако и этот столь высокий статус Александр не стал афишировать. В 1910 г. фирма праздновала 50-летний юбилей. Торжества проходили в Зимнем саду гостиницы «Европейская». Среди 187 приглашенных 50 человек были друзья по ремеслу. На юбилее выступал хор, который исполнял песни на шведском, финском, датском и немецком языках. Но что было характерным, ни одной песни не пелось по-русски.

Тем временем наследник фирмы Саша получил хорошее образование. Он также знал несколько иностранных языков. В 1888 г. Саша, сдав экзамен на звание подмастерья ювелирного дела, был отправлен отцом на дальнейшее усовершенствование мастерства сначала в Париж, а затем в Лондон и Дрезден. Кроме того, он ездил на Урал для закупки камней для работы фирмы. В 1899 г. Александр-младший выгодно женился на Эдит Хильдур Гален, дочери друга отца, владевшего заводом (Mekaniska Verkstad) в Выборге.

Однако жизнь молодой пары в доме отца была сложной, поскольку Матильда, властная по характеру, не принимала молодую жену сына и они вынуждены были жить на два дома под одной крышей. Тем не менее Александр-старший постепенно отходил от дел, увлекаясь путешествиями на своей яхте. Кроме того, он с Матильдой часто стал ездить за границу на лечение.

Дела фирмы взял в свои руки Александр-младший. Сашу магазин на Большой Морской уже не устраивал, и он подумывал о переезде на Невский проспект. Фирма была уже знаменита, что подтверждают сохранившиеся документы. Так, в списке 1902 г. значились «лучшие покупатели» — представители дома Романовых.

Революционные события 1905 г. не обошли стороной и фирму. В январе этого года две недели длилась забастовка рабочих на ювелирных предприятиях. Они требовали при сохранении прежней оплаты труда 9-часовой рабочий день вместо, как тогда было принято, 16-часового. Конфликт был исчерпан путем

переговоров, разрешившись компромиссом. В этот период ситуация в Петербурге была нестабильной. Многие работники фирмы уехали в Финляндию. Старая пара Тилландеров переехала на Малую Конюшенную в помещение, принадлежавшее Шведскому обществу в Петербурге.

Саша заключал договоры с иностранными фирмами в Англии, Германии, Финляндии. Изделия ее ценились за границей. Годовая прибыль в 1908 г. составляла 125 000 рублей, бриллиантов было продано на сумму 5000 рублей.

В 1910 г. фирма переезжает на Невский проспект в помещение придворного ювелира К. Гана. В Петербурге на 1914 г. были известны пять ювелирных магазинов — Фаберже, Бока, Болина, Бурхарда и Тилландера. Эти магазины располагались недалеко друг от друга. Покупателей же в них было много. Туда заглядывали люди даже из далеких стран арабского мира. Ювелирный сервис был элегантным, публика была богатой и не скупилась на красивые вещи.

Семья Александра Александровича жила по адресу: набережная реки Мойка, 42. В семье говорили на нескольких языках, кроме финского. У Саши было трое сыновей — Лео (Лев), Герберт (Herbert) и Виктор (Victor). Двое старших учились в школе.

Но с началом Первой мировой войны производственная деятельность фирмы серьезно ослабла. И хотя в это время представители царской семьи, банкиры, знаменитые артисты буквально скупали драгоценности, но происходил отток работников из фирмы. Финские ученики-ювелиры переезжали в Финляндию, русские мастера были призваны на армию. К тому же начались кражи ювелирных изделий из магазина.

В этих условиях в ноябре 1915 г. значительная часть коллекции фирмы была перевезена в Хельсинки. В целом уже в 1916 г. работников в компании в Петрограде осталось очень мало. Более того, часть своей коллекции Александр Александрович продал, часть переправил своим друзьям в Париж, Антверпен, Лондон и Нью-Йорк.

В 1917 г. семья Тилландеров отмечала 81-летие Александрастаршего, и летом этого года Саша решил закрыть свое предприятие в Петербурге. Это было уже в самый канун Октябрьской революции в Петрограде. Положение в городе было крайне неста-

бильным. Более того, тогда на Александра-старшего напала на улице группа бандитов, причем руководил этой группой один из его работников. Через месяц Александр Густавович скончался.

В этой ситуации семья Тилландеров принимает решение покинуть Петроград и уехать в Финляндию. Однако и там было неспокойно. В Финляндии разгоралась революция и гражданская война. Более того, Александр в Финляндии попадает в плен к «красным», и его направляют в тюрьму, которая находилась в Коувола. Спасло его то, что вместо «Тилландер» его фамилию в тюремных списках неправильно записали как «Силландер». Тем не менее судьба оказалась достаточно благосклонна к Саше. Ему все-таки удалось бежать из вагона поезда, когда вместе с другими арестованными его решили вывести из Коувола.

Саша вновь встретился со своей семьей. Они обосновались в Луумяки. Главным их занятием лишь поиск пропитания. Только после окончания гражданской войны, в октябре 1918 г., Александр вернулся в Хельсинки, где вновь смог открыть свою фирму. Так начиналась новая жизнь. Но на этом, можно сказать, подошла к своему концу и вся прежняя петербургская часть жизни ювелиров Тилландер.

В настоящее время в центре Хельсинки находится магазин и мастерская фирмы «Оу А. Tillander Ab». Правнучка основателя фирмы Александра Густава Тилландер Улла Тилландер-Годенхельм часто посещает Петербург, пользуется уважением и почетом петербургских ювелиров и исследователей этого прекрасного искусства.

¹ *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М., 1974; *Скурлов В. В.* Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 1992 и др.

² *Бирбаум Ф. П.* История фирмы Фаберже. СПб., 1993. С. 57, 96.

³ См.: *М. Энгман, С. Юнгар*. Переселенческие движения из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1017. Л., 1980; *М. Engman*. Finnar och svenskar i S: t Petersburg // Sverige och Petersburg. Stockholm, 1989.

⁴ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008. C. 244–245.

⁵ Engman M. Peterdbugska vägar. Schilds. 1995. S. 161.

 $^{^6}$ *Engman M.* Finnish goldmiths in St. Petersburg during two centuries // Carl Fabergé ja häntn aikalaisensa. Hels., 1980. S. 74–95.

- ⁷ Carl Fabergé ja häntn aikalaisensa,— och hans samtida,— and his contemporaries. Helsinki, 1980.
- ⁸ Snowman A. K. Carl Fabergé, goldsmith extraordinary // Carl Fabergé ja häntn aikalaisensa, och hans samtida, and his contemporaries. S. 8–17; *Habsburg-Lothringen von G.* Fabergé and historicism // Carl Fabergé ja häntn aikalaisensa, och hans samtida, and his contemporaries. S. 17–27.
- ⁹ *Tillander-Godenhielm U.* Smycken från det kejserliga St. Petersburg (ur samlingar i Finland och Sverige), Helsinki, 1996; *Tillander-Godenhielm U.* The Russian Imperial Award System during the Reign of Nichjlas II, 1894–1917. Helsinki, 2005; *Tillander-Godenhielm U.* Golden years of Fabergé: Drawings and Objects from the Wingström workshop. Helsinki, 2000 и др.
- 10 *Tillander H.* A short history of the firm of Tillander // Carl Fabergé ja häntn aikalaisensa. S. 62–72.
- ¹¹ Tillander H. Från torparson till Hovjuvelerare. En familjekrönika. Red. av Anu Seppälä. Översätning av Ulla Hornborg, Schildts, 1991.
- 12 Российский Государственный исторический архив. ф. 821. Оп. 5. д. 922. Л. 59, 61.

Б. С. Жаров

ТЕЛЕГРАФИСТ — ПЕРЕВОДЧИК — ЛИТЕРАТОР — ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ: П.Г. ГАНЗЕН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сказки Андерсена в «переводах А. и П. Ганзен» — не только часть зарубежной литературы, с которой российский читатель может ознакомиться, но и реально существующий элемент русской культуры. К этому надо добавить переводы произведений Ибсена и многих других скандинавских писателей. Переводчики Ганзены Петр Готфридович (1846–1930) и Анна Васильевна (1869–1942) сделали для России не меньше, чем это выпадает на долю многим из тех писателей, которые пишут на родном языке для своей страны ¹. П. Г. Ганзен, со дня смерти которого в 2010 г. исполняется 80 лет, прожил долгую жизнь со многими удивительными поворотами судьбы.

12 октября 1846 г. в Копенгагене родился мальчик, которого назвали Петер Эмануэль Хансен. Его дед был, как и положено в морской стране, шкипером, отец Готфред Эммануэль — владельцем гостиницы. Влияние матери Марианы Дам, имевшей итало-датско-немецкое происхождение и явные художественные наклонности, перевесило — мальчик только и бредил театром. Мало того, ему повезло: он был принят в Копенгагенский Королевский театр и играл в нем, причем долго, целых шесть лет: с 1865 по 1871 г. Желанный громкий успех, однако, не пришел. Больших ролей ему не давали, в рецензиях особо не хвалили. Возможно, дело и вправду было в болезни горла, о которой он впоследствии не раз говорил.

В 1871 г. Петер Эмануэль Хансен разуверился в своих успехах в актерской профессии и решил резко изменить жизнь. Он приобрел специальность, которая была в тот момент очень модной и очень востребованной, хотя и весьма далекой от искусства — специальность телеграфиста. В 1869 г. была создана датская фирма под названием «Det Store Nordiske Telegraf-Selskab» (Большая скандинавская телеграфная компания), которая впоследствии для краткости стала называться «Storno» — «Сторно». В ее задачу входило создавать и эксплуатировать телеграфные линии на территории России, а также проложить первую телеграфную линию из Европы через Сибирь и Китай в Японию и ответвление на Владивосток.

Когда фирма объявила набор телеграфистов на эту линию, Петер Эмануэль Хансен, получив необходимую подготовку, выбрал для работы то ли Китай, то ли Японию — данные расходятся. Однако вряд ли кто-нибудь стал бы говорить о нем в наше время, если бы его план осуществился. Но пока он долго ехал на перекладных по Сибири, его партнер, датский телеграфист, который направлялся всего лишь в Омск, проиграл в карты очень большие деньги российскому попутчику тоже из Омска. Сложная финансовая проблема была решена так, что неудачливый соотечественник продолжил путь в Китай, а Петер Эмануэль Хансен остался в Омске, где прожил 7 лет, и 3 года — в Иркутске, т. е. всего в Сибири целых 10 лет.

Для удобства россиян он стал именовать себя Петром Богдановичем, поскольку его отца звали Готфрид, что означает «Бог + Мир», что, по-видимому, максимально приближало его к «Богдану». Только с течением времени прижился и навсегда остался более приемлемый вариант имени: Петр Готфридович. Фамилия была записана как Ганзен (много позже в комментариях к переводам скандинавских авторов на русский язык он писал, что «г» в таких случаях, как в его фамилии, это не тот звук, который произносят на севере России, а тот, что произносят на юге).

Днем П. Г. Ганзен усердно работал телеграфистом и весьма в том преуспел. А когда наступали долгие холодные сибирские вечера, то ходил в гости и старательно учил русский язык. Делал записи, переводил разные тексты, отрывки из литературных

произведений. Однажды он прочитал роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Роман ему очень понравился, и он стал переводить роман на датский язык, сначала фрагментами, только для себя. Окончив перевод, он рискнул ознакомить датских издателей с романом. Роман был немедленно напечатан и — мало того — имел ошеломляющий успех в Дании. Дело в том, что датская литература в это время переживала кризис. Литературный романтизм, который когда-то процветал, но к этому времени совершенно вышел из моды в других европейских странах, все еще господствовал в Дании. Нужен был глоток свежего воздуха, которым для датчан и оказался роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Для сравнения можно сказать, что роман «Обломов» был переведен гораздо позже и никогда не пользовался особым успехом у датских читателей.

Осмелев, П. Г. Ганзен вступил в переписку с Гончаровым, написал ему о себе, о своих переводах с русского на датский и даже послал свои пробные переводы со скандинавских языков. Гончаров ответил очень доброжелательно, но совершенно забраковал переводы на русский язык. Их довольно активная переписка продолжалась несколько лет².

Первый успех в переводах вдохновил П. Г. Ганзена — во время пребывания в Сибири появились многочисленные новые переводы русских авторов на датский язык. В Сибири же он обзавелся семьей, женившись на Марии Александровне Энгельфельд, родилось двое детей.

В 1881 г. П. Г. Ганзен переехал в тогдашнюю столицу России. Начался петербургский — наиболее яркий и продуктивный период его жизни, продолжавшийся 36 лет. Переезд был связан с телеграфными делами, поскольку в столице была создана первая российская телеграфная школа, возглавить которую предложили хорошо зарекомендовавшему себя датскому телеграфисту, к тому же проявившему себя на литературном поприще. Нужно обратить внимание и на год. Начинался период интенсивного общения представителей различных кругов России и Дании, количество датчан в Петербурге резко возросло. В 1881 г. на престол вступил Александр III, его венценосной супругой была Мария Федоровна — датская принцесса Дагмара. Известно, что П. Г. Ганзен встречался

с императрицей, хотя поводы для встреч и темы разговоров не зафиксированы. Он также регулярно посылал ей свои переводы книг русских авторов на датский язык, за что получал благодарность.

Телеграфная сеть России расширялась, техника совершенствовалась, потребность в кадрах росла. 16 сентября 1886 г. по указу Александра III в Петербурге было создано Техническое училище почтово-телеграфного ведомства, в которое П. Г. Ганзен перешел «преподавателем телеграфного искусства и английского языка». В 1891 г. училище получило новое название: Электротехнический институт, с последующим присвоением в 1899 г. имени императора Александра III. П. Г. Ганзен проработал там много лет, и его фотографию до сих пор можно увидеть в музее Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ), теперь носящего имя В. И. Ленина.

Литературные дела П. Г. Ганзена также продолжались. Однако пришло большое горе. В 1885 г. от туберкулеза скончалась его жена Мария Александровна. Поскольку дети были маленькие — сыну 7 лет, дочери 6, а отец много работал пришлось приглашать гувернантку. Вероятно, их было несколько, но когда в 1888 г. появилась юная Анна Васильевна Васильева, то это был перст судьбы. Родившаяся 8/20 декабря 1869 г. в городе Касимове Рязанской губернии, перевезенная родителями в раннем детстве в Петербург и получившая здесь образование, она была человеком литературно одаренным, писала стихи. Ей было 19, ему 42, они поженились. Она очень быстро овладела датским, а позже и другими скандинавскими языками и уже с 1890 г. активно подключилась к переводческой деятельности мужа. Впрочем, ее имя как переводчика в печати было обозначено впервые только в 1894 г. Именно этому переводческому дуэту русская культура обязана столь многим.

Переводчиков русской литературы на датский язык было за два века немало, и П.Г. Ганзен был одним из многих, хотя и очень активным. Совершенно иначе обстоит дело с переводами с датского языка и с других скандинавских языков на русский. Вместе переводчики трудились с 1990 по 1917 г., т.е. 28 лет — это уже много! Если же начать отсчет с 1877 г., когда приступил к переводам П.Г. Ганзен, и закончить осенью 1941 г., когда оста-

новилась переводческая деятельность А.В. Ганзен, получается более 60 лет. По продолжительности случай уникальный для всего мира. К тому же они делали свои переводы всегда с языка оригинала, а ведь в XIX в. нисколько не считалось зазорным переводить с языка-посредника (для скандинавских языков это был, как правило, немецкий).

Переведено было много тысяч страниц множества разнообразных авторов, писавших на разных языках и живших на очень большой территории. И в то же время эта территория была очень близка к Северо-Западу России. Русскому читателю был не просто открыт один писатель или пусть даже несколько хороших писателей. Переводчиками была открыта — как когдато Америка для Европы — Скандинавия для России.

Людям, далеким от художественного перевода, этот труд представляется легким. Это, конечно, не так. Поразительным было трудолюбие переводчиков. Когда муж уходил на работу, жена садилась за письменный стол и работала над новыми переводами. Когда муж приходил, наступал его черед занять стол, а жена переходила к домашним делам. А во время летнего отпуска на даче они еще больше времени уделяли своей переводческой работе.

Наряду с выпуском отдельных произведений переводчики предприняли работу, не имевшую аналогов: они опубликовали собрание сочинений Х.К. Андерсена в 4 томах, а также дважды — полное собрание сочинений Х. Ибсена. Эти издания впоследствии получили самую высокую оценку в мире. Они издавали также нечто вроде собственного журнала. Это были сборники под названием «Фиорды. Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен». За период 1909—1913 гг. вышло 13 томов.

П. Г. Ганзен помимо переводов создавал авторские работы, которые знакомили читателей России с различными сторонами жизни Скандинавских стран. Это были статьи в журналах, энциклопедиях, а также книги «Общественная самопомощь в Дании, Норвегии и Швеции» (СПб., 1898), «Трудовая помощь в Скандинавских странах» (СПб., 1990), «Опыт оздоровления деревни» (СПб., 1902). Он переписывался с русскими писателями и даже провел несколько дней в Ясной Поляне в гостях у Л. Н. Толстого, о чем оставил интересные воспоминания 3.

В первые годы XX в. П. Г. Ганзен целиком переключился на гуманитарную работу, включающую многочисленные поездки по России — по Ведомству Учреждений императрицы Марии, где получил должность чиновника особых поручений. В ведении Ведомства находились воспитательные дома, приюты для обездоленных и беззащитных детей, богадельни, некоторые больницы, а также учебные заведения: женские институты, женские гимназии, прогимназии и педагогические курсы, Мариинские начальные женские училища. За эту деятельность он, несмотря на то, что все время оставался подданным Дании, получил российский титул действительного статского советника, что соответствовало генерал-майору в армии. Обращаться к носителям этого титула полагалось: «Ваше превосходительство». В 1916 г. ему было даровано дворянское звание.

Во время революционных событий летом 1917 г. П. Г. Ганзен по делам выехал в Данию, как он думал, ненадолго, но получилось так, что навсегда. А. В. Ганзен несколько раз ездила к мужу в Данию, но только на короткое время. Она получала от него новинки скандинавской литературы и продолжала очень активную переводческую деятельность. В возникшем несколько позже Ленинградском отделении Союза советских писателей она была избрана на ответственную должность секретаря и пользовалась большим уважением коллег.

Петр Готфридович Ганзен умер в Копенгагене 23 декабря 1930 г. и был похоронен на кладбище «Ассистенс» — том же, что и Андерсен. Анна Васильевна Ганзен осталась после начала блокады в Ленинграде и умерла 2 апреля 1942 г. Символическое надгробье находится на Смоленском кладбище рядом с могилой ее рано умершего сына. Но фактически она была погребена в одной из безымянных могил погибших в блокаду.

Если посмотреть в программку любого российского театра, где идут драмы Ибсена, то и по сей день можно прочитать: «Перевод А. и П. Ганзен».

Брауде Л.Ю. Ханс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Ханс Кристиан. Сказки, рассказанные детям; Новые сказки. М., 1983 (Литературные памятники). С. 328–332; *Стреблова И.П.* Ганзен // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 2. Девятнадцатый век. Кн. 2 (Г–И). СПб., 2003. С. 26–28.

- $^2\,$ Переписка И. А. Гончарова и П. Г. Ганзена опубликована в кн.: Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 41–105.
- 3 О посещении Л. Н. Толстого см.: *Ганзен П. Г.* Пять дней в Ясной Поляне // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 1. С. 451–468.

¹ О переводчиках Ганзенах см.: *Жаров Б. С.* 1) Династия переводчиков // Вечерний Ленинград. 1974. 18 июня. С. 3; 2) Переводческий подвиг А. и П. Ганзенов // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 545–551;

В. И. Мусаев

ПРОБЛЕМА РЕПАТРИАЦИИ ФИНЛЯНДСКИХ ГРАЖДАН ИЗ РОССИИ ПОСЛЕ 1917 г.

В начале XX в. в России проживали свыше 30 000 подданных Великого княжества Финляндского. В основном выходцы из Финляндии были сконцентрированы в Петербурге/ Петрограде и в других областях Северо-Западного региона империи (Олонецкая Карелия, Мурманский берег), однако небольшие группы финского населения имелись и в других губерниях не только Европейской, но и Азиатской России.

Октябрьская революция 1917 г. и последующее провозглашение независимости Финляндии положили начало процессу распада финской диаспоры в России. Положение финляндцев в России с конца 1917 — начала 1918 г. было сопоставимо с тем положением, в котором в это же время россияне оказались в Финляндии: теперь они были иностранцами с неопределенным правовым статусом. Вопрос о представительстве и защите их интересов также представлял собой немалые сложности. Поскольку до декабря 1917 г. Финляндия не была суверенным государством, она, естественно, не имела каких-либо консульских представительств в России (как и Россия — в Φ инляндии). Статс-секретариат Великого княжества Финляндского с декабря 1917 г. стал выполнять функции финляндского дипломатического представительства. Карл Энкель, которого после Февральской революции Временное правительство назначило министром статс-секретарем Великого княжества, в январе 1918 г. был назначен финляндским дипломатическим представителем в Петрограде ¹. В этом качестве Энкель, однако, официально пробыл лишь несколько дней. В конце месяца в Финляндии началась гражданская война. В начале февраля хельсинкский Совет народных уполномоченных (СНК) потребовал ареста и выдачи Энкеля как представителя «белого» правительства, на что СНК ответил согласием. Энкель был вынужден перейти на нелегальное положение ². В Москве еще в ноябре 1917 г., вскоре после большевистской революции, был образован финский комитет, в задачи которого входило «охранять интересы финнов и финских фирм в Москве и ее окрестностях». Его председателем был предприниматель Армас Седерман. 6 декабря (23 ноября) 1917 г. правительство Финляндии уполномочило комитет в качестве полуофициального финского представительства ³.

После провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 г. многие финляндцы, проживавшие в России, пожелали выехать на родину (или на историческую родину, так как немало бывших подданных Великого княжества были уроженцами собственно России). Основной причиной этого был всеобщий социально-экономический кризис в стране, имевший следствием голод, повальный товарный дефицит и массовую безработицу. Финляндцы, приехавшие в Россию именно в поисках работы, теперь оставались без дела и каких-либо средств к существованию. Другой причиной была угроза репрессий, ставшая актуальной после провозглашения «красного террора» в Советской России. К тому же мужчины призывного возраста, независимо от их гражданства, подлежали призыву в Красную Армию, но такая перспектива привлекала отнюдь не многих.

Легальных возможностей для выезда, однако, почти не имелось. После победы «белых» в гражданской войне в Финляндии официальные отношения между Финляндией и Советской Россией были прерваны. Финское правительство П.Э. Свинхувуда не признавало советское правительство и, более того, считало себя в состоянии войны с большевистской Россией. Граница с Финляндией весной 1918 г. была формально закрыта. 8 июня 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) подтвердил распоряжение о запрещении проезда через границу 4. Здание финляндского статс-секретариата на Екатерингофском проспекте в Петрограде 2 мая было опечатано властями Петроградской трудовой коммуны 5. Таким образом,

финляндцы в России остались без какого-либо органа, который мог бы представлять их интересы. Оставалось попытаться воспользоваться поддержкой представителей третьих стран, имевших дипломатические представительства в Советской России. Рассчитывать можно было прежде всего на Германию. В Москве в июне 1918 г. было открыто германское посольство, а прибывший в российскую столицу в качестве посла граф В. фон Мирбах получил указания заботиться также об интересах финляндских граждан в России. В Москве с ноября 1917 г. функционировал финский комитет, в задачи которого входило «охранять интересы финнов и финских фирм в Москве и ее окрестностях». Его председателем был предприниматель Армас Седерман. 6 декабря (23 ноября) 1917 г. правительство Финляндии уполномочило комитет в качестве полуофициального финского представительства 6. С открытием немецкого посольства комитет начал выполнять при нем функции финского отделения. 1 июля 1918 г. финское отделение было основано также при германской консульской службе в Петрограде. Отделение, в состав которого входили 11 человек — бывшие сотрудники финляндского статссекретариата и паспортной экспедиции, — занималось выдачей паспортов, удостоверений, хлопотало о получении разрешений на выезд из страны. Его возглавлял бывший первый секретарь паспортной экспедиции Вильгельм Тавастшерна. Финское посольство было основано летом 1918 г. на Украине, которая была оккупирована, но формально считалась независимой. Его возглавлял деятель активистского движения доцент Херман Гуммерус. Посольство, помимо прочего, помогало финским гражданам, оказавшимся на юге бывшей Российской империи, выезжать на родину 7 .

После поражения Германии в мировой войне советское правительство денонсировало Брестский мир и разорвало дипломатические отношения с Германией и ее бывшими союзниками. Соответственно германские дипломатические представительства в Советской России были ликвидированы. С 6 ноября 1918 г. финское отделение продолжало функционировать теперь уже при шведском посольстве. Вскоре, однако, Швеция под давлением западных держав также была вынуждена расторгнуть дипломатические отношения с Советской Россией, и в начале декабря шведское правительство объявило, что оно более

не в состоянии брать на себя защиту финских граждан в России 8. Из Киева финское посольство вынуждено было выехать в начале 1919 г., когда после вывода немецких войск к городу стали приближаться части Красной Армии⁹. Финский комитет в Москве продолжал работать, однако по мере обострения противоречий между Советской Россией и Финляндией его деятельность все более затруднялась. З мая 1919 г. советские власти арестовали нескольких членов комитета и закрыли его бюро, после чего он окончательно прекратил функционировать ¹⁰. С сентября 1918 г. в Петрограде действовал Финляндский временный экономический комитет, в задачи которого входило вести учет имущественным потерям финских фирм и частных лиц в России и по возможности представлять и защищать экономические интересы финских граждан. Это была единственная финская организация, которая в 1918-1919 гг. действовала в России и с которой советские власти имели дело: советское правительство, стремившееся к выходу из экономической блокады, было заинтересовано в налаживании товарообмена с Финляндией, и здесь Финляндский временный экономический комитет мог бы сыграть роль посредника. Комитет, однако, был частным объединением и не имел каких-либо дипломатических полномочий 11.

Для пересечения границы финляндцам, так же как и бежавшим в Финляндию российским гражданам и «соплеменникам» (ингерманландским финнам и восточным карелам), приходилось пользоваться в основном нелегальными каналами. Охрана границы с обеих сторон была организована крайне неудовлетворительно. К тому же постановление о закрытии границы неоднократно нарушалось. На межведомственном совещании в Петрограде с участием комиссариатов внутренних дел и финансов СКСО и некоторых других ведомств в конце июня—начале июля 1918 г. констатировалось, что военный контроль продолжает выдавать разрешения на проезд в Финляндию, не имея на это никакого права 12. Во второй половине июля 1918 г. границу в Раяйоки ежедневно пересекали по 70–80 финляндцев, многие из которых переплывали или переходили вброд пограничную реку 13.

Определенные легальные возможности появились в конце осени 1918 г., когда после расторжения дипломатических отношений

Советской России с государствами бывшего блока центральных держав и некоторыми другими государствами был организован отъезд из России иностранных дипломатических и торговых представительств. Некоторым финским гражданам удалось заручиться документами, позволявшими им покинуть страну вместе с выезжавшими через российско-финляндскую границу составами. До конца 1918 г. преобладал все же нелегальный способ перехода через границу. Помимо участка у Раяйоки, который был основным местом перехода границы, беженцы пересекали границу и в других местах на Карельском перешейке, в частности в районе Рауту и Метсяпиртти, а также за пределами перешейка, например, в Приграничной Карелии. Предпринимались попытки добраться до Финляндии на лодках по Финскому заливу или через Эстонию. Всего в 1918 г. через пограничный карантин на Карельском перешейке прошло 2478 финских граждан, прибывших из России. Эти данные, однако, нельзя считать полными, так как не все пересекавшие границу беженцы попадали в карантин, к тому же, как указывалось выше, граница пересекалась не только на Перешейке. По оценкам П. Невалайнена, в 1918 г. в общей сложности тем или иным путем из России в Финляндию перебрались около 4500 бывших подданных Великого княжества 14.

С начала 1919 г. Датский Красный Крест (ДКК) приступил к организации возвращения в Россию бывших русских военнопленных, находившихся в Германии (некоторые из них еще во время войны сумели бежать из лагерей в нейтральную Данию, другие после войны были переведены во Францию). Финское руководство решило воспользоваться датским посредничеством для организации репатриации финских граждан из России. Глава Финляндского государства К. Г. Маннергейм во время официального визита в Копенгаген в середине февраля 1919 г. договорился с датским правительством о том, чтобы Датский Красный Крест добивался обмена интернированных в Дании русских военнослужащих на финляндцев, желающих выехать на родину ¹⁵. Со своей стороны действовал и Финляндский временный экономический комитет в Петрограде. Его переговоры с советским Наркоматом торговли и промышленности о налаживании товарообмена между Советской Россией и Финляндией закончились 15 января 1919 г. подписанием соглашения, которое обставляло начало торговых отношений рядом политических условий. Речь шла прежде всего о взаимном освобождении граждан другого государства, не обвиняемых в уголовных преступлениях, и о возможности беспрепятственного пересечения границы и возвращения на родину 16. Бывшее финское отделение при шведском посольстве, которое продолжало неофициально функционировать в Петрограде до конца марта 1919 г., зарегистрировало 2166 финских граждан, изъявивших желание выехать на родину. В дальнейшем заявления о репатриации принимались в представительстве ДКК на Садовой улице 17. В начале апреля 1919 г. в Ханко пришвартовались три датских судна, которые перевезли бывших русских военнопленных. В конце апреля в Раяйоки состоялся обмен: 660 граждан Финляндии были пропущены через границу в обмен на около 1800 русских военнослужащих. Тот факт, что финляндцев оказалось меньше, чем было обещано, советские власти объясняли нехваткой вагонов. В Финляндии, однако, это объяснение не было признано удовлетворительным 18.

До конца весны 1919 г. при посредничестве ДКК была организована репатриация еще нескольких сот финляндских граждан. В конце апреля, однако, отношения между Финляндией и Советской Россией предельно обострились после вторжения «Олонецкой добровольческой армии» в Олонецкую Карелию. Финские правительственные войска в этом походе не принимали участия, но в Москве и Петрограде не сомневались в том, что поход «добровольцев» был организован при помощи финского военного и политического руководства. Советские власти снова закрыли границу в Раяйоки. В Петрограде был арестован член Финляндского экономического комитета Конрад Лейнеманн и двое служащих. Финский МИД направил Советской России выдержанную в резких тонах ноту протеста, угрожая серьезными последствиями для советских граждан, находившихся на территории Финляндии, если члены экономического комитета не будут освобождены ¹⁹.

В этих условиях решение вопроса о репатриации финских граждан из России вновь начало заходить в тупик. Тем более что миссии ДКК становилось все труднее работать в Советской России. 4 июня в Раяйоки состоялась встреча представителей ДКК и членов экономического комитета с уполномоченным НКИД в Петрограде доктором Г. Л. Шкловским. Последний

обещал, что, несмотря на существовавшие трудности, для двух тысяч финских граждан будет в обозримом будущем открыта граница. Однако в ночь с 4 на 5 июня на границе начались столкновения, и намеченный выезд состоялся. Еще раньше, 2 июня, помещения представительств ДКК в Москве и Петрограде были заняты сотрудниками ЧК и подвергнуты обыску. При этом в помещении Петроградского представительства были задержаны финские граждане, занимавшиеся оформлением документов на выезд. ДКК удалось договориться об освобождении женщин, детей и стариков, однако более 200 финских мужчин (задержанных как в Петрограде, так и в Москве) были отправлены в концентрационные лагеря в окрестностях Москвы в качестве заложников. В том же месяце был организован отъезд членов миссии ДКК из России, а 10 июля миссия была официально упразднена 20.

На протяжении почти всей второй половины 1919 г. положение на российско-финляндской границе на Карельском перешейке оставалось крайне напряженным, перестрелки и стычки были обычным явлением. Легальный переход границы снова стал почти невозможным. В ходе первого раунда эвакуации финских граждан весной 1919 г. через границу были перемещены более 1300 человек. Всего же с весны 1918 до конца 1919 г. из России в Финляндию тем или иным способом перебрались около 9000 финляндцев 21. Следует отметить, что многие финляндцы, стремившиеся покинуть Россию, сталкивались при этом с трудностями не только политического, но и чисто физического характера. Это касалось в первую очередь тех, кто находился в местностях, отдаленных от финской границы: на юге России или за Уралом. Чтобы добраться до границы, им нужно было проехать многие сотни километров, что в стране, охваченной войной, с расстроенной транспортной системой, было крайне непросто.

К концу 1919 г., после отступления с российской территории остатков Северо-Западной армии, активные военные действия на Северо-Западе России закончились. Тогда же стало окончательно ясно, что Финляндия не станет участником вооруженного нападения на Россию, и началось свертывание интервенции союзных держав. Впервые с 1918 г. стали завязываться полуофициальные контакты между Советской Россией и государствами

Запада. В ноябре 1919 г. в Копенгагене начались переговоры, на которых советскую сторону представлял член коллегии НКИД М. М. Литвинов, западных союзников — депутат британского парламента, член лейбористской партии Джеймс О'Грэди. Предметом переговоров был обмен находившихся на территории России британских подданных и граждан и подданных других европейских государств на бывших русских военнопленных и советских граждан, желавших вернуться на родину из Европы. К. Г. Идман, финляндский посланник в Копенгагене, просил О'Грэди поставить на переговорах вопрос также и о репатриации финляндских граждан. Переговоры завершились 12 февраля 1920 г. подписанием соглашения об обмене военнопленными и другими гражданами и их репатриации. Добиться включения в соглашение пункта о репатриации финляндцев не удалось. О'Грэди, однако, сообщил Идману, что Литвинов обещал предоставить финляндцам возможность выехать, как только будет решен вопрос с британскими подданными 22.

Весной 1920 г. началась практическая реализация достигнутых договоренностей. В основном из России через границу в Раяйоки выезжали подданные и граждане союзных и нейтральных государств. Во второй половине 1920 г. также происходил обмен бывших военнопленных: до конца года в Советскую Россию через Финляндию вернулись почти 30000 русских, в противоположном направлении проследовали свыше 14000 граждан Германии и ее бывших союзников ²³. Эпизодически через границу переезжали и финские граждане. Так, в ночь с 14 на 15 апреля из Петрограда в сторону границы был отправлен эшелон, с которым пределы России покидали 60 англичан, 25 датчан и около 100 финнов, а в конце месяца от перрона Финляндского вокзала отошел еще один поезд, среди пассажиров которого, наряду с англичанами и французами, также были финны 24. Несмотря на то, что возможностей для легального переезда через границу в 1920 г. стало больше и что охрана границы сделалась несколько более эффективной, нелегальная переправа продолжала функционировать.

Вопрос о репатриации поднимался в числе многих других на советско-финляндских мирных переговорах, начавшихся 12 июня 1920 г. в Тарту. Затруднения вызвал, в частности, вопрос о положении финляндских граждан, находившихся в тюрьмах

и лагерях на территории Советской России. Председатель финской делегации Ю. К. Паасикиви впервые поднял этот вопрос на заседании 7 августа. Он настаивал на скорейшем освобождении этих лиц из заключения и предоставлении им возможности выехать в Финляндию. Глава советской делегации Я. А. Берзин не согласился, однако, на решение этого вопроса в одностороннем порядке, заявив о необходимости обусловить освобождение финляндских граждан в России взаимным обязательством финских властей освободить всех заключенных, «которые понесли наказание за деяния, целью которых была борьба против государственного устройства страны в пользу другой державы, в данном случае Советской России». Договориться сторонам не удалось, и Паасикиви был вынужден согласиться на предложение Берзина о передаче вопроса об амнистии и освобождении заключенных на рассмотрение юридического отдела в составе нескольких представителей от обеих делегаций 25.

9 августа в рамках переговоров началась работа юридического отдела, который с финской стороны возглавлял А. Фрей, с советской — Н. Тихменев. Отдел занимался, помимо прочего, разработкой вопроса о помиловании для граждан двух договаривающихся сторон, находившихся на территории другой страны. На первом же заседании советская сторона огласила свой проект соглашения об амнистии. Предлагалось предоставить амнистию лицам, служившим в вооруженных формированиях второй стороны, а также всем, обвинявшимся в политических преступлениях. В проекте подчеркивалась необходимость предоставления военным и гражданским заключенным и беженцам возможности скорейшего возвращения на родину²⁶. 21 августа финляндская сторона выдвинула свои встречные предложения. Стороны в конечном итоге сошлись на том, что помилование можно распространить на всех, кто не обвинялся в совершении уголовных преступлений. 17 сентября сторонами была согласована статья об амнистии, которая, с небольшими поправками, была затем включена в текст мирного договора 27. Еще раньше, в августе, вскоре после подписания советско-финляндского перемирия, разрешение на переезд границы получила группа из 59 финнов и нескольких граждан других государств. Примечательно было то, что это была первая группа, целиком состоявшая из лиц, прибывших из более отдаленных местностей, чем северо-западные губернии, а именно из Москвы, Приуралья и Сибири 28 . Продолжался и выезд из ближайших к Финляндии областей: из Петрограда и Петроградской губернии в течение $1920 \, \mathrm{r}$. в Финляндию организованно выехали около $700 \,$ человек 29 .

Новая фаза процесса репатриации финляндцев из России началась после подписания Тартуского мирного договора, которое состоялось 14 октября 1920 г. 35-я статья договора оговаривала право свободного возвращения на родину для граждан обоих государств 30. 31 декабря того же года между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Это дало возможность придать процессу репатриации более организованный характер. 17 марта 1921 г. в Петроград выехали члены эвакуационного бюро (известного также как «Финляндский эвакуационный комитет»), получившего официальный статус отдела финского посольства в Советской России. Вскоре по прибытии в Петроград бюро начало регистрацию финских граждан, желавших выехать в Финляндию. 21 марта президент Финляндии К. Й. Стольберг утвердил постановление о пассажирском и товарном сообщении через границу 31. Поезд с первой партией репатриантов, выезд которых был организован в соответствии с положениями Тартуского мира, пересек границу в Раяйоки 30 апреля 1921 г. 32 Всего в 1921 г. из России в Финляндию ушло девять эшелонов с репатриантами (самый длинный эшелон, отправленный в начале июля, насчитывал 35 вагонов, в которых были перевезены 643 репатрианта). Через карантинные пункты на Карельском перешейке в 1921 г. прошли около 5400 репатриантов. Выезд 4133 из них был организован эвакуационным комитетом в Петрограде, остальные воспользовались другими легальными или нелегальными возможностями 33. Общее число репатриированных финских граждан было, по всей вероятности, чуть большим, так как некоторые выезжали из России иным способом, чем через границу на Карельском перешейке. Известны, в частности, случаи, когда некоторые финляндцы с Кавказа и Украины добирались на родину кружным путем через Константинополь и далее вокруг Европы 34. Сложности возникали с выездом на родину финляндских граждан, по тем или иным причинам находившихся в Советской России в заключении, которых советские власти не спешили освобождать.

Согласно сведениям, которыми располагала финская сторона, в начале сентября 1921 г. только в петроградских тюрьмах содержалось около 250 граждан Финляндии 35.

В 1921 г. легальная репатриация финских граждан проводилась наиболее активно. Ее полного завершения, однако, и на этот раз не удалось достичь. В конце 1921 г. отношения между Советской Россией и Финляндией вновь обострились в связи с восстанием в Беломорской Карелии: в Москве не сомневались, что это восстание было инспирировано и поддержано финнами. Петроградский отдел финского посольства в начале января 1922 г. получил указание в 24 часа покинуть страну (его выезд состоялся 5 января) ³⁶. Организация выездов финских граждан через границу была временно приостановлена: финляндцы в России снова оказались заложниками политической ситуации. Основную стадию репатриации к этому моменту можно было, впрочем, считать завершенной: большинство финнов, желавших выбраться из России, к тому времени уже сумели это сделать.

Завершающий этап репатриации начался после относительной нормализации двусторонних отношений в 1922 г. 1 июня 1922 г. было подписано советско-финляндское соглашение о пограничном мире, а 12 августа состоялось подписание соглашения об эвакуации, которое вступило в силу 1 сентября. Таким образом, лишь после того, когда большая часть финских граждан, желавших выехать на родину, сумела это сделать, вопросы проведения эвакуации были официально оформлены. Был наконец решен вопрос, по которому долгое время не удавалось прийти к согласию: о размерах денежных сумм и имущества, которые репатрианты могли взять с собой. По условиям соглашения, финляндцы могли вывезти из России до 10000 рублей в новых денежных знаках и до 164 кг движимого имущества. Срок подачи заявлений на выезд был установлен в европейской части России в полгода, в азиатской — в девять месяцев. Переход через границу в Раяйоки первой группы репатриантов из 205 человек, выезд которых был организован на основании соглашения об эвакуации, состоялся 28 сентября 1922 г. Всего же через карантин на Карельском перешейке в 1922 г. прошли 1106 финских граждан. Это были в основном рабочие и служащие, выезжавшие из различных российских регионов 37. К концу 1922 г. процесс репатриации финских граждан из России можно было считать близким к завершению, хотя выезды отдельных партий репатриантов имели место и на протяжении последующих двух лет. Всего в период с 1918 по 1924 г. из России/СССР в Финляндию выехали около 19000 финляндских граждан ³⁸.

- 4 Северная коммуна. 1918. 8 июня.
- 5 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 53. Л. 22.
- ⁶ *Korhonen M.* Finlands ryska fordringar. Ekonomisk uppgörelse med Ryssland efter 1917. Privata ersättningsfrågor i ett jämförande internationellt sammanhang. Åbo. 1998. S. 45.
 - ⁷ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 104–105.
- 8 *Engman M.* Förvaltningen och utvandringar till Ryssland 1809–1917 // Hallintohistoriallisia tutkimuksia 20. Helsinki, 1995. S. 242.
 - ⁹ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset, S. 105.
 - ¹⁰ Korhonen M. Finlands ryska fordringar. S. 46.
 - 11 Ibid. S. 48-54.
- ¹² Об открытии российско-финляндской границы в 1918 г. (Материалы межведомственного совещания) // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы / Публикация А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова. СПб., 1999. С. 358.
 - ¹³ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 111.
 - ¹⁴ Ibid. S. 114–117.
- ¹⁵ Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 28.
- ¹⁶ *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-финляндская граница 1918–1939. СПб., 2000. С. 50.
 - ¹⁷ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 136.
 - ¹⁸ Korhonen M. Finlands ryska fordringar. S. 70.
 - 19 ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 153-154.
- 20 Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. С. 34–35; Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. С. 51–52.
 - ²¹ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 139, 145.
- ²² ДВП СССР. Т. 2. С. 364–367; *Nevalainen P*. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 146–147.

¹ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917–1920. 1. Helsinki, 1967. S. 121–122; *Enckell K.* Politiska minnen. Helsingfors, 1956. S. 224.

² Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumutot idästä 1917–1939. Helsinki, S. 103.

³ *Korhonen M.* Finlands ryska fordringar. Ekonomisk uppgörelse med Ryssland efter 1917. Privata ersättningsfrågor i ett jämförande internationellt sammanhang. Åbo. 1998. S. 45.

- $^{23}\ \textit{Ros\'{e}n}$ G. Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977. Espoo, 1977. S. 246–247.
 - 24 Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. С. 53.
- $^{25}\,$ Suomen ja Venäjän välisten Tartossa pidettyjen rauhanneuvottelujen pöytäkirjat. Kesäk. 12 p: stä-lokak. 14 p: n 1920. Helsinki, 1923. S. 78–82.
 - ²⁶ Ibid. S. 578-578.
 - ²⁷ Ibid. S. 607-608.
 - ²⁸ Uusi Suomi. 1920. 26., 28. elokuuta.
 - 29 ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 91.
 - 30 ДВП СССР. Т. 3. М., 1959. С. 279.
 - 31 Karjalan Aamulehti. 1921. 22. maaliskuuta.
 - 32 Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 164–165, 168.
 - ³³ Ibid. S. 175-176.
 - 34 Ibid. S. 170.
 - 35 ГАРФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 107. Л. 12.
 - ³⁶ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 177.
 - 37 Ibid. S. 185-188.
 - 38 Ibid. S. 206.

Т.П. Бородина

И.Е. РЕПИН В ФИНСКИЙ ПЕРИОД 1918—1930-х гг.

До революции за границей не состоялось ни одной персональной выставки Репина, если не считать отдельный павильон, предоставленный ему на Всемирной выставке в Риме в 1911 г. Но тем не менее иностранная публика была хорошо знакома с его творчеством и по публикациям в прессе, и по работам, постоянно появлявшимся на международных и Всемирных смотрах.

При жизни Репина его картины были представлены более чем на 50 экспозициях в Америке, во Франции, в Италии, Чехословакии, Германии, Австро-Венгрии. О нем писали такие известные критики, как Фридрих Пехт, Шарль Блан, Франц Ребер, Огуст Шольц, Дени Рош, Мельхиор Воге, Кристиан Бринтон, Роза Ноймарч, Уго Оггети, Франтишек Таборский и многие другие.

После революции, когда закрытие границы оставило Репина в независимой Финляндии, особенно активными и плодотворными стали его связи с северными странами. Насколько нам сейчас известно, в Швеции, Дании и Финляндии до 30 года, т. е. еще при жизни Репина, состоялось 24 выставки. На некоторых из них совместно с работами Ильи Репина были выставлены картины его сына Юрия и художника Владимира Филипповича Леви, являвшегося организатором этих показов.

Национализация вкладов в банках России, закрытие границы, разруха военного времени и вызванное этим тяжелое

материальное положение поставило Репина перед острой необходимостью поисков средств к существованию. Для художника — это прежде всего возможность продажи картин. С этой целью уже в 1918 г. работы Репина были выставлены в салоне Стриндберга в Хельсинки.

В октябре 1919 г. Репин подносит в дар Финляндскому художественному обществу 7 собственных произведений и 23 картины русских художников. Из сотен его работ, находившихся в «Пенатах», он выбирает лучшие: портрет Н.Б. Нордман (1900, х., м.); автопортрет с Н.Б. Нордман (1903, х., м.); «Зимой в "Пенатах"» (1903, х., м.); портрет Е.Н. Званцевой (1889 х., м.); портрет Нади Репиной (1898, х., м.); портрет В.В. Пушкаревой (Котляревской) (1899, х., уголь); портрет Р. Левицкого (1878, х., м.).

Для Репина эта акция имела очень важное значение. Она сблизила его с финскими художественными кругами и, несомненно, способствовала расположению к нему финляндского правительства и общества.

Эдвард Рихтер, корреспондент газеты «Хельсингин Саномат», в одной из своих статей о Репине расценил подарок художника «как выражение его преданности Финляндии» ¹. Надо отметить, что в эти тяжелые годы отношение к русским эмигрантам в Финляндии было совсем не однозначным. Огромный поток беженцев, хлынувший из России после революции, оказался обременителен для страны. Это особенно ощущалось в Выборгской губернии, где собралось наибольшее количество приехавших. Прокормить всех оказалось очень трудно, возникали серьезные проблемы с продовольствием. Кроме того, финны опасались проникновения в их страну большевистских шпионов ².

Если учитывать сложившуюся ситуацию, становятся более понятными надежды Эдварда Рихтера на то, что «вечер жизни Репина в Финляндии будет полным счастья и мира, а со стороны финляндских граждан ему лично будет оказана всевозможная симпатия и дружба! Ибо приютить у себя величайшего современного художника великой России — это действительно особая честь» 3.

В мае 1920 г. подаренные Репиным работы были выставлены в музее «Атенеум». Выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты — «Хельсингин Саномат», «Дагес пресс», «Ууси Суомен»,

«Хуфвудстадсбладет» и др. комментировали акт передачи картин, выставку в музее «Атенеум» и торжественный вечер, посвященный этому событию 4.

Репину был оказан очень теплый прием. Известнейшие финляндские художники, музыканты, литераторы, общественные и политические деятели проявили к нему глубокое уважение и любовь. Он вновь оказался в центре внимания, почувствовал себя в художественной среде, в творческой атмосфере, которая всегда была столь важна для него, которую он ценил превыше всего. Все эти события, так же как и последующие выставки, имели для Репина большое значение. Они не только поправили его материальное положение, но и внесли разнообразие в уединенную жизнь, дали заряд энергии, стимул для работы — способствовали творческому подъему.

В 1919 г. в одном из писем к В. Леви Репин сообщает: «...я запоем, с самозабвением занят был окончанием разом четырех хронических холстов. Ах, сколько было искано, уничтожено и снова искано и все еще не окончено!!! И все же я радуюсь прибыли художественности в моих картинах. Ведь только стоит подумать, что все это готовится для выставок в больших художественных центр[ах]...» 5

Речь идет о намеченных выставках в Стокгольме в 1919 г. и Нью-Йорке, состоявшейся в 1921 г.

В почетный комитет выставки в США входили: профессор Королевской Академии искусств в Стокгольме Оскар Бьерк, профессор истории искусств университета в Упсале Август Наар, министр при дворе короля Швеции Аксель Валленберг, несколько представителей от министерств Швеции в Америке, Генеральные консулы Швеции и Финляндии. Такого внимания со стороны властей мог удостоиться не каждый национальный художник, даже знаменитый.

Выставки Репина послереволюционного периода не претендовали на цельность и полноту. Художник показывал то, что хранилось у него в «Пенатах», и несмотря на это, в Финляндии репинские экспозиции становились художественным событием. Оскар Костиайнен, неоднократно писавший о Репине в финских журналах и газетах (некоторое время он заведовал иностранным отделом в газете «Ууси Суомен»), в одном из писем просил Репина «не лишать финское общество возможности видеть его

работы на выставках. Они так значительно выделяются на фоне всего другого — какое знание жизни и ее форм! Ваши выставки здесь — праздник искусства» 6. Произведения Репина, представленные на выставках 1920-х гг., разошлись по всему миру. Они оказались труднодоступными для исследования. Многие из них известны только по архивным материалам, каталогам, упоминаниям и описаниям в прессе. Поэтому для нас очень ценны и интересны мнения современников, имевших возможность видеть работы Репина позднего периода.

Материалы прессы тех лет, особенно обзоры выставок, доносят до нас не только непосредственные впечатления критиков от картин, но и общие размышления о развитии художника с учетом только что написанных им произведений. Именно зарубежным критикам, и в первую очередь шведским и финским, представилась возможность и необходимость подводить первые итоги поздней творческой деятельности одного из самых знаменитых русских художников.

На выставках в Стокгольме и Нью-Йорке Репин показал более сорока работ.

Выставки в Финляндии и Швеции следуют одна за другой. В 1920 г. он показывает свои работы в Хельсинки, в 1921 г.— в Териоках, в Выборге, в 1922 г.— в Тампере. Наиболее значительными можно назвать выставки 1925, 1927 и 1928 гг., состоявшиеся в Хельсинки в салоне Стриндберга.

Знакомый Репина, финский корреспондент Вилли Таммела, прислал ему перевод своей статьи о выставке 1925 г. Она была опубликована в газете «Хельсингин Саномат» 7. «В салоне Стриндберга, — писал Таммела, — большинство работ составляют маленькие рисунки карандашом и акварели, относящиеся к раннему периоду творчества, а также портреты последних лет» 8.

В рисунках Репина он отмечал «превосходное изучение анатомии и скульптурную выразительность, "как будто они родились из глины"» 9. «По ним,— писал критик,— можно проследить, как постепенно и точно мастер углублялся в народную психологию»... Особенно показательны в этом смысле наброски к картине «Запорожцы» 10.

Среди представленных портретов Таммела выделял созданные в «Пенатах» в 1920-е гг., по его словам, «очень жизненные

изображения женщин и девушек. Эти работы, — писал он, — свидетельствуют о непогаснувшей силе созидательности 80-летнего художника. Верно то, что Репин еще обладает зорким зрением, музыкальностью и полнотой чувств» 11 . «Великим даром артиста» он называл его способность изображать текущий момент, дыхание жизни 12 .

По мнению Таммела, произведения Репина последних лет соответствуют современной живописи. Определяющим критерием этого он считал большой интерес художника прежде всего к цветовой композиции. В работе Репина с цветом его особенно поражало мастерство в использовании белых и красных оттенков. Из старых произведений Таммела отметил семейный портрет Л. Толстого и его жены (1908, х., м.).

Известная в Финляндии журналистка Сигрид Шауман в статье об этой выставке также обратила внимание на портрет Л. Н. Толстого и Софьи Александровны. Она высказала мнение, что эта работа лучше других демонстрирует присущее Репину замечательное чувство цвета. Рецензия Шаумен на выставку Репина 1925 г. была опубликована в газете «Свенска Прессен», выходившей на шведском языке 13. Как и Таммела, Шауман была поражена тем, что некоторые поздние работы Репина отличаются удивительной свежестью. «Например, — писала критик, в "Двойном портрете украинцев" нет и следа усталости. Картина живая, с сильной композицией, фигуры людей выписаны необыкновенно четко и ярко. Эта работа Репина свидетельствует о его молодом творческом темпераменте. Как и в молодые годы, художник сохраняет способность познавать вещи не только умом, но и чувством. При этом таким сильным художественным чувством, каким обладает Репин, может похвастаться лишь небольшое число художников. Старый мастер продолжает много работать, курит крепчайшие сигары и даже купается в море. Воистину, всякому пожелаешь такого здоровья!» ¹⁴

Лучшей картиной выставки 1925 г. она считала акварельный портрет жены художника, написанный в молодости. Среди особенно удачных работ Шауман называет наброски к картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878–1891).

«Посетитель выставки,— писала она,— невольно замирает перед набросками к Запорожцам. Поражает мастерство и сила художественного дарования, с которым они выполнены» 15 .

В 1927 г. в салоне Стриндберга были показаны 23 работы Репина. Тогда впервые одновременно выставлялись «Голгофа» (1921–1922) и «Утро воскресения» (другое название «Христос и Мария Магдалина») (1921), а также «Черноморская вольница» (1908), «Финские знаменитости» (1922), т. е. наиболее значительные произведения Репина, написанные в последние годы. Кроме того, были представлены только что созданные портреты Цецилии Ганзен, Мери Хлопушиной и другие.

Выставки 1927 и 1928 гг. пользовались особенным успехом. Последнюю даже продлевали. Комментировал эти выставки в газете «Хельсингин Саномат» Эдвард Рихтер ¹⁶.

Прежде всего, он высказал предположение о том, что «Репину хорошо в Финляндии, несмотря на то, что одинокая деревня не может дать ему ту умственную пищу и то разнообразие, к которым привык его живой темперамент» ¹⁷.

Эдвард Рихтер полагал, что не многие финляндцы имели случай познакомиться с лучшими произведениями мастера, находящимися в России. «Лишь тот, — писал Рихтер, — кто в Третьяковской галерее в Москве видел знаменитые репинские картины "Иван Грозный, убивающий своего сына", "Крестный ход в Курской губернии", "Не ждали", "Запорожцы пишут письмо турецкому султану", – лишь тот в состоянии понять, какой высоты в овладении формой и в передаче душевной жизни и движений может достичь мастер. Этот фон нужно иметь в виду, рассматривая новейшие произведения Репина. Однако зрителям не следует думать, что последние произведения художника сами по себе лишены большого значения. Напротив, маленький дамский портрет, написанный только в этом году (портрет Мери Хлопушиной 1927 г. — Т.Б.), доказывает, как у этого необыкновенно жизнедеятельного человека художественная способность и творческое рвение еще живы. Так же и остальные картины последних лет: "Грузинская танцовщица", "Akt", свидетельствуют о напряженной жизни этого пожилого представителя реализма» 18.

Рихтер считал, что Репин все еще с неослабевающим даром поклоняется всему, что молодо и полно жизни. По мнению критика, «в "Мужском портрете" он до совершенства владеет формой и красками, хотя это произведение принадлежит к самым позднейшим. Из картин 1919 г. поражает "Женская голова"

в акварели. По колориту, изысканности линий она удивительно красива и свежа. И в декоративном отношении выделяется среди репинских произведений. Эта работа внушает мысль, что Репин, раньше — мастер преимущественно психологии и формы, лишь теперь, во время своего последнего периода, более серьезно углубляется в композицию красок» ¹⁹.

Для критика оказались интересны и выставленные рисунки. «В них,— пишет он,— живет дух больших времен, и интересно заметить, как они примыкают к, так сказать, тому стилю, представителем которого был немецкий мастер Менцель» ²⁰. С А. Менцелем Репина сравнивал и Кристиан Бринтон, автор вступительной статьи к каталогу выставки в Нью-Йорке 1921 г. Он считал, что «хотя Репин и кажется одинокой фигурой, но его можно сравнить с родоначальником немецких реалистов Адольфом Менцелем, который создавал композиции так же хорошо, как и наблюдал» ²¹.

Далее Эдвард Рихтер анализирует картину «Голгофа» (1921–1922, х., м. 214×176). В настоящее время она находится в Музей Принстонского университета.

Это произведение Репина оказалось большой неожиданностью и загадкой для зрителей и критиков. Репин изобразил Голгофу с распятиями, увиденную глазами воскресшего Христа. В письме к А.Ф. Кони художник подробно описывал композицию своей будущей картины: «Он (Христос, вышедший из гробницы.— T.Б.) поднялся к дороге, огибающей стену Иерусалима; это совсем близко, тут же и Голгофа; и налево хорошо были видны кресты с трупами разбойников, а посреди и его — уже пустой крест, сыто напитанный кровью, внизу лужа крови. И трупы с перебитыми голенями еще истекали, делая и от себя лужи, на которые уже собаки собрались пировать» 22 . В законченной композиции крест Христа лежит упавшим. И как писала, видевшая картину дочь Репина Вера, «здесь оригинально и интересно освещение темного рассвета» 23 .

По мнению современного английского исследователя Дэвида Джексона, «интерпретация классической темы распятия, без присутствия Христа, с изображением собак, лижущих кровь, беспрецедентный случай в истории искусства» 24 .

У финского критика такое неортодоксальное изображение сцены распятия вызвало много вопросов. Пытаясь найти

объяснение появлению этой необычной композиции, Рихтер предлагает вспомнить о том, что Репин вступил на поприще художника с религиозными произведениям. «Подружившись с Толстым,— пишет Рихтер,— он эволюционировал в своих взглядах и даже несколько отошел от воинствующей церкви. "Голгофа" обозначает возврат к религиозной сфере, случившийся в то время, когда вихри революции и связанное с ней возникновение ненависти к религии взволновали старого мастера. Картина доказывает, что художник снова стал основательно обдумывать вопросы религии и что в нем, несомненно, жив тот же религиозный дух, что и у великих русских писателей, например у Достоевского» ²⁵.

В это время Репин работает сразу же над несколькими картинами из жизни Христа. В письме к Кони он сообщает: «...А я, как потерянный пьяница, не мог воздержаться от евангельских сюжетов <...> они обуревают меня... Вот и теперь: есть [уже написана] встреча с Магдалиной у своей могилы [Иосифа Арим[афейского]], появление его по невероятно дерзкому желанию Фомы на собрании, а также не дает мне покоя — его за утолением голода рыбой посреди всех апостолов. Нет руки, которая взяла бы меня за шиворот и отвела от этих посягательств <...>» 26.

В двадцатые годы Репин стал посещать куоккальский православный храм и даже петь на клиросе. Его возвращение в лоно Церкви действительно было связано, как выразился Рихтер, с «революционными вихрями». В 1920 г. художник писал В. Леви: «Сегодня у нас Христос воскрес — я говел — 40 лет пропустил. После анафемы Толстому дал слово не переступать порога церкви, но после глумления большевиков над христианскими святынями-церквями я делаюсь ревностным исповедником и нахожу этот старый культ не столь приятным, но весьма знаменательным и глубоко неизбежным в смысле объелинения» ²⁷.

В письме к В. Анофриеву он так же разъясняет свое приобщение к христианству: «Когда наша церковь отлучала Льва Толстого, я дал слово не преступать порога церкви. Но когда чернь грабительски встала у власти и, расходившись, стала глумиться над всеми святынями народа, осквернять церкви, я пошел в церковь... и теперь нахожу, что церковь есть великое знамя народа и никто никогда не соберет так народ, как церковь.

Наши отъявленные воры, грабители уже торжественно с кафедры заявляют, что Бога нет» ²⁸.

Необычную интерпретацию Репиным сцены распятия на Голгофе Рихтер пытается объяснить с позиций верующего человека, знакомого с евангельскими иносказаниями. В Священном Писании псы — нечистые животные. Они олицетворяли жестокость. Псами называли гонителей, лжеучителей, нечестивых людей и язычников, людей гордыни, ожесточенных, нераскаянных. В Евангелии Христос, используя символику, предупреждал учеников: нельзя предлагать таким людям святые истины Евангелия. «Ибо подобно псам они могут попрать их своими ногами и возвратившись растерзать их самих» ²⁹. «Не давайте святыни псам», — говорил он.

Рихтер считал работу Репина богатою мыслями. Для него эта картина является исповедью, выражает мировоззрение художника, понимание Репиным современности и его отношением к ней. И этим, по его мнению, она особенно интересна. «Может, в этой картине, — писал Рихтер, — можно найти выражение той мысли, что Христос убит и остались лишь грязные собаки, чтобы лизать его кровь? Такое толкование, конечно, весьма пессимистично и обнаружило бы у художника — презрение к человечеству. Но как же объяснить эту картину?» 30

Трудно сказать, мыслил ли Репин в масштабе всего человечества, но если познакомиться с письмами художника этих лет, с его статьями, высказываниями в газетах, то становится ясным, что главным предметом его размышлений и страданий, как и прежде, являлась Россия, ее судьба, ее насущные проблемы. В 1920 г. в газете «Мир» Репин публикует ряд статей против советской власти ³¹. В феврале 1921 г. в газете «Руль» выходит его воззвание «Люди русские» ³², а в газете «Путь» — заметка о современном положении России ³³.

В 1920 г. для выходившей в Париже газеты «Общее дело» Репин пишет воспоминания о Л. Н. Толстом, приуроченные к 10-летию со дня смерти писателя. Рассуждая о личности Толстого, художник неизменно возвращается к современности и дает пронзительно реалистическую характеристику сущности большевизма. Он пишет: «Толстой знал, что самая реальная сила — Бог. Несокрушимая, вечная, а человечество возникает и уничтожается, как хаосы инфузорий, саранчи, оставляя после себя только миазмы на земле. Гарцуют озверелые недоросли, одурманенные безверием,

но страшен Бог карающий, и испытавшие десницу его узнают, что лучше бы им и не родиться на земле... Разве может быть принята вера в коммуну нашим лишенным всякого воспитания полицейским отродьем большевизма? Какие же они коммунисты, отрекшиеся от собственности альтруисты, жертвующие собою для общего блага, способные на равенство, братство, свободу! И сам Ленин и его компания со всеми примадоннами, все это — чердачные мечтатели времен студенчества, впервые узнавшие из книг о социализме и коммунизме и сейчас же попавшие на службу в дело организованного шпионства в Германии — специально для России, — разве они могут верить теперь в возможности коммуны у воров — грабителей?! Учредилки, расстрелы, вот их средства, наемные латыши, китайцы, вот их опора. Шпионы, интриги, вот их изучение человеческих принципов» 34.

Учитывая такой эмоциональный фон в период работы Репина над картиной, можно допустить, что художник не случайно изобразил эпизод с собаками на Голгофе, использовал иносказательные формы художественного мышления, которые позволяют воспринимать не только внешний изобразительный смысл сюжета, но и подтекст его, вмещающий более широкое, обобщающее содержание. И если согласиться с финским критиком в том, что в картине нашли выражение размышления мастера о современном положении России, то «Голгофа» Репина 1921 г. ассоциируется с Россией распятой.

По мнению Дэвида Джексона, «мощная лебединая песня 78-летнего мастера, наполненная безнадежной грустью человеческого страдания... отличается от всего, что было создано художником в эти годы» ³⁵.

Картина «Голгофа» была куплена с выставки доктором Христианом Аалем и висела у него в столовой. Она обладала таким сильным воздействием, что на время обеда ее закрывали занавесом ³⁶.

Поздний период творчества Репина мало изучен. Для исследователей он также оказался за занавесом незнания, за завесой цензуры. В советское время его отвергали как упаднический. Современники Репина, и в частности финляндская пресса, комментировавшая последние выставки художника, считали иначе.

Финские критики не могли ответить на многие вопросы, связанные с поздним периодом творчества Репина, но они, приоткрыв занавес, поставили их перед современными исследователями.

- ¹ *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla // Helsingin Sanomat, 1927. 24 апреля.
- 2 См. об этом: *Рупасов А.И.* Дебаты в Эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. // Российское зарубежье в Финляндии. Между двумя мировыми войнами. СПб., 2004. С. 24–31.
- 3 *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla. Финляндское художественное общество благодарило Репина за его щедрый дар коллекцию картин, тем более ценный, что в финских художественных галереях до сих пор было мало картин русских художников, «пожертвование свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали». Письмо подписано вице-председателем общества Вайно Бломштедт (см.: НБА АХ СССР. Ф. 25. Оп. 2. Д. 99. Л. 6).
- 4 См. об этом: *Валконен О.* Репин и Финляндия // Илья Ефимович Репин. К 150-летию со дня рождения. М., 1994. С. 43–44.
- 5 ЦГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 13 об. Письмо И. Е. Репина В. Ф. Леви 1919. 6 июля.
- ⁶ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Д. 266. Л. 4. Письмо О. Костиайнен И. Е. Репину 1928. 17 июня.
- ⁷ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 490. Л. 6, 6 об. Письмо В. Таммела И. Е. Репину. 1925. 20 января.
 - 8 Там же. Л. 7.
 - 9 Там же. Л. 7.
 - 10 Там же. Л. 7.
 - 11 Там же. Л. 7.
 - 12 Там же. Л. 7.
 - ¹³ S. S. Repinutstallingen i Salon Strindberg // Svenska Pressen. 1925. 17.01.
 - 14 Ibid.
 - 15 Ibid.
 - ¹⁶ *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla.
 - 17 Ibid.
 - 18 Ibid.
 - ¹⁹ Ibid.
 - 20 Ibid.
- $^{21}\,$ The Ilya Repin exhibition Introduction and Catalogue of the paintings by Dr. Cristian Brinton's heid at the New-Kindegare Galleries York City, 1921.
 - ²² *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla.
- $^{23}\,$ ОР ГТГ 31/1356, Л. 6. Письмо В. И. Репиной П. И. Нерадовскому (17 апреля 1922 года).
- ²⁴ *Jackson D.* The Golgota of Ilja Repin in Context // Record of the Art Museum Prinston University. 1991. V. 50. № 1. S. 3–15. Эта статья представляет собою подробнейший анализ картины «Голгофа» в контексте творчества Репина.
 - ²⁵ *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla.
- ²⁶ *И.Е. Репин.* Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 226.

- $^{27}\,$ РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1 Д. 2. Л. 19, 19 об. Письмо В. Ф. Леви И. Е. Репину 11 апреля 1920 года.
- 28 Илья Ефимович Репин 1844—1930. К 150-летию со дня рождения. Каталог юбилейной выставки. М., 1994. С. 282. Письмо И. Е. Репина В. Анофриеву. Июнь 1920 года.
 - ²⁹ Библейская энциклопедия. М.: NB-press. Zenturion. АПС, 1991. С. 68.
 - ³⁰ *R-r. E.* Rjepin-nayttely Strindbergilla.
- $^{31}\,$ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 36. И. Е. Репин // Мир. 1920 (цитируется по вырезке из газеты).
- $^{32}\,$ Там же. Penuh И. Е. Люди русские // Руль. 1920. 18 января (цитируется по вырезке из газеты).
- 33 Там же. И.Е. Репин о современной России // Путь 1920. 20 февраля (цитируется по вырезке из газеты).
- 34 Там же. Л. 1-3. *И. Е. Репин.* Л. Н. Толстой. К 10-летию со дня смерти // Общее дело. Париж, 1920. 28 ноября (цитируется по вырезке из газеты).
- ³⁵ Об этом см.: *Jackson D.* The Golgota of Ilja Repin in Context // Record of the Art Museum Prinston University. 1991. V. 50. № 1. Р. 3–15. Джексон пишет о том, что в картине отсутствуют характерные для произведений тех лет многослойные наложения красок, экспрессивность живописного мазка, неряшливость письма. Появление такой манеры, по его мнению, надо связывать с болезнью правой руки художника, которой в это время он почти не писал. Картина, считает Джексон, написана как будто на одном дыхании, в ней поражают не только (страшные по материальности изображения) мертвые тела разбойников, но и живописная выразительность пейзажной среды.
 - 36 Ibid. P. 14.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. Ю. Жуков

КАРЕЛИЯ В РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XIV—XVI вв.

Русско-шведские отношения XIV-XVI вв. развивались напряженно, нередко через войны. Но были в них и длительные периоды мирных лет. Исследования помогают сделать определенные выводы о генезисе российской государственности в целом. Дело в том, что отношения между Россией и Швецией начались ранее 1478 г., когда великий князь Иван III Васильевич покорил Великий Новгород. Очень многое из того, что было наработано в новгородско-шведских связях, наследовалось следующим периодом истории и развивалось уже на базе данных наработок. Начать с того, что мирный Ореховецкий договор 1323 г. между Новгородом и Швецией, который регулировал отношения двух государств, действовал вплоть до конца XVI в., т.е. до времен царя Федора Ивановича и шведского короля Юхана III Ваза. В большинстве своих статьей данный договор был посвящен непосредственно Карелии — «Корельской земле» — и отношениям, которые должны были выстраиваться между двумя государствами в связи с владением двумя ее частями — русской приладожской и шведской выборгской 1.

Следующий, Тявзинский мир от 18 мая 1595 г. также во многом был посвящен Карелии. По его условиям Швеция обязывалась возвратить России Корельский уезд после работ по проведению новой границы, которая шла теперь по довоенной фактической линии размежевания между Россией и Швецией — в сторону Ледовитого океана на Печенгу; от претензий на русское

побережье Мурмана и на Беломорье шведы отказались 2. Этот договор косвенно выводит нас и к истории Финляндии. Дело в том, что работы по маркировке границы и отдаче русским послам захваченного шведами в 1580–1581 гг. Корельского уезда проводились на фоне крестьянского восстания в Финляндии («Дубинной войны») 1596-1597 гг. Финские крестьяне с севера страны расправлялись со шведскими помещиками на юге и создали реальную угрозу королевству, отказываясь содержать за свой счет войска 3. В данных условиях ослабленная шведская сторона стремилась, очевидно, как можно скорее провести разграничение и передать Корельский уезд России, чтобы обезопасить себя от возможных «каверз» с востока. Думается, именно поэтому размежевание с Кольским уездом на северном участке так и не состоялось, закончившись в средней Карелии ребольским отрезком границы. О том, что граница на севере Карелии так и не была установлена, говорит переписка за 1606 г. между Москвой и властями Соловецкого монастыря и Архангельска по поводу просьбы шведского губернатора Оулу закончить, наконец, разграничение ⁴.

Данное «неразграничение» имело под собой давние корни, восходящие к новгородскому этапу истории Северной России. В одной шведской хронике XVII в. отмечено: в 1478 г. русские делали страшные опустошения в Карелии. В действительности речь идет о Восточной Приботнии, которая по условиям Ореховецкого мира принадлежала Великому Новгороду. С данным шведским сообщением, очевидно, вполне сопоставим одновременный русский документ — «Данная Каянской рати Соловецкому монастырю на колокол» 1478 г., где прямо говорится, что новгородцы и карелы только что вернулись с победного военного похода на Ий-реку (северная Финляндия) «за обиду детей корелских и на воины своея» и что два их рода Вымольцы и Тиврольцы прямо участвовали в походе 5.

Существует уникальная возможность узнать, как именно карельская знать сама себя позиционировала — определяла собственный статус и по отношению к Новгороду, и к зависимому от нее населению, простым общинникам, попавшим в тиски частного феодального права. Вот отрывок из грамоты на бересте № 248, найденной в Новгороде на Неревском раскопе в боярской усадьбе Мишиничей (5-й или 6-й ярус, 1396—1422 гг.).

Он представляет собой зов о помощи в Новгород для пресечения шведского разбоя. «Беють челом корила погоская, Кюлолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижены есмь с нимицкой половине. Отцина наша и дидена... а у нас оу Вымолчовъ господ... пограбиле...» ⁶ Итак, у себя на местах, для своих крестьянам «приобиженные» Вымольцы — господа, а в отношении Великого Новгорода — своего господина — вассалы. А что такое обида? Обида означала нарушение властных (государственных) прав и привилегий или, по крайней мере, ущемление феодальных частновладельческих интересов; «за обиду» князь вступал в войну. Так, в договоре великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи («О одиначестве») 1371 г. значилось: «Ажъ будетъ обида со князьими литовскими или съ тферьским княземъ с Михаиломъ, Новугороду всести на конь со мною со княземъ съ великимъ... с одног(о)» ⁷.

Итак, знать карелов имеет статус «господ», т.е. полноправных феодалов. Между прочим, Новгородская первая летопись предоставляет нам возможность узнать о результатах этой жалобы вассалов к сюзерену под 1396-1397 гг.: тогдашний служилый новгородский князь Константин Иванович Белозерский в Корельской земле прогнал за границу вторгнувшийся шведский отряд, который до этого сжег две церкви — в Куркиеки и Кюлолакше, причем действовал князь вместе с «приобиженными» карелами; ему удалось даже взять пленных и прислать их в Новгород ⁸. Налицо перекличка двух не связанных между собой по происхождению источников. Очевидно, в обоих идет речь об одном конфликте, который разрешился военным путем, в том числе с помощью карельской знати, которая ко всему прочему составляла воинское формирование, что неудивительно для приграничья. В русской феодальной иерархии такой статус вассалов обозначался термином «дети», например «дети боярские». Это «дети» не по возрасту, а по положению — в Московской Руси первоначально так называли детей бояр и обмельчавших князей, связанных вассальной службой. В новгородской Карелии, в соответствии с данными многих источников, знатные карельские роды, в их числе и вымольцы, получили название «пять родов корельских детей».

Теперь выясним, что же изменилось в военном отношении в приграничье в московский период истории к 1501 г. Тогда

шла война России с Великим княжеством литовским. Иван III мобилизовал силы, в том числе из Новгорода, Корелы и Орешка. Он предписал командующему войсками новгородскому наместнику в случае необходимости взять из Корелы полк во главе с наместником князем Иваном Ивановичем Пужбольским 9. Так записано в разрядной записи за 1500–1501 гг. Разрядные книги, или разряды, — это ежегодные списки на высшие командные должности, в том числе списки вновь назначаемых наместников и воевод. Едва ли полк Корельского уезда составили считаные местные помещики. Основную военную силу представляла многочисленная местная карельская знать, которая в московских документах теперь называлась своеземцами. То есть вотчины остались за карельскими своеземцами, но теперь они были обязаны нести военную службу, защищая не только свою землю, но и вообще все близлежащее пограничье России. А со стороны иностранных государств это приграничье в официальных разрядах называлось термином «Украина», т.е. «окраина». Когда, например, во второй половине XVI в. наместников в городах Новгород, Псков, Орешек, Корела, Ям, Корорье сменили государевы воеводы, разряды отмечали их под общей шапкой: «В города от свейской Украины». Вот еще одно определение шведской Карелии (она же «старая Финляндия» в XVIII-XIX вв.), но уже на русском языке XVI в.: «Свейская Украина».

Отметим, что и в целом, задолго до «новгородского взятья» 1478 г., выявились главные направления и фронты военного русско-шведского противостояния в Балтийско-Беломорском регионе Европы, а именно: 1) Финский залив и Выборг с одной стороны и берега Невы, город Орешек — с другой; 2) южная Финляндия и Корельская земля, и соответственно, города Корела (Кексгольм, Кякисалми, Приозерск) и Або (Турку); 3) северная половина территории нынешней Финляндии и Поморье, город Оулу и Соловецкий монастырь. Данные фронты и унаследовала Россия Ивана III.

Все эти направления оказались задействованы в русскошведской войне в 1495–1497 гг., когда Иван III, с согласия претендовавшего на шведский трон датского короля Ханса, пытался овладеть Выборгом и вернуть России три старинных западно-карельских погоста, уступленных Швеции в 1323 г.

Получив Швецию, король Ханс отказался от обещаний, а русские не смогли овладеть Выборгом, который с 1477 г. обзавелся каменной цитаделью; 4 декабря 1495 г. осада была снята и войска вернулись в Новгород 10. Но неудачным походом на Выборг дело не ограничилось. Следующий, более успешный поход начался сразу же после первого, 17 января 1496 г. Это поход на «Гамскую землю», т. е. в южную Финляндию. И на этот раз главный удар наносился не с Орешка, а из Карелии, из города Корелы, в обход Выборга. Войска дошли до Або, и шведские заслоны ничем не смогли им противостоять. Спешно собранное Стенном Стуре войско увидело на местах, где прошла армия Ивана III, лишь пепелище. Таким образом, территория приладожской Карелии являлась удобным плацдармом для прорывов даже в самые отдаленные тылы шведов в Финляндии. Весной и летом 1496 г. состоялся третий, уже морской поход с устья Двины в Каянскую землю, т. е. в северную Приботнию. Поход был таким же опустошительным, как и Гамский. Шведы ответили ударом по Ивангороду, который возвышался на реке Нарове напротив Нарвы и был еще не достроен. Крепость была взята с налета. Но удержать ее шведы не пытались, Ливонский орден тоже не захотел разместить там свои силы. Поэтому шведы сожгли город и ушли 11 .

Таков ход боевых действий. В них были задействованы все направления фронтов новгородского времени, и к ним прибавился еще и южный, Прибалтийский фронт. Во второй половине XVI в. в Ливонскую войну он станет главным. А пока Иван III смог проверить свои силы на севере. Важно то, что во время войны его ставка находилась в Новгороде, т. е. была максимально приближена к театру военных действий и великий князь получил непосредственное представление о силе и слабости собственного приграничья. Нужно учитывать, что в новгородское время основную силу составляли новгородские войска, досконально знавшие обстановку и местность. Но после того, как Иван III репрессировал правящий слой Великого Новгорода, в Новгородской земле не осталось больших войск местного происхождения. И тогда уроки той войны со Швецией привели великого князя к управленческому решению, которое вскоре стало определять всю военную историю России, а затем и социально-экономический и политический уклад Российской империи. Речь идет о создании в России, и прежде всего в Новгородской земле, поместной системы. С 1495–1496 гг. появились помещики.

Помещик — от глагола «помещать», или «испомещать», как тогда тоже говорили. «Испомещение» это шло по указу Ивана III силами его писцов — составителей переписи населения Новгородской земли в 1495-1505 гг. В архивной копии «подлинной росписи» из «письма» Водской пятины Д.В. Китаева конца XV в. сказано, что великий князь велел брать военных слуг («дворовых людей», «послужильцев») у князей и бояр и передавать их писцу, чтобы уже тот «испоместил» их на землях Новгорода, Ивангорода, Орешка, Корелы, Ямы и Копорья. Дату указа Ивана III сохранила другая выписка — из поместного письма Обонежской пятины Ю. К. Сабурова. Там говорится, что в 7004 (1495–1496) г., по указу великого князя во всех пятинах работали писцы: «писали княжеских и боярских людей, кто чей сын и послужилец, и которые присланы с Москвы и з других городов», т.е. излагался указ об испомещении ¹². Пересказ указа мы находим и в «Родословной росписи» дворян Кузьминых-Караваевых и Фефилатьевых, ссылавшейся на «письмо» Китаева и его работу по «испомещению» людей В. Я. Кузьмина ¹³. Напомним: в ноябре 1495 — марте 1496 гг. Иван III находился в Новгороде, а значит, лично и через писцов руководил созданием и поместной системы Новгородской земли ¹⁴. Военно-поместная организация управлялась из столицы с помощью новгородских властей — наместников и дворецкого совместно. Дворецкий это приказная должность. Дело в том, что помимо наместничьего управления Иван III ввел параллельное ему приказное. Приказы происходили из управления личным обширным хозяйством великого князя, когда отдельным лицам приказывалось, т. е. поручалось, наблюдение за той или иной отраслью. Приказ столичного Дворца отвечал за все хозяйство в целом, а в главных городах у него имелись отделения, в том числе и в Новгороде, где находился Новгородский дворец во главе с дворецким.

Кроме первичного испомещения, центральная власть продумала систему быстрой мобилизации на войну этих многочисленных военных со всей обширной Новгородской земли. Решение было

найдено в создании пятин — пяти военно-мобилизационных округов, на которые разбили обширный Новгородский уезд. Так, Водскую пятину, например, составили области приграничных прибалтийско-финских народов. Туда вошла вся Корельская земля, состоявшая теперь из Корельского уезда и Лопских погостов Новгородского уезда, Ижорская земля (Орешковский и западная часть Ладожского уезда) и Водская земля (Ямской, Копорский и Ивангородский уезды), а также примыкавшие к Новгороду с Северо-Запада русские (бывшие «чудские») земли. Исконная же область расселения веси и зона ее колонизационных усилий вокруг Онежского озера объединились в Обонежскую пятину. Южную половину Новгородской земли прикрывали Деревская, Шелонская и Бежецкая пятины. Это пятинное устройство просуществовало в России вплоть до 1680-х гг.

Военно-мобилизационный округ Водская пятина прикрывал северный фланг российской границы, являясь плацдармом для наступления и обороны перед Шведским королевством и Ливонским орденом. Между тем управлять всей пятинно-поместной системой Новгородской земли были призваны уездные власти Новгорода. Именно они отдавали распоряжения о мобилизации помещиков на войну в каждый из погостов — первичных единиц деления и уездов, и пятин 15. Надо сказать, что военно-поместная реформа значительно укрепила военный потенциал Новгородской земли.

Уже с самого 1478 г. наместники в Новгород назначались парами: один или два кормленщика управляли на Софийской стороне города, а второй (вторые) — на Торговой стороне. Таким образом, никто из них не получал всей полноты власти. К концу XV в. в Новгороде, кроме того, утвердилась и параллельная наместничьей пробюрократическая приказная структура в лице дворецкого, его дьяков и дьяков Казны. Для управления обширной Новгородской землей Иван III задействовал и традиционную форму местного администрирования — через Дом св. Софии и его архиепископа. Такой полный, но раздробленный в исполнении одних и тех же полномочий состав властей Новгорода отразила, например, разрядная запись 1500 г.: одного из наместников, князя Семена Романовича, Иван III отправил в поход на Литву, а в городе велел остаться владыке Геннадию, второму наместнику Ивану

Андреевичу Лобану-Колычеву, дворецкому Ивану Михайловичу Волынскому, дьяку Казны Сумароку Вокшерину и дьяку Дворца Ермоле 16 .

Упразднение новгородской государственности и решение о создании наместничества в Новгороде сопровождалось созданием Новгородского уезда, в который первоначально входили все северные земли Великого Новгорода, за исключением Подвинья. Затем, в конце XV в., дошла очередь до административного размежевания внутри уезда, причем на основе упраздненного было деления Новгородской земли на пригороды и подвластные им территории — «земли» и «волости». Так, нам очевидна почти полная корреляция между бывшей Корельской землей во главе с новгородским пригородом городом Корелой, построенном как крепость и административный центр в 1310 г., и Корельским уездом с городом Корелой, который Иван III создал в 1500 г. с назначением туда своих наместников. То же самое можно сказать о Старой Руссе, Ладоге, Орешке, Яме, Копорьи и их уездах. Словом, сложность управления обширным уездом привела к тому, что на его основе и, что особенно интересно, на его западных приграничных землях были созданы несколько небольших, более компактных уездов. Очевидно, что такая конфигурация диктовалась не только удобством управления, но и внешнеполитической ситуацией и военной обстановкой на границе. Она учитывала непростые, конфликтные взаимоотношения со Швецией, Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским. При этом всеми военными силами в окраинных уездах руководили великий князь (царь), его новгородские наместники и дворецкий (затем воевода и дьяки), а на местах — наместники и затем воеводы приграничных уездов, выполнявших распоряжения Москвы и Новгорода.

Например, в 1501 г. Иван III назначил новгородского наместника И. А. Лобана-Колычева командовать основными силами в боевых действиях против Ливонского ордена, разрешив ему, при нехватке сил, призвать в войска полковыми воеводами наместников Корелы и Орешка, стоявших рангом ниже его. При этом из Корелы — взять князя И. И. Пужбольского (военного), а в городе оставить гражданского администратора Ю. К. Сабурова «с кореляне и з земцы», «а будет с Корелы

и из Орешка наместников непригоже взять, и Лобану тех наместников с собою не имать» ¹⁷. Комментируя данное сообщение, необходимо сказать, что разрядное старшинство новгородских наместников перед корельскими и орешковскими соответствовало реальной военной подчиненности Корелы и Орешка Новгороду как главному стратегическому центру управления всей Новгородской землей, а фраза «непригоже взять» выдает сложную обстановку на границе со Швецией.

После долгих лет опустошений по обе стороны границы, только в 1510 г. послы от наместника датской короны в Швеции шведа Сванте-Нильссона Стуре заключили в Новгороде перемирие на 60 лет и решили встретиться на Соболине (в Передней Кореле) для проведения новой линии границы. Но в 1513 г. разграничение отложили до 1518 г. И оно также не состоялось, так как к тому времени уже действовал русско-датский союзный договор 1516 г., установивший «рубежь ведати на обе стороны по старине» 18 (Швеция, напомним, все еще была формально подчинена датской короне).

В XVI в. дипломатические отношения между Россией и Швецией развивались как сотрудничество между Новгородом со Стокгольмом. По Кальмарской унии Дании, Швеции и Норвегии, 1397 г. Швеция имела автономный статус. Датские короли и вторгались в Швецию, и заключали с ней соглашения, но автономный статус сохранялся. Так, Копенгагенским миром 1509 г. шведы признали власть датского короля Ханса, но откупились от его прямого управления выплатами по 13 тыс. марок в год. А в 1520 г. шведы восстали против датского Кристиана II, и вождь восставших Густав Ваза (как его звали в России — «выборский державец») в 1523 г. стал первым королем независимой Швеции. Но шведских дипломатов для заключения договоров Кремль допускал не дальше Новгорода, его наместников и дворецкого.

Разумеется, общий внешнеполитический курс, ход переговоров и пункты договоров вырабатывала Москва, но договоры заключал царский наместник Новгорода. Уже сам статус наместника предполагал право на международные сношения, естественно, под контролем монарха. Например, 12 февраля 1556 г. от Ивана IV в Новгород была отправлена грамота, со-

держащая царское послание королю Густаву I. Но от имени царя оно не должнобыло попасть в Стокгольм. Царь приказал своему наместнику боярину князю Михаилу Васильевичу Глинскому послание переписать уже от своего имени, заверить его новгородской печатью и только в таком виде отправить королю, поэтому в сопроводительном письме к посланию Иван IV называл последнее «княж-Михайловой грамотой» ¹⁹. До Кремля добирались лишь шведские гонцы с сопроводительными документами от новгородских наместников.

В этих отношениях Новгорода со Стокгольмом принципиальную роль играли власти городов Корелы и Выборга, которые обеспечивали связь двух бывших удельных столиц. Не случайно, что состав администрации города Корелы, например, всегда выполнял задачи внешней и военной политики. Так, из назначенных первых наместников Корелы разрядная запись от 14 мая 1501 г. называет военного князя Ивана Ивановича Брюхо Пужбольского-Ростовского и опытнейшего администратора Юрия Константиновича Сабурова, только что организовавшего Обонежскую пятину 20. Аристократический характер носил и состав наместников Корелы 1505-1510 гг. в лице Ивана Ивановича Ощерина и Ивана Ивановича Боброва. И. И. Бобров был военным, а его брат в 1509 г. занимал высокую военно-придворную должность оружничего Василия III 21. Наместник же И.И. Ощерин служил дипломатом. В 1496-1497 гг. он возглавлял посольство Ивана III к молдавскому господарю Стефану, в 1503–1505 гг. ездил с дипломатической миссией в Крым 22. Наместничество Ощерина в Кореле вплоть по 1510 г., когда в Новгороде состоялось заключение 60-летнего перемирия со Швецией, говорит об успешном выполнении опытным дипломатом своей задачи.

Данный способ взаимоотношений со Швецией был выработан не «зловредностью» Ивана III, а самой логикой упразднения новгородской государственности. Уезжая 17 февраля 1478 г. из Новгорода, великий князь назначил своих наместников, которым указал все «дела соудебныа и земскиа правити по великого князя пошлине и старине», т. е. заведенным в Московской Руси порядком, бывшим новгородским властям «не вступаться ни во что же, ни вечу не быти,— и далее,— ни послов слати нам к ним, посольства правити послоу ни откуду приехав с иноя

земли,— то к ним (т. е. наместникам.— А. Ж.) все правити, ни к Новгороду» ²³. Таким образом, по февральскому 1478 г. указу Ивана III именно наместники перехватили все дипломатические связи бывшего Великого Новгорода. Поддержание данных международных отношений прежде было функцией новгородской государственности. Теперь же эти новгородские связи оставались, но великий князь стал государем и посадником самого Великого Новгорода и, соответственно, его наместники юридически узаконивали владычество своего государя над бывшей удельной республикой, в том числе в сфере внешней политики.

Соответственно, связи Стокгольма и Новгорода посредством властей Выборга и Корелы (и Орешка) наследовали сходной практике, сложившейся в новгородскую эпоху. Накануне потери своей удельной независимости Великий Новгород заключил три договора со шведскими властями. В 1468 г. в Выборге состоялся договор о возобновлении мира на 5 лет 24 и соглашение между Новгородом и фогтом Выборга Петером Дьеки, представлявшим наместника Финляндии Эрика Аксельсона ²⁵. Наконец, 22 января 1472 г. состоялся еще один мирный договор со Швецией, заключенный со стороны Новгорода его служилым князем Василием Васильевичем Шуйским-Гребенкой, «фогтом» (здесь — тысяцким) Великого Новгорода Матвеем Ивановичем Селезневым и неким «Рикаром Петровичем» ²⁶. В тексте последнего договора указаны также «фогт Кексгольма» Андрей Иванович, которого В. Л. Янин идентифицирует с наместником Корелы, и «бефогт» (помощник наместника) Иван Яковлевич²⁷.

За этими договорами вырисовывается та картина внешнеполитических связей через княжеских наместников г. Корелы и шведские власти Выборга, которая будет столь характерна для последующей московской эпохи. Договоры эти сохранились на шведском языке, а шведские фогты занимались судопроизводством. Такие же функции в России традиционно исполняли наместники. Наместник Корелы и его помощник, добавим, должны были представлять служилого князя В. В. Шуйского, которому Корельская земля была отдана в кормление (т. е. в выплату части государственных налогов за его службу Новгороду). Собственно, эту систему и унаследовала Москва. Правда, с точ-

ки зрения внутреннего управления, а не внешнеполитических связей положение принципиально изменилось. После 1478 г. в Новгороде, Кореле, Орешке и других приграничных уездах сидели московские наместники из числа высшей правительственной знати России.

Исследование развития русско-шведских отношений в XIV-XVI вв. вывело нас на проблему эволюции российской государственности. На примере Великого Новгорода и его Корельской земли мы видим, что падение удельного суверенитета не привело к разрушению всей государственности, выпестованной вечевой республикой за века независимости, к замене ее на принципиально иные формы и методы. На севере страны коренным образом изменился общественно-политический строй, появилось новое государство Россия, объединенная усилиями московских великих князей. Но при этом Москва наследовала и использовала традиционные для Великого Новгорода и оправдавшие себя формы, приемы и методы управления, выдержавшие проверку временем и обстоятельствами,— в том числе жесткими условиями почти постоянной приграничной напряженности и открытых войн.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 [Далее — ГВНП]. С. 67–68 (№ 38); *Коткуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 42–43 (с уточнениями по латинскому тексту).

 $^{^2}$ Журнал Министерства Внутренних Дел. 1840. № 9. С. 342–362 (Тявзинский мир, 1595 г.), 362–378 (списки русско-шведской границы, 1595–1596 гг.); История Швеции. М., 1974. С. 168.

 $^{^3}$ *Чистозвонов А.Н.* Народные движения в Западной и Северной Европе // История Европы. М., 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII вв.). Часть четвертая. Народные движения и ранние буржуазные революции. Глава 1. С. 336.

 $^{^4}$ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914. С. 95–102, 103–104.

⁵ ΓΒΗΠ. C. 311 (№ 327).

⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 72–73. Прочтение «оу Вымолчовъ господъ» предложено специалистом по языку новгородских берестяных грамот и в целом по древненовгородскому диалекту А. А. Зализняком (Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 197).

- 7 ГВНП. С. 31 (№ 16). Датировка В. А. Кучкина (*Куткин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 109). Он же пишет: «"Обида" в данном контексте нападение на Москву ее врагов» (Там же. С. 111).
- 8 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 387.
- ⁹ РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.). Д. 99. XVII в. Разрядная книга 1493–1609 гг. Части 1–2. Ч. 2. 1575–1609 гг. Л. 25–25 об.
- $^{10}~$ *Каштанов С.М.* Социально–политическая история России конца XV первой половины XVI в. М., 1967. С. 138–144.
- ¹¹ Подробнее см.: *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 334–366.
- 12 Выписки 1648/49 г. из писцовых книг Д. В. Китаева и Ю. К. Сабурова конца XV в.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 36. Сборная рукопись. XVIII в., вторая половина. Л. 7 об. 10; Д. 83. Л. 23 об. 34, 63–73. По подсчетам К. Ф. Базилевича, к концу XV в. большая часть первых помещиков получила земли именно в пограничных районах Водской пятины (*Базилевит К.* Ф. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1955. С. 341–344).
- 13 Отрывок «Родословной росписи» Кузьминых-Караваевых и Фефилатьевых опубликован: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 148–151.
- 14 О пребывании Ивана III в Новгороде см.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 17. Сборная рукопись XVII в. Л. 24 (разрядные записи за 1495–1525 гг.); Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 24, 26; Львовская летопись. Ч. 1–2 // ПСРЛ. 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 363.
- 15 Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.: Сборник документов Петрозаводск, 1941 [Далее Материалы]. С. 178–179 (грамота Ивана IV в Новгород, 1555 г.).
- $^{16}\,$ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Наказные списки боярам с 1493 по 1583 гг. Л. 12 об.; Д. 114. Разрядная книга 1492–1573 гг. Л. 19 об.
- $^{17}\,$ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 25–25 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32.
- 18 Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. С. 51–54 (Можайский договор от 8 августа 1516 г.).
 - ¹⁹ Материалы. С. 181–182.
- $^{20}\,$ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 25–25 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 67.
- 21 РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. 1–1 об. (состав Думы Ивана III); Д. 111. Л. 47–48; Лихагев Н. П. Государев родословец и род Адашевых // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1897. Вып. 10. С. 57–58; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо–Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 246.

- 22 О дипломатических маршрутах И.И.Ощерина см.: *Каштанов С.М.* Социально–политическая история России... С. 85; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV первой трети XVI вв. М., 1988. С. 215–216.
- $^{23}\,$ Псковская третья летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 216.
- ²⁴ Sverges traktater med frammande magter jemte andra dit horande handlingar, utgifne at O.S. Rydberg. Stockholm, 1895. Delen III. № 512/1; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 118.
 - ²⁵ Sverges traktater... № 512/2; Янин В.Л. Новгородские акты... С. 118–119.
 - ²⁶ Sverges traktater... № 517.
 - ²⁷ Ibid.; Янин В.Л. Новгородские акты... С. 120.

А.Г. Шкваров

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД АВТОНОМИИ 1809—1917 гг.

Образ казачества в восприятии современных финнов до сих пор окутан ореолом таинственности и страха длиной почти в триста лет, т. е. с начала так называемого времени «Isoviha» — «Великого лихолетья» 1712–1721 гг., периода оккупации Финляндии русскими войсками в Северную войну.

Небольшие по численности, но неуловимые казачьи отряды, использовавшие совершенно незнакомую европейцам тактику ведения боевых действий — бесчисленных рейдов по тылам, породили миф о чрезвычайной свирепости и кровожадности самих казаков, который кочует из исследования в исследование финских историков ¹.

Русское командование и не пыталось опровергнуть это, а, скорее наоборот, использовало казаков как фактор устрашения и в Северную войну, и в течение всех остальных военных конфликтов со Швецией вплоть до 1809 г².

После подписания Фридрихсгамского мирного договора 1809 г. в Финляндии остались два донских полка Лощилина 2-го и Кисилева 2-го, затем довольно длительное время остался лишь полк Кисилева 2-го. Практически все XIX столетие в Финляндии были расквартированы одни донские казаки числом, как правило, не более одного полка³.

1917 г. Закаспийская казачья бригада, переформированная в 5-ю Кавказскую казачью дивизию $^4-1$ -й Таманский генерала Бескровного Кубанского казачьего войск полк;

1-й Кавказский ген.-фельдм. кн. Потемкина-Таврического Кубанского казачьего войска полк; 4-я Кубанская казачья батарея; 3-й Линейный, 3-й Екатеринодарский и 3-й Кубанский 5 , а также 43-й Донской полки.

Как видно из приведенных данных, лишь в 1839—1841 гг. в Финляндии побывали казаки-уральцы 6, да довольно длительный период находился отдельный Оренбургского казачьего войска дивизион, относящийся к 3-му Самаро-Уфимскому полку 12-й кавалерийской дивизии. 5-я сотня была расквартирована в Гельсингфорсе, 6-я сотня в Або. В период Первой мировой войны части 22-го армейского корпуса, дислоцировавшиеся в Финляндии, были усилены 8-м Оренбургским казачим полком, а с началом Февральской революции несколькими кубанскими полками и одним донским.

Тем не менее практически весь XIX в. на территории Великого княжества Финляндского находилось не более одного донского казачьего полка 7. Причем казаки были разбросаны по всей территории Финляндии от Выборга до Оулу и Торнио и находились в основном в крупных населенных пунктах: Гельсингфорсе, Або, Хяменлинна, Куопио, Миккели, Вааса и т.д.

Чем они занимались, какое было количество казаков в разных городах и как протекала их обыденная жизнь в Финляндии, свидетельствуют документы фондов «Канцелярия генерал-губернатора Великого Княжества (ККК)» и «Русские военные дела (VSA)», хранящиеся в Национальном Архиве Финляндии⁸.

Казаки несли в основном гарнизонную и караульную службу, иногда привлекались «к учинению телесных наказаний» ⁹, но в целом их назначением было поддержание внутреннего порядка в Великом Княжестве, наряду с жандармскими командами ¹⁰.

Отношения с местным населением складывались обычным для казаков образом. Исходя из того умозаключения, что они «защищают» жителей — а иначе в чем смысл их службы? — в понимании казака, от возможного нападения некоего неприятеля, они находили возможным для себя порой поживиться имуществом местного населения. На самом деле такие ситуации возникали повсеместно, где казаки несли кордонную службу, а не только в Финляндии. Причем офицеры поощряли, а иногда и даже заставляли отнимать у местных жителей что-то необходимое для казачьей повседневной жизни 11.

Что касается непосредственно Финляндии, то это подтверждается следующими фактами. В 1816 г. есаул Поздеев донского полка Кисилева 2-го забрал безвозмездно у ленсмана ¹² Вазбеля сено для казачьих лошадей, за что пришлось через канцелярию генерал-губернатора взыскивать с виновного 15 рублей ¹³. В 1825 г. какие-то «обиды» были нанесены крестьянам близи Сестрорецка офицерами и казаками донского полка Денисова 6-го ¹⁴. В 1831 г. казаки конфисковали 240 лисьих мехов близ Торнио ¹⁵ и т. д.

Надо отметить, что и финны в долгу не оставались: устраивали по этому поводу драки, в которых зачастую победителями выходили местные жители. Так, избили, например, в Торнио казака Богданова, а в Куопио — казаков Мурзина и Попова 16.

Определенный интерес вызывает документ от 12 января 1817 г. «О доставлении сведений о мальчике Иоганне, отданном по условию для воспитания казаку Василию Арешкину и вывезенном им на Дон» ¹⁷. Речь идет об усыновлении ребенка, что означало, прежде всего, то, что мальчик становился уже не финном, а природным казаком, получая даже отчество и фамилию усыновителя. И на основании этого, абсолютно не сомневаясь в правильности своего решения, казак Василий Арешкин (скорее всего, из полка Кисилева 2-го) вывез его на родину, т. е. на Дон. Известный военный этнограф Н. М. Харузин, изучая обычное право в Донском войске, подчеркивал насколько серьезно в казачьей среде смотрели на факты усыновления чужого ребенка ¹⁸.

Со временем отношения финнов с казаками стали довольно ровными. Надо отметить, что и ряд офицеров-финляндцев служили в казачьих частях. Так, Карл Густав Роберт фон Краемер, уроженец Куопио, начинал свою службу хорунжим в Осетинском дивизионе 3-й Кавказской казачьей дивизии, принимал участие в русско-японской войне в чине сотника и подъесаула в составе 2-го Верхнеудинского Забайкальского казачьего войска полка ¹⁹. Финский историк Клаус Кастрен, занимающийся исследованием службы финнов в русской кавалерии, упоминает по крайней мере о восьми офицерах, выпускниках как Финляндского кадетского корпуса, так и кавалерийских училищ России — Николаевского и Елисаветградского, проходивших службу в казачьих частях различных войск — в основном Кубанского и Забайкальского ²⁰.

В революционном 1917 г. в Финляндию прибывает значительный контингент казаков-кубанцев, переброшенных в основном с Кавказского фронта. В своих мемуарах офицер 1-го Кавказского казачьего полка Ф.И. Елисеев отмечает, что поначалу финны приняли их довольно прохладно, но, удостоверившись в том, что дисциплина казачьих частей намного лучше, нежели разагитированных большевиками пехотных полков русской армии, изменили свое отношение к казакам 21.

С приобретением Финляндией независимости, казалось, должна была закончиться казачья страница в истории страны. И действительно, казаки покинули бывшее Великое Княжество, отправившись в родные края. Но некоторые остались, обретя здесь семьи и новую родину. В 1921 г. с разгромом Кронштадтского восстания в Финляндию попали кубанские казаки, в основном из состава 1-го Кронштадтского стрелкового полка 187-й бригады Красной Армии ²². До 1924 г. кубанцы проживали в районе города Хамина, где не без помощи местного предпринимателя К. К. Аладьина организовали Кубанско-Финляндскую станицу ²³.

 $^{^1}$ *Кувая X.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 172–198; *Vilkuna K. H. N.* Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Jyväskylä, 2005. S. 565–569. и др.

² Вопросы реального участия казачества и доля их вины в отношении мирного населения рассмотрены автором в двух монографиях: По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008; Северная война (1700–1721 гг.). Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки, 2009.

 $^{^3}$ Halen H. Kasakat Suomessa 1712—1924. Helsinki, 2004. S. 16—17 (1822—1826 гг. Донской полк Денисова 6-го; 1827 г. Донской полк Шамшева 1-го; 1827—1831 гг. 19-й Донской полк Фомина; 1832—1838 гг. 58-й (с 1836 г. — 29-й) Донской полк Карпова 4-го; 1839—1841 гг. 3-й Уральский полк Акутинина; 1841—1845 гг. 51-й Донской полк Катасонова; 1846—1850 гг. 4-й Донской полк Буровина; 1851—1856 гг. 28-й Донской полк Наследишева; 1855 г. 64-й Донской полк Скасирскова; 1856—1862 гг. 63-й (с 1858 г. — 13-й) Донской полк; 1862—1866 гг. 16-й Донской полк; 1866—1869 гг. 53-й Донской полк; 1869—1872 гг. 8-й Донской полк; 1873—1875 гг. 24-й Донской полк; 1876—1882 гг. 19-й Донской полк; 1882—1901 гг. отдельная казачья сотня Войска Донского; 1901—1917 гг. 5-я и 6-я сотня 3-го Самаро-Уфимского Оренбургского казачьего войска полка; 1914—1917 гг. 8-й Оренбургский казачий полк).

- ⁴ Без Туркменского дивизиона. См.: *Марков О.Д*. Русская армия. 1914–1917 гг. СПб., 2001. Приложение № 3.
- ⁵ Все полки Кубанского казачьего войска 3-й очереди. 3-й Кубанский казачий полк из состава 4-й Кавказской казачьей дивизии. 43-й Донской полк полковника Нефедова не входил в состав бригад и дивизий. См. *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 17–18.
- 6 *Казин В. Х.* Казачьи войска / Под редакцией В. К. Шенк. СПб., 1912. С. 228.
- ⁷ Исключение здесь составляют лишь годы Крымской или Восточной войны 1853–1856 гг., когда количество казачьих полков было увеличено до трех.
- 8 Kansallisarkisto (KA). Kenraalikuvernöörin kanslian asiakirjat (KKK). Venäläiset sotilasasiakirjat (VSA).
- ⁹ Например, рапорт плац-майора г. Куопио за период с 27.12.1824 г. по 23.01.1825 г. КА. ККК. Fa 251. № 781.
 - 10 KA. KKK. Fd 7. № 43.
 - ¹¹ *Мануйлов А. Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007. С. 196–197.
 - 12 Представитель местной полицейской и податной власти в Финляндии.
 - 13 KA. KKK Fa 138 № 85.
 - 14 Ibid. 265 № 144.
 - 15 Ibid. 450 № 133.
 - ¹⁶ Ibid. 463 № 526; Fa 1206 № 40.
 - 17 Ibid. Fa 144 № 8.
- ¹⁸ *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. Вып. 1, М., 1885. С. 85–88.
 - ¹⁹ Castren K. Kavalleristeja kanden lipun alla. Saarijärvi. 2003. S. 38.
 - ²⁰ Ibid. S. 12, 18–20, 34, 38, 41, 56, 63.
 - ²¹ Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 348–390.
- 22 ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 35. Л. 51–52 об. «Из сводки политотдела Южной группы Финского залива за 14 марта о настроениях в воинских частях». ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 35. Л. 51–52 об.
 - ²³ Halen H. Kasakat Suomessa 1712–1924. Helsinki, 2004. S. 17.

Е. Ю. Дубровская

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ 1918 г.

История Карелии минувшего столетия дает уникальную возможность проанализировать особенности взаимоотношений жителей карельского приграничья, как карелов, так и русских, с жителями бывшего автономного Великого княжества Финляндского, которое в конце 1917 г. стало независимым государством. Интересно проследить на материале военной истории 1918 г., каким было влияние со стороны соседней Финляндии на жизнь населения края в трагический период гражданского общественного противостояния.

В начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии (Кемского уезда Архангельской губ.) стали англичане, и под покровительством интервентов белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию. Главные силы интервентов и белогвардейцев действовали в зоне Мурманской железной дороги. Станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района ¹. Сложилась критическая ситуация, при которой Север России оказался в руках англо-французских интервентов, а в Ухтинской волости оставались белые финны, которые готовили новое вторжение в Карелию.

Идея государственной независимости, вызревавшая в финляндском обществе со времени падения самодержавия в России в феврале 1917 г., укоренялась в общественном сознании одновременно с представлением о том, что подлинную независимость

Финляндии будет гарантировать присоединение к бывшему автономному Великому княжеству Финляндскому восточной половины древней исторической Карелии, или Российской Карелии. По мнению многих политических деятелей начала XX в., лишь такое присоединение могло обеспечить Финляндии «естественную» восточную границу, проходящую по Ладожскому озеру — р. Свирь — Онежскому озеру — Белому морю. Революция и гражданская война в Финляндии зимы—весны 1918 г., увенчав процесс обретения финляндской независимости, вывели представления о необходимости территориального расширения на восток в плоскость реальной политики ².

Правительство «красных финнов» — Совет Народных Уполномоченных (СНУ), находившееся у власти в Южной Финляндии во время Гражданской войны, вело упорные переговоры с советским правительством в Петрограде. 1 марта 1918 г. они завершились заключением Договора о дружбе между Совнаркомом и СНУ. 16-й пункт Договора предполагал создание подкомитета по вопросу об изменении границ «между двумя социалистическими государствами».

Финны получили Печенгу и выход к Баренцеву морю, уступив России форт Ино — стратегический объект, включенный в систему обороны Петрограда. Расположенный на северном побережье Кронштадтского залива, этот форт вместе с фортом Красная Горка, находившемся на южном побережье, и островом Котлин с крепостью Кронштадт составляли единую систему оборонительных сооружений, прикрывавших Петроград с моря и суши. Утрата одного из этих трех элементов оставляла бы столицу Советской России беззащитной с северо-запада 3.

В соответствии с п. 15 Договора предусматривалась передача Финляндии лучшей части Мурманского побережья площадью в 40 тыс. кв. верст 4. К тому же финны добились права повлиять в будущем на судьбу Карелии. Последнее решение вызвало особую обеспокоенность Архангельского общества изучения Русского Севера и духовенства Архангельской епархии. «У нас отнимают даже не по праву завоевания, а просто дарят, обездоливая Север и Россию», — писали «Архангельские Епархиальные ведомости», призывая приходское духовенство стать организатором единодушного протеста прихожан «против вопиющего расчленения России» и неизбежной утраты Трифоно-Печенгского

монастыря на Паз-реке. «Дело идет о бесспорном, неотъемлемом достоянии русского народа. Страна, лишенная выхода в океан, обречена на гибель. Финнами руководят немцы. Россию стесняют и унижают до последней степени». Архангельское общество изучения Русского Севера призывало присылать принятые в приходах крестьянские протесты против территориальных уступок Советского правительства в пользу Финляндии ⁵.

Образ врага, сформированный в годы Первой мировой войны в общественном сознании россиян, прочно связывался с этническими образами немца и финна, хотя правительству «красных финнов», с которым заключался договор, было суждено пасть именно под ударами объединенных сил белой Финляндии и высадившегося весной 1918 г. на северном побережье Финского залива интервенционистского германского корпуса, призванного на помощь 6.

Договор, имевший большое значение для Финляндии и Карелии, так и не вступил в силу, поскольку белые, пришедшие к власти в Финляндии, аннулировали его. По заключению финского историка Й. Вахтола, «идея финнов о воссоединении родственных народов была бы намного популярнее среди населения, если бы она явилась не в белом, а в красном ореоле» 7.

23 февраля 1918 г. главнокомандующий правительственными войсками белой Финляндии К.Г.Э. Маннергейм заявил, что не вложит меч в ножны, пока вся Карелия «не будет освобождена от красных» 8. Примечательно, что пафос этой клятвы недавнего генерал-лейтенанта российской армии, хорошо знакомого с историей войн, которые вела империя, повторяет обещание Александра I, данное в начале Отечественной войны 1812 г., не вкладывать меч в ножны до тех пор, пока последний неприятельский солдат не покинет пределов России 9.

С заключением в начале марта 1918 г. Брестского мирного договора между Германией и Советской Россией последняя все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на северо-западе бывшей российской империи — Великобритания, и вчерашние союзницы — страны Антанты — оказались врагами 10.

Сбор воспоминаний очевидцев, проводившийся в Советской России в качестве грандиозного государственного проекта

с начала 1920-х гг., создал источниковую базу для исследования памяти о войне и ее героях, в частности о национальных героях Карелии и их репрезентации в национальной памяти. В Архиве КарНЦ РАН хранятся воспоминания о служивших в национальных вооруженных формированиях в Карелии уроженцах Беломорской Карелии Григории Лежоеве, Николае Ругоеве, Ристо (Григории) Богданове, ухтинце Ииво Ахава, командире «Финского», или «Мурманского легиона», и др.

Этот легион, базировавшийся с мая 1918 г. в Княжьей Губе, состоял из «красных финнов», главным образом эмигрировавших в Советскую Россию после поражения финляндской революции ¹¹. Он выступал против финских белых во взаимодействии с силами союзной интервенции на севере, поскольку вторжение белофинских отрядов в Карелию вызвало серьезные опасения у союзников.

Отряд финской Красной гвардии создавался участниками собрания, проведенного в Кандалакше 3 февраля 1918 г. по инициативе И. Ахава. На нем были представители от финских рабочих, занятых на постройке железной дороги, на лесозаготовках в Северной Карелии. На собрании присутствовали представители от тысячи финских рабочих с лесопильных заводов Поморья, делегаты от первых рабочих-беженцев из Финляндии.

Примечательна мотивация решения собравшихся о создании красногвардейского отряда. По свидетельству Э. Хаапалайнена, участники собрания оказались единодушны в том, что начатую в Финляндии «революцию рабочих необходимо поддержать, так как урочная работа в это время ничего ожидаемого не обещала», и заявили, что «образование Красной гвардии будет единственной задачей, чем можно спастись от затруднительного положения» 12. Они выбрали ответственных за вооружение и за обеспечение продовольствием и направили четырех представителей через Петроград в финляндскую столицу Гельсингфорс (Хельсинки). Делегированным поручалось добиться разрешения советских властей на организацию в северной Карелии ударной группы в тылу у белых.

Главный штаб руководства финляндской Красной гвардией, действовавший в Гельсингфорсе, принял предложение рабочих Кандалакши и сразу же приступил к организации экспедиции для сопровождения оружия и продовольствия в Карелию и Мур-

манск. В середине марта по ходатайству правительства «красных финнов» из Петрограда на Север был отправлен вагон с оружием. Экспедиция, направлявшаяся через Петроград и Петрозаводск, прибыла в Кандалакшу 18 марта, доставив тысячу винтовок, миллион патронов, четыре пулемета системы «Максим» и 120 лент пулеметных патронов ¹³.

К этому времени в Кандалакше собралось до 900 добровольцев из рабочих — финнов и карел — и карельских крестьян, готовых вступить в ряды Красной гвардии. Ииво Ахава получил назначение на должность начальника фронта как человек, имевший боевой опыт участия в сражениях Первой мировой войны. Начальником его штаба стал финн-портной Алексей Туорила ¹⁴.

То обстоятельство, что командование отрядом финской Красной гвардии принял на себя карел Ииво Ахава, сын видного лидера Карельского просветительного общества, было весьма важным. По меркам Беломорской Карелии, этот отряд составлял серьезную силу, тем более, что вскоре численность и боеспособность красногвардейцев увеличились за счет притока финских эмигрантов, которые перешли границу, спасаясь от преследований белых в Северной Финляндии.

Ииво Ахава, сын переехавшего из Ухты в Куусамо известного коммерсанта Пааво Ахава, прозванного «Карельским Пааво», мог избежать призыва на военную службу. В юности, познакомившись с социалистическими идеями в городском рабочем союзе, куда он вступил с разрешения отца, Иво скептически относился к сообщениям с фронта, появлявшимся в официальной печати. «Во время мировой войны, — вспоминает один из красногвардейцев Антти Кангасниеми, знавший И. Ахава с детства, — он читал газеты, подводил по ним итоги, иногда ругаясь, что все врут» и решил «пойти сам посмотреть», для чего вступил добровольцем в российскую армию, участвовал в сражениях ¹⁵.

За личную храбрость, проявленную во время военных действий в чине унтер-офицера, 19-летний Ииво Ахава дважды был награжден Георгиевским крестом. Во время гражданской войны в Финляндии он был на стороне красногвардейцев, в 1918 г. командовал финскими красногвардейцами в Северной Карелии, затем вступил в «Мурманский легион», а в сентябре

1918 г. перешел в «Карельский отряд», возглавив его вместе с другим бывшим фронтовиком Григорием Лежеевым.

А. Кангасниеми, служивший курьером в штабе «Мурманского легиона», однажды встретился с И. Ахава в д. Кананен недалеко от финляндской границы во время отступления отряда из Кандалакши. Начальник фронта пожаловался на то, как трудно управлять необученной частью, ведь далеко не в каждой роте было хотя бы несколько бойцов, получивших военную подготовку. Сам автор воспоминаний, прошедший военную службу, получил упрек от И. Ахава за то, что согласился на должность посыльного при штабе и не пошел на фронт ¹⁶.

«Карельский полк», ставивший целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывавший не более двух-четырех сотен бойцов, был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск ¹⁷.

Об этом вспоминает Г. Х. Богданов, летом 1918 г. собравший отряд из карельских крестьян Вокнаволокской и Тихтозерской волостей. В конце апреля в Кеми был сформирован карельский отряд под руководством бывшего фронтовика Григория Лежеева (Рикко Лесонена), уроженца с. Кивиярви Вокнаволокской волости. Отряд состоял из карелов, ранее работавших на Мурмане, и первоначально насчитывал около трех десятков бойцов. Их задачей стало вытеснить из Ухтинской вол. вторгшихся из Финляндии сторонников «воссоединения финно-угорских племен» и спасти от голодной смерти население северно-карельских волостей: будучи отрезанным от Южной Карелии, они не снабжались продовольствием 18. По свидетельству участника событий, легион просил оружия в Ревкоме Кеми, но его не было. Безуспешными остались и обращения в Петроград, поступление оружия оттуда задерживалось 19.

Между тем И.Ф. Лежеев вспоминает, что в Кемском уездном совете «мы получили поддержку и все для первой необходимости. Уездсовдеп предложил нам начать вербовку карел из наших деревень и работавших на линии Мурманской железной дороги». Односельчанин Григория Лежеева пишет о том, что земляки «горячо взялись за работу», которая «была трудной в условиях белофинской оккупации и начавшейся интервенции иностранных империалистов на севере России» ²⁰.

В июле 1918 г., захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, военные формирования Антанты остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии ²¹. 2 июля 1918 г. войска недавних союзников России захватили Кемь. «Совет был разогнан и лучшие люди расстреляны и посажены в тюрьмы, наш отряд был арестован и распущен», — рассказывает автор воспоминаний. Лишь после этого командир отряда Григорий Лежеев «был послан в штаб английского командования, чтобы получить разрешение о выступлении отряда против белофиннов» ²².

Аналогичным образом вспоминает о «добританской» истории полка и Алексей Петров из д. Контокки: «Англичане прибыли в Кемь из Мурманска в июле 1918 г., заняли его и арестовали только что организованные карельские добровольческие отряды». Арестованных повели на станцию, «где английский штаб учинил всем допрос». После достигнутой с интервентами договоренности «пойти против белых (финнов.— $E.\mathcal{A}$.)», если англичане дадут оружие и провиант, «английский генерал хотел включить в наши ряды своих людей и офицеров, но мы от этого отказались и требовали, чтобы нам разрешили выбрать из своей среды все начальство» 23 .

Однако служивший в разведотряде легиона Борис Андронов из деревни Шуезеро, вспоминая об организации Карельского добровольческого полка, начинает рассказ с событий августа 1918 г., когда в их деревню из Кеми прибыл один из земляков для вербовки бойцов в отряд. По его словам, «белофинны захватили пограничные деревни Карелии, вследствие чего из этих деревень карельские мужики сбежали партиями в Кемь, где тогда находился английский десант». Там они «обратились к англичанам с просьбой выдать им оружие, провизию и амуницию, чтобы выступить в борьбу против белофиннов, непристойное командование которых надоело карельскому населению. Англичане охотно приняли это предложение» ²⁴.

Автор воспоминаний сообщает, что находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сороки и других рабочих поселков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только карелов» 25 .

Подобные свидетельства не очень вписываются в долгие годы господствовавшие в отечественной исторической науке

представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. И уж совсем не подходящими для публикации оказалось вычеркнутое из редактируемого текста воспоминаний Федора Лесонена его свидетельство о военной учебе бойцов отряда английскими офицерами. Она «усиленно велась до лета» (1919 г. — $E. \mathcal{A}$.), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной Армии и Советской власти» 26 .

Многочисленные пассажи на страницах записанных в 1930-е гг. воспоминаний о Гражданской войне связаны с разоблачением кулаков, купцов, торговцев, офицеров старой армии, становившихся, в представлениях их авторов, буквально воплощением инфернального зла, центром заговора и виновниками всех бед. Однако задолго до революции 1917 г. и Гражданской войны крестьянская культура, воспринимавшая себя как замкнутую систему, любой вариант увеличения чьих-то благ расценивала как перераспределение коллективного достояния за чужой счет. Отсюда известные по литературе рассказы о плутовстве карельских коробейников, хваставшихся друг другу тем, как удалось одурачить земляка купца, давшего денег взаймы, или владельца лавки в Финляндии, снабжавшего товаром торговцев вразнос: «мироедов», наживающихся «на чужом разорении», не грех и обмануть 27. Эта особенность крестьянской психологии прослеживается и на общероссийском материале. «Свой» мир крестьянина «вмещался в пределы сельской околицы», и на «чужих» моральные принципы не распространялись. В русской деревне не считалось грехом украсть у помещика снопы или нарубить дров в барском лесу 28 .

Свидетельства источников подтверждают этнографические данные о том, что в карельской народной культуре начала XX в. существовала достаточно четкая оппозиция между представлениями о законе и справедливости. Понятия «закон» и «мораль» оказывались разведенными уже в традиционной культуре карел, а население приграничья становилось подготовленным к тому, что обход закона — это средство выживания и средство компенсации социальной отверженности, нашедшее в годы Гражданской войны широкое применение. Понижение статуса Закона, в представлениях карельского населения, связано с недостатками как в финляндской, так и в российской правовой

системе, с которыми приходилось сталкиваться и коробейникам — торговцам на финской территории, и налогоплательщикам в имперскую казну.

Отголоски таких рассказов слышны в сохранившихся в фондах Архива КарНЦ РАН воспоминаниях бойцов «Карельского легиона» о том, как в 1918–1919 гг. они записывали в отряд ради получения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд в 600 бойцов разрастался до нескольких тысяч человек. В отличие от «белых финнов», довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря которым удалось предотвратить голод в севернокарельских волостях ²⁹.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности отряда на охрану границы отправляли стариков, а принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров» ³⁰.

Однако все эти ухищрения на деле соотносились с практиками выживания в кризисной ситуации. Как и прежние проявления «плутовства» коробейников, они имели вынужденный характер. Английские военные оказывались олицетворением государства, к тому же чужого, которое не грех было обмануть, несмотря на заключенный с ним договор.

 $^{^1}$ Национальнывй архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 404. Управление Кемского уездного военного коменданта. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19.

² Левкоев А.А. Национальная политика в советской Карелии (1920–1928 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 3; См. об этом: Голдин В.И. Интервенция и анти-большевистское движение на Русском Севере: 1918–1920. М., 1993; Голубев А.В. «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северокарельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37–44; Мусаев В.И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. − 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 200−210.

³ *Осипов А.Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии. Автореф. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 17–18.

- ⁴ *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Itä-Karjalan itschallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venajan välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo, 1970. S. 38.
- 5 Архангельские епархиальные ведомости. 1918. № 6. 15 апреля; Север. 1918. 5 апреля.
- ⁶ См также: *Дубровская Е.Ю.* Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 88–97.
- ⁷ Vahtola J. «Suomi suureksi Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 446–456; *Оси- пов А. Ю.* Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и Советской Россией // Границы и контактные зоны... С. 45–52.
- ⁸ Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteultamisyritykset Suomen ulkopolitiikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961. S. 87, 101.
- 9 *Вишленкова Е.* Утраченная версия войны и мира: символика александровской эпохи // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 171–210.
- 10 Подробнее об этом: Голдин В. И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте–июне 1918 г. // Отечественная история. 1994. № 1.
- ¹¹ *Nevakivi J.* Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918–1919. Helsinki, 1970.
- 12 Хаапалайнен Э. Из истории Карельского полка. Общий обзор // Архив КарНЦ РАН Ф. 1. Оп. 31. Д. 114. Л. 138–139.
 - 13 Там же. С. 139.
 - 14 Там же.
- 15 Архив Кар. НЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 125. Л. 1–3: *Кангасниеми А*. Ахава Иван (Афанасьев). Воспоминания о своем земляке, участнике первой мировой войны.
 - ¹⁶ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Дубровская Е.Ю.* Гражданская война и иностранная интервенция на Русском Севере в памяти населения Карелии (1920–1930-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Матер. Девятой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2008. С. 250–262.
- 18 Архив Кар. НЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 142. Л. 16–17: *Леттиев С.И.* Белокарельское правительство «Тоймикунта». Борьба карельского добровольческого отряда с белофиннами вместе с красногвардейцами 6-го финского полка.
- ¹⁹ *Степанов О.* Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 292–293.
 - 20 Архив Кар. НЦ РАН. Там же. Д. 139. Л. 95.
- ²¹ История Петрозаводска: горожане и власть. Петрозаводск, 2008; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343–440; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства: 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 17–55; *Пашков А. М., Филимонгик С. Н.* Петрозаводск. СПб.,

- 2001. С. 73–83; Петрозаводск: Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002; *Шумилов М. И.* 1) Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; 2) Октябрьская революция на севере России. Петрозаводск, 1973 и др.
 - 22 Архив Кар. НЦ РАН. Там же. Д. 139. Л. 96-97.
 - 23 Там же. Оп. 31. Д. 220. Л. 9-10.
 - 24 Там же. Оп. 31. Д. 219. Д. 1.
 - 25 Там же. Л. 2.
 - ²⁶ Там же. Оп. 20, Д. 140. Л. 22.
 - ²⁷ Яккола Н. И. Водораздел. Петрозаводск, 1985. C. 44-45.
- 28 Безгин В.Б. Традиции крестьянского мира: пространство и время // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Ч. 1. СПб., 2003. С. 47.
- ²⁹ Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schieksaleims Sozialistischen Regionalexperiments (рукопись диссертации, подготовленной в Университете Фрайбурга).
- 30 Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100. Воспоминания И. Ф. Лежеева.

B.-T. Bacapa

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ ИКЛ*

После неудачного путча в Мянтсяле в конце февраля 1932 г. и запрета лапуаского движения его лидеры основали в июне того же года партию «Патриотическое народное движение» (ИКЛ). Таким образом, вместо некого «крестьянского движения» появилась партия, которая заявила о своем желании заменить неконституционные акции лапуаского движения парламентской борьбой. Главная цель лапуасцев все же осталась прежней. Как заявил формальный лидер новой партии Вихтори Косола, «менять пластинку нам не нужно, у нас одна цель, та самая великая — уничтожение марксизма» 1. Однако уже вскоре под влиянием Академического карельского общества (АКС) ИКЛ включило в свою программу следующие пункты: объединение соплеменных народов, создание сильной национальной культуры, одноязычие (господствующее положение финского языка) и др. ² Нужно еще отметить, что религиозный вопрос играл особенно важную роль в деятельности ИКЛ. Религия приобрела еще большее значение в публичных мероприятиях партии.

На самом деле участие финского духовенства в политике не было новым явлением в 1930-е гг., только теперь данный вопрос стал более острым. Национальное пробуждение в Финляндии в последней трети XIX в. повлияло на духовенство так же, как и на остальную часть интеллигенции. А как считает профессор церковной истории университета Хельсинки Айла Лауха, по крайней мере к концу второго периода угнетения в лютеранской церкви Финляндии начали господствовать патриотические настроения. В церковных кругах требование о независимости видели вполне справедливым. В дальнейшем подобные настроения только усиливались. В глазах многих представителей церкви Советская Россия была государством антихриста, тогда как к Германии — особенно после 1918 г.— относились весьма положительно 4.

В 1920-е гг. молодые представители клира принимали активное участие в деятельности АКС. Они считали, что эта крайне правая академическая организация способствует не только национальному, а и религиозному пробуждению народа. Основанное в конце 1929 г. лапуаское движение также пользовалось популярностью среди клира 5. Особенно привлекательным для священников стал тезис движения о спасении священной триады — дома, религии и отечества — от угрозы коммунизма, антирелигиозные взгляды которого вызывали особенное негодование среди представителей церкви. Лютеранская церковь близко сотрудничала с Шюцкором и положительно относилась к деятельности по улучшению обороны страны.

Путч в Мянтсяле стал водоразделом в отношениях между лютеранской церковью Финляндии и правыми радикалами. Даже архиепископ, видный представитель Коалиционной партии Лаури Ингман⁶, который раньше относился весьма благосклонно к лапуасцам, теперь заявил, что этих «пророков-убийц», поднявших путч, ждал не только земной, а и страшный суд⁷. Несмотря на это, ИКЛ, наследник лапуаского движения, сразу после своего основания стало привлекать к себе церковных деятелей. На парламентских выборах 1933 г. ИКЛ получило 14 мест, из которых четыре получили священники. Таким образом, Коалиционная партия потеряла свое место как самую сильную «духовную» партию. Вскоре благодаря открытию

^{*} Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

одного заместительного места и переходу одного депутата парламента в лагерь ИКЛ их число выросло на 6.

Особенно сильную поддержку ИКЛ получило в тех районах, где главным направлением внутри лютеранской церкви был пиетизм⁸. И духовенство пиетистов, и его мирские представители видели в этой партии мощный контрудар не только антирелигиозности коммунистов, но и либерализму. Можно заметить, что также лапуаское движение, которое возникло в известном пиетистском районе, пользовалось наибольшим успехом именно среди пиетистов.

В марте 1933 г. ИКЛ ввел для своих членов единую униформу — черную рубаху и синий галстук. Образ был найден в Италии и Германии, но это была также форма сбора денег в пользу новой партии. Новая униформа, и особенно ее использование в заседаниях парламента, привлекала большое внимание, и вскоре Министерство юстиции начало подготовку законопроекта, который должен был запретить использование любых политических символов. Законопроект стал известным как «закон о рубашках». Однако правительство вынуждено было отказаться от своих планов после того, как главный печатный орган ИКЛ «Аян Суунта» («Путь времени») преждевременно издал информацию на своих страницах.

Единая униформа не только объединила членов партии, но и сделала ее более известной. Впрочем, среди членов ИКЛ были и противники введениея новой униформы. Особенно старое поколение пиетистов опасалось, что новая униформа вытеснит традиционный черный костюм пиетистов. Они считали, что использование традиционного костюма пиетистов уже достаточно определенно выражает патриотизм⁹. Хотя правительству не удалось запретить использование политических символов, в конце августа 1933 г. оно вынесло решение, что использование государственными чиновниками политических символов в своей одежде недопустимо, вплоть до наказания. Относительно официальной линии лютеранской церкви Финляндии можно заметить следующее. В начале августа при подготовке этого законопроекта советником президента П.Э. Свинхувуда был архиепископ Лаури Ингман, который, с одной стороны, сомневался в разумности запрета, с другой стороны, он считал необходимым сдерживать поведение государственных чиновников ¹⁰. Он заявил, что новый закон может затрагивать только мирян, так как право наказания представителей духовенства принадлежит духовному капитулу. Таким образом, Ингман отвергал вмешательство в церковные дела, осознавая, что для лютеранской церкви нужна единая позиция по данному вопросу. В конце августа 1933 г. архиепископ подготовил циркуляр, который содержал указание об «использовании духовными лицами партийной или прочей униформы». Руководимая Ингманом лютеранская церковь Финляндии заняла критическую позицию о публичном участии клира в деятельности ИКЛ. Однако представители церкви сохранили свободу участвовать в деятельности партий и общественных движений.

В начале сентября на открытии сессии парламента вся фракция ИКЛ, кроме настоятеля Лапуа Олави Кареса, была одета в черные рубахи. Председатель парламента безуспешно просил их отказаться от партийной униформы. Особенно горячо свое право носить черную рубашку и синий галстук защищал священник Элиас Симойоки, который заявил, что униформа ИКЛ является формой протеста 11.

19 сентября лютеранская церковь заявила о своем решении запретить использование партийных униформ. Нужно отметить, что в епархиях относились по-разному к данному запрету. Своих сторонников он нашел в шведоязычных епархиях, где к ИКЛ и его требованиям о феннизации общества относились негативно, но, например, епархия Оулу, во главе которой стоял правонастроенный епископ Юхо Рудольф Коскимиэс, отказалась публиковать данный указ.

Упорное сопротивление представителей ИКЛ в парламенте привело к тому, что в начале апреля 1934 г. президент Свинхувуд утвердил закон, запретивший использование партийной униформы и политических символов на официальных мероприятиях, в том числе и на заседаниях парламента. Запрет, касавшийся государственных чиновников, расширили. В итоге в конце месяца закон получил свою окончательную форму: запретили использование политических символов во всех публичных местах. Это касалось также духовенства 12.

Для церковной политики ИКЛ важным вопросом стало отношение партии к национал-социалистической Германии.

Именно разные представления о религиозном вопросе повлияли на то, что, кроме проявления сочувствия к общим принципам нацистов, отношение партии с Германией осталось достаточно дистанцированным ¹³. Еще в первой половине 1930-х гг. духовные представители ИКЛ, в частности один из основателей партии Каарло Риетрикки Карес (отец Олави Кареса), Элиас Симойоки, Урхо Мурома и др., поддержали нацистскую партию и признали пронацистское движение «Немецких христиан». Б. Н. Пяйвянсало, который совершил весной 1933 г. поездку в Германию в целях ознакомления с «внутренним миссионерством» страны, с восхищением отметил, как с помощью Гитлера Германии удалось освободиться от марксизма ¹⁴.

Довольно долгое время члены ИКЛ избегали прямой критики Германии. Но со временем даже самые прогермански настроенным членам ИКЛ пришлось изменить свою точку зрения. В марте 1935 г. на страницах «Аян Суунта» была опубликована статья доктора теологии Осмо Тиллиля о современной церковной жизни Германии. В статье Тиллиля отметил, что в Германии отдалились от искреннего лютеранства 15. В мае того же года Элиас Симойоки, который еще раньше сравнивал героя финских правых сил Боби Сивена с Хорстом Весселем 16, на страницах печатного органа молодежной организации ИКЛ «Синечерных» («Синимустат») спешил подчеркивать разницу между «Синечерными» и Гитлерюгендом. Симойоки написал: «Я не могу отрицать тот факт, что на нас ("Синечерные". — В.-Т.В.) оказали влияние молодежные организации и фашистов, и национал-социалистов. Мы, как и они, считаем необходимым <...> заботиться о таких добродетелях, как любовь к отечеству, самопожертвование и чувство ответственности. Однако <...> мы не можем скрывать наше разочарование о том, что по крайне мере в Гитлерюгенде забыли о необходимости религиозного воспитания. События последнего времени в Германии убеждают нас в том, что в этом плане Гитлерюгенд руководят совсем в другом духе, чем "Синечерными"» ¹⁷.

ИКЛ никогда не имело свою расовую теорию. Когда до Финляндии дошли первые сведения о начале мероприятий против евреев нацистами, ИКЛ не изменило своих позиций в отношении к Германии. Нужно отметить, что хотя такие вопросы,

как этническая чистка, еврейский вопрос и евгеника не имели места в практической деятельности финских правых сил, публицистика ИКЛ дает достаточный материал для выяснения отношения партии к этим вопросам. Следующий фрагмент из членского журнала партии ИКЛ представляет собой крайнюю точку зрения: «Еврейская раса является величайшей бедой для мира. <...> Она (еврейская раса. — B.-T.B.) уничтожает мораль и нравственность, парализует волю, несет душевное и физическое разрушение» 18 . В конце 1930-x гг. фракция ИКЛ особенно заинтересовалась вопросом об иммиграции еврейских беженцев в Финляндию и планировала узнать о возможности ее запрета 19 .

Характерным для ИКЛ было также сопоставление евреев с масонством, которое в партии часто называли необрезанным иудаизмом ²⁰. Вопрос о масонстве являлся для партии сложным. С одной стороны, уже при лапуаском движении некоторые группировки внутри организации начали громкие выступления с лозунгами против евреев и масонов, но, с другой стороны, многие промышленные деятели оставались и сторонниками лапуаского движения, и известными масонами. Требование о борьбе против масонства не вошло в первый программный манифест ИКЛ. Можно полагать, что руководство партии боялось потерять финансовую поддержку промышленности, или вопрос пока считался непринципиальным.

Вопрос о масонстве стал снова актуальным весной 1933 г., когда после долгих споров партия отказалась принять ветерана лапуаского движения, фабриканта и известного масона Рафаэля Хаарла кандидатом ИКЛ на парламентских выборах того же года. Это решение окончательно испортило отношения между ИКЛ и Хаарла. В апреле 1935 г. Элиас Симойоки подготовил законопроект о запрете масонства, но руководство не спешило активно его продвигать. В 1939 г., несмотря на сильное сопротивление своей партии, Пааво Суситайвал подал в парламент новый законопроект о запрете деятельности масонских лож в Финляндии. Однако из-за начала войны обсуждение вопроса задержалось. После окончания зимней войны, когда сам Суситайвал уже больше не был депутатом, парламент единогласно отверг проект 21. Результаты парламентских выборов 1936 и 1939 гг. показывают, что

ИКЛ и в дальнейшем имело стабильную поддержку среди представителей лютеранской церкви. В июле 1936 г. в рядах ИКЛ баллотировались 17 священников лютеранской церкви, а через три года -18, а также один православный пробст из выборгского избирательного округа. В выборах 1936 г. партии удалось сохранить свои прежние 14 мест, из которых 5 были за священниками. Однако уже на следующих выборах фракция ИКЛ потеряла 8 депутатов, из которых лишь один был представителем церкви ²². Накануне зимней войны лютеранская церковь Финляндии по-прежнему сохранила свою репутацию сторонника правого радикализма, однако к концу 1930-х гг. представители церкви существенно отошли от принятия политических решений. ИКЛ к концу 1930-х гг. потеряло поддержку. В военные годы, особенно в начале «войны-продолжения», антисемистские заявления на страницах «Аян Суунта» усилились, иная же деятельность партии была практически парализована. По материалам публикаций партии можно сделать вывод, что отношение ИКЛ к еврейскому вопросу было, конечно, отрицательным, но ничего оригинального не представляют. Иногда кажется, что партийные деятели не вполне осознавали саму суть проблемы, лишь заимствуя западные лозунги. Сущность религиозного вопроса в идеологии ИКЛ заключалась в тесном союзе патриотических и духовных идеалов, которые сформировали основу деятельности финских крайне правых сил.

- ⁶ Профессор теологии университета Хельсинки Лаури Ингман (1868–1934 гг.) являлся депутатом парламента в 1907–1928 гг. Он был первым премьерминистром (Коалиционная партия) Финляндии в 1918–1919 гг., а также работал министром образования в течение многих лет. В 1930 г. он стал архиепископом лютеранской церкви Финляндии. Этот пост он сохранил до конца своей жизни (*Heininen S.* ja Heikkilä M. Suomen kirkkohistoria. Helsinki, 1997. S. 230).
- ⁷ Mustakallio H. Oulun hiippakunnan johto ja oikeistoradikalismi 1929–1939. J. R. Koskimies, J. A. Mannermaa ja Elias Simojoki // Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirjat 1989–2001. Helsinki, 2002. S. 252.
- ⁸ Пиетизм (от лат. *Pietas* благочестие), мистическое течение в протестантизме (особенно в немецком лютеранстве) с конца XVII—XVIII в. Пиетизм отвергал внешнюю церковную обрядность, призывал к углублению веры, объявлял греховными развлечения. В широком смысле мистическое настроение, поведение (Большой энциклопедический словарь. М., 2000. С. 907). В Финляндии пиетизм пользовался особенной популярностью в северных частях провинции Саво и в Похьянмаа. На финском языке часто используется слово *körtti* (на русс. кэрт) вместо слова *herännäisyys*. Слово *körtti* от шведского *ett skört*, которое означает полы пальто. Характерная одежда для кэртов было черное пальто, где в полах были три разреза.
- $^9\,$ $\it Mustakallio H.$ Oulun hiippakunnan johto ja oikeistoradikalismi 1929–1939. S. 258.
- $^{10}\ \it Vares\ \it V.$ Vanhasuomalainen Lauri Ingman ja hänen poliittinen toimintansa. Juva, 1996. S. 511–512.
 - ¹¹ Virkkunen S. Elias Simojoki. Legenda jo eläessään. Porvoo, 1974. S. 67.
- 12 Закон об использовании политических символов был действителен сначала до конца $1936\,\mathrm{r.}$, а затем его продлевали не раз до конца $1945\,\mathrm{r.}$
- $^{13}\ \textit{Uola~M}.$ Sinimusta veljeskunta. Isänmaallinen kansanliike 1932–1944. Keuruu, 1982. S. 91.
- ¹⁴ *Murtorinne E.* Risti hakaristin varjossa. Saksan ja Pohjoismaiden kirkkojen suhteet Kolmannen valtakunnan aikana 1933–1940. Vaasa, 1972. S. 29.
 - ¹⁵ Ajan suunta. 23.3.1935, 26.3.1935 ja 27.3.1935.
- ¹⁶ Боби Сивен (1899—1921 гг.) родился в семье активных деятелей сепаратистской организации, направленной против царской власти в Финляндии. Он активно участвовал в егерском движении и карельских походах. Сивен стал ленсманом Реболы, когда ему было только 20 лет, но после заключения Тартуского мирного договора 14 октября 1920 г. между Финляндией и Советской Россией он в знак протеста 21 января 1921 г. (финны должны были уйти из Реболы) застрелился. Боби Сивен стал «идеальным» мучеником карельского дела. Впоследствии АКС создало культ вокруг его имени.

Хорст Вессель (1907–1930 гг.) родился в семье лютеранского пастора. В 1926 г. вступил в ряды нацистской партии Германии (НСДАП) и быстро стал местным лидером штурмовиков (отряды СА). 14 января 1930 г. смертельно ранен коммунистом Альбрехтом Хелером, скончался 23 февраля. Его смерть активно использовалась нацистской пропагандой. В Третьем рейхе Хорст

¹ Kansallisarkisto (KA) (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Yrjö Ruudun kokoelma (YR). Kansio 20.

² Helsingin yliopiston kirjasto (НҮК) (Библиотека университета Хельсинки). Akateemisen Karjala-Seuran kokoelma (AKS). Coll. 464. 59.

 $^{^3}$ В истории Финляндии годы 1899—1905 и 1908—1917 получили названия Первого и Второго периодов угнетения. Период угнетения — это время усиленной русификации в Финляндии.

 $^{^4}$ $\it Lauha$ A. "Syyttömyyden taakka". Suomen luterilainen kirkko ja sotasyyllisyys // Teologinen aikakauskirja 1/1999. S. 65.

⁵ В своем исследовании «Академическое карельское общество. Студенческое движение и народ в 1920–1930-е гг.» Ристо Алапуро подробно рассматривает социальный состав общества. Подобных данных о лапуаском движении не существует, но известно, что в рядах движения стояли и известные представители духовенства.

Вессель стал символом самоотверженного национал-социалиста, готового умереть за свои идеалы.

- ¹⁷ Sinimusta. 10/1935.
- ¹⁸ IKL. 4/1938.
- ¹⁹ KA. Suomen 1920–1940-luvun historian säätiön arkisto (Säätiö). Kansio 38.
- 20 KA. Säätiö 27.
- ²¹ *Uola M.* Sinimusta veljeskunta. S. 94–98.
- $^{22}\,$ $\it Mustakallio$ H. Oulun hiippakunnan johto ja oikeistoradikalismi 1929–1939. S. 270.

М.А. Катцова

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СКАНДИНАВИЗМ» СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1920—1930-х гг. И ГРУППА ОСЛО*

Регион Северной Европы в истории XX в. зачастую рассматривается как некое политически и экономически единое пространство. В рамках международного сообщества Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия предстают как, безусловно, дружественные страны, которые можно выделить в обособленную от других европейцев группу по ряду признаков (географическое положение, сходство общественного устройства, языковое родство скандинавских народов). При этом добрососедские отношения между странами Северной Европы впервые получили свое институциональное оформление в виде таких официальных политических органов, как Северный Совет или Совет Министров Северных стран, лишь после 1945 г. 1 В первой половине XX в. северное сотрудничество находилось в процессе становления, которое происходило далеко не так гладко, как можно этого ожидать от стран с единым региональным базисом.

Стремление стран Северной Европы к экономическому сотрудничеству в 1930-х гг. (так называемый «экономический скандинавизм») и конвенция стран Осло как одно из его главных

^{*} Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных обшностях».

проявлений в межвоенный период до сих пор не получали специального освещения в отечественной историографии ². Между тем подписание данной конвенции в 1930 г. стало прологом к более тесному взаимодействию Скандинавских стран и Финляндии в напряженное предвоенное десятилетие по экономическим и политическим вопросам. Более того, группу стран Осло можно расценивать как первый случай в предыстории международного европейского сотрудничества и экономической интеграции ³ и самую серьезную заявку на возрождение принципов свободной торговли в 1930-е гг. ⁴

В экономической сфере Северные страны достигли более серьезных успехов в межвоенный период, чем в области внешнеполитического сотрудничества (где их действия фактически ограничились совместным отказом от участия в санкциях Лиги Наций) или в сфере безопасности ⁵. В 1920-х гг., однако, результаты экономического сотрудничества северных стран были достаточно скромными, несмотря на наличие несомненных предпосылок для развития такого сотрудничества на региональном уровне.

Еще в годы Первой мировой войны между Скандинавскими странами наметилась интенсификация предпринимательских контактов и товарообмена, что было связано с общими для региона экономическими проблемами 6. Существенный прогресс в экономическом сотрудничестве в военные годы способствовал изменению в скандинавском общественном мнении по этому вопросу: по окончании войны раздавалось много голосов в поддержку институционального закрепления скандинавской солидарности. Роль инициаторов переговоров по этому вопросу взяли на себя Северные Ассоциации 7, которые в этом деле пользовались широкой государственной поддержкой 8. Уже в январе 1918 г. частные переговоры вышли на официальный уровень. Решением правительств были сформированы три так называемые «трактатные комиссии» («traktatkomissioner») для выработки плана по товарообмену между Скандинавскими странами. На десятой встрече Межпарламентского совета 9, состоявшейся в Копенгагене в сентябре 1918 г. и посвященной в основном экономическим вопросам, правительства Скандинавских стран призывали назначить в рамках данной комиссии дополнительные национальные комитеты, которым

следовало разработать конкретные планы по экономической интеграции в мирное время с учетом специфических особенностей экономики каждой из стран 10 .

Уже к началу 1920-х гг., однако, стало ясно, что надежды на проведение единой скандинавской экономической политики не оправдываются. Осенью 1920 г. Скандинавию захватил мировой экономический кризис, повлекший за собой резкий спад производства в 1921–1922 гг., какого страны региона не испытывали прежде. Тяжелее всего кризис отразился в более слабой Норвегии, с ее зависимостью от доходов по фрахту 11. Окрепшие поначалу региональные экономические связи в этой ситуации откатились к довоенному уровню. В экономике Скандинавских стран, в отличие от эффективного взаимодополняющего производства в экстремальных условиях Первой мировой войны, возобладал принцип соревновательности; встречи скандинавских министров, возобновившиеся после Первой мировой войны в связи с обсуждением нового мирового порядка, в свете стабилизации международной обстановки в 1920-е гг. вновь прекратились. Вопросы развития региональных экономических связей в «эру пацифизма», когда сильны были надежды на возрождение мировой свободной торговли и вера в Лигу Наций как проводника интересов малых стран отошли на второй план. В октябре 1922 г. состоялась последняя встреча скандинавских экономических комиссий 12 и до конца десятилетия, занятые решением собственных экономических проблем 12, новых попыток экономического сближения на государственном уровне не предпринималось 14.

Между тем принципы экономического либерализма в Европе имели довольно слабую основу. После войны Великобритания находилась на лидирующих экономических позициях в Европе, однако Германия, оправившись от поражения в войне, вскоре составила ей серьезную конкуренцию ¹⁵. Политическое и экономическое противостояние между Германией, с одной стороны, и Францией, Бельгией, Нидерландами, Великобританией и Польшей — с другой, стало причиной распространения ужесточенной тарификационной политики. Послевоенный экономический кризис вел к усилению европейскими странами протекционистских мер в отношении международной торговли для защиты новых, молодых отраслей национальной промышленности и решения проблемы массовой безработицы.

Регион Северной Европы традиционно считался экономически перспективным, так как его ресурсы превышали потребности населения. Несмотря на мировую экономическую нестабильность, в кризисные межвоенные годы экономика Северных стран находилась на подъеме, и итоги экономического развития в Скандинавии в период между 1914 и 1939 гг. были гораздо более позитивными, чем в остальных европейских странах 16. Процветание молодой финской промышленности базировалось на экспорте продуктов деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Поскольку международный спрос на бумагу и древесную массу непрерывно рос, экспорт целлюлозно-бумажной промышленности был крайне важен также для норвежской и шведской лесной индустрии: Северные страны имели, таким образом, некоторые дублирующиеся экспортные отрасли. В целом внешняя торговля Северных стран концентрировалась на нескольких главных статьях — сельскохозяйственной продукции, железной руде, продукции из железа и стали, дереве и бумажной продукции, рыбных продуктах и услугах судоходства. Дания являлась крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продовольственной продукции. По объему импорта Скандинавия, несмотря на ограниченное население, входила также в пятерку мировых лидеров ¹⁷. Обилие материальных ресурсов стратегического значения и тесная связь с международными рынками обеспечивали активную вовлеченность Скандинавских стран в мировую экономику.

Великие державы в данных условиях были крайне заинтересованы в торговле со скандинавами. Регион Северной Европы занимал в середине 1930-х гг. второе место в британском импорте и первое — в германском ¹⁸. Для Англии скандинавы являлись практически монопольными поставщиками древесины и целлюлозы, а датчане — продовольствия; в отношении милитаризировавшегося в 1930-е гг. германского импорта к этому списку добавлялись еще и полезные ископаемые ¹⁹. Скандинавские страны торговали преимущественно с двумя европейскими великими державами, и их зависимость от британской и германской экономики была очевидна ²⁰. Экономические интересы являлись одним из определяющих факторов внешней политики стран Северной Европы в 1930-е гг.

Если в 1920-е гг. Скандинавские страны не рассматривали региональное сотрудничество в качестве необходимой меры в под-

держании принципов свободной международной торговли 21, то последующее десятилетие выявило всю сложность реализации этих принципов и внесло радикальные изменения во взгляды скандинавских правительств. Возобновление интереса к экономическому взаимодействию как средству укрепления скандинавской конкурентоспособности на международных рынках произошло, прежде всего, в кругах крупных промышленников: поскольку Великобритания в конце 1920-х гг. готовилась отказаться от золотого стандарта, в рамках Северных Ассоциаций вновь активно начала обсуждаться идея Валютной Унии ²², которая находила поддержку и у отдельных частных предпринимателей. Так, в 1928 г. датский судовладелец А. П. Меллер выразил готовность предоставить Северным Ассоциациям 50 тыс. крон для исследования возможности таможенного союза. Ассоциации отказались, сославшись на отсутствие возможности проведения такого масштабного исследования, при этом решающей снова стала негативная позиция норвежцев 23.

Инициатива Северных Ассоциаций по организации экономического сотрудничества была ограничена характером этих организаций: для продолжения действий ассоциациям необходимо было заручиться одобрением и поддержкой государства. Поскольку еще при создании Ассоциаций после Первой мировой войны было установлено, что их деятельность «не должна иметь ничего общего с политикой», многие их члены полагали. что в данной ситуации вопрос становится «пограничным» для обсуждения и инициатива рискует приобрести политическую окраску. Наибольшую поддержку получило предложение ограничиться прежними действиями — «продолжать теоретические исследования экономической структуры и организационных форм сотрудничества, пытаясь мыслить в деле формирования экономической политики как единый северный народ» ²⁴. На встрече Северных Ассоциаций в 1930 г. было решено возобновить зондирование возможностей сотрудничества в некоторых товарно-экономических областях, однако ввиду крайней нестабильности мирового экономического положения вплоть до 1932 г. работа была приостановлена.

В 1930-е гг. в экономической политике великих держав произошел резкий поворот к двусторонним торговым отношениям. Роль внутреннего рынка для экономики стран возрастала,

государства устанавливали жесткий контроль в сфере экономики и протекционистские тарифы. Великобритания и Германия в борьбе за рынки и торговых партнеров использовали ситуацию для усиления своего господства и контроля над рынком малых стран.

Поскольку экономика Скандинавских стран имела экспортную направленность, она была «подвержена колебаниям на международных рынках напрямую» ²⁵. Ограничение свободной торговли в период мирового экономического кризиса сказалось для Скандинавского региона особенно ощутимо ²⁶. Малые страны зачастую были вынуждены принимать установленные неблагоприятные для них тарифы и цены в отношении как экспортных, так и импортных товаров. Затраты на замещение статей импорта из Европы организацией собственного производства для емкого производственного рынка Скандинавских стран были неоправданно высоки.

Одним из возможных способов в попытке поддержания выгодного скандинавам свободного товарообмена в сложившихся условиях представлялось сотрудничество с другими малыми странами, имеющими схожие экономические интересы. Таким образом, появлялась возможность в определенной мере обезопасить национальный рынок от уязвимости по отношению к неконтролируемым ими изменениям европейской экономической конъюнктуры. Усиление экономического кризиса в 1931–1932 гг. и его последствия в Северной Европе стимулировали Скандинавские страны к интенсивным совместным поискам выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации.

В марте 1930 г. Лига Наций, озабоченная растущими протекционистскими тенденциями, созвала широкую мировую экономическую конференцию по тарифам в Женеве, результатом которой стало международное соглашение о неповышении таможенных пошлин в течение одного года. Данное соглашение было, однако, ратифицировано лишь немногими странами (в том числе Норвегией) и, таким образом, потерпело полное поражение ²⁷. В высших политических и деловых кругах Северных стран сформировалась к этому времени группа, нацеленная на либерализацию международной торговли и поддержание усилий Лиги Наций в этом вопросе. Большинство скандинавских политиков были тесно связаны с ведущими промышленниками в своих

странах. Поскольку к 1930 г. во внешней политике Северных стран не имелось иных стабильных наработок по взаимному сотрудничеству, кроме согласования линии поведения в Лиге Наций 28 , представляется закономерным, что интенсификация международных контактов между малыми странами началась с консультаций в Женеве.

После общеевропейской конференции по тарифам представители Дании, Норвегии, Швеции и Нидерландов встретились в Копенгагене для обмена мнениями по поводу экономической ситуации ²⁹. Образовавшаяся группа разделяла сомнения в успехе переговоров Лиги Наций по таможенным вопросам и готова была обсуждать возможные практические меры ³⁰. Полгода спустя, в декабре 1930 г., на Ассамблее Лиги Наций глава норвежской делегации и премьер-министр Норвегии Й.Л. Мувинкель предложил «малым европейским» странам ³¹ выработать совместный план по противостоянию кризисным явлениям в международной торговле. 22 декабря 1930 г. на очередной встрече в Осло была подписана конвенция между тремя Скандинавскими странами — Нидерландами, Бельгией и Люксембургом (так называемая «конвенция Осло»). Основным содержанием ее являлось обязательство взаимного информирования о повышении существующих таможенных тарифов или о введении новых 32. Предупреждение должно было поступать заблаговременно до внесения одной из стран предложения или непосредственного принятия решения о повышении таможенных тарифов (за 20 дней, если сообщение посылалось почтой, и за 15 дней, если передавалось по телеграфу) 33. После этого оповещенная сторона в течение 10 дней могла внести предложения по корректировке с учетом собственных интересов и в течение месяца «обжаловать» решение и потребовать его пересмотра. Помимо взаимного предупреждения о повышении тарифов, в обязанности стран-участниц группы Осло входило «всемерно способствовать улучшению состояния торговых условий» при контактах с другими странами. Договор вступил в силу в феврале 1932 г. ³⁴

Конвенция Осло явилась инициативой и детищем норвежского премьер-министра Мувинкеля и в 1930-х гг.— своеобразным символом совместной политики Северной Европы. Очевидно, что Скандинавские страны рассматривались Мувинкелем как

основа группы, которым он отводил почетную роль инициаторов возрождения свободной мировой торговли и отказа от протекционистских методов 35 .

Вскоре после подписания конвенции в международной среде стало фигурировать понятие «страны Осло» в отношении участников конвенции. Несмотря на обобщающее название, группа Осло не являлась официальной международной организацией: до конца 1930-х гг. она оставалась добровольным объединением малых стран, связанным общими интересами, но не имеющим ни уставных документов международного образца, ни постоянных международных органов. Главным проявлением ее деятельности стали регулярные консультации ведущих политиков и министров иностранных дел, проводимые как в Женеве, так и в столицах стран Осло, а также встречи экономических экспертов семи стран. Встречи группы Осло подготавливались ведущими политиками и промышленниками каждой страны; мнение представителей бизнеса и коммерции при этом имело значительный вес в ходе переговоров. Экономическое сотрудничество в Скандинавии в 1920–1930-х гг., таким образом, объединяло интересы различных слоев общества, что свидетельствует о его потенциальной перспективности и заставляет обратить более пристальный исследовательский интерес к его истории.

Общим для стран группы Осло (за исключением Бельгии, Люксембурга и Финляндии) являлся также, помимо экономической мотивации, их нейтралитет в Первой мировой войне, что не выделяло, однако, их в обособленный от остальной Европы сепаратный блок. Напротив, группа Осло возникла «в тени» Лиги Наций и с целью оказания поддержки Лиге в борьбе с экономическим кризисом. До конца 1930-х гг. группа Осло играла весьма заметную роль в Лиге Наций, и первый подписанный ее участниками документ полностью соответствовал принципам Лиги в сфере международного экономического обмена, и конвенция оставалась открытой для присоединения любой из стран на тех же условиях ³⁶.

Конвенция Осло представлялась в большей степени декларацией намерений и солидарности, чем реальным торговым договором, однако при этом заключенный малыми странами договор не был формальностью: страны группы Осло вместе

составляли экономический блок, охватывающий 8,64% мировой торговли в 1931 г. (что превышало долю Франции и примерно равнялось доле Германии ³⁷). При всей актуальности предложений группы Осло и несомненной значимости нового блока ³⁸ для проведения в жизнь идей, стоявших за подписанием конвенции, требовалась поддержка одной или нескольких великих держав. Между тем международная экономическая ситуация не располагала ведущие европейские страны к сотрудничеству в целях либерализации экономики.

В первой половине 1930-х гг. по инициативе Лиги Наций и других государств состоялось несколько международных встреч со сходной задачей — сделать международную торговлю более открытой и свободной и решить экономические проблемы. Лозаннская конференция по репарациям 1932 г. и Всемирная Экономическая Конференция в Лондоне 1933 г. по стабилизации товарообмена не повлияли на ситуацию. Под влиянием этих неудач члены группы Осло, которые на международных экономических конференциях выступали единым блоком, неизменно осуждая протекционистскую таможенную политику, начали осознавать необходимость углубления первоначальных мер.

В июне 1932 г. на конференции в Учи (Швейцария) страны Бенилюкса выдвинули идею о значительном расширении конвенции Осло — предложенный Скандинавским странам проект был более радикальным по сравнению с уже существующим договором и накладывал на участников больше обязательств. По нему предусматривалась стабилизация с последующей полной ликвидацией таможенных пошлин во взаимной торговле и совместным контролем за регулированием тарифов ³⁹. Таким образом, речь шла уже не просто о консультационных мерах: более амбициозное бельгийско-голландское предложение имело целью образование реального таможенного союза в ближайшей перспективе. Характерно, что предложение было решительно отвергнуто Скандинавскими странами ⁴⁰. Прежде всего, ими учитывалась негативная позиция Германии и Великобритании к этому вопросу ⁴¹, поэтому желательно было дождаться итогов конференции в Оттаве между Великобританией и ее имперскими доминионами (проходившей в июле-августе 1932 г.). К тому же не отвергалась идея создания собственного, безотносительно

к конвенции Учи, Северного таможенного союза ⁴². Страны Бенилюкса, не получив поддержки от скандинавских кругов, тем не менее подписали конвенцию Учи, которая, как и конвенция Осло, была фактически блокирована впоследствии великими державами.

Несмотря на отсутствие единодушия стран-участниц группы Осло относительно форм сотрудничества, в начале 1930-х гг. ими были достигнуты первые договоренности, облегчающие взаимную торговлю. Так, Бельгия сняла предложение о повышении таможенных пошлин на бумажную продукцию, Норвегия не стала поднимать тарифы на импорт некоторых шведских промышленных товаров, не были введены также пошлины на резиновые шины, что принесло преимущество Нидерландам; Швеция получила возможность еще более увеличить и до того значительный объем экспорта в страны Северной Европы ⁴³.

Финляндия вошла в группу Осло в ноябре 1933 г. После недавнего разрыва с российской экономикой Финляндия в 1920-е гг. быстро превратилась в индустриальную страну, и сотрудничество с ней становилось выгодным, а не обременительным. В 1932 г. министром иностранных дел страны стал крупный предприниматель А. Хакцель: в присоединении Финляндии к группе Осло (с целью в том числе налаживания отношений с Великобританией — главного потребителя финского дерева и бумаги) проявились экономические интересы политической элиты страны — Хакцеля, К.Г. Маннергейма, Ю.К. Паасикиви, через которых, в частности, правительство поддерживало тесные связи с финской лесной промышленностью 44. С вступлением Финляндии в группу Осло, которое было активно поддержано шведской стороной, к 1934 г. появились дополнительные стимулы для развития идеи регионального экономического сближения стран Северной Европы.

Конвенция Осло стала итогом естественной реакции малых стран на происходящие неблагоприятные изменения в мировой экономике. К моменту ее подписания ни в Скандинавских странах, ни в странах Бенилюкса не существовало специальных органов сотрудничества, которые могли бы содействовать созданию региональной экономической организации (действующие с 1919 г. Северные Ассоциации не являлись официальными государственными структурами). Поэтому вопрос обсуждался

в рамках периодических встреч министров иностранных дел, представителей северных стран в Лиге Наций и деловых экспертов. Особенно живо идею скандинавского экономического союза поддерживали социал-демократические правительства стран Северной Европы. Подчеркивалось, что в условиях свертывания принципов свободной торговли, дабы сохранить доходность важнейших экспортных статей, Скандинавские страны должны усилить внимание к налаживанию региональных связей друг с другом. Для регулирования этого требовалось вмешательство государства в экономическую сферу ⁴⁵. С ухудшением ситуации в международной торговле «экономический скандинавизм» стал приобретать все больше сторонников ⁴⁶.

6–7 января 1932 г. в Копенгагене впервые после 12-летнего перерыва встретились министры иностранных дел трех Скандинавских стран, при этом характерно, что в политических переговорах доминировали валютный и торговый вопросы ⁴⁷. Конференция постановила усилить использование дипломатических каналов для взаимных контактов и уделять отныне особое внимание региональным торговым связям, для чего экономические департаменты скандинавских министерств иностранных дел должны были усилить взаимодействие. Приход к власти Гитлера в январе 1933 г. обусловил также «идеологическую основу» для укрепления межскандинавских связей: представление стран Северной Европы как региона с общими мирными и демократическими интересами, не соответствующими устремлениям германского национал-социализма, вновь стало актуальным ⁴⁸.

Спустя несколько лет после подписания конвенции Осло в правительственных кругах Северных стран планы по организации регионального сотрудничества на новой основе вновь приобрели актуальность. Министр иностранных дел Швеции Рикард Сандлер, активный сторонник идеи *нордизма* во внешней политике, выступал с 1933 г. вдохновителем и экономического сотрудничества ⁴⁹. В 1934 г., чтобы выявить обоснованность государственной поддержки скандинавского экономического сближения, он инициировал общественные дебаты по этому вопросу ⁵⁰. К обсуждению вновь были привлечены Северные Ассоциации, членом которых являлся Сандлер (как и многие скандинавские социал-демократы в 1920–1930-х гг.). На Фестивале Северных

стран 9 марта 1934 г. шведский министр иностранных дел обратился к Северным Ассоциациям с призывом исследовать «сферы, в которых мы, скандинавы, сможем оказаться друг другу полезными». Под влиянием первых успехов деятельности группы Осло Северные Ассоциации, таким образом, получили возможность возобновить свою агитацию и «были, наконец, санкционированы свыше отойти от своей неполититеской деятельности и в рамках специальных экономических комитетов начать готовить прелиминарные проекты для скандинавских правительств» 51. К августу 1934 г. Ассоциации предоставили официальный ответ, в котором подтверждалась необходимость подготовки правительствами почвы для скандинавского экономического союза 52.

Осенью 1934 г., после одобрительной резолюции правительств, был сформирован Северный комитет экономического сотрудничества, состоящий из экспертов в области экономической, торговой и финансовой политики от каждой из четырех северных стран. На протяжении пяти лет данный комитет согласовывал таможенные предпочтения, интересы коммерческих организаций, юридическую сторону объединения скандинавских корпораций и т. д. Об отношении правительств Северных стран к этой прелиминарной работе свидетельствует тот факт, что в 1934 г. рапорт Северного комитета послужил базовым документом для конференции министров Северных стран 6-7 сентября 1934 г. в Стокгольме, на которой главной повесткой дня являлись вопросы совместных экономических проектов северных стран. В стокгольмской конференции впервые по приглашению Р. Сандлера принимал участие и финский министр иностранных дел А. Хакцель 53. В рамках конференции был проведен официальный обед с представителями Ассоциаций, на котором Сандлер выразил благодарность за то, что они обратили внимание министров к экономическим проблемам, и выразил надежду на помощь в «проведении в жизнь» тех решений, которые будут приняты государствами ⁵⁴. Министры сошлись на том, что экономическое сотрудничество на Севере Европы должно укрепляться в соответствии с актуальными потребностями национальных торговых и промышленных организаций. Одобрено было продолжение дальнейшей аналитической деятельности как первый шаг к созданию таможенного союза 55.

В качестве связующего звена между экономическими и высшими политическими кругами были учреждены дополнительные «Комиссии соседних стран» (Nabolandsnämnd), имеющие сходную задачу поощрения и расширения взаимной торговли между северными странами, исследования сфер, в которых возможно наладить экономическое и коммерческое сотрудничество, и выработки рекомендаций правительствам по возможным реформам 56. В их состав входили наиболее компетентные представители политической и коммерческой элиты, представители государственных ведомств и экономических организаций 57. В каждой из столиц Северных стран во второй половине 1930-х гг. были проведены консультационные встречи четырех комиссий, сопровождаемые агитацией в пользу предоставления привилегий и оказания наибольшего благоприятствования в торговых соглашениях соседним Скандинавским странам 58. Делегации работали в тесном контакте с министрами иностранных дел: официальное экономическое сотрудничество способствовало представлению региона Северной Европы перед остальным миром в качестве единого производителя и потребителя ⁵⁹.

В 1930-х гг. к обсуждению предлагались различные проекты относительно способов и форм скандинавского экономического сближения. Так, известный шведский экономист профессор Бертиль Улин на январской конференции торговых организаций в Копенгагене предложил создание совместного официального органа Северных стран, регулирующего торговые, экономические и культурные связи 60. Эта организация с широким спектром деятельности была призвана представлять общие экономические интересы северных стран перед остальным миром. Ни в датских, ни в норвежских кругах (в последних высказывались особенно сильные сомнения в шведско-датской заинтересованности в северном сотрудничестве 61) идея Улина относительно официального оформления сотрудничества не получила, однако, реальной поддержки 62.

Помимо контактов на высшем государственном уровне, в 1930-х гг. шло активное установление региональных деловых связей крупного бизнеса, коммерческих организаций и профсоюзов 63. Еще в 1923 г. была создана Скандинавская Угольная Импортная Федерация (Финляндия присоединилась к ней 10 лет

спустя) с целью содействия заключению в будущем совместных торговых соглашений с Англией, Польшей и Германией. В рамках Федерации свои интересы координировали крупнейшие угольные компании, и ее деятельность в определенной степени способствовала смягчению британско-скандинавских соглашений. В 1925–1926 гг. начали совместно действовать норвежские, финские и шведские целлюлозно-бумажные ассоциации с целью пресечь английские попытки наложить высокие пошлины на ввозимую бумагу. В 1927 г. был образован Северный Бумажный Союз, борющийся за благоприятные экономические условия на китайском рынке. Скандинавские промышленные объединения в бумажной отрасли продолжали появляться и в 1930-х гг. 64

Главной целью многочисленных скандинавских картелей 1920–1930-х гг. было противостояние монополизации великими державами важнейших отраслей скандинавской экономики и усиление за счет временного сотрудничества с аналогичными компаниями соседних Скандинавских стран 65. При этом представители бизнеса стремились избежать обязательств и государственного регулирования — сотрудничество рассматривалось только как временное обоюдовыгодное и сугубо добровольное взаимодействие компаний. Картели промышленников при этом были крайне влиятельны в торговых переговорах, и их интересы зачастую задавали линию обсуждений на встречах группы Осло 66. В определенном смысле они являлись одним из основных двигателей экономического сближения северных стран в 1930-е гг.

Институциональная организация экономического сотрудничества представляла собой наиболее дискуссионный вопрос. «Неофициальные» Северные Ассоциации, объединявшие в 1920–1930-е гг. большинство скандинавских предпринимателей и представителей деловых кругов, находились в противоречивом положении. Притом что их члены были в определенные моменты крайне заинтересованы в развитии экономического сотрудничества с соседними странами, сами Ассоциации, ввиду специфического характера деятельности, не были способны стать движущей силой этого объединения ⁶⁷. Отдельные промышленные скандинавские объединения или картели тем более не обладали необходимой базой для организации меж-

государственного экономического сотрудничества в широком масштабе. «Комиссии соседних стран» носили характер консультативных органов при правительствах и не являлись постоянным органом. Таким образом, ожидалось, что инициатива по созданию совместных экономических институтов должна исходить сверху.

Между тем по мере обострения международной ситуации, связанного с ростом агрессивных тенденций со стороны держав Оси во второй половине 1930-х гг., осуществление планов по организации Северного сотрудничества становилось все более затруднительным. К 1937 г. попытки урегулирования скандинавской торговли, производства, валюты в целях создания таможенного союза были практически прекращены: Северный комитет экономического сотрудничества представил результаты своих исследований скандинавским правительствам в 1938 г., и его резолюции были далеки от ожидаемых: эксперты пришли к выводу, что сотрудничество, если таковое будет происходить, должно исходить из особых интересов каждого из участников, а экономика северных стран на данном этапе является конкурирующей, а не взаимодополняющей 68. Фактически эксперты подтвердили отсутствие дальнейшей мотивации для экономического сближения. К концу 1930-х гг. протекционистские тенденции и двусторонние торговые отношения с великими державами возобладали над идеей единого скандинавского экономического пространства.

Несмотря на общую неудачу, идеи «экономического скандинавизма» в 1930-е гг. воспринимались с большой долей оптимизма в северных странах (в политических и общественных кругах гораздо больший скептицизм высказывался в отношении проектов по совместной обороне ⁶⁹). При оценке данной проблемы также важно иметь в виду, что северное сотрудничество в области экономики носило во многом перспективный характер. Многие скандинавские экономисты утверждали, что его планирование надо было начинать именно в непростых условиях 1930-х гг., чтобы обеспечить успех в более благоприятное время.

В правительствах Северных стран в 1930-е гг. к поддержке «экономического скандинавизма» были наиболее расположены представители либеральной и социал-демократической партий. Экономические проблемы периодически поднимались

на конференциях Северного рабочего социал-демократического комитета сотрудничества ⁷⁰. Однако к 1938 г. на правительственном уровне идея экономического сотрудничества утратила свою актуальность. Так, при обсуждении на декабрьской конференции 1937 г. планов по расширению группы Осло Х. Кут заявил, что «при всей очевидной пользе экономического сотрудничества, мы находимся сейчас в противоречивой ситуации: мы хотим стремиться к многосторонним договорам, но старая свободная торговля в современных условиях неосуществима» ⁷¹. Датский премьер-министр Т. Стаутинг, со своей стороны не отрицая резонности проводимого исследования возможностей экономического сотрудничества, заметил, что «не ждет от них больших результатов, и возрождение товарообмена между странами Осло весьма маловероятно» ⁷².

Задача немедленно решить экономические проблемы собственной страны совместными региональными усилиями была привлекательной, но имела множество препятствий. Экспорт Скандинавских стран был слишком прочно завязан на обоюдовыгодной торговле с великими державами, и не все Северные страны так же одинаково оценивали преимущества регионального сотрудничества. В Финляндии, Швеции и Дании английский экспорт занимал бесспорно ведущую позицию, в то время как в Норвегии ситуация была более сбалансированная — по этой причине норвежцы не хотели связывать себя единой скандинавской экономической деятельностью и, исходя из практических соображений, предпочитали осуществлять собственную торговую политику. В начале 1930-х гг. сопротивление существовало и со стороны датских промышленников.

Экономические интересы Северных стран в некоторых важных статьях экспорта (таких как лесная промышленность) были конкурирующими, что не способствовало экономическому диалогу; по этой же причине, стремясь стимулировать скандинавский товарообмен, Скандинавские страны не могли переориентировать свои экспортные приоритеты с, к примеру, британского на региональный скандинавский рынок. Одной из наиболее реальных возможностей в экономическом сотрудничестве северных стран представляется создание регионального таможенного союза для борьбы против завышения пошлин — совместно со странами Бенилюкса или без их участия.

Первоначальные идеи и надежды Й. Мувинкеля касательно расширения группы Осло оказались неосуществимыми, так как ведущие державы, Великобритания и Германия, в своей борьбе за торговых партнеров заинтересованные в двусторонних соглашениях, отказались от любой формы участия в нем и тем самым фактически блокировали инициативу малых стран.

Великобритания как один из наиболее ярых сторонников политики протекционизма реагировала на возможность экономической интеграции Скандинавии крайне отрицательно: существующий потенциал скандинавского сотрудничества рассматривался как невыгодный и вредный не только для британских интересов, но и для интересов самих Скандинавских стран 73. В глазах англичан характер конвенции Осло и тот факт, что она была инициирована Мувинкелем, который долгие годы являлся самым последовательным противником британской блокады в Норвегии, представлялся сродни скандинавскому сотрудничеству времен Первой мировой войны, имевшему целью совместно противостоять британскому экономическому давлению. Группа Осло в 1930-е гг. критиковалась британскими коммерческими и политическими кругами с такой же ожесточенностью, как и сотрудничество Северных стран пятнадцать лет назад 74. Высокая заинтересованность Великобритании и Германии в стратегически важных скандинавских товарах (прежде всего, в шведской железной руде) являлась для великих держав главным стимулом к попытке монополизации скандинавского экспортного рынка. Любые торговые схемы Северных стран, которые подразумевали в этом деле иные отношения, кроме двусторонних, вызывали у великих держав беспокойство и подозрения 75. Эта негативная реакция, в свою очередь, препятствовала продолжению наметившегося регионального сотрудничества Северных стран. Во второй половине 1930-х гг. две противоположные альтернативы — реорганизации либо ликвидации группы Осло — выявились особенно четко.

Новые попытки по возрождению конвенции 1930 г. в ее первоначальном функциональном значении — как открытого блока стран свободной торговли — были предприняты Швецией, Бельгией и Голландией в 1937 г. ⁷⁶ Принятое странами Осло в мае Гаагское соглашение имело целью расширение экономического сотрудничества и ограничение таможенных

квот в рамках торговли между странами Осло — в особенности на бумагу, стекло и меховые изделия. Гаагская конвенция группы Осло может рассматриваться в преддверии грядущей войны как стремление обеспечить долю рынка и безопасность торговли в случае угрозы экономической блокады⁷⁷. Хотя предложение малых стран было вновь блокировано действиями Англии, Франции и Германии⁷⁸, его прецедент явился доказательством укрепления позиций малых стран в 1930-е гг. в деле отстаивания собственных экономических интересов перед давлением со стороны великих держав⁷⁹.

Взаимная поддержка придала Северным странам известную долю самоуверенности. В начале 1937 г. в шведских кругах началась бурная кампания против давления, которое Великобритания оказывала на датскую экономику с целью превращения ее в замкнутую, изолированную от остальной Скандинавии систему. Данная кампания вызвала крайнее раздражение в британском МИДе, однако Дания опровергла опасения англичан, не поддержав шведское предложение о предоставлении стране займа для возврата экономики на рельсы свободной торговли 80. Таким образом, экономическая ориентация на Великобританию (а во второй половине 1930-х гг. во многих статьях экспорта — на Германию) возобладала над скандинавской ориентацией; после 1937 г. конвенция Осло вошла в стадию бездействия и распада 81.

Понятие «группа держав Осло» во второй половине 1930-х гг., в условиях нарастающей агрессии фашистских государств и крушения системы коллективной безопасности, приобрело определенный политический смысл 82. В годы подготовки к войне и всеобщего перевооружения малые европейские страны пытались бороться за мирные и превентивные действия 83, однако возможности их здесь также были ограничены. В 1936 г. Северные страны совместно с Голландией, Швейцарией и Испанией заявили об отказе от участия в системе санкций Лиги Наций. По мере дискредитации политики Лиги Наций и ее системы санкций группа Осло все более превращалась в блок интересов нейтральных стран, пытающихся выработать альтернативу рушащемуся мировому порядку 84.

Нейтралитет стран Северной Европы спустя несколько лет потребовал нового обсуждения. 23–24 июля 1938 г. в Копенгагене ⁸⁵ по инициативе датского министра иностранных

дел П. Мунка состоялась первая «политическая» конференция стран группы Осло, на которой обсуждались практически исключительно вопросы участия в системе санкций ⁸⁶. Основным ее итогом стало решение считать участие в санкциях Лиги Наций в сложившейся ситуации и с учетом ее неадекватного применения в последние годы необязательным и добровольным ⁸⁷ для всех участников, которые могли бы отныне принимать или отвергать рекомендации Совета Лиги по применению санкций на свое усмотрение. При этом страны Осло заявляли о желании продолжать сотрудничество в Лиге Наций. Таким образом, в рамках переговоров экономической группы впервые преобладали политические вопросы: малые страны на совместной конференции делали открытое заявление о непринятии статьи 16 Устава, что являлось важнейшей вехой в истории группы.

Нейтрализм и изоляционистские тенденции в странах группы Осло явились шагом назад по сравнению с первым периодом согласования экономической политики ⁸⁸. Несмотря на то, что накануне Второй мировой войны от политиков и частных лиц стран группы Осло поступало много предложений по оказанию посредничества ⁸⁹, группа Осло, в попытке обеспечить сосуществование великих держав, не достигла больших успехов — большинство правительств стран Осло поддерживали своими действиями политику умиротворения Англии ⁹⁰.

Итоги экономического сотрудничества стран Северной Европы в 1930-е гг. нельзя назвать однозначными. За 8 лет интенсивного экономического взаимодействия между участниками не было выработано совместного плана преодоления кризиса. Идеи экономического союза Скандинавских стран, развиваемые Северными Ассоциациями в 1920-х гг., в условиях острой необходимости принятия новых решений в период мирового экономического кризиса, вышли в Скандинавии на государственный уровень, однако правительства Северных стран в 1930-х гг. не смогли достичь консенсуса относительно форм сотрудничества и взаимных обязательств, которое оно должно накладывать на участников. Попытки Северных стран продвинуться в экономическом сотрудничестве далее уже ранее достигнутых договоренностей в 1930-е гг. не принесли успеха. При объяснении результатов этого процесса надо иметь в виду внешние и внутренние факторы, которые в данном случае тесно

взаимосвязаны. Отчасти сотрудничество не увенчалось успехом из-за давления со стороны Германии и Великобритании, отчасти — из-за приверженности самих малых стран собственным национальным интересам и нежеланием терять налаженные торговые связи ради более туманных в данной ситуации приоритетов развития региональной экономики.

Объединенные в кризисные 1930-е гг. общими экономическими задачами, Северные страны в виде группы Осло получили международный форум для обсуждения специфически скандинавских региональных проблем⁹¹. Однако подписание конвенции не стало решающим фактором для сближения между северными странами ⁹². Группа Осло являла собой пример не сугубо скандинавского сотрудничества, но солидарности малых европейских стран в целом: это была совместная попытка малых стран противостоять ухудшению мировых экономических условий. Отсутствие согласованности в решениях группы Осло во многом обусловлено тем, что Скандинавские страны в 1930-е гг. имели более тесные связи в финансовой и торговой сферах с английским рынком, чем со странами Бенилюкса 93. Специфика конвенции Осло, таким образом, определялась стремлением малых стран прежде всего найти выход из текущей кризисной ситуации. Единство группы Осло было до известной степени условным, и различия во внешнеэкономических интересах ее участников не элиминировались совместным стремлением к поддержанию принципов свободной торговли.

Таким образом, в экономическом сотрудничестве Северных стран имелись очевидные противоречия в решении задач как на региональном (скандинавском), так и на международном (в рамках группы Осло) уровне. Министр иностранных дел Норвегии Хальвдан Кут в 1938 г. подвел следующий промежуточный итог: «В деле взаимных обязательств мы не продвинулись далеко, и практические результаты конвенции Осло не слишком многое изменили в мировой экономической жизни. Но в условиях беспощадной экономической войны даже такое скромное соглашение, как Конвенция от 24 марта 1930 г., со своими неосуществленными инициативами, имеет большое моральное значение как знак миролюбивых тенденций» 94. Возникновение группы Осло стало важным событием не только в экономическом сфере — в условиях все большего

ослабления международных связей, в 1930-е гг. оно явилось одним из немногих примеров устойчивого сотрудничества двух региональных групп малых стран в рамках Лиги Наций, которые, таким образом, на практике осуществляли ее главный принцип — конструктивного международного диалога в целях мирного сосуществования 95.

Существование группы Осло стимулировало развитие экономических отношений на региональном уровне. Однако, по замечанию министра иностранных дел Великобритании А. Идена, «продукция стран Осло слишком схожа для того, чтобы этот блок удовлетворился во внешней торговле региональным рынком, поэтому группа Осло — это в практическом смысле не более чем символическое заявление о необходимости возврата к свободной торговле» ⁹⁶. Ориентация на крупных торговых партнеров и рынки была в смысле экономической выгоды более выигрышной — это прежде всего и ограничивало потенциал сотрудничества малых стран между собой 97. При этом при растущем напряжении и угрозе торговой войны между великими державами через торговые соглашения с малыми странами можно было гарантировать достаточно стабильный рынок сбыта экспортной продукции. Резонность этих ориентиров подтверждают итоги скандинавского экономического развития. Несмотря на нестабильность мировой экономики, на международные торговые запреты и блокады, предвоенное десятилетие для северных стран было временем экономического прогресса и развития, менее ощутимым в Дании, вполне благоприятным для Швеции и Норвегии и исключительно успешным в Финляндии ⁹⁸.

В целом в 1930-е гг. Северные страны совместно с союзниками из Бенилюкса предприняли наиболее перспективную попытку к либерализации международной торговли, продемонстрировав во многом свои возможности и волю к сотрудничеству на перспективу. Однако, учитывая весь спектр задач, которые ставились странами Осло в 1930-е гг., приходится констатировать скромные итоги их деятельности. По сути, единственным официальным взаимным обязательством этой группировки оставалось заблаговременное предупреждение друг друга о предполагаемых изменениях таможенных тарифов. Заключенные договоры достигли своей цели лишь наполовину — облегчив

торговлю между самими странами-участниками конвенции Осло, но не решили глобальную проблему международной торговли. При этом конвенция Осло отнюдь не являлась бесперспективной, поскольку ее ближайшие цели были осуществлены: торговля между малыми странами в 1930-е гг. существенно выросла, и на региональном уровне сотрудничество имело свою практическую значимость.

Неэффективная и неадекватная реакция Лиги Наций на обострение международной обстановки, разобщение ориентиров внешней торговли и политики привели в конце 1930-х гг. к затуханию скандинавской инициативы по отношению к экономическому сотрудничеству. При оценке его успешности важно учитывать ограниченность возможностей, доступных малым странам в глобальном деле либерализации мировой торговли: не обладая поддержкой хотя бы одной из великих держав, Северные страны не могли серьезно повлиять на улучшение условий международной торговли даже совместными усилиями.

Экономические отношения страны являются фактором основополагающей важности при анализе внешней политики: вопросы международного экономического сотрудничества зачастую требуют принятия определенных политических решений на государственном уровне 99. Главные внешнеэкономические и коммерческие интересы Северных стран были направлены в 1920–1930-х гг. вне региона Северной Европы: для Скандинавских стран основной интерес в качестве торгового партнера представляли страны Западной Европы (для Финляндии — также и Восточной Европы), что осознавали правительства Северных стран. По этой причине «экономический скандинавизм» не привел в межвоенный период к желаемым результатам, не имея в Северных странах ни постоянной движущей силы для организации, ни достаточно длительной и однозначной поддержки в высших политических и экономических кругах. Трудный опыт «мыслить как скандинавы» в экономическом и политическом ключе, приобретенный в межвоенное двадцатилетие, дал, однако, свои положительные результаты в последующие, более благоприятные десятилетия и был использован Северными странами при учреждении, в частности, Европейской Ассоциации свободной торговли, что представляется одним из важнейших итогов развития европейских экономических отношений в XX в.

- ³ В состав группы Осло с середины 1930-х гг. входили всего 7 стран Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Финляндия; такие ведущие политики стран-участниц, как П.-Х. Спаак, Х. Ланге и другие после 1945 г. активно участвовали в развитии западноевропейской интеграции.
- 4 *Roon G.* ν. Neutralism of the Oslo States // Neutrality in History. Proceedings of the Conference on the History of Neutrality organized in Helsinki 9–12 Sep. 1992 (Ed. By J. Nevakivi). Helsinki, 1993. P. 159–160.
- ⁵ Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, 1890–1940. Cambridge, 1997. P. 197.
- ⁶ В 1916 г. Торговые Союзы Скандинавских стран возобновили работу, начатую 12 годами ранее, по организации экономического сотрудничества в регионе; сложности снабжения и дефицит, вызванные объявленной в январе 1917 года Германией неограниченной подводной войной, стимулировали в 1917–1918 гг. активный скандинавский товарообмен и экономическую взаимопомощь.
- 7 Северные Ассоциации общественные неполитические элитные организации, учрежденные в Скандинавских странах 1919 г. для поощрения в основном взаимных культурных и межгосударственных экономических контактов (см. об этом: *Andersson J. A.* Idé och verklighet. Föreningarna Norden genom 70 år. Stockholm: Fören. Norden, 1990; *Hansen S. O.* Drømmen om Norden. Der norske foreningen Norden og det nordiske samarbeidet 1919–1994. Oslo, 1994).
- 8 Несмотря на «неофициальный» характер Северных Ассоциаций, их значение и влияние невозможно приуменьшить, так как они объединяли в своих рядах представителей высших политических и экономических кругов, парламентариев и ведущих деятелей культурной жизни в том числе профессоров и экспертов по экономическим вопросам. Ассоциации имели ярко выраженную элитную окраску и зачастую являлись первыми инстанциями для обсуждения новых политических проектов.
- ⁹ Официальный орган сотрудничества скандинавских правительств (1907–1957). См.: *Larsen K.* Scandinavian grass roots: from peace movements to Nordic Council // Scandinavian Journal of History. Vol. 9. № 1. 1984. P. 190–105.
 - ¹⁰ Andersson J. A. Idé och verklighet. C. 40-41.
- 11 *Кан А. С.* История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980. С. 178.
- ¹² Большинство норвежцев, опасаясь, что сотрудничество способно ущемить национальные интересы, придерживалось мнения, что страна больше потеряет, чем приобретет, от интеграции экономики с более сильными в экономическом плане соседними Скандинавскими государствами. После того как норвежская комиссия заявила в 1921 г., что актуальность исследования возможностей экономического сотрудничества для нее исчерпана и прекратила существование,

¹ К примеру, см.: *Ørvik N*. Nordic Cooperation and High Politics. International Organization. Vol. 28. № 1. 1974. Р. 61–88.

² Избранная библиография экономического сотрудничества стран Северной Европы до 1975 г. (в основном на скандинавских языках) содержится в указателе Litteratur om nordiskt samarbete: böcker, artiklar och rapporter om nordiskt samarbete. Stockholm, 1975. S. 23–48.

дальнейшие усилия датского и шведского комитетов, несмотря на более позитивное отношение, становились бессмысленными.

- ¹³ Для сравнения антикризисной политики Северных стран в 1920-х гг. см.: *Hildebrand K.-G.* Economic Policy in Scandinavia During the Inter-War Period // Scandinavian Economic History Review 23 (1975). P. 103–107.
- ¹⁴ В 1920-х гг. отдельные скандинавские политики разделяли, однако, интересы скандинавского экономического сотрудничества: министр финансов в датском правительстве 1924–1926 гг., социал-демократ С. Брамснес (С. V. Bramsnæs), наряду с норвежским предпринимателем Юханом Троне Хольстом (Johan Throne Holst), вплоть до начала 1930-х гг. являлись активными сторонниками этой идеи.
- ¹⁵ *Roon G.* Small States in Years of Depression: The Oslo Alliance 1930–1940. Assen-Maastricht, 1989. P. 107–109.
- ¹⁶ О развитии экономики Северных стран и ее особенностях см.: *Hildebrand K.-G.* Economic Policy in Scandinavia During the Inter-War Period. P. 101–103.
- 17 *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 1-13.
 - ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Зависимость экономики Северных стран от международных рынков являлась в межвоенный период не столько недостатком, сколько преимуществом: послевоенное экономическое возрождение великих держав было связано с поиском ими партнеров для импорта необходимой продукции. Так, строительный бум в Великобритании в 1930-х гг. стимулировал скандинавский лесной экспорт, перевооружение Германии, а затем и Великобритании увеличил спрос на шведскую железную руду.
- ²⁰ Так, например, Скандинавские страны входили в так называемый стерлинговый блок, устанавливая паритеты своих валют в зависимости от фунта стерлингов и совершая через Лондон международные платежи. Шведские фирмы зачастую размещали свой капитал в Германии, а европейские компании, в свою очередь, охотно вывозили капитал в стабильную Скандинавию.
- ²¹ В этом смысле критика скандинавского экономического сотрудничества развивалась в двух направлениях: с одной стороны, существовали опасения, что региональная направленность внешней торговли создаст ограничения для «свободы торговли» с другими странами и более привлекательные альтернативы для национального экспорта будут упущены; с другой стороны, экономическое объединение с соседними странами означало бы отказ от конкурирующего характера национальной экономики, что также представлялось достаточно опрометчивым в Норвегии, например, защита национальной промышленности имела серьезную поддержку и практически символическое значение.
- $^{22}\,$ О новых экономических инициативах Северных Ассоциаций в конце 1920-х гг. см. подробнее: Andersson J. A. Idé och verklighet. C. 41.
- ²³ Средства эти, однако, были «зарезервированы» Меллером для поддержки экономического сотрудничества и были использованы уже в 1930 г., когда климат стал более благоприятным для ведения переговоров. Меллер, в числе других крупных скандинавских промышленников, подтверждал свою

заинтересованность в *долгосротном* экономическом сотрудничестве и северном таможенном союзе как лучшей и реальной возможности для малых стран противостоять экономическому кризису, и позднее — в интервью крупной норвежской газете в марте 1932 г. (Ulkoasiainministeri Arkisto (UM), Valtionarkisto, Helsinki. 73 В II А. «Norges Handels og Sjøfartstidende»'s specialnummer for den nordiske vareutveksling.).

- ²⁴ Так, губернатор Оскар фон Зюдов предлагал свести деятельность шведской Ассоциации в этом вопросе к подготовительным исследованиям с привлечением экономических экспертов и организацией дискуссионных клубов, но не предпринимать иных масштабных инициатив, оставляя это за непосредственными участниками экономического процесса (*Andersson Jan A.* Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919–1953. Lund, 1994. S. 75).
 - ²⁵ Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, 1890–1940. P. 172.
- ²⁶ В кризисном состоянии, из-за усилившейся конкуренции в международной торговле, оказался, прежде всего, аграрный сектор, что особенно тяжело переживалось в Дании с ее традиционной зависимостью от сельскохозяйственного экспорта, но также и в Финляндии и Швеции.
 - ²⁷ Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, 1890–1940. P. 197.
- $^{28}\,$ См., к примеру: *Jones S.J.* The Scandinavian States and the League of Nations. NY, Princeton, 1939.
- ²⁹ В переговорах стран будущей группы Осло в июле-декабре 1930 г. принимала участие также Бельгия ее представитель, однако, отсутствовал на первой совместной встрече; финское правительство в 1930 году отказалось от предложения Мувинкеля.
- 30 О предварительных обсуждениях конвенции Осло см. подробнее: *Roon G. v.* Small States in Years of Depression. P. 4-11.
- ³¹ В конференции участвовали Швеция, Дания, Бельгия, Нидерланды и Люксембург; наряду с Мувинкелем, наибольшую заинтересованность в формировании группы Осло демонстрировал премьер-министр Нидерландов Х. Колин (H. Coliin).
- 32 О выработке текста конвенции Осло см.: $\it Roon~G.\nu.$ Small States in Years of Depression. P. 11–23.
- ³³ UD. Riksarkivet, Stockholm. Protokoll av Oslokonferensen 18–22 dec. 1930. HP 2125, 1920-rs dossier.
 - ³⁴ Ibid. HP 64 E. P. M. от 27.04.1932.
- ³⁵ Мувинкель возглавлял правительство в 1928–1931 и 1933–1935 гг. Отойдя от управления государством, он продолжал пропагандировать северное экономическое сотрудничество на широкой международной основе, т. е. открытое для всех стран, заинтересованных в сохранении свободной торговли. Характерно, что инициатива к скандинавскому экономическому сотрудничеству, по его мнению, должна была исходить не «сверху», а из среды национальных экономических кругов. Позиция норвежского правительства, таким образом, в итоге была достаточно пассивной (см.: *Andersson J. A.* Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919–1953. Lund, 1994. S. 102–104).
- ³⁶ Во второй половине 1930-х гг., при обсуждении отказа малых стран от исполнения системы санкции Лиги Наций, все чаще подчеркивался особый

характер группы Осло как объединения экс-нейтральных государств. Следует отметить парадокс, кроющийся за подобной формулировкой: подчеркивая волю малых стран к сохранению нейтралитета, она в то же время создавала препятствие для присоединения к группе новых участников (что было крайне желательно).

- ³⁷ Roon G. v. Small States in Years of Depression. P. 14.
- ³⁸ Перед войной странам группы Осло принадлежало около 1/10 части мирового океанского торгового тоннажа: торговый флот скандинавов был значительной частью мирового судоходства и уступал только флотам Англии и США. По стоимости внешнеторгового оборота на душу населения в 1930-е гг. Северные страны входили в европейском списке в первый десяток; в странах группы Осло проживало в 1930-е гг. около 30 млн человек.
 - ³⁹ Roon G. v. Small States in Years of Depression. P. 35–63.
- ⁴⁰ В качестве главной причины отказа упоминались глубокие отличия в торгово-политических отношениях с Великобританией между Скандинавскими странами, с одной стороны, и Нидерландами и Бельгией с другой. Для последних, по мнению скандинавов, образование таможенного союза было сопряжено в этом смысле с гораздо меньшим ущербом внешнеэкономическим интересам (UD, RA. HP 2137.V. P. M. från 15.09.1932).
- ⁴¹ Конвенция Учи, как и конвенция Осло, саботировалась отказом Великобритании и Германии от участия в ней; английское правительство осуждало региональные договоры, подразумевающие предоставление особых торговых предпочтений соседним странам, поскольку они противоречили безусловному торговому принципу наибольшего благоприятствования. Подробнее о решающей роли позиции Великобритании для Скандинавии см.: *Roon G. v.* Great Britain and the Oslo States // Journal *of Contemporary History*. 1989. Vol. 24. P. 660–662.
 - ⁴² *Ohlin B.* Äntligen ett initiativ. Stockholms Dagblad. 22.06.1932.
- ⁴³ *Lönnroth E.* Den svenska utikespolitikens historia 1919–1939. Stockholm, 1959. S. 117.
- ⁴⁴ О финских приоритетах во внешней торговле в первой половине 1930-х гг. см.: *Paasivirta J.* Finland and Europe: The early years of independence 1917–1939. Helsinki, 1988. P. 410–418.
- ⁴⁵ Andersson J.A. Nordiskt samarbete: som det är skapat och format // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. № 71. Stockholm, 1995. S. 334.
- ⁴⁶ Подробнее об усилившемся в 1930-е гг. проникновении государства в экономическую сферу в Скандинавских странах см.: Kris och krispolitik i Norden under mellankrigstiden. Nordiska historikermötet i Uppsala 1974. Mötesrapport. Uppsala, 1974. S. 234–239.
- ⁴⁷ Позднее, с сентября 1934 и до 1939 г., проходили регулярные встречи четырех министров иностранных дел Северных стран. Повестка дня существенно расширилась: обсуждались вопросы общеевропейской безопасности, происходила координация политической линии на встречах Лиги Наций и др. В 1930-е гг. было проведено более 10 подобных встреч.
- ⁴⁸ См. об этом: *Blidberg K*. Splittrad gemenskap. Kontakter och samarbete inom nordisk socialdemokratisk arbetarrörelse 1931–1945. Stockholm, 1984. S. 51–69.

- ⁴⁹ Сандлер неоднократно отмечал, что при планировании экономического сотрудничества необходимо создать прочное основание в виде соответствующего органа, владеющего актуальным статистическим материалом и способного при благоприятных условиях развития взять на себя дальнейшую организационную инициативу.
- ⁵⁰ Отношение Сандлера к предложению шведской Ассоциации о созыве государственной делегации, которая могла бы работать на официальном уровне, опираясь на поддержку Северных Ассоциаций, в целом было позитивным, однако он хотел быть уверенным в заинтересованности скандинавских экономических кругов, для чего считал необходимым тщательную предварительную работу.
 - ⁵¹ Andersson J. A. Nordiskt samarbete: som det är skapat och format... S. 334.
- ⁵² Подробное описание итогов встречи содержится в интервью сенатора О. Стенрота (Stenroth), председателя финской Северной Ассоциации (Uusi Suomi, 2.09.1934).
- ⁵³ Об эволюции отношения Финляндии к скандинавскому сотрудничеству см., например: *Kaukiainen L.* From Reluctance to Activity. Finland's Way to the Nordic Family during 1920's and 1930's. // Scandinavian Journal of History, 1984, № 3. P. 214–219.
- ⁵⁴ Подробнее о роли Северных Ассоциаций в экономическом сотрудничестве см.: *Andersson J. A.* Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919–1953. Lund, 1994. S. 97–101.
- $^{\rm 55}\,$ RA. HP 20 D. UD/Protokoll av nordiska utrikesministermötet i Stockholm den 6–7.09.1934.
- ⁵⁶ Описание программы деятельности данных «комиссий» (или «делегаций») содержится, в частности, в нескольких докладных записках бывшего министра иностранных дел Финляндии, в 1930-х гг. являвшегося директором Ассоциации судебных архивов Финляндии, Я. Прокопе (UM, VA. В II А. Р. М. från 20.04.1937. 73).
- ⁵⁷ В Дании, в частности, председателем такого «комитета» стал генеральный директор Кофод (R. Koefoed), который вскоре сменил директора национального банка Брамснэса (C. V. Bramsnaes) на посту главы датской Северной Ассоциации, что подтверждает продолжающуюся тесную связь Северных Ассоциаций с правительством по экономическим вопросам.
- ⁵⁸ Любопытно, что Мувинкель при этом неоднократно предлагал придать комиссиям интернациональный характер группы Осло, т. е. преобразовать их из сугубо скандинавских в открытые международные структуры и привлечь для сотрудничества новые страны. Скандинавское сотрудничество, по его мнению, могло повлечь за собой пренебрежение достижениями конвенции Осло; к тому же он разделял опасение многих норвежцев в экономическом доминировании Швеции над остальными участниками регионального сотрудничества.
- ⁵⁹ О деятельности делегаций экономического сотрудничества и совместных публикациях по итогам их работы в 1930-х гг. см.: *Kaukiainen L.* Joint Information Services as a Nordic Answer in the Crisis of the 1930 s. // Miscellanea. Helsinki, 1983. P. 24–27.

- ⁶⁰ Речь Улина носила конкретный и аргументированный характер: в ней декларировалось, что при отсутствии официального органа сотрудничества бесконечные дискуссии о нем нецелесообразны. Более детальное описание предложения Улина и реакции на него содержится в работе Я. Андерссона (*Andersson J. A.* Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919–1953. Lund, 1994. S. 103).
- ⁶¹ Будучи прекрасно осведомлен об опасениях норвежцев, Сандлер подчеркивал, что любые переговоры о сотрудничестве должны иметь в своей основе свободную волю и взаимное осознание необходимости сближения.
- ⁶² Kaukiainen L. Småstater i världskrisens skugga: säkerhetsfrågan i den offentliga debatten i Sverige, Finland och Danmark oktober 1937 november 1938. Helsinki, 1980. S. 33.
- ⁶³ Lange H. Scandinavian Co-Operation in International Affairs. International Affairs, Vol. 30. № 3. Jul., 1954. P. 286.
- ⁶⁴ Olsson S.-O. Nordic Trade Policy in the 1930 s. P. 14–17 // Papers of the XVI International Economic History Congress, Helsinki, 21–25 August 2006, Session 91: The Nordic Countries and the Commercial De-globalization of the Interwar Period.— (http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers 3/Olsson.pdf).
- ⁶⁵ См., в частности: Kris och krispolitik i Norden under mellankrigstiden. Uppsala, 1974. S. 229–233.
- ⁶⁶ Подробнее о картелях Северных стран в лесной и бумажной отраслях см., например: *Karlsson B*. Swedish forest industry and the inter-war cartels // Papers of the XVI International Economic History Congress, Helsinki, 21–25 August 2006, Session 91: The Nordic Countries and the Commercial De-globalization of the Interwar Period.— (http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers 3/Karlsson.pdf).
- ⁶⁷ Конференции министров иностранных дел Северных стран являлись в этом смысле своеобразной «конечной инстанцией» для усилий Северных Ассоциаций, так как проблема экономического сотрудничества требовала одобрения на высшем государственном уровне.
 - ⁶⁸ Andersson I. A. Nordiskt samarbete: som det är skapat och format. S. 334.
- ⁶⁹ См. подробнее: Norsk utenrikspolitikks historie. Bd. 3, Mellomkrigstid 1920–1940 / O.-B. Fure. Oslo: Universitetsforl., 1996. S. 229–236.
- ⁷⁰ Комитет сотрудничества рабочих социал-демократических партий Северных стран был образован в 1932 г. с целью координации позиций правительств по международным вопросам. Поскольку скандинавские социал-демократические партии в 1930-х гг. являлись правящими, данный комитет представлял собой уникальный межправительственный форум стран Северной Европы; председателями национальных делегаций зачастую были главы скандинавских правительств. За период 1931–1939 гг. было проведено 12 конференций.
- $^{71}\,$ Samråd i kristid. Protokoll från den Nordiska Arbetarrörelsens Samarberskommité 1932–1946 / Utg. genom K. Wahlbäck och K. Blidberg. Stockholm, 1986. S. 145.
 - ⁷² Ibid. S. 147.
- 73 *Salmon P.* British Security Interests in Scandinavia and the Baltic 1918–1939 // The Baltic in International Relations between the two world wars (Ed. J. Hiden and A. Loit). Stockholm, 1988. P. 121.

- ⁷⁴ О роли британской оппозиции в первой половине 1930-х гг. по отношению к деятельности группы Осло см.: *Roon G. v.* Great Britain and the Oslo States // Journal of Contemporary History. 1989. Vol. 24. P. 657–664.
- 75 См., например: *Salmon P.* British plans for Economic Warfare against Germany 1937–1939: The Problem of the Swedish Iron Ore // Journal of Contemporary History. Vol. 16. № 1. 1981. P. 53–72.
 - ⁷⁶ Roon G. v. Small States in Years of Depression, P. 179–206.
 - 77 Ibid. P. 200-202.
- ⁷⁸ Из-за резко негативной позиции Германии, которая считала возобновление многосторонних торговых соглашений стран Осло прямой угрозой своему военизированному импорту, уже в следующем году Нидерланды, считая торговлю с Третьим рейхом приоритетной, вынуждены были денонсировать Гаагское соглашение.
 - ⁷⁹ Salmon P. Scandinavia and the Great Powers, P. 198.
- ⁸⁰ *Nilson B.* Handelspolitik under skärpt konkurrens: England och Sverige 1929–39. Lund, 1983. S. 77–78.
- ⁸¹ Определяющим фактором сотрудничества между Северными странами (что особенно ярко прослеживается в межвоенный период) являлось наличие или отсутствие внешнего давления: только в редкие благоприятные периоды, когда такое давление было не слишком сильным, но и не слишком слабым, появлялись стимулы для северного сотрудничества. В этом смысле первая половина 1930-х гг. может рассматриваться в качестве такого «краткого благоприятного периода», который завершился к 1937 г. (подробнее о концепции см.: *Stråh B*. The Illusory Nordic Alternative to Europe. Cooperation & Conflict, 1980. 15:2. P. 112–113).
 - 82 История Норвегии. М., 1980. С. 379.
- ⁸³ В период между 1930 и 1940 гг. другие страны Прибалтийские государства, Франция (1936–1937), Югославия, Польша и Австрия также в той или иной степени интересовались «альянсом стран Осло». См. подробнее: *Roon G. v.* Small States in Years of Depression. P. 140–168.
- ⁸⁴ Й. Мувинкель предоставил анализ усилившихся в 1935–1938 гг. политических тенденций и новых задач группы Осло в своем докладе о проблемах нейтралитета на Северной межпарламентской встрече в Стокгольме в августе 1938 г. (UM, 7 B. Fb 7:8).
- ⁸⁵ Подробнее об итогах конференции и реакции общественности в Северных странах на ее решения см.: *Kaukiainen L.* Småstater i världskrisens skugga: säkerhetsfrågan i den offentliga debatten i Sverige, Finland och Danmark oktober 1937 november 1938. Helsinki. 1980. S. 111–121.
- ⁸⁶ Перед общей конференцией министры Северных стран провели собственную встречу, что является одним из многих свидетельств наличия особой «этики консультаций» между странами Северной Европы в 1930-е гг.
 - 87 История Норвегии. С. 385.
 - 88 Roon G. v. Neutralism of the Oslo States. P. 159–168.
- ⁸⁹ См., в частности: *Ludlow P. W.* Scandinavia between the Great Powers: Attempts at Mediation in the First Year of the Second World War. // Scandinavian Journal of History, 4, 1979. P. 123–162.

- ⁹⁰ В публичной речи в марте 1937 г. на встрече экспертов группы Осло голландский премьер-министр X. Колин умышленно использовал термин «экономическое умиротворение» в отношении деятельности группы.
- ⁹¹ Положительное влияние конвенции Осло на скандинавское региональное сотрудничество постоянно подчеркивал Сандлер: *Sander R.* Utrikespolitisk kringblick. Anföranden 1936. Stockholm, 1937. S. 74–79.
 - 92 *Koht H.* The Oslo Convention and after. Le Nord 1938/1–2. P. 37–47.
 - 93 Roon G. v. Great Britain and the Oslo States. P. 663.
- ⁹⁴ Цит. по: *Lindgren, R.E.* Norway-Sweden: Union, Disunion and the Scandinavian Integration. Princeton, 1959. P. 250.
- 95 Lönnroth E. Den svenska utikespolitikens historia 1919–1939. Stockholm, 1959. S. 117.
- ⁹⁶ Цит. по: *Nilson B.* Handelspolitik under skärpt konkurrens: England och Sverige 1929–1939. Lund, 1983. S. 79.
- 97 Sandler R. Strömväxlingar och ländomar. Anföranden 1937–1939. Stockholm, 1939. S. 38–39.
- ⁹⁸ Для сравнительной характеристики экономического положения стран Северной Европы в межвоенный период см.: Kris och krispolitik i Norden under mellankrigstiden. Nordiska historikermötet i Uppsala, 1974. S. 13–26.
 - ⁹⁹ *Stråh B.* The Illusory Nordic Alternative to Europe. P. 104, 109.

В. Н. Барышников

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И КРАХ В ФИНЛЯНДИИ В 1940 г. «ОБЩЕСТВА МИРА И ДРУЖБЫ С СССР» *

Возникновение в мае 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР» явилось своего рода уникальным явлением во внутриполитической жизни Финляндии, поскольку эта организация появилась сразу же после окончания «зимней войны». Если руководствоваться определением, данным профессором Т. Вихавайненом, характеризующим внутриполитическое положение в Финляндии того времени тем, что тогда «чувства финнов представляли смесь мстительности, гордости и гнева...» 1, то возникновение Общества выглядело совершенно неестественным.

Тем не менее парадокс появления в Финляндии «Общества мира и дружбы с СССР» спустя чуть больше чем два с половиной месяца после окончания боевых действий с Советской армией все же требует соответствующего объяснения. И первое, что, вероятно, следует учитывать в этой связи, является то, что сама идея о необходимости образования подобной организации возникла еще в конце 1930-х гг., накануне «зимней войны». Причем инициатором ее создания в Финляндии выступал прежде всего

^{*} Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных обшностях».

СССР 2 . Советское полпредство начало предпринимать усилия с тем, чтобы постараться сгруппировать дружественно настроенных к Советскому Союзу представителей общественности Финляндии.

Наиболее примечательным в данном случае явилась встреча, проведенная осенью 1938 г. В полпредстве СССР в Хельсинки «был устроен завтрак для представителей научно-культурных кругов Финляндии», на котором присутствовали наряду с деятелями финской творческой интеллигенции также еще и чиновники МИДа ³. В ходе встречи совершенно определенно был поставлен вопрос о необходимости образования «Общества культурной связи Финляндии и СССР».

Показательным стало и то, что встреча не закончилась общими разговорами, поскольку после ее проведения действительно начался процесс оформления специальной инициативной группы из представителей финской общественности, которой предстояло начать практическую работу по созданию этой организации ⁴. Однако фактическая реализация выдвинутой инициативы оформилась лишь осенью 1939 г., когда известный либерально-настроенный финский профессор Юрье Рууту стал предпринимать соответствующие усилия для образования «финско-русского культурного общества» 5. Вспыхнувшая война с СССР перекрыла ближайшие перспективы возникновения этой организации. Тем не менее сам факт попытки основания подобного общества свидетельствовал о том, что среди населения Финляндии все же существовало определенное стремление, направленное на то, чтобы идти по пути развития сотрудничества с Советским Союзом в области культуры посредством налаживания более или менее дружественных отношений между двумя народами.

Война, как показали последующие события, эту тенденцию не нарушила. 22 мая 1940 г. в Хельсинки все же было образовано «Общество мира и дружбы с СССР». Учредительное собрание данной организации прошло в редакции молодежного студенческого журнала «Сойхту», представлявшего Академическое социалистическое общество Финляндии. На собрании присутствовали около 16 человек⁶, которые являлись прежде всего радикально настроенными левыми политическими деятелями, входившими в Академическое социалистическое общество либо

состоящими в коммунистической партии. Многие из них в период «зимней войны» были арестованы за симпатии к Советскому Союзу. И именно в заключении, как считает известный финский исследователь Х. М. Вийтала, у ряда этих политических деятелей появилась идея «после освобождения основать общество дружбы» с СССР⁷. Выйдя на свободу по окончании войны, они сразу же приступили к созданию задуманной организации.

Однако как состав, так и численность учредительного собрания свидетельствовали о том, что Общество оформлялась на весьма ограниченной базе, так как в нем были представлены ни политические партии, ни широкие круги финской общественности. Тем не менее избранный на собрании председателем организации Маури Рюэмя четко придерживался линии на необходимость «создавать общество как можно быстрее, хотя бы даже на узкой основе» 8. Все это свидетельствовало о том, что провозглашение «Общества мира и дружбы с СССР» не могло реально отражать политические настроения в финском обществе.

Более того, феномен послевоенной ситуации в Финляндии не вписывался в господствующую тогда в стране систему пропаганды. В руководстве Финляндии восприняли организацию Общества с явной настороженностью. Не изменило отношения и то, что в Советском Союзе образование этой организации вызвало весьма позитивный резонанс. Более того, финская государственная полиция начала подозревать в причастности к учреждению Общества советского посланника в Хельсинки И. С. Зотова, который прибыл в Финляндию и начал свою служебную деятельность 15 мая 1940 г. 9

В финской исторической литературе до сих пор распространена точка зрения, что «Общество мира и дружбы с СССР» находилось в самом тесном контакте с советским представительством в Хельсинки и советские дипломаты чуть ли не руководили этой организацией ¹⁰. Да, несомненно, в Москве подобное общество не могло не вызвать позитивного отношения. Однако едва ли стоит преувеличивать роль представителей СССР в Финляндии, в основном достаточно молодых сотрудников НКМИДа, которые смогли-де сразу же после окончания войны, может быть впервые в своей карьере оказавшись в этой стране, создать там «Общество дружбы». Сложно предположить, например, чтобы Иван Зотов был в состоянии за неделю своей работы

в Хельсинки развернуть столь кипучую деятельность, чтобы, в весьма враждебной к политике СССР среде создать с помощью финнов «Общество дружбы». Документы свидетельствуют о том, что он с большим трудом находил общий язык не только с финскими официальными представителями, но и даже с лояльно настроенными к СССР политиками и общественными деятелями. У этого советского дипломата, который прежде работал в Прибалтийских странах, был излишне прямолинейный подход к решению сложных внешнеполитических вопросов.

Даже в левых кругах Финляндии сложилось на тот момент определенное представление, что И. С. Зотов не проявлял конструктивного подхода в отношении к их стране. Открыто ставился вопрос о том, чтобы в Москве обратили на это обстоятельство внимание ¹¹. Да и в самом полпредстве невысоко оценивали в тот период свою деятельность. Один из ответственных работников советской дипмиссии Е. Т. Синицын впоследствии прямо отмечал в своих мемуарах, что «дипломатический корпус Советского Союза в Финляндии, включая и посланника... работали слабо, безынициативно и непрофессионально» ¹². Некоторые финские исследователи считают, что такой стиль работы Зотова стал главной причиной его отзыва в январе 1941 г. из Финляндии ¹³.

Более того, быстро разобраться в складывающейся в стране ситуации советским дипломатам мешало еще и то, что в представительстве многие просто не знали финского языка. Даже в его спецслужбах финским языком владел лишь один человек, остальные же — другими иностранными языками, да и то достаточно слабо ¹⁴. В подобной обстановке невозможно было действительно оценить степень эффективности воздействия на решение финских левых провозгласить образование «Общества дружбы и мира с СССР» и затем еще стремиться руководить его работой.

Тем не менее если все же предположить, что главную роль в образовании «Общества мира и дружбы с СССР» сыграло именно советское дипломатическое представительство в Финляндии, то можно было бы только констатировать, что это стало очевидным успехом в работе советских дипломатов. Однако следует отметить, что Общество, образованное в мае 1940 г., не являлось прямой целью той работы, которую СССР вел в данном направлении до начала войны. Тогда речь шла

о создании прежде всего Общества культурных связей двух стран, в которое, очевидно, должны были входить не только представители радикально настроенных политических сил Финляндии, но и влиятельные политики и даже государственные чиновники.

То, что в созданную дружественную СССР организацию вошли только левонастроенные деятели, близкие к нелегальной коммунистической партии, лишь ослабляло ее возможности. Но, с другой стороны, мысли о необходимости «создания атмосферы мира и дружбы с Советским Союзом» высказывали не только радикальные политики. Подобные настроения можно было заметить и среди определенной части руководства социал-демократической партии 15. Кроме того, даже столь крупный государственный и политический деятель Финляндии, как Ю. К. Паасикиви, который тогда занимал пост посланника в Москве, тоже вначале выражал понимание важности деятельности подобной организации. Он прямо отмечал, что у него «осталось хорошее впечатление», когда он узнал об учреждении данного общества 16. Тем не менее Паасикиви вскоре получил из Хельсинки «известия о деятельности Общества», которые исходили «из донесений государственной полиции». По словам финского посланника, «выяснилось, что за Обществом стоят левосоциалистические и коммунистические элементы» ¹⁷. Подобная информация о работе общества, естественно, изменила его оценку, поскольку здесь явно содержался намек на зависимость данной организации от политики СССР.

Более того, профессор Юрье Руту в это время рассматривал вопрос о реанимации идеи создания Общества по развитию культурных связей с СССР и даже образовал специальный комитет, начавший работу в конце июня 1940 г. Комитет состоял из семи достаточно известных представителей финской общественности ¹⁸. Вскоре встал вопрос о необходимости налаживания комитетом связей с «Обществом мира и дружбы с СССР». Но развитие этой инициативы, так же как и дальнейшая деятельность комитета, оказались практически парализованы «из-за отрицательной позиции правительства» ¹⁹. В руководстве страны считали, что нельзя допустить, чтобы было сформировано «общее мнение, будто бы эта организация представляет широкие слои общества» ²⁰.

Несомненно, финское правительство пыталось влиять на работу общества дружбы, что, впрочем, имело явно негативный характер. Так, даже попытки зарегистрировать данную организацию в министерстве юстиции, с тем чтобы перевести ее деятельность в более или менее легальное русло, натолкнулось на явное противодействие. Откровенное сопротивление властей в регистрации организации проявлялось даже несмотря на то, что государственная полиция Финляндии 8 июня была готова положительно рассмотреть этот вопрос ²¹. Очевидно, отрицательное отношение руководства страны к регистрации Общества свидетельствовало о том, что в правящих кругах понимали всю жизненную важность этого для организации.

В целом стартовые позиции «Общества мира и дружбы с СССР» были для его учредителей весьма слабыми. В такой ситуации трудно было бы даже предположить, что подобная организация в Финляндии сможет развернуть мало-мальски широкую деятельность и получит при этом возможность увеличивать число своих сторонников.

Но вот парадокс: «Общество мира и дружбы с СССР», несмотря на противодействие властей, все же смогло развернуть весьма энергичную деятельность, которая охватила определенную часть населения страны.

Деятельность Общества выражалась прежде всего в попытках проведения открытых и гласных мероприятий, которые должны были привлечь внимание населения. В частности, руководство Общества решило подготовить открытое обращение к парламенту страны, в котором бы прозвучала надежда, чтобы «поборники милитаристского курса в правительстве не чинили препятствий в установлении доверия в отношениях между Финляндией и Советским Союзом» ²².

Кроме того, Общество занялось активной пропагандой идей необходимости позитивного развития отношений между СССР и Финляндией. С середины июня 1940 г. была организована серия публичных докладов об исторических уроках советско-финляндских отношений, а также о необходимости усиления экономических связей между двумя государствами. Также были подготовлены сообщения о внутренней политике в СССР, в которых особо обращалось внимание на особенности советской социальной системы и конституции. В это же

время в Хельсинки Обществом были проведены мероприятия, связанные с обсуждением ранней истории СССР, на материале литературно-художественных произведений советской классики. В частности, на собрании общественности был сделан доклад Э. Синрво, посвященный роману М. А. Шолохова «Поднятая целина», а 27 июля в театре Тенхола для членов Общества прошла демонстрация кинофильма «Ленин в 1918 г.» ²³

Таким образом, с самого начала своего создания Общество начало действовать инициативно и весьма наступательно. При этом проведение первых мероприятий явно указывало на политический характер разворачивающейся работы, что, очевидно, не могло нравиться властям. Более того, в правительственных кругах считали, что само существование «Общества мира и дружбы с СССР» становится «опасным для страны», поскольку может даже «сломить моральный дух народа» ²⁴. В финском руководстве опасались того, что деятельность Общества опирается на «пятую колонну» в Финляндии, а сама эта организация является лишь «замаскированной коммунистической партией» ²⁵. В подобном духе писали некоторые финские газеты ²⁶.

Но именно первые инициативы Общества приковывали внимание широких слоев населения. Деятельность Общества становится весьма популярной, что, например, выразилось в стремительно нарастающем числе членов этой организации. Так, в момент провозглашения Общества в нем насчитывалось всего 124 человека. Однако уже в начале июня число членов составляло 2,5 тысячи, в июле — 10 тысяч, в августе — 30 тысяч, а в конце года численность Общества составила 40 тыс. человек. При этом по всей стране возникло до 115 его местных отделений 27. Такой быстрый рост количества членов Общества уже не мог не указывать на отсутствие единодушия финского народа, рожденного так называемым «духом зимней войны», и, естественно, не был связан с каким-либо сверхэффективным воздействием советского представительства на тысячи финских граждан.

Данное явление требует соответствующего научного объяснения, которое, очевидно, заключается в том, что, несмотря на итоги «зимней войны», в стране существовало значительное число граждан, которые выступали против продолжения политики конфронтации с СССР. В итоге чем решительнее финское

руководство боролось с деятельностью Общества, тем больше оно получало поддержки среди населения, опасавшегося сползания страны к новому обострению отношений с Советским Союзом.

Очевидно, что в росте популярности Общества не последнюю роль сыграла практика систематических задержаний полицией и арестов руководителей этой организации. Причем эти карательные действия со стороны правоохранительных органов лишь подогревали общественные настроения и, более того, активно использовались деятелями Общества. Так, в частности, 29 июля 1940 г. полиция разогнала собрание членов Общества в хельсинкском Доме книги на том основании, что «туда попали иностранцы без членских билетов и что в начале собрания там не был избран председатель» 28. Однако прибывший на собрание один из руководителей организации вице-председатель Общества Л. Вилениус, который только что вернулся с «очередного задержания», постарался факт разгона превратить в новую публичную акцию протеста. Оказавшись на улице, окруженный плотным кольцом своих единомышленников, мешавших полиции его арестовать, Вилениус стал выкрикивать призывы типа: «Да здравствует мир и дружба между Финляндией и Советским Союзом!» ²⁹ Подобные публичные действия еще более обостряли ситуацию, приковывая внимание населения страны и усиливая популярность организации среди определенной части жителей Финляндии.

Последовавшие затем новые аресты, которые коснулись как Л. Вилениуса, так и председателя Общества М. Рюэмя, привели к тому, что задержанные в знак протеста объявили голодовку. К этой голодовке присоединилось еще два арестованных члена этой организации ³⁰. Все это, естественно, приковывало внимание общественности. О деятельности Общества узнавало все больше и больше людей, а его публичные мероприятия приобретали еще более массовый характер. Правительству оставалось лишь пытаться скрывать подобные провокационные действия руководства Общества. Так, в отношении арестованных лидеров было решено, чтобы их «протест приобрел менее затяжной характер, его участников следует переместить в губернскую тюрьму города Вааса» ³¹, т. е. подальше от столицы страны, на север Финляндии.

Но Общество все более набирало силу. 30 июля в Хельсинки прошел многочисленный митинг сторонников Общества, затем переросший в демонстрацию, в которой, по официальным данным, принимало участие «около 400 человек» ³². Полиция предприняла попытку разогнать демонстрацию, арестовав ряд ее наиболее активных участников. Но на этом публичные действия Общества не закончились. 2 августа в Хельсинки был проведен митинг, на котором собралось уже семь тысяч сторонников мира и дружбы с СССР. Вновь возник неприятный инцидент, поскольку в момент его начала на одного из его организаторов было совершено покушение, приведшее к тому, что собравшиеся решили «мирно разойтись» ³³.

6 августа Общество вновь пошло на проведение публичной акции, однако власти решили ее не допустить. Полиция пыталась сорвать организацию нового митинга. Когда же он все же состоялся в центре Хельсинки на площади Хаканиемитори, то начались беспорядки ³⁴. Фактически руководство Общества открыто шло против линии правительства страны.

Очевидно, хорошо это понимая, лидеры Общества тем не менее продолжали действовать весьма инициативно. После произошедших в начале августа событий они прямо обвинили министерство внутренних дел в подготовке против Общества провокаций, обратившись по данному поводу с открытым письмом к министру Э. Борну 35. Более того, попытки проведения массовых мероприятий продолжались и не только в финской столице. В других городах Финляндии, где готовились соответствующие митинги и демонстрации, они также нередко заканчивались столкновениями с полицией. Так, в частности, когда 7 августа в Турку сторонники дружбы с Советским Союзом пытались провести митинг и демонстрацию, на которую прибыло до двух тысяч человек, полиция пошла на разгон собравшихся, открыв при этом по демонстрантам огонь. В результате 17 человек было ранено, 9 человек арестовано 36. Подобные факты отмечались в конце июля — начале августа и в других частях страны 37.

В целом правительство Финляндии готово было идти на решительные действия, направленные против деятельности Общества, показывая тем самым свое отношение к проявлявшимся среди населения стремлениям к установлению более дружественных отношений с СССР. Так, по крайней мере, это

квалифицировали в советском полпредстве. В представленном в Москву донесении Зотов писал, что «гонения и репрессии на членов Общества мира и дружбы... надо рассматривать как нежелание финляндского правительства поддерживать мир и дружбу между странами» ³⁸. Естественно, в СССР подобная ситуация, складывающаяся в соседней стране, не могла не вызывать серьезное беспокойство. Советский полпред специально беседовал по данному вопросу с министром иностранных дел Р. Виттингом и прямо заявил: «Развитие отношений между Финляндией и Советским Союзом зависит от того вклада, который вносит Общество дружбы» ³⁹. Таким образом, вопрос, который возник в связи с деятельностью Общества, стал уже внешнеполитическим и для Москвы мог превратиться в повод к выяснению внешнеполитической ориентации Финляндии.

Наркомат иностранных дел принялся активно проводить линию, направленную на то, чтобы каким-то образом повлиять на финскую политику. В августе Зотов имел продолжительную беседу непосредственно с премьер-министром Р. Рюти, в ходе которой был поставлен вопрос о складывавшейся ненормальной обстановке в связи с гонениями на дружественную СССР общественную организацию ⁴⁰.

Неоднократно по данной проблеме вел переговоры в Москве В. М. Молотов с Ю. К. Паасикиви. Еще в конце июля финский посланник записал в своем дневнике слова советского наркома, в которых он подчеркнул, что «в Финляндии основано общество, занимающееся деятельностью, направленной на укрепление дружбы между Советским Союзом и Финляндией». При этом Молотов выразил недоумение относительно негативной реакции «членов правительства... которые выступили против... установления дружественных и добрососедских отношений между СССР и Финляндией» ⁴¹. В такой ситуации, естественно, репрессивные действия финских властей могли рассматриваться в Москве лишь как очевидный вызов советскому руководству. В советской печати еще сильнее стала звучать критика Финляндии. Наблюдая это, Паасикиви вынужден был прямо отметить, что он «крайне опечален данными событиями» ⁴².

В целом в СССР начали серьезную политическую атаку на правительство Финляндии. Так, на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Молотов сделал доклад о внешней политике, где

особо обратил внимание на оценку отношений между Советским Союзом и Финляндией. В докладе он, в частности, подчеркнул, что «хорошее развитие советско-финляндских отношений зависит прежде всего от самой Финляндии» ⁴³. Однако положения, которые были изложены наркомом иностранных дел относительно Финляндии, расценили в ее представительстве в Москве не иначе как проявление «советской угрозы» ⁴⁴. Все попытки Паасикиви проводить мысль о том, что народ и правительство Финляндии «стремятся к хорошим отношениям с Советским Союзом» уже не воспринималось руководством СССР ⁴⁵.

Более того, успокоительные слова Паасикиви относительно политики Финляндии не совсем соответствовали тональности финской прессы. Что же касалось «Общества мира и дружбы с СССР», то ее деятельность теперь постоянно квалифицировали как работу агентов Советского Союза, тесно связанных с его дипломатическим представительством в Хельсинки ⁴⁶. Контакты же полпредства в Хельсинки с членами Общества рассматривались, как вмешательство с советской стороны во внутренние дела Финляндии ⁴⁷. Зотов вынужден был информировать наркомат иностранных дел, что финское правительство пытается «обвинить полпредство во вмешательстве во внутренние дела страны», ссылаясь на факты общения с представителями «Общества мира и дружбы» ⁴⁸.

Так не просто складывалась обстановка в Финляндии в отношении советской политики. Естественно, это не могло стать благоприятным фоном к тому, чтобы хоть как-то изменить к лучшему отношения с СССР. Попытка же Москвы скорректировать финский внешнеполитический курс с помощью дипломатических переговоров и критических выступлений в печати оказалась вообще малоэффективной.

Тем временем условия для деятельности в Финляндии «Общества мира и дружбы с СССР» становились все более сложными. К концу лета практически все ее центральное правление находилось в тюрьме. 4 сентября 1940 г. государственная полиция официально отказала в регистрации Общества, обосновывая это тем, что деятельность организации противоречит законам страны. После этого было арестовано еще 27 активных членов Общества ⁴⁹.

Однако популярность организации продолжала расти. Осенью 1940 г. число членов организации увеличилось, причем во многом

не только за счет столичных жителей. Возникло значительное количество местных отделений Общества, которые приступили к своей работе в различных районах страны 50. Был налажен выпуск своей собственной газеты — «Кансан Саномат». Ее первый номер вышел достаточно большим тиражом (35 тыс. экземпляров) 2 сентября 51. Более того, для ее издательской деятельности в октябре было основано акционерное общество «Кансанкулттуури».

Однако политические условия, при которых происходил процесс расширения спектра работы Общества, оказывались все более тяжелыми. В конце сентября 1940 г. в Финляндии появились немецкие войска. Руководство страны явно выбирало путь, который неминуемо должен был закончиться новой войной с Советским Союзом. При такой ситуации деятельность «Общества мира и дружбы с СССР» становилась для руководства страны крайне нежелательной. Поэтому деятельность организации было решено официально прекратить.

С 11 ноября в Хельсинки начался закрытый судебный процесс по делу об Обществе. Он продолжался более месяца, и 23 декабря был утвержден вердикт о запрещении этой организации, поскольку, как было сказано в обосновании принятого решения, «ее деятельность ухудшает отношения Финляндии с Советским Союзом» 52. Так официально «Общество мира и дружбы с СССР» прекратило существовать.

Что же касается арестованного руководства этой организации, то весной 1941 г. в Турку состоялся судебный процесс. Руководители Общества были осуждены на различные сроки тюремного заключения. Максимальный срок был определен председателю общества М. Рюэмя — 12 лет тюрьмы 53.

Итак, можно с уверенностью говорить о том, что в 1940 г. в Финляндии продолжало существовать достаточное количество сторонников развития добрососедских отношений с СССР, но проводившаяся правительством линия не позволяла проявлявшиеся тенденции реализовывать. Только после выхода в 1944 г. Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии дружественная Советскому Союзу организация все же опять возродилась и, несомненно, не могла не способствовать утверждению нового внешнеполитического курса Финляндии, который получил название «линии Паасикиви–Кекконена».

- ¹ Вихавайнен Т. Чудо «зимней войны» // Родина. 1995. № 12. С. 76.
- 2 См.: *Барышников В.Н.* Проблемы финляндско-советских взаимоотношений в области культуры в 1920–1930 гг. // Скандинавские чтения 2006 года. СПб., 2008. С. 394–395.
 - ³ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 545.
 - 4 Там же. С. 546.
- ⁵ См.: *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. Pori, 1969. S. 9; По другим сведениям, на учредительном собрании присутствовало 11 человек (см.: *Karttunen S.* Ystävyys vastatuulessa. Hels., 1966. S. 37).
 - ⁶ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 12–13.
 - ⁷ Ibid. S. 10.
 - ⁸ Ibid. S. 11.
 - ⁹ Ibid. S. 14.
- ¹⁰ Karttunen S. Ystävyys vastatuulessa. S. 139–140; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 107.
 - ¹¹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 76.
 - ¹² *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 98.
 - ¹³ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 76.
 - 14 Синицын Е. Резидент свидетельствует. С. 66.
 - ¹⁵ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 15.
- ¹⁶ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. II. Porvoo-Hels., 1959. S. 63.
 - 17 Ibid. S. 63-64.
 - ¹⁸ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 25.
 - 19 Ibid. S. 26.
- $^{20}\,$ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 110 G12. Salasähke Moskovaan, 25.7.1940.
 - ²¹ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 33.
 - ²² Ibid. S. 26.
 - ²³ Cm.: *Karttunen S.* Ystävyys vastatuulessa. S. 57–59.
 - ²⁴ Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo-Hels.-Juva, 1982. S. 113–114.
 - ²⁵ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 26.
 - ²⁶ Cm.: Karttunen S. Ystävvys vastatuulessa. S. 128.
- 27 Ibid. S. 51–52; *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. S. 22, 46; *Viitala H. M.* Mauri Ryömä, J. K. Paasikivi ja SN-Seuran perustaminen // Maailma ja Me. 1984. $N\!^{\circ}$ 4. S. 40.
 - ²⁸ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 34.
 - 29 Ibid.
 - ³⁰ Ibid. S. 33; UM. 110 G12. Kirjelmä Moskovaan. 30.8.1940.
 - 31 UM. 110 G12. Kirjelmä Moskovaan, 30.8.1940.
 - 32 Ibid. Salasähke Moskovaan, 31.7.1940.
 - ³³ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 36.
 - 34 Ibid.

- 35 Ibid. S. 38-39.
- ³⁶ UM. 12 L/26. Сообщение туркуской полиции, 8.8.1940.
- ³⁷ Ibid.; *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. S. 34–38.
- 38 Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 37.
 - ³⁹ Цит. по: Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 292.
 - ⁴⁰ UM. 12 L/26. Обзор министерства иностранных дел, № 74. 8.8.1940.
 - ⁴¹ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. II. S. 65.
 - ⁴² Ibid. S. 72.
 - ⁴³ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 525.
 - ⁴⁴ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. II. S. 75.
 - ⁴⁵ UM. 12 L/26. Обзор министерства иностранных дел. № 74. 8.8.1940.
 - ⁴⁶ Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 34–38.
 - ⁴⁷ UM. 12 L/26. Обзор министерства иностранных дел. № 74. 8.8.1940.
 - 48 АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 44.
 - ⁴⁹ Cm.: Viitala H. M. Rauhanoppositio. S. 43.
 - ⁵⁰ Ibid. S. 46.
 - ⁵¹ Ibid. S. 41.
 - ⁵² Цит. по: Ibid. S. 48.
 - ⁵³ Ibid. S. 49.

Д.А. Журавлев

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ В 1940–1941 гг.

Одним из важнейших вопросов, который должно было решить руководство Ленинграда и военные органы в период, последовавший за окончанием советско-финляндской войны, стало создание системы социального обеспечения тяжелораненых и военнослужащих, ставших инвалидами в ходе боевых действий 1939—1940 гг. Указанные мероприятия потребовали не только привлечения финансовых ресурсов, но и разработки необходимых указаний, регламентирующих данную деятельность. Процесс организации социального обеспечения военнослужащих может свидетельствовать об уровне подготовки Ленинграда, а также в определенной степени государства в целом, к решению вопросов, связанных с последствиями войны.

Эта проблема ставилась еще накануне советско-финляндской войны. Вместе с тем отдаленная перспектива возникновения этой проблемы во многом препятствовала разработке и принятию документов, которые бы регламентировали работу в данном направлении (в том числе инструкций по организации непосредственных мероприятий в рамках отдельного лечебного учреждения). В ходе боевых действий было необходимо в короткие сроки организовать целый комплекс мероприятий по лечению и последующей реабилитации военнослужащих. Положение осложнялось тем, что данная категория пострадавших вследствие целого комплекса причин не могла быть эвакуирована в другие районы страны. Исходя из этого, основная

часть инвалидов и тяжелораненых военнослужащих концентрировалась в Ленинграде.

Состав военнослужащих, проходивших в послевоенный период лечение в Ленинграде, указывает на основное направление работы в данной сфере. В городе на начало второй половины 1940 г. оказывалась медицинская помощь 1454 военнослужащим с ампутацией, 2330 — с ранениями нижних конечностей, 1091 — с ранениями верхних конечностей, 1093 военнослужащих с термическими поражениями конечностей 1. Исходя из этой статистики, в Ленинграде начинается переход к мероприятиям, связанным с оказанием в широких масштабах специализированной медицинской помощи, реабилитацией инвалидов войны, организации производства протезов и пр.

4 апреля 1940 г. в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале (ЦНИАГ) прошло совещание с участием председателя военно-врачебной комиссии 50-го фронтового эвакуационного пункта (ФЭП), посвященное вопросам военно-врачебной экспертизы при челюстно-лицевых ранениях. На совещании также возник вопрос и о дальнейшей судьбе тяжелораненых. Было сообщено следующее: количество раненых со значительным обезображиванием лица или значительным ограничением функций составляло по Ленинграду 300-350 человек. Их лечение планировалось осуществить в течение 3-9 месяцев, что включало в себя проведение реставрационных пластических операций на мягких тканях². Значительная часть пострадавших проходила лечение в городе, что было связано не только с наличием в Ленинграде необходимых условий для реабилитации. Не последнюю роль в этом играли и проблемы психологического характера. Как отмечалось в отчете о данном совещании: «Большинство их (тяжелораненых.— Д. Ж.) отказывается ехать домой до окончания реставрационного лечения и избегает совместного пребывания с иными категориями пострадавших и здоровыми» ³.

Вместе с тем подобное положение вызывало негативную реакцию со стороны городских властей. 30 августа 1940 г. совместное заседание исполкома Ленсовета приняло решение «О размещении ослепших бойцов Красной Армии». В нем, в частности, говорилось: «В связи с невозможностью и нецелесообразностью размещения всех ослепших бойцов Красной

Армии и их семей в городе Ленинграде, согласуясь с решением Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР (НКСО), прекратить дальнейшее размещение их в Ленинграде, ограничиваясь организованным интернатом для слепых бойцов на 45 койко-мест» ⁴. Следует предположить, что подобная мера со стороны руководства Ленинграда была вызвана большим сосредоточением в городе военнослужащих с потерей зрения. Вследствие этого в решении предусматривались довольно жесткие условия: ослепшие военнослужащие должны были размещаться вне Ленинграда, исключительно по месту их проживания.

Наибольшее внимание со стороны военных и гражданских органов уделялось военнослужащим, потерявшим зрение в ходе боевых действий. Один из ведущих специалистов кафедры офтальмологии Военно-медицинской академии (ВМА) Б. Л. Поляк в апреле 1940 г. следующим образом описывал обстановку, сложившуюся в сфере реабилитации военнослужащих, потерявших зрение в ходе боевых действий 1939–1940 гг.: «Вопрос о трудоустройстве военнослепых представляет исключительно большое политическое и экономическое значение при том большом количестве слепых, которое дает современная война. Этот вопрос был разрешен удачно только благодаря тому, что общественность в лице слепых взялась энергично за это дело со всей инициативой и энергией» ⁵. При этом элемент творческой инициативы и импровизации неоднократно подчеркивался Б. Л. Поляком, так как это давало возможность выходить из трудной ситуации. В Ленинграде данную работу возглавил профессор Коваленко. Его роль в помощи военнослужащим, потерявшим зрение, оценивалась следующим образом: «Сам слепой на оба глаза, он, будучи чрезвычайно энергичным и высокообразованным человеком, добился того, что в Ленинграде удалось в самый короткий срок отлично оборудовать интернат для военнослепых. Все слепые были учтены в госпиталях, и уже в палатах с ними были проведены занятия по азбуке Бреля под руководством специалистов тифлопедов. В институте шло обучение грамоте, слепые ходили на завод "Земес", хорошо оборудованные станки токарные для труда слепых. Часть ослепших была устроена таким образом, что будут получать стипендию при Институте им. Герцена. Слепые, имевшие семиклассное

образование, переходят на рабфак, на котором получат высшее образование. Эта система трудоустройства является самой лучшей, которая когда-либо до этого существовала» ⁶.

В ленинградских лечебных учреждениях в послевоенный период стали проводиться мероприятия, которые были направлены на обучение военнослужащих различным специальностям, что впоследствии должно было способствовать их реабилитации. С этой целью в Ленинграде были организованы специальные курсы бухгалтеров, счетоводов, портных, часовых мастеров, где инвалиды проходили подготовку в течение определенного срока 7. В послевоенный период реабилитация военнослужащих, прежде всего их участие в производственной деятельности, стала осуществляться на различных предприятиях и в организациях города. При этом довольно часто с подобной инициативой выступали медицинские учреждения, где проходили лечение военнослужащие, стараясь выявить заинтересованность конкретного раненого в овладении той или иной специальностью ⁸. Отдельные шаги в данном направлении предпринимали и городские власти. В частности, трудоустройство и реабилитация инвалидов войны находились в ведении Ленинградского отдела социального обеспечения 9.

Большой объем работ в городе был проделан по организации системы обеспечения военнослужащих, нуждавшихся в протезировании. Ведущее положение в данной сфере занимали Институт травматологии и Институт ортопедии ¹⁰. В послевоенный период устанавливаются контакты между отдельными лечебными учреждениями (как правило, эвакуационными госпиталями) и названными выше научно-практическими учреждениями, что облегчало снабжение их соответствующими наименованиями изделий, а также проведение необходимых согласований. Вместе с тем в данное время выявилась неготовность указанной системы к массовому производству продукции, в которой нуждались инвалиды. Проблемы с получением протезов вызывали недовольство с их стороны ¹¹.

Проведением работ, связанных с протезированием в Ленинграде, занимались три органа: ФЭП, НКСО, а также Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) СССР. Наряду с очевидными преимуществами такой организации, отмечались и ее негативные стороны, которые сказывались в первую очередь

на сроках выполнения работы в целом ¹². Как показывает анализ материалов центральных органов власти, обстановка в данной сфере складывалась довольно напряженная. В середине 1940 г., когда НКЗ СССР приступил к разработке материалов по оснащению медицинских формирований на военное время, серьезную заинтересованность при этом проявило Санитарное управление Красной Армии (СУ РККА). Представители последнего считали необходимым поставить вопрос о заготовке лечебных протезов. Это диктовалось наличием негативного опыта в период боевых действий 1939–1940 гг., когда недостаток лечебных протезов «вызвал целый ряд затруднений и разнобой в методике подготовки культей» ¹³.

3 февраля 1940 г. начальник СУ РККА Е.И. Смирнов направил нескольким адресатам (секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), председателю Ленсовета, начальнику Санитарного отдела Ленинградского военного округа (СО ЛВО), наркому социального обеспечения РСФСР) письмо, в котором раскрывал свои взгляды относительно остро вставшей в то время проблемы по социальному обеспечению инвалидов в городе 14. Вместе с тем в письме нашли отражение также действия других органов в данной сфере. Е.И. Смирнов сообщал, что представитель СО ЛВО военврач 1-го ранга Лившиц и заведующий горсобеса Ленинграда Сусляков обращались к нему, «постоянно ставили... вопрос о целесообразности и возможности организации интерната для ожидающих протезирования в Ленинграде» ¹⁵. Как следует из письма, при организации совместной работы возникали серьезные сложности, связанные с отсутствием должного взаимодействия, а также наличия различных представлений о системе социального обеспечения инвалидов и степени осведомленности относительно городских ресурсов. СУ РККА, в отличие от НКСО, возражало против организации в Ленинграде новых домов инвалидов. Е.И. Смирнов следующим образом характеризовал свою позицию по данному вопросу: «Существующая больница им. К. Маркса в г. Ленинграде, безусловно, может быть использована для размещения военных инвалидов в счет общих норм Ленинградской области путем переброски части группы инвалидов из больницы хроников в дома инвалидов области. Такого рода мероприятия создадут лучшие условия врачебного наблюдения и ухода для военных инвалидов и не увеличат существенно сеть домов инвалидов в г. Ленинграде» 16.

Система социального обеспечения инвалидов войны должна была включать в себя различные элементы, не только медицинские, но и экономические, прежде всего выплаты пособий. Сложности при решении данных вопросов приводили к нежелательным для городских властей последствиям. 17 мая 1940 г. заведующий ленинградским отделом социального обеспечения Сусляков направил председателю Ленсовета письмо, в котором говорилось о необходимости решить вопросы «пенсионного обеспечения бойцов, получивших инвалидность, и семей убитых на белофинском фронте» ¹⁷. Сусляков утверждал, что неразрешенность данного вопроса на правительственном уровне «вызывает недовольство и политически вредный настрой среди этих лиц» 18. В письме, в частности, говорилось: «Эти люди ежедневно обращаются в органы социального обеспечения с вполне законным требованием об их обеспечении, а вместе с тем никаких определенных даже указаний, не говоря уже о законе, по этому вопросу не имеется... С декабря 1939 г. НКСО РСФСР дал ряд разнородных указаний, одно о назначении пенсий, другое о назначении пособий, что ведет к путанице и недовольству лиц, пострадавших в боях на белофинском фронте, и их семей» ¹⁹.

Лишь к началу сентября 1940 г. можно говорить о том, что система социального обеспечения военнослужащих, получивших инвалидность, начала эффективно работать. Это было связано как с уменьшением числа пострадавших, так и созданием необходимых условий для решения указанных задач. Особенностью функционирования данной системы являлось то обстоятельство, что ее формирование было не одномоментным актом, основанным на разработанных в предыдущий период нормативах. Оно шло в соответствии с отдельными положениями, подготовленными уже в ходе боевых действий и вызванными скорее самой обстановкой, и во многом отставала от реальных условий.

Организация системы социальной помощи инвалидам Советско-финляндской войны так и не была завершена к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В новых условиях инвалиды прошедших боевых действий включались в мероприятия, осуществляемые государством уже по новым категориям военнослужащих, пострадавших на поле боя.

- ² Там же. Оп. 4613. Д. 5. Л. 532.
- 3 Там же.
- ⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 271.
 - 5 Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1. Л. 366.
 - 6 Там же.
- ⁷ *Черняк И. М.* О лечебно-эвакуационном обслуживании во фронтовом тылу: Дисс. ... канд. медицинских наук. Л., 1941. С. 280–281.
 - 8 Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 8. Л. 284.
 - 9 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 271.
 - 10 Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 1. Л. 6.
 - 11 Там же. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 8. Л. 284.
- 12 Черняк И. М. О лечебно-эвакуационном обслуживании во фронтовом тылу. С. 199–200.
- 13 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 16. Л. 50.
- ¹⁴ В данном случае сказывался дефицит свободных площадей в городе во время Советско-финляндской войны. Для размещения большого числа инвалидов, находившихся в городе, отводились не только помещения, ранее принадлежавшие лечебным учреждениям, но и в малой степени отвечавшие необходимым требованиям, в частности принадлежавшие ФЗУ при фабрике «Рот-фронт» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 271).
 - 15 Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 293.
 - ¹⁶ Там же.
 - 17 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 325.
 - 18 Там же. Л. 326.
 - 19 Там же. Л. 327.

 $^{^1}$ Архив Военно-медицинского музея МО РФ (далее ВММ). Ф. 5747. Оп. 44614. Д. 1. Л. 5.

В. Г. Макуров

КАРЕЛИЯ В ВОЙНЕ: 1944 г.— ОСВОБОЖДЕНИЕ

В 2009 г. исполняется 65 лет многим знаменательным событиям Великой Отечественной войны, среди которых — снятие немецко-финской блокады Ленинграда, длившейся 900 дней и ночей, а также освобождение временно оккупированной территории Советской Карелии.

Как известно, в войне на Севере выделяются три основных этапа. На первом (июнь-декабрь 1941 г.) советские войска вели тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами финских и немецких армий, которым удалось захватить две трети территории Карелии. Тем не менее Карельский фронт, созданный для обороны Севера, выполнил основную задачу — остановил наступление противника и удержал за собой ключевые позиции, в том числе сыграл свою роль в том, чтобы на юге Карелии финским и немецким войскам не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. 1942–1943 гг. стали периодом стабильной обороны удержанных позиций и подготовки решающего наступления против вражеских сил. В 1944 г. советские войска провели ряд крупных успешных наступательных операций, в результате чего на Северо-Западе СССР была полностью освобождена временно оккупированная противником территория и восстановлена государственная граница с Финляндией и Норвегией.

В первой половине 1944 г. Вооруженные Силы СССР провели успешные военные операции под Ленинградом и Новгородом,

на Правобережной Украине и в Крыму, вступили на территорию одного из союзников Германии — Румынии. В результате создавались благоприятные предпосылки для освобождения всех районов страны и достижения полной и окончательной победы над вражескими войсками. Создавшаяся военно-стратегическая ситуация и назревавший политический и экономический кризис в Финляндии вынудили ее руководство в середине февраля 1944 г. обратиться к Советскому правительству за выяснением условий выхода из войны. Однако те предварительные условия перемирия, которые изложила советская сторона, правительство Финляндии отклонило. Оно не ответило и на совместное обращение правительств СССР, Англии и США к сателлитам гитлеровской Германии от 13 мая 1944 г., в котором союзники по антигитлеровской коалиции предупредили их об ответственности в случае продолжения войны на стороне Германии 1.

В январе 1944 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов разбили немецкую группу армий «Север», 900 дней державшую в блокаде Ленинград. Эта победа оказала большое влияние на ход боевых действий в Карелии. По воспоминаниям маршала К. А. Мерецкова, в середине февраля его срочно вызвали в Ставку ВГК и уведомили, что Волховский фронт, которым он тогда командовал, ликвидируется, его войска передаются Ленинградскому фронту, а Мерецков назначается командующим Карельским фронтом. Пожелавший отправиться воевать на Западном направлении К. А. Мерецков, по его словам, получил примерно следующий ответ И.В. Сталина: «Вы хорошо знаете и северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более что еще в 1939-1940 гг., во время советско-финляндской войны, вы командовали армией на Выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с затяжкой организации разгрома врага...» ²

Тогда же Ставка Верховного Главнокомандования сформулировала в общих чертах поставленную перед Карельским фронтом

задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 г. освободить оккупированные районы Карелии и Кольского полуострова. Далее из воспоминаний К. А. Мерецкова следует: «Так как Карельский фронт длительное время стоял в обороне и в связи с этим его войска и командиры не имели опыта крупных наступательных операций, то наряду со сменой командования Ставка решила перебросить в Карелию еще и управление Волховским фронтом. Приход новых и опытных сил должен был активизировать боевые действия. Командующему же надлежало как можно скорее разобраться в обстановке, изучить наступательные возможности фронта и к концу февраля представить свои соображения по разгрому немецко-финских войск» 3.

Советское Верховное Главнокомандование с целью разгрома финских войск и восстановления на Северо-Западе государственной границы приняло решение провести Выборгско-Петрозаводскую операцию. Осуществить ее планировалось силами Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий. Наступательные действия предстояло начать войскам Ленинградского фронта (Выборгская операция), а затем в наступление переходили войска Карельского фронта (Свирско-Петрозаводская операция). Для проведения операции выделялись 41 дивизия, 5 стрелковых бригад и 4 укрепленных района. Они насчитывали около 450 тыс. человек, 10 тыс. орудий и минометов, 800 танков и самоходных орудий, 1540 самолетов и превосходили противника: в людях - в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 5,2 раза, в танках и самоходных орудиях в 7,3 раза и в самолетах — в 6,2 раза 4 .

10 июня 1944 г., после тщательной подготовки, войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л. А. Говорова в составе 21-й и 23-й армий при поддержке кораблей Балтийского флота и самолетов 13-й воздушной армии перешли в наступление на Карельском перешейке. В результате 10-дневных упорных боев советские войска прорвали три полосы мощной глубоко эшелонированной вражеской обороны и 20 июня овладели г. Выборгом. Противник, понеся большие потери в людях и технике, подтянул к району боев свежие подкрепления из южной Карелии, что создавало благоприятную обстановку для наступательных операций

частей Карельского фронта на перешейке между Ладожским и Онежским озерами.

21 июня 1944 г. войска Карельского фронта начали Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, имея целью разгромить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами и освободить южную Карелию. Главный удар наносился 7-й армией (командующий генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) из района Лодейного Поля вдоль Ладожского озера в направлении на Олонец — Питкяранта — Сортавала с выходом на государственную границу. Кроме того, частям 7-й армии ставилась задача одновременно наступать вдоль западного побережья Онежского озера в северном направлении на Петрозаводск. Войскам 32-й армии (командующий генераллейтенант Ф.Д. Гореленко) надлежало наступать из района северо-восточнее Медвежьегорска в направлении Суоярви, а частью сил — на Петрозаводск. Остальные войска Карельского фронта (14, 19, 26-я армии) находились в готовности к переходу в наступление в случае переброски вражеских сил из северной в южную Карелию ⁵. В наступлении участвовали Онежская и Ладожская военные флотилии, 7-я воздушная армия и 19 партизанских отрядов.

Наступление началось утром 21 июня форсированием реки Свирь и сопровождалось мощной артиллерийско-авиационной подготовкой. Группа из 16 молодых бойцов-добровольцев стала преодолевать реку Свирь шириной до 400 метров. Когда противник открыл по переправлявшимся огонь, нашим наблюдателям удалось уточнить систему вражеских огневых точек и помочь начать прицельную стрельбу по ним. Все 16 гвардейцев добрались до противоположного берега и закрепились на нем, способствуя успешному форсированию реки главными силами. За этот самоотверженный подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР советские воины А. М. Алиев, А. Ф. Барышев, С. Бекбосунов, В. П. Елютин, И. С. Зажигин, В. А. Малышев, В. А. Маркелов, И. Д. Морозов, И. П. Мытарев, В. И. Немчиков, П. П. Павлов, И. К. Паньков, М. Р. Попов, М. И. Тихонов, Б. Н. Юносов и Н. М. Чухреев удостоены звания Героя Советского Союза.

В итоге первого дня подразделения 7-й армии успешно форсировали Свирь и прорвали главную оборонительную полосу

противника ⁶. Им удалось продвинуться вперед на 20–30 км и освободить более 200 населенных пунктов. В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся подразделениям было присвоено наименование «Свирских». Большую помощь частям 7-й армии оказывали Ладожская и Онежская военные флотилии. 23 июня в тылу финской обороны, у реки Тулоксы, они высадили группу десантников, которые перерезали шоссейную и железную дороги вдоль берега Ладожского озера и вынудили отступавшие с фронта вражеские войска бросать технику и отходить по проселочным дорогам. С помощью десанта части 7-й армии овладели Олонецким укрепленным районом и после ожесточенных боев 25 июня освободили г. Олонец⁷.

Одновременно части 32-й армии перешли к активным боевым действиям севернее Онежского озера. К концу дня 21 июня они заняли селение Повенец, а 23 июня, несмотря на сильное сопротивление противника,— город Медвежьегорск. После освобождения Медвежьегорска, в соответствии с планом операции, советские войска повели наступление на запад, в направлении Чебино — Мяндусельга — Поросозеро, а 1070-й стрелковый полк 313-й дивизии — на юг, в направлении Кондопога — Петрозаводск. 28 июня этот полк овладел Кондопогой 8.

Продвижение советских войск на всех направлениях создало угрозу окружения южной группировки противника и заставило его начать поспешный отход из района Петрозаводска, к которому вдоль берега Онежского озера после форсирования Свири продвигалась с боями 368-я стрелковая дивизия, взаимодействовавшая с Онежской военной флотилией. 26 июня в тылу врага, у села Шелтозера, с бронекатеров высаживается десант, который заставил финнов покинуть Шелтозеро. 28 июня группа десантников высадилась в районе Уйской губы Онежского озера, она освободила села Деревянное. В тот же день десантники Онежской военной флотилии при содействии частей 32-й армии, наступавших вдоль Кировской железной дороги с севера, и частей 7-й армии, наступавших по западному побережью Онежского озера с юга, в 11 часов 30 минут вошли в г. Петрозаводск, находившийся в руках финнов с 1 октября 1941 г. 9

Лейтенант Н. Д. Капустин, командир катера, вошедшего в Петрозаводский залив первым, вспоминал об этом событии: «Мы видели горящие дома, пристань и другие сооружения...

Улицы города хорошо просматривались, они были безлюдны. И вдруг мы увидели множество людей, которые бежали в сторону порта, к горящему пирсу. После некоторых колебаний мы решили, что это жители города бегут нам навстречу». Когда катера подошли к горящему пирсу, по словам Н. Д. Капустина, там началось такое, что «описать невозможно». «Мы попали в объятия истосковавшихся в неволе советских людей. Нас целовали, обнимали, дарили цветы. Стоявшие у пирса катера были засыпаны живыми цветами. Каждый стремился хотя бы дотронуться до нас и убедиться, что все это не сон...» 10

Вскоре к причалу подошли другие корабли флотилии и на берег высадились десантники 31-го отдельного батальона морской пехоты. Командир батальона капитан И. С. Молчанов приказом командующего флотилией Н.В. Антонова был назначен военным комендантом города. 28 июня штаб Карельского фронта отправил Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину боевое донесение об освобождении Петрозаводска. Утром 29 июня в город вошли передовые части 368-й и 313-й стрелковых дивизий, наступавшие с юга и севера. В тот же день, 29 июня, Москва салютовала советским воинам, освободившим Петрозаводск, 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. В честь одержанной победы наиболее отличившиеся военные соединения и части получили почетное право называться «Петрозаводскими»: 313-я стрелковая дивизия, 31-й отдельный батальон морской пехоты, дивизион минных катеров, дивизион канонерских лодок и дивизион бронекатеров Онежской военной флотилии. 30 июня на центральной площади Петрозаводска состоялся общегородской массовый митинг населения, посвященный освобождению города¹¹.

Всего за первые 10 дней наступления (с 21 по 30 июня) войска Карельского фронта освободили более 800 населенных пунктов Ленинградской области и Карелии, полностью очистили от врага Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал. Противник понес значительные потери в живой силе (до 22 тыс. убитыми) и технике. Но основным силам финнов удалось отойти на новые рубежи обороны. К. А. Мерецков вспоминал: «Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних

деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории. Например, на дорогах от Лодейного Поля до Олонца наши саперы обнаружили и обезвредили 40 тыс. мин. Мы натыкались и на оборонительные рубежи, подготовленные еще за год до этого: на один километр фронта приходилось до 12 дотов и дзотов» 12. Тем не менее войска Карельского фронта продолжали движение вперед. В первой половине июля после упорных боев освобождены населенные пункты: Салми, Питкяранта, Суоярви, Поросозеро. 21 июля 176-я стрелковая дивизия 32-й армии вышла на государственную границу. К 9 августа 1944 г. советские войска вышли на линию Кудамгуба — Куолисмаа — Питкяранта, завершив в основном Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию.

В результате полуторамесячных боев войска левого крыла Карельского фронта во взаимодействии с Ладожской и Онежской военной флотилиями продвинулись на 200–250 км, разгромили 6 пехотных дивизий и 6 различных бригад финнов. Противник потерял только убитыми свыше 50 тыс. солдат и офицеров, 470 орудий, 165 минометов, 432 пулемета, 30 паровозов, свыше 500 вагонов, 50 различных складов с военным имуществом, 20 танков и бронемашин ¹³.

В боях с противником советские воины проявили массовый героизм. В ходе Свирско-Петрозаводской операции 23 990 человек награждены орденами и медалями, а 52 — удостоены звания Героя Советского Союза. В боях за освобождение Карелии участвовали представители всех народов и республик СССР — России, Украины, Казахстана, Грузии и др. Так боевой путь 313-й стрелковой дивизии, сформированной из жителей Удмуртии, был неразрывно связан с Карелией. В трудные сентябрьские дни 1941 г. она вступила в бой около карельского села Пряжа, летом 1944 г. вела наступательные операции за освобождение Петрозаводска, Медвежьегорска, Повенца и многих других населенных пунктов Карелии. За успешные боевые действия этой дивизии присвоили почетное наименование «Петрозаводской» с награждением орденом Красного Знамени. 272-я стрелковая дивизия за время наступления с ожесточенными боями прошла около 200 км, освободила 115 населенных пунктов, в том числе районные центры Салми и Питкяранта. В ходе операции дивизия форсировала 8 водных преград — реки Свирь, Олонка, Тулокса и др. За проявленные при этом мужество и героизм 1622 человека награждены орденами и медалями, 11 воинам присвоено звание Героя Советского Союза 14.

Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутриполитическую и военно-экономическую обстановку в Финляндии. Среди населения росли антивоенные настроения, падало моральное состояние армии. Все это обусловило уход президента Рюти 1 августа 1944 г. в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Вновь сформированное правительство обратилось к СССР с предложением начать переговоры о перемирии или заключении мира. Советское правительство выразило согласие вступить в переговоры при условии, что Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории до 15 сентября 15.

В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление по радио о том, что принимает предварительные условия правительства СССР о разрыве отношений с Германией и выводе немецких войск из Финляндии. Одновременно объявлялось о прекращении военных действий на всем участке расположения финских войск с 8 часов утра 4 сентября. Советские войска Карельского и Ленинградского фронтов тоже получили приказ Верховного Главнокомандования прекратить военные действия против Финляндии с 8 часов 5 сентября 16.

19 сентября в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой. Соглашением восстанавливалось с некоторыми изменениями действие мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., и его пункты в значительной мере относились к Карелии. Финляндия обязывалась: отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 г.; разоружить германские войска, остававшиеся на ее территории, и передать их советской стороне в качестве военнопленных; перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев; немедленно передать СССР всех находившихся в ее власти советских и союзных военнопленных и насильственно уведенных граждан; возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советской территории

в размере 300 млн долларов; возвратить СССР в полной сохранности вывезенные с советской территории во время войны все ценности и материалы и др. На основе Соглашения о перемирии через два с лишним года, 10 февраля 1947 г., между СССР и союзными государствами, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, был подписан мирный договор ¹⁷.

После заключения перемирия военные действия продолжались лишь на северном участке Карельского фронта против находившейся здесь 20-й немецкой горной армии. В сентябре 1944 г. в результате обходного маневра, осуществленного советскими 19-й и 26-й армиями, немецко-фашистское командование отвело свои войска на кестеньгском, ухтинском и кандалакшском направлениях. В ходе боев противник понес большие потери. Территория Карелии была полностью освобождена. В октябре 1944 г. соединения Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота успешно завершили боевые действия на Крайнем Севере: в результате проведенной Петсамо-Киркенесской операции они освободили оккупированные районы Советского Заполярья. Государственная граница на Северо-Западе СССР была окончательно восстановлена.

Следует отметить, что успех в наступательных операциях частей Карельского фронта достигался не только за счет их превосходства в силах, но и благодаря превосходству стратегии и тактики советского командования и массового героизма советских воинов. Об этом, кстати, свидетельствует сам маршал Маннергейм в своих воспоминаниях: «Наши силы на этой стадии подверглись исключительно трудному испытанию. Это было следствием не только огромного превосходства противника в силах, но и того, что продолжавшаяся почти 3 года позиционная война... притупила их [финнов] привычку к военным действиям. Красная же Армия, наоборот, с 1942 г. шла от победы к победе и приобрела тем самым исключительный опыт наступления...» 18

Многие жители Карелии, до конца выполняя свой патриотический и гражданский долг, пали в боях за свободу и независимость Родины. В «Книге Памяти», изданной к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, содержатся имена более 40 тыс. воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в 1941–1945 гг. ¹⁹ За доблесть и мужество, проявленные в боях

с немецко-финскими войсками, тысячи воинов из Карелии были награждены орденами и медалями СССР. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены 27 человек: Ф. М. Александров, И. И. Артамонов, Т. Н. Артемьев, А. Н. Афанасьев, В. С. Басков, Н. Г. Варламов, А. П. Дорофеев, В. М. Зайцев, Ф. М. Крылов, А. М. Лисицына, А. Р. Машаков, М. В. Мелентьева, И. А. Мешков, Н. Т. Омелин, А. Н. Пашков, А. П. Пашков, П. М. Петров, В. Н. Пчелинцев, Н. Ф. Репников, Н. И. Ригачин, А. Е. Румянцев, М. Т. Рябов, П. А. Тикиляйнен, И. П. Торнев, В. М. Филиппов, А. И. Фофанов, Ф. А. Шельшаков 20.

В ходе работы над энциклопедией «Карелия» в трех томах (пока вышел первый том) удалось уточнить, что Героев Советского Союза из Карелии было не 26, как считалось ранее, а 27. Это — Владимир Николаевич Пчелинцев. С начала 1930-х Пчелинцев жил в г. Петрозаводске, учился в средней школе, был неоднократным призером и победителем городских и республиканских соревнований по стрелковому спорту. После школы, в 1938 г., поступил в Ленинградский горный институт, прошел обучение в снайперской школе Осоавиахима. С первых дней Великой Отечественной войны воевал за Родину: был снайпером 11-й стрелковой бригады (8-я армия Ленинградского фронта), участвовал в обороне Ленинграда. За период с сентября 1941 по февраль 1942 г. он уничтожил 102 солдата и офицера противника, выступил инициатором создания массового снайперского движения на Ленинградском фронте. В феврале 1942 г. удостоен звания Героя Советского Союза. Вместе со снайпером Л. Павлюченко из Севастополя осенью 1942 г. был приглашен в США и Великобританию, встречался с президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Англии У. Черчиллем. После войны продолжил службу в армии. В 1952 г. окончил Военную академию связи. Награжден орденом Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями ²¹.

После освобождения территории Карелии на родные места стали возвращаться эвакуированные жители из разных республик, краев и областей Советского Союза. Их общее количество насчитывалось до 600 тыс. из 700 тыс. человек. В течение всего военного времени им пришлось жить в очень трудных условиях, поскольку эвакуация проходила в спешном порядке

и люди не могли взять с собой все необходимое для жизни. Сам переезд на новые места был крайне тяжелым и сопровождался гибелью многих людей из-за вражеских бомбардировок, отсутствия необходимого продовольствия и предметов первой необходимости. Да и на новом месте жительства на первых порах эвакуированным приходилось испытывать большие трудности и в жилье, и в питании, и в других элементарных социально-бытовых услугах.

В целом эвакуированные жители Карелии (в основном женщины, дети и пожилые мужчины) работали на всех участках, куда их направляли: в сельском хозяйстве, на промышленных и транспортных предприятиях, в учебно-воспитательных и культурно-просветительских учреждениях. Они внесли свой вклад в общее дело Победы страны над агрессором. Следует подчеркнуть, что многие из них за свой самоотверженный труд награждены государственными наградами и сегодня заслуживают соответствующего вознаграждения со стороны государства ²².

Реэвакуация проходила тоже в довольно сложных условиях, ибо перевезти сотни тысяч людей (а в масштабах страны — многие десятки миллионов человек) представлялось трудной задачей. Тем не менее только в октябре—ноябре 1944 г. реэвакуировалось свыше 50 тыс. человек. Специальными решениями Совнаркома и ЦК Компартии республики предусматривался ряд мер по оказанию возможной помощи прибывавшим: им полагалось пособие в размере 1000 рублей на семью и временное освобождение от денежных налогов и обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов и др.

Сразу после освобождения от оккупации Петрозаводска, в начале июля, в столицу переехали руководящие органы Карело-Финской ССР из Беломорска, где они находились во временной эвакуации ²³.

Основные усилия руководства и трудящихся направлялись на скорейшее возрождение общественно-государственной и хозяйственно-культурной жизни республики. Стремясь быстрее возродить разрушенные города и села, они устраивали массовые трудовые субботники и воскресники. Так, на следующий день после освобождения Петрозаводска тысячи людей вышли на очистку улиц города и строительство мостов. Горожане взяли на себя обязательство отработать на восстановительных работах не менее

8 часов еженедельно. До Дня Победы в городе вступили в действие 35 промышленно-транспортных предприятий и мастерских ²⁴.

Конечно, пока делались лишь первые шаги по возрождению края, основная работа в этом направлении предстояла впереди. Достаточно сказать, что в 1945 г. общий объем валовой продукции промышленности не превышал 25% довоенного уровня. Посевные площади в сельском хозяйстве составляли 50% довоенных размеров 25. Население республики испытывало нужду в самом необходимом — продовольствии, жилье, одежде. Товары отпускались по карточкам. Жильем служили наспех сколоченные деревянные бараки, а то и землянки. Чтобы вернуть к жизни все разрушенное во время войны, требовалось время, огромные материальные ресурсы и самоотверженные усилия жителей республики.

¹ Известия. 1944. 13 мая; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 454.

 $^{^2\,}$ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 365.

 $^{^3}$ Там же. С. 366; *Куприянов Г. Н.* Во имя великой победы. Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 221.

⁴ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 27.

⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 3; *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Петрозаводск, 1983. С. 186–187.

 $^{^6}$ В бой за Родину. 1944. 24 и 25 июня; Правда, 1944, 25 июня; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 203.

⁷ Карелия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 297–298, 305–306.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 78. Л. 17.

 $^{^9}$ Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1635. Л. 48–50; Ф. 340. Оп. 5370. Д. 6. Л. 316–323; По обе стороны Карельского фронта... С. 481–482.

¹⁰ Боевые вымпела над Онегой. Воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1986. С. 144–145.

 $^{^{11}\,}$ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 654–655.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1137. Л. 13. Оп. 1510. Д. 493. Л. 43; Ф. 1622. Оп. 1. Д. 78. Л. 17; *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 386–387.

 $^{^{13}}$ Карельский фронт в Великой Отечественной войне... С. 186–224; ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 402. Л. 32; Ф. 214. Оп. 1510. Д. 507. Л. 207.

- $^{14}\,$ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 2051. Л. 24; Карельский фронт в Великой Отечественной войне... С. 221.
- ¹⁵ *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 274–279.
 - ¹⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 5. М., 1947. С. 423.
- ¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 215–220; Мирный договор с Финляндией. М., 1947.
 - ¹⁸ *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 475.
- ¹⁹ Книга памяти. Списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1–8. Петрозаводск, 1994–1997.
- 20 Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1–2. М., 1987.
 - ²¹ Там же. Т. 2. С. 235.
- ²² Следует сказать, что история эвакуированного населения Карелии, как и всей России, до сих пор недостаточно изучена и потому не нашла должного отражения в отечественной литературе. В данное время автором подготовлена рукопись сборника документов и материалов, в основном воспоминаний жителей Карелии, которые находились в эвакуации (Эвакуированная Карелия. Жизнь населения Карелии в эвакуации. 1941–1945 гг. Воспоминания. Петрозаводск, 2009).
 - 23 История Карелии с древнейших времен... С. 662–663.
- 24 Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1230. Оп. 24. Д. 1. Л. 13–14; История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 235.
 - 25 История Карелии с древнейших времен... С. 667.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

А.А. Лебедев

ТРОФЕЙ ГАНГУТСКОГО СРАЖЕНИЯ ПРАМ «ЭЛЕФАНТ»— ПРОТОТИП «НОВОИЗОБРЕТЕННЫХ» КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Сражение у мыса Гангут, произошедшее 27 июля 1714 г., став первой победой русского флота, одновременно сыграло важнейшую роль в ходе всей Северной войны 1700–1721 гг. После него Россия получила возможность вести широкие боевые действия на Балтийском море, окончательно овладеть Финляндией и, наконец, перенести боевые действия на территорию Швеции, что в итоге и привело к согласию последней на заключение мирного договора на выгодных для Российского государства условиях.

Как оказалось, оставило оно и еще один след в истории России. Дело в том, что по итогам Гангутского сражения в плен к русскому флоту попали шведский прам «Элефант», 6 галер и 3 шхербота. Они были торжественно приведены в Петербург, после чего Петр I приказал сохранять их для потомков. Правда, уже при Анне Иоанновне они в основном пришли в негодность и пошли на слом (прам «Элефант», в частности, в 1737 г.), что даже породило мнение об окончании их истории.

Однако анализ архивных материалов показал, что конструкция прама «Элефант» еще дважды оказывалась востребованной в русском флоте. Причем оба раза во время Русско-турецких войн (1735–1739 гг. и 1768–1774 гг.), когда Россия пыталась пробиться на Черное море. Во время второй из них и появились «новоизобретенные» корабли, созданные для Азовской флотилии, первыми целями которой было содействие русским

войскам в овладении Азовом и Крымом, что требовало соответствующего корабельного состава.

Одной из проблем в рамках решения этой задачи стал поиск типа судна, способного успешно действовать на море. Ведь в 1768 г. вполне обоснованно считалось, что из-за сложных гидрографических условий Дона сколько-нибудь крупных кораблей там построить нельзя; малые же суда для больших действий не годились. Таким образом, нужно было постараться совместить в одном корабле сложно совместимые вещи: минимально возможную осадку при максимальном вооружении. Причем сделать это требовалось быстро, поскольку война уже началась!

И российское руководство действовало на редкость оперативно. Уже 18 ноября 1768 г. ¹ появились два указа Екатерины II по Азовской флотилии. Первый оформил ее «оборонную» кораблестроительную программу для нужд действий в низовьях Дона, а вторым Екатерина II повелела Адмиралтейств-коллегии, употребив «всевозможное старание примыслить род вооруженных военных судов, коими бы против тамошних [турецких] морских судов с пользою действовать могли», для чего коллегия должна была привлечь вице-адмирала Г. А. Спиридова и контрадмирала А. Н. Сенявина, «ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать». Иными словами, указанное повеление Екатерины II ориентировало на создание таких судов, которые могли бы противостоять турецкому флоту в море, что являлось первым фактом, говорящим о желании правительства России сформировать морское, а не речное соединение, т.е. фактически нечто большее, чем просто флотилия. Подтвердили это и следующие шаги.

Вначале Адмиралтейств-коллегия рассмотрела следующие варианты судостроительных программ для флотилии. Первая включала 10 24- и 30 пушечных фрегатов, 2 бомбардирских корабля, а также 20 18- и 16-баночных галер (по 10 каждого вида). Вторая же предусматривала постройку 20 16- и 12-баночных галер (по 10 каждого вида), 5 бригантин, 5 палубных ботов и необходимого к ним числа мелких судов. Но в итоге обе программы были ею же и отклонены во многом из-за сложных гидрографических условий Дона, его дельты с баром и Таганрогского залива. Тем не менее они, безусловно, являются новым

свидетельством изначально больших планов Петербурга относительно создаваемой флотилии.

Еще одним подтверждением этому стал проект «новоизобретенных» кораблей, созданный Г.А. Спиридовым, А.Н. Сенявиным и Адмиралтейств-коллегией (в частности, корабельными мастерами И.И. Афанасьевым, И. Ямесом и В. Селяниновым). Этим проектом была решена сложнейшая задача — соответствия кораблей для успешных действий на Азовском море двум требованиям, вытекавшим из опыта Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.: минимальная осадка при максимально сильном артиллерийском вооружении. Создание проекта «новоизобретенных» кораблей в условиях 1768 г. стало очень важным успехом.

В общих чертах проект кораблей «новоизобретенного» типа был разработан в течение декабря 1768 г. Уже 24 декабря того же года он был представлен на высочайшее рассмотрение Екатерины II и одобрен ею. «Новоизобретенные» корабли должны были быть плоскодонными судами 4 родов, имеющими небольшой трюм, опер-дек для расположения всей их артиллерии, а также квартер-дек и форкастель. Корабли 1-го и 2-го родов создавались для морского боя с противником, корабли 3-го рода — как бомбардирские суда, корабли 4-го рода — как вспомогательные суда при переводе прочих кораблей через бар, а затем как транспортные. Тактико-технические же характеристики «новоизобретенных» кораблей представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 1 **П**ланируемые характеристики «новоизобретенных» кораблей ²

Род	Длина (в футах)	Ширина (в футах)	Осадка без груза (в футах)	Осадка с грузом (в футах)	Число мачт	Артилле- рийское вооружение
1-й	104	27	6	9	3	16 12-фунтовых орудий
2-й	103	28	5	8	2 (грот- и бизань)	14 12-фунтовых орудий 2 1-пудовые гаубицы

Продолжение таблицы 1

Род	Длина (в футах)	Ширина (в футах)	Осадка без груза (в футах) Осадка с грузом		Число мачт	Артилле- рийское вооружение	
3-й	60	17	-	5	1 (грот)	8 3-фунтовых орудий 2 2-пудовые мортиры 2 1-пудовые гаубицы	
4-й	86	24	-	5	2 (фок- и грот)	12 6-фунтовых орудий	

Таблица 2 Основные детали набора корпусов «новоизобретенных» корпусов, указанные для заготовки ³

Вид детали	Коли- чество для корабля 1-го рода	Коли- чество для корабля 2-го рода	Коли- чество для корабля 3-го рода	Коли- чество для корабля 4-го рода
Гон-дек ⁴ бимсов	25	25	17	20
Гон-дек книц	96	96	30	70
Квартер-дек и форкастель бимсов	16	16	10	12
Квартер-дек и форкастель книц	48	48	20	36

Таблица 3 **Итоговые характеристики «новоизобретенных» кораблей** 5

Род «новоизо- бретенных» кораблей	Длина (в футах)	Ширина (в футах)	Осадка (в футах)	Число мачт	Артилле- рийское вооружение	Экипаж по штату (человек)
Корабль 1-го рода	104	27	9	3	16 12-фунто- вых орудий	157

Продолжение таблицы 3

Род «новоизо- бретенных» кораблей	Длина (в футах)	Ширина (в футах)	Осадка (в футах)	Число мачт	Артилле- рийское вооружение	Экипаж по штату (человек)
Корабль 2-го рода	103	28	8,5	2 (грот и бизань)	14 12-фунто- вых орудий 2 1-пудовых гаубицы	128
Корабль 3-го рода (малый бом- бардирский)	60	17	5,5-6	1 (грот)	8 3-фунтовых орудий 2 1-пудовые гаубицы 1 2-пудовая мортира	60/61
Корабль 4-го рода «Яссы»	86	24	6,5	2 (фок и грот)	12 6-фунтовых орудий 2 3-пудовые мортиры	57
Корабль 4-го рода «Бухарест»					12 6-фунтовых орудий	56

И хотя корабли данного типа получили наименование «новоизобретенных», т. к. по своей конструкции и размерам не походили ни на один из существовавших тогда классов боевых кораблей, анализ их конструкции, размерений и вооружения позволяет предположить, что при создании этих кораблей был широко использован проект прама «Элефант», взятого у шведов в Гангутском сражении 27 июля 1714 г. Возможным же это стало благодаря следующим обстоятельствам.

В годы Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Россия также пыталась пробиться на Черное море, создав, в частности, Донскую и Днепровскую флотилии. Оставив первую, обратимся к истории второй. Для нее в 1736–1737 гг. в спешном порядке достроили часть петровских судов и соорудили большое количество дубель-шлюпок. Но кампания 1737 г. показала, что большие суда не провести через днепровские пороги, а малые обладают слишком ограниченными возможностя-

ми (правда, опыт свидетельствовал, что и дубель-шлюпкам можно было найти эффективное применение, но над этим тогда не задумывались). Командующим Днепровской флотилией был назначен вице-адмирал Н. А. Сенявин, который после совещания с Б. Х. Минихом, планировавшим поход на Константинополь, в том числе с использованием морских сил, представил следующий вариант корабельного состава флотилии: 3 прама, 70 галер и 50 бригантин. Указанные прамы как раз и предполагалось Н. А. Сенявиным построить по типу трофейного «Элефанта». Причем вице-адмирал был тогда полностью уверен в их эффективности. Вот какие итоги совместного с Н. А. Сенявиным рассуждения по вопросам дальнейшего развития Днепровской флотилии в 1737 г. доложил в Петербург Б. Х. Миних: «Что касается до прамов, то оные потребно строить: первое для постановления ко очищению крепостей Очаковской и Кинбурнской на фарватере и не пропуску неприятеля в Лиман; второе, ради защищения флотилии от неприятельского флота, едва оная в море выйдет; а построить оных 3 прама такие, как взятый в 1714 году при Гангуте у шведов, на котором как вице-адмирал Сенявин представил от Гельсингфорса не только способным ветром, но и лавирами до Кронштадта он прибыл, который ныне стоит при Санкт-Петербурге вытащенный на берег в Кронверке (курсив наш. — A. B.)... помянутые 3 прама, строить по мнению вице-адмирала Сенявина, а пропорциею по довольному рассмотрению Адмиралтейств-коллегии такие, кои б не только для защиты флотилии на море могли быть годны, но и для случающихся разных таковых обстоятельств, яко то случаются те обстоятельства, что может иногда случиться с флотилией идти в какую реку, а там найдутся неприятельские батареи, или в реку когда флотилия войдет, а сильный неприятельский флот пропустит и похочет отнять возвратный путь, то б можно оными и батареи сбить и неприятельский флот отбить...» 6

Правда, использовать эти суда в войне с Турцией 1735–1739 гг. не удалось. Хотя вначале все шло успешно: в январе-апреле 1738 г. для нее были построены 2 прама-«Элефанта», 30 галер, 20 бригантин и до 660 прочих судов. В результате в районе Очакова — Кинбурна удалось сосредоточить около 594 судов. Однако эпидемия чумы, вспыхнувшая в указанных местах,

и провал наступления Б. Х. Миниха похоронили всякое внимание к Днепровской флотилии. Кроме того, 24 мая 1738 г. умер и сам командующий флотилией Н. А. Сенявин, по праву бывший главным «двигателем» ее развития. В командование вновь вступил В. А. Дмитриев-Мамонов, который в сентябре 1738 г. отвел на своих судах гарнизоны Очакова и Кинбурна к Хортицкому острову и Усть-Самаре на Днепре. Выход в Черное море по Днепру был вновь потерян Россией. А в 1739 г. пришла в крайне тяжелое состояние и Днепровская флотилия. Но в тот же год закончилась и Русско-турецкая война 1735–1739 гг.

Тем не менее опыт использования конструкции «Элефанта» не был утрачен. В частности, уже через месяц после начала войны 1768—1774 гг. появился проект «новоизобретенных» кораблей как главной корабельной силы флотилии, что в условиях России на пустом месте было практически невозможно. Тем более что исходя из опыта Донской флотилии П.П. Бредаля считалось, что на Дону сколько-нибудь крупных кораблей вообще построить нельзя. Однако участие в создании проекта «новоизобретенных» кораблей А.Н. Сенявина, который в 1738 г. служил в Днепровской флотилии адъютантом у своего отца, вкупе с анализом конструкций этих кораблей, как мы отмечали, позволяет предполагать об использовании в них предложений Н.А. Сенявина по формированию корабельного состава Днепровской флотилии, в том числе и конструкции прама «Элефант».

Во всяком случае «новоизобретенные» корабли 1-го и 2-го родов получили от трофея Гангутской баталии большинство своих тактико-технических характеристик. Достаточно лишь сравнить приведенные в таблицах № 1−2 планируемые характеристики этих кораблей с данными по праму «Элефант», который имел длину 116 футов (но по палубе 103 фута), ширину 28 футов, осадку 8 ½ футов, 3 мачты, внутреннее устройство из опердека, квартер-дека и форкастеля, плоское дно и вооружение из 14 12-фунтовых и 4 3-фунтовых орудий (причем исходя из числа пушечных портов на опер-деке 12-фунтовых орудий могло быть 16) 7. Таким образом, не считая минимальных корректировок в размерениях, наиболее существенным различием двух проектов стала постановка на «новоизобретенных» кораблях 2-го рода 1-пудовых гаубиц, посредством чего в 1768 г. попытались дополнительно нарастить огневую мощь этих

кораблей и соответственно уборка фок-мачты для облегчения использования этих орудий. Можно сделать вывод о привлечении широчайшего опыта при организации Азовской флотилии, что, безусловно, и стало важнейшим залогом ее успешного создания и применения.

Итак, уже 24 декабря 1768 г. проект был представлен на утверждение Екатерины II и одобрен ею. В январе 1769 г. продолжилась его проработка, а 22 января Екатерина II выделила на строительство «новоизобретенных» кораблей 100 000 рублей, исходя из чего Адмиралтейств-коллегия определила построить 1 корабль 1-го рода, 7 кораблей 2-го рода, 2 корабля 3-го рода и 2 корабля 4-го рода, т. е. всего 12 кораблей 8.

Необходимо отметить следующее: ни общее число кораблей, равное двенадцати, ни употребленное в названии слово «корабль», на наш взгляд, случайностью не стали. Цифра «12», во-первых, вписывалась в рамки предполагавшегося, по данным агентуры, количества «военных кораблей», необходимых для успешного противостояния Османской империи на море, а во-вторых, соответствовала «12 караблям» из первой судостроительной программы Петра I для Балтийского флота 9, что вместе с намеренно использованным словом «корабль» теперь уже совершенно конкретно показывало конечные планы Петербурга относительно создаваемой морской силы — планы организации корабельного флота.

Таков был проект «новоизобретенных» кораблей, имевших столь необычное название и характеристики.

Основные работы по подготовке к строительству были проведены в марте-августе 1769 г. После этого с 1 по 18 сентября 1769 г. состоялась закладка «новоизобретенных» кораблей: 1 корабль 1-го рода и 5 кораблей 2-го рода были заложены на Новопавловской верфи, а 2 корабля 2-го рода, 2 корабля 3-го рода, 2 корабля 4-го рода — на Икорецкой.

Несмотря на большие сложности, возникшие при их постройке, в целом все они были спущены вовремя: 1 корабль 1-го рода, 3 корабля 2-го рода, 2 корабля 3-го рода в марте, 4 корабля 3-го рода — в апреле и только 2 корабля 4-го рода в мае 1770 г. Затем была проведена очень трудная операция по их переводу Доном сначала к крепости Св. Дмитрия Ростовского, а затем через очень мелководный бар дельты Дона в Таганрог, длившаяся

для 10 кораблей первых 3 родов до конца сентября 1770 г, а для кораблей 4-го рода — до мая 1771 г. Это был большой успех.

И хотя ввести в строй «новоизобретенные» корабли в 1770 г. не удалось (это было практически и невозможно), их появление в 1771 г. оказалось весьма своевременным.

Боевая деятельность выявила в целом невысокие мореходные качества этих кораблей, в том числе сильную качку даже при небольшом ветре, что грозило поломкой мачт и вело к заливаемости внутренних помещений, тихоходность (максимальная скорость кораблей 2-го рода, обнаруженная в источниках, составляла 7,5 узлов; но она была редкой), малую вместимость трюмов и очень трудные условия для службы экипажа. Однако воевать на них все же было возможно, только требовалось большое мастерство моряков.

В кампаниях 1771-1774 гг. именно «новоизобретенные» корабли стали основной корабельной силой Азовской флотилии, а в 1771–1772 гг. – главной. Флотилия же А. Н. Сенявина в эти годы своими действиями сначала сыграла значимую роль в овладении русскими войсками Крымом (июнь-август 1771 г.), а затем внесла важнейший вклад как в его оборону, так и защиту Керченского пролива от действий турецкого флота (1772–1774 гг.). При этом именно эскадра «новоизобретенных» кораблей совершила первый боевой поход по Черному морю (корабли «Хотин», «Морея», «Азов» и «Новопавловск» под командованием Я.Ф. Сухотина в августе-сентябре 1771 г. прошли по маршруту Керченский пролив — Кафа — Ялта — Керченский пролив), способствовавший закреплению русских войск на южном побережье Крыма. 8 сентября 1772 г. корабль «Азов» захватив турецкое судно, открыл счет призов русского Черноморского флота. В 1773 г. «новоизобретенным» кораблям пришлось выдержать на Черном море прямые столкновения с турецким флотом, причем сыграв в них не последнюю роль. 29 мая 1773 г. отряд И. Баскакова в составе кораблей «Азов» и «Новопавловск», а также палубного бота уничтожил в Казылташском лимане 6 больших неприятельских судов. Это стало «первым действием русского флага на Черном море». 23 июня в Балаклавском бою И.Г. Кинсберген на кораблях «Таганрог» и «Корон», в течение 6-часового боя, нанеся тяжелые повреждения турецкому отряду из трех 52-пушечных линейных кораблей и 25-пушечной шебеки, заставил его отступить от Крыма! В результате Балаклавский бой стал первой морской победой русского флота на Черном море. Немалой была роль «новоизобретенных» кораблей и в других победах флотилии. Итогом же этих побед стал срыв попыток турок вернуть Крым и Керченский пролив.

Продолжилась служба «новоизобретенных» кораблей в составе флотилии и после войны 1768–1774 гг., однако их боевая функция существенно уменьшилась, так же как и численный состав. Тем не менее корабли «Хотин» и «Азов», войдя в состав эскадры вице-адмирала Ф. А. Клокачева (11 января 1783 г. официально назначенного командующим флотом, «заводимым на Азовском и Черном морях») и совершив переход из Керченского пролива в Ахтиарскую бухту, стали участниками основания Севастопольской эскадры — новой главной силы Черноморского флота 10. Закончилась же история службы «новоизобретенных» кораблей в 1789 г., когда за ветхостью пошел на слом последний из них — «Хотин».

Таковыми были проект и судьба «новоизобретенных» кораблей, имевших столь необычное название и устройство и сыгравших столь большую роль при таких ограниченных возможностях. Названные кораблями (что мы подчеркнули в начале статьи), т.е. так же, как назывались в то время главные силы парусных флотов (термин «линейный корабль» появится только в 1907 г.), что, несомненно, указывает на изначально поставленную задачу, «новоизобретенные» корабли во многом и выполнили в 1768–1774 гг. свои функции, оказав успешное противодействие на Черном море турецкому линейному флоту. Тем самым именно они стали первыми кораблями русского флота на Черном море, открыв путь к появлению сначала 32–58-пушечных фрегатов, также построенных на донских верфях, а затем и настоящих линейных кораблей, спущенных на воду в Херсоне.

¹ В день обнародования Манифеста об ответном объявлении войны Турции со стороны России и девять дней спустя после указа о создании Азовской флотилии.

 $^{^2}$ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 5. Л. 106–106 об., 249–261, 270–272, 279–283 об., 304–305; Материалы для истории русского флота (МИРФ) СПб., 1877. Ч. 6. С. 266–268.

- ³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 4 Д. 5. Л. 249–255.
- ⁴ Гон-деком в русском флоте на однодечных судах в эти годы называли на английский манер опер-дек.
- ⁵ Составлено на основе данных шканечных журналов «новоизобретенных» кораблей.
 - 6 МИРФ Ч. 6. С. 649-651.
- ⁷ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 98, 104; Труб-кин Ю. Е. Трофей Гангутской победы // Гангут. 1999. № 20. С. 18–21.
 - 8 МИРФ. Ч. 6. С. 265-268.
 - 9 История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 93.
- ¹⁰ Речь идет о знаменитом прибытии эскадры Ф. А. Клокачева в Ахтиарскую бухту 2 мая 1783 г., которое в ХХ в. даже стало считаться датой рождения Черноморского флота, хотя в реальности произошло лишь перебазирование главных сил Азовской флотилии из Керчи в Ахтиар и учреждение нового корабельного соединения.

А.В. Костюк

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКОГО ФЛОТА ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Зарождение российского флота, связанное с именем великого преобразователя Петра I, сопровождалось становлением и развитием отечественной военно-морской медицины. Необходимость организации медицинской службы и системы медицинского обеспечения была особенно ощутимой в годы Северной войны, поскольку боевые операции Балтийского флота, развивавшегося и крепнувшего в борьбе с сильнейшим противником, требовали сохранения людских резервов и профессиональных кадров.

Однако в годы царствования Петра Великого во всей России имелось не более 6 или 7 докторов, поэтому при формировании медицинской службы флота вначале приходилось нанимать в качестве корабельных лекарей иностранцев. По свидетельству историка медицины Н. Куприянова, «в 1697 г. из Амстердама было выписано 50 врачей с назначением им годичного жалованья по 150 ефимков и 294 рубля столовых денег», в их числе находилось: 14 немцев, 14 французов, 12 голландцев, 4 датчанина, 2 шведа, 1 австриец, 1 итальянец, 1 бельгиец, 1 поляк 1.

Среди тех медиков, которые отправились в Россию из-за границы, главным образом из Германии и Голландии, были преимущественно авантюрные по своей природе люди, стремящиеся к личному обогащению и не заинтересованные в развитии медицины в чужой им стране. Вдобавок не все из них обладали научными знаниями, а неумение говорить по-русски затрудняло общение с больными.

В связи с созданием регулярной армии и строительством флота возникла задача подготовки достаточного количества отечественных кадров военных врачей. В России, прежде чем в других странах, приступили к обучению полковых и корабельных лекарей, учредив для этого специальные лекарские школы.

Начало военно-медицинского образования в России связано с открытием в Москве осенью 1707 г. первой в нашей стране лекарской школы, действовавшей при постоянном военном госпитале. С появлением этого учебного заведения постепенно стала отпадать необходимость найма врачей из-за границы. Следует отметить, что школ, готовивших военных лекарей, не было в то время ни в одной из стран Европы. Первые госпитальные школы во Франции были основаны только в 1722 г., в Англии, Австрии, Пруссии — значительно позже.

Первый выпуск Московской госпитальной школы состоялся в 1712 г. Школу закончили только два ученика, направленные на службу в Балтийский флот.

Однако пока в России еще только формировался личный состав медицинских работников, отказаться полностью от услуг зарубежных медиков не представлялось возможным. Попытки ограничить число иностранцев были предприняты, но практика показала, что на этом этапе они преждевременны.

Так, в 1716 г. Адмиралтейская канцелярия сочла возможным отдать приказ по флоту следующего содержания: «Прошедшего генваря 29 дня по предписанию на выписке его высокографского сиятельства господина генерал-адмирала и губернатора, тайного советника и кавалера, графа Федора Матвеевича Апраксина подлекарей иноземцев в службе царского величества держать не велено, а обучать из россиян» ². Но если мы сравним число иностранных подлекарей в 1715 и 1723 г., то обнаружим, что, невзирая на приведенный выше указ 1716 г., оно не только не сократилось, но еще и возросло (1715 г.— 8 чел., 1723 г.— 14 чел.) ³.

В 1719 г., когда Московская госпитальная школа выпустила определенное количество квалифицированных русских лекарей, последовало распоряжение Адмиралтейской канцелярии о проведении освидетельствования знаний всех корабельных лекарей с целью увольнения со службы плохих лекарей-иностранцев.

Все же несмотря на принятые меры, русским медикам и в дальнейшем приходилось делить медицинскую практику в России со своими зарубежными коллегами.

Формирующиеся в условиях военного времени медицинская служба и система медицинского обеспечения отечественного флота нуждались в законодательных актах, которые бы регламентировали их функционирование.

В 1710 г. по указу «Царского величества Петра Алексеевича» на русском и голландском языках были опубликованы «Инструкции и артикулы военные, надлежащие к Российскому флоту», которые стали первым в России печатным документом, определяющим организацию корабельной службы и флота в целом. В их основу легло голландское законоположение 1662 г. 4 Действие «Инструкций...» продолжалось вплоть до издания «Устава Морского» 1720 г. Указанный документ регламентировал работу морских служителей, определял задачи командного состава, устанавливал наказания за различные нарушения и преступления, в нем впервые были отражены вопросы, касающиеся некоторых сторон медицинского обеспечения сил флота.

Более широко вопросы организации медицинской службы и медицинского снабжения, обязанности и взаимоотношения медицинского состава, проблемы охраны здоровья моряков, оказания помощи раненым и больным изложены в «Книге устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море» 1720 г. Первый «Устав Морской» был разработан с учетом опыта зарубежных стран под руководством и при непосредственном участии Петра I.

Согласно «Уставу Морскому», основной обязанностью корабельных лекарей являлось лечение больных и раненых, в которых не было недостатка. Чаще всего морские служители страдали от желудочно-кишечных, легочных и простудных заболеваний, но настоящим бедствием среди моряков XVIII в. была цинга. Так, например, в завоеванном у шведов финском городе Або гарнизон нес крупные людские потери из-за цинги. Князь М. М. Голицын, командовавший десантной армией, действующей совместно с флотом на территории Финляндии, 25 февраля 1719 г. писал Ф. М. Апраксину: «...солдат здесь прежнею болезнею скорбутикой умножается, а споможения

учинить невозможно» ⁵. На корабле «Варахаил», находившемся в 1715 г. в четырехмесячном плавании вокруг Скандинавии, из 460 человек команды 107 умерли от цинги и других болезней. В 1716 г. количество матросов, списанных по болезни на берег или направленных в госпитали, на судах Ревельской эскадры колебалось от 12 до 23% личного состава ⁶.

Санитарно-гигиенические условия на кораблях отечественного флота в начале XVIII в. были тесно связаны с техническими нормами кораблестроения, которые в рассматриваемый период еще не могли обеспечить надлежащих удобств для размещения личного состава. К тому же русский флот вел активную боевую деятельность и в ходе Северной войны значительно расширялся. Этим могут быть объяснены отдельные случаи неблагоприятного санитарного состояния некоторых кораблей, которые отмечались иностранными наблюдателями. Так, голландский резидент в Санкт-Петербурге барон Я. де Би в своем донесении правительству от 2 июля 1717 г. писал: «Недавно я узнал, что господин генерал-майор Дюпре со своими 12-ю скампавеями около 3 недель был задержан в Кроншлоте противными ветрами и потому не мог отправиться в Финляндию. Вчера он сам был здесь, для того чтобы доложить князю Меншикову и Сенату, что из числа войск, посаженных на его суда и назначенных к доставлению в Або для подкрепления финляндской армии, 200 человек умерло от повальных болезней, а более 300 человек сделались негодными к службе, что сверх того все прочие люди этих войск нуждаются в одежде» 7 .

Плохие санитарно-гигиенические условия на кораблях, недостаточный уровень развития медицинских знаний в XVIII в. обуславливали частые вспышки инфекционных заболеваний (чума, оспа, сыпной тиф, желудочно-кишечные заболевания).

В 1710 г. вышел указ Петра I, по которому командиры кораблей обязывались немедленно докладывать в Адмиралтейскую канцелярию обо всех случаях скоропостижной смерти и об умерших от язв.

Командирам портов предписывалось: «...буде с сего числа впредь у кого в домах явится кто болен, и к тем больным призывать их докторов и лекарей и велеть им осматривать, отчего и какою болезнью кто болен» 8.

В «Регламенте Морском» 1722 г. имеется уже специальный артикул, в котором даются подробные разъяснения о том, как поступать с инфекционными больными, прибывшими на кораблях: «Офицер, посланный на шлюпке с брандвахты, должен все иностранные суда, приходящие, недопустя до гавани, опрашивать, прежде приставания к судну, отколь оные пришли и не из заповеренных ли мест, и нет ли кого в моровой язве. И ежели явится какая опасность, то немедленно оные остановить и репортовать командира на брандвахте. И ежели явится, что из заповетренных мест, то надлежит оные отослать. А именно: ежели при Кроншлоте, то к Сейшкару. А ежели при Ревеле, то к Вульфу. И о том брандвахту репортовать главного командира над портом. По которым ведомостям должен главный командир над портом держать те корабли там шесть недель, посылая к ним провиант и прочие потребности, ежели им в том нужда будет. А ежели ничего опасного не найдет, то по указу пропускать. Сию опасность всегда иметь. А когда уже есть ведомость, что в котором государстве есть мор, то их однакож остановить у брандвахты, и репортовать главного командира над портом. А без позволения оного не допускать» 9.

Отсутствие должного оборудования и оснащения в корабельном медицинском пункте не позволяло медикам XVIII в. оказывать полноценную помощь тем, кто в ней особенно нуждался. Тяжелобольные и раненые морские служители могли получить специализированную медицинскую помощь и надлежащий уход только в госпиталях. Переправиться с корабля в госпиталь было возможно благодаря госпитальным судам. Однако ошибочно полагать, что их функции сводились исключительно к транспортировке. Кроме эвакуации, на борту госпитального судна больным и раненым также оказывали простейшее лечение и уход.

В русском флоте использование судов для медицинских целей связано с именем Петра I. В морских сражениях, проводимых им за возможность свободного плавания по Балтийскому морю, корабли несли большие потери ранеными, что привело к необходимости выделения из состава флота судов медицинского назначения.

Госпитальные корабли, или транспорты, сопровождали все выходы флота. Иностранные резиденты неоднократно сообщали

своим правительствам о передвижении русского флота, отмечая всегда наличие в эскадре госпитального корабля.

По прибытии на берег больные и раненые размещались в госпиталях, где им уже оказывали соответствующее лечение. Важно отметить, что в годы правления Петра I было построено большинство из действовавших в XVIII в. военно-морских госпиталей. В 1715 г. начали работу госпитали в Санкт-Петербурге и Ревеле. В 1716 г. открылся госпиталь в Кронштадте. В 1724 г. был готов к приему больных и раненых госпиталь в Таврове, месте дислокации Азовской флотилии.

5 апреля 1722 г. указом Петра I обрел силу «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи», в котором в качестве самостоятельной главы (глава № 47) содержится важный для нас документ — «Регламент о госпиталях и о должностях определенных при них комиссаров, докторов, писарей и прочих», регулировавший уклад жизни и быта военно-морских госпиталей, распределявший должности госпитальных сотрудников и определявший их обязанности. Отметим, что действие первого в России такого рода документа распространялось исключительно на военно-морские госпитали, что подтверждает особенное отношение Петра I к делам флота.

Требованием регламента в русские военно-морские госпитали надлежало принимать «кроме Адмиралтейских служителей, военных, мастерских и работных больных и раненых в бою или при работах» 10 , чего не практиковали в Европе.

В сведениях 1727 г., собранных по табелям Камер-коллегией и приводимых обер-секретарем Сената И. К. Кириловым 11 , сообщаются замещенные штатные должности в нижеследующих морских госпиталях. Из приведенных данных следует, что Петербургский госпиталь имел примерно 300 коек, Кронштадтский — 400, Ревельский — 200.

Однако в случае необходимости госпитали могли принять значительно большее число больных: Петербургский — до 400 человек, Кронштадтский и Ревельский — до 600 человек.

На 1 июня 1716 г. в Ревельском морском госпитале состояло больных из Ревельской эскадры 280 морских служителей, 126 солдат и унтер-офицеров сухопутных частей, всего 406 человек ¹². Кроме того, имелись больные из адмиралтейских служащих.

На 21 ноября 1723 г. в морских госпиталях состояло следующее количество больных. В Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале: матросов — 109, солдат корабельных и галерных — 90, адмиралтейских служителей — 20, всего — 219 больных. В Кронштадтском морском госпитале: матросов — 70, солдат корабельных — 113, адмиралтейских служителей — 25, всего — 208 больных. В Ревельском морском госпитале: матросов — 57, солдат — 19, адмиралтейских служителей — 30, всего 106 больных 13 .

Медицинская помощь в Петровском флоте была платной. На содержание аптеки, закупку медикаментов и т. п. из жалованья всего личного состава флота высчитывалось по 1 копейке с рубля. За время пребывания в госпитале или на госпитальном судне с больных и раненых удерживалось 50% жалования.

Условия содержания больных и раненых в отечественных военно-морских госпиталях в первой половине XVIII в. были вполне удовлетворительными. Однако в некоторые периоды, когда в госпиталях скапливалось большое количество больных, отмечались отдельные случаи внутригоспитальных эпидемий.

В это время в госпиталях вводили порядок размещения больных в летние месяцы в палатках, о чем свидетельствует следующий документ: «Указом Императорского Величества даны в госпиталь пять галерных палаток, чтоб оные палатки поставить для больных в удобных местах и оные палатки принять, а положится больных только во оные палатки сто пятьдесят человек, а по ведению доктора надлежит из госпиталя в палатки положить триста человек, которые больны цинготною болезнью и скорбутиком. Прошу у Высокоучрежденной Адмиралтейской Коллегии, дабы велено было дать еще пять палаток. Государственной Адмиралтейской Коллегии послушный майор Хвостов» 14.

Нельзя не признать, что палатки с целью размещения раненых, по-видимому, применялись и раньше как в России, так и за рубежом, но лишь в исключительных случаях, при больших скоплениях раненых, когда не хватало помещений. Принципиальное нововведение русской медицинской службы состоит в том, что она применила летние палаточные госпитали

сознательно как особую систему, метод лечебного воздействия, причем использовала его регулярно в течение столетия.

Таким образом, благодаря деятельности Петра Великого в России был создан не только флот, но и разработана система его медицинского обеспечения. Были заложены основы медицинского образования, что дало возможность готовить отечественных специалистов. В ходе боевых действий была организована медицинская служба, причем в начале XVIII в. произошло разделение единой до этого военно-медицинской службы на самостоятельные отрасли по армии и флоту, каждая из которых получила свои органы управления, а также введенные законодательным путем руководства по организации службы и штата. Создание в годы правления Петра Великого первых в нашей стране госпиталей, использование госпитальных кораблей сделали возможным своевременное стационирование раненых и больных морских служителей, что не могло не сказаться благоприятно на результатах лечения.

- ¹⁰ Генеральный Регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых работных и прочих к оным подлежащих людей. СПб., 1735. Гл. І. Арт. 12.
- 11 *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 52, 73, 400.
 - 12 РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 117. Л. 34-38.
 - 13 Там же. Д. 51. Л. 30.
 - 14 Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 60. Л. 19.

 $^{^1}$ *Куприянов Н. Г.* История медицины в России в царствование Петра Великого. СПб., 1872. С. 6.; *Кротов П. А.* Голландцы и фламандцы в Российском флоте в Петровскую эпоху // Голландцы и бельгийцы в России XVIII—XX вв. СПб., 2004. С. 292–293.

² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии (1707–1732)). Оп. 1. Д. 126. Л. 145.

 $^{^3}$ Там же. Д. 28. Л. 14,14 об., 19; Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия (1717–1827)). Оп. 1. Д. 1. Л. 38 об. 45; Д. 13. Л. 26 об. 34.

 $^{^4}$ *Кротов П.* А. Об использовании голландского военно-морского законодательства при разработке уставных положений российского флота во второй половине XVII — первой четверти XVIII века // Источниковедение: Поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 125.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (1695–1728)). Оп. 1. Д. 180. Л. 21–22.

⁶ Там же. Д. 117. Л. 34-38.

 $^{^7}$ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. II. № 1632. С. 226.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 234 (Канцелярия адмирала К. Н. Крюйса (1698–1727)). Оп. 1. Д. 24. Л. 104.

⁹ Регламент морской, в котором определено о всем, что касается доброго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов. СПб., 1722. Гл. 16. Арт. 5.

К.-Ф. Геуст

СОВЕТСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА ПОРККАЛА-УУД В ФИНЛЯНДИИ (1944—1956 гг.) *

В соглашении о перемирии, заключенном между СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г., Финляндия была вынуждена передать СССР Карельский перешеек, Ладожскую Карелию, часть Салла и Печенгу. Кроме этого, Советскому Союзу сдавалась в аренду на 50 лет территория Порккала, т.е. до 1994 г. Соглашение о перемирии фактически повторило пограничную линию в юго-восточной Финляндии после окончания «зимней войны» и определенную Мирным договором, который был заключен 12 марта 1940 г. Единственное отличие было в том, после «зимней войны» город Ханко с окрестностями, арендованный СССР на 30 лет, теперь совершенно неожиданно обменивался на территорию Порккала, расположенную на расстоянии орудийного выстрела до столицы Финляндии Хельсинки.

Для жителей этого района оказалось большим потрясением, когда были опубликованы мирные условия. Территорию в 380 км², выходящюю в коммуны Киркконумми, Сиунтио Дегербю, теперь следовало передать СССР для создания там военно-морской базы. При этом требовалось в течение 10 дней произвести эвакуацию жителей этого района. Людям даже не дали времени на сборы. Почти 7300 человек должны были оставить свои дома, причем большая часть из них (около

5500 человек) были жителями коммуны Киркконумми, а остальные Сиунтио и Дегербю.

Передававшийся СССР район был важной традиционной финско-шведской областью, снабжающей Хельсинки продовольствием. Примерно треть его площади занимали сельскохозяйственные культуры. В результате за несколько дней пришлось собрать урожай и перегнать оттуда свыше 8000 голов скота. Эвакуация жителей района Порккала осуществлялась к тому же в то время, когда во всей Финляндии царила общая неясность относительно будущей судьбы страны.

Кроме эвакуации населения передаваемых Советскому Союзу районов и одновременной демобилизации армии, Финляндия должна была на период еще продолжавшейся мировой войны предоставить СССР ряд аэродромов южной Финляндии, выдворить немецкие войска из страны (что вскоре превратилось в так называемую «лапландскую войну»), а также начать выплачивать крупные многолетние репарации.

Аренда Порккала весьма затруднила повседневную жизнь финнов. Снабжение морской базы чужой страны загрузило транспортом шоссе и железные дороги южного побережья Финляндии и прервало прямую железнодорожную связь Хельсинки с западными районами страны, а также значительно усложнило навигацию из хельсинкского порта по Финскому заливу на запад.

Во многом соглашение о перемирии означало прыжок Финляндии в неизвестное. Но, несмотря на суровые условия выхода страны из войны, это соглашение еще означало и надежду на будущее, поскольку, конечно, оно было лучше, чем продолжения войны.

Теперь в новых условиях можно лишь представить себе, какие проблемы возникли у послевоенных финских властей, которым приходилось учитывать присутствие иностранной военной базы рядом со столицей страны. Министр иностранных дел Карл Энкелль заявил в Москве при заключении перемирия в сентябре 1944 г., что «передача Порккала будет открытой раной на теле финского государства, даже нет надежды на то, что эта рана зарубцуется».

Сложившееся положение казалось крайне неясным, так как не было известно, какой характер может иметь эта морская база

 $^{^*}$ Перевод с финского языка выполнил канд. фил. наук, доцент РХГА С.Г. Халипов.

в Порккала — наступательной или оборонительный. Однако об этом не велись никакие официальные переговоры в послевоенной Финляндии, хотя некоторые политические и военные руководители считали, что столицу Финляндии следует даже перенести в другое место. Однако на это все же не пошли, пытаясь приспособиться к сложившейся ситуации.

Более того, высшее финское военное руководство начало готовить секретные планы действия вооруженных сил в случае возникновения кризисной ситуации, связанной с Порккала. К счастью, эти планы так и не были осуществлены. После смерти Сталина в международных отношениях начался новый период в истории «холодной войны», период определенной разрядки международной напряженности. В результате так называемого «мирного наступления» нового руководства СССР, и в частности первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, сложилась иная ситуация и в отношениях Порккала.

Так, в финских органах массовой информации стали появляться материалы, в которых выражались надежды на возвращение Порккала Финляндии до окончания 50-летнего арендного периода. В СССР тоже видели, что военно-морская база Порккала вызывает у финнов озабоченность и страх, которые поддерживают подозрительность к политике Советского Союза.

Летом 1955 г. руководство советской внешней политики все больше приходило к мысли о необходимости все-таки отказаться от базы в Порккала. Дело в том, что СССР внес в ООН предложение о необходимости закрытия военных баз на территории других государств, поэтому в СССР решено было отказаться от базы в Порккала. Это решение поддержал и министр обороны, маршал Советского Союза Маршал Г. К. Жуков, который считал ее просто бесполезной.

В этой обстановке советский посол в Финляндии В. Лебедев 16 августа 1955 г. сообщил финскому премьер-министру У.К. Кекконену, а на следующий день и президенту Ю.К. Паасикиви, что СССР принял решение отказаться от военной базы в Порккала. Предусматривалось, что вопрос будет рассматриваться во время визита президента и премьер-министра Финляндии в Москву. Паасикиви и Кекконен были весьма удовлетворены этой инициативой. «Могут ли бытовые вещи

стать предметом брани, если можно пережить подобный день»,— записал Кекконен в своем дневнике.

Паасикиви и Кекконен вернулись из Москвы 20 сентября 1955 г., и вся Финляндия торжествовала. Спустя два дня президент Паасикиви заявил в своем выступлении по радио, что впервые возвращается довольным из столицы соседней страны 1.

Возвращение территории Порккала Финляндии началось 20 сентября 1956 г. с поднятия шлагбаумов на мосту Кивенлахти, и отряд финских пограничников промаршировал на территорию Порккала в сопровождении многочисленных иностранных журналистов. Район Порккала вновь стал частью Финляндии.

Разумеется, больше всего ощутили перемены те жители района Порккала, которые были эвакуированы из этого района осенью 1944 г. Теперь они смогли вернуться в свои дома, и их радость разделял весь народ Финляндии.

Передача Порккала имела огромное значение для Финляндии и ее международного положения. Вскоре Финляндию приняли в ООН, она получила возможность участвовать в процессе углублении международного сотрудничества. Передача Порккала продолжилась в 1956 г. к выборам Урхо Кекконена президентом Финляндии, а в декабре 1956 г. направлением финских миротворцев в первую международную операцию сил ООН, которая проходила тогда на Суэце. Возврат Порккала можно было рассматривать также как признание руководства СССР послевоенной финской внешней политики, и возвращение этого района закончило, таким образом, первую фазу послевоенной истории Финляндии.

До 2007 г. в Финляндии вообще ничего не знали о жизни на советской морской базе «Порккала-удд». Лишь в сборнике статей «Действующий флот», опубликованном военным корреспондентом Владимиром Рудным, служившим в Ханко в 1940 г., было опубликовано два репортажа о Порккала ². Рудный совершил свою первую поездку в Порккала в 1954 г., когда еще о возможной передаче этого района не было и речи. Для финских любителей спорта большой интерес вызвала информация Рудного о том, что завоевавший две олимпийские медали на дальнюю дистанцию в Мельбурне в 1956 г. советский бегун Владимир Куц начинал свои беговые тренировки в гарнизоне Порккала в конце 1940-х гт.

Однако последние события, произошедшие в России, позволили уточнить информацию о «советском Порккала». Более того, в связи с 50-летием передачи района Порккала в Финляндии был организован в январе 2006 г. военно-исторический семинар, материалы которого были опубликованы в 2007 г. Также была издана книга о Порккала на шведском и финском языках (2008–2009) 3, в которой были представлены статьи двух известных российских исследователей истории флота: председателя московского клуба истории флота Константина Стреблицкого (его перу принадлежит книга о Порккала в период войны 1944–1945 гг.) и главного редактора журнала «Цитадель» Леонида Амирханова (который написал о Порккала в период «холодной войны»). Обе статьи были подготовлены на основе прежде закрытых архивных данных и вызвали в Финляндии большой интерес. Следователи выяснили, в частности, что присоединение района Порккала и создание здесь военно-морской базы было гораздо более трудным и длительным процессом, чем полагали в Финляндии. Прошло много времени, прежде чем тяжелые береговые орудия, представлявшие «угрозу Хельсинки», привели в боевое состояние. Снабжение порккальской базы оказалось еще сложнее — сначала пришлось, в частности, потребовать, чтобы финны убрали мины с судовых фарватеров, а также разбили лед, так как просто не было подходящего оборудования. По-видимому, плохо действовали командные отношения и передача информации. Например, запрашиваемые у финнов тральщики для разминирования акватории Порккала и ледоколы, прорубающие проходы к базе, подверглись обстрелу с прибрежных бастионов! Статьи российских исследователей дают совершенно новую, неизвестную до сих пор информацию о совместной истории двух соседних стран — Финляндии и России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

¹ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви 1944–1956. М., 1958. С. 280.

² См.: *Рудный В.* Действующий флот. М., 1965.

³ Porkala ß i händelsernas centrum. Helsingfors, 2008; Porkkala ß tapahtumien keskellä. Hels., 2009.

В. Г. Бурков

ФАЛЕРИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Среди многочисленных свидетельств отечественной истории периода Северной войны 1700–1721 гг. особое место занимают фалеристические памятники. К ним относятся разнообразные наградные знаки отличия Петровской эпохи. Условно их можно разделить на семь основных групп (или видов) ¹.

Монетообразные медали, введенные Петром I в ходе Северной войны, явились продолжением старинной русской традиции награждения «жалованными монетами», ведущими свою историю еще с XV в. (эпоха «золотых» — русский институт ратных пожалований XV-XVII вв.) ². Появление этого вида петровских наград связано как с военными событиями Северной войны, так и с денежной реформой, проводимой царем-реформатором в самом начале XVIII в. Это был своеобразный переходный этап от монеты-медали к подлинной наградной медали. Ярким тому примером явились первые петровские золотые и серебряные полтины и «четвертаки» (полуполтинники), рублевые монеты. Так, в 1702 г. на втором московском Кадашевском монетном дворе были отчеканены по рисунку одного из первых русских медальеров Федора Алексеева золотые и серебряные полтины, которыми награждались офицеры и солдаты за победу над шведами в сражении 29 декабря 1701 г. у селения Эрестфер в 50 км от Дерпта, бывшего Юрьева, а ныне города Тарту³. В 1704 г. на том же Кадашевском монетном дворе по рисунку Ф. Алексеева были выпущены первые серебряные рубли, которыми награждались участники военных действий против шведов ⁴. На лицевой стороне этих монет-медалей представлено погрудное изображение Петра I с лавровым венком на голове и мантии, а на оборотной стороне — двуглавый орел под короной и со скипетром и державой в лапах.

Первые массовые наградные медали петровского времени, непосредственно связанные с событиями Северной войны. появились 12 октября 1702 г. 5 Это были золотые и серебряные медали «За взятие Нотебурга». Золотые медали изготавливались разными по весу и выдавались офицерам в соответствии с их чином и занимаемой должностью. Серебряными медалями награждались все солдаты, участвовавшие в штурме крепости. Медали выдавались без ушков. Выполненные по рисунку Ф. Алексеева, они несли на лицевой стороне поясное профильное изображение русского царя в латах, с большим лавровым венком на голове, а на оборотной стороне — сюжетную композицию, повторяющую гравюру А. Шхонебека «Взятие крепости Нотебург». 7 мая 1703 г. была учреждена золотая медаль «За взятие двух шведских судов "Астрильд" и "Гедан"» 2 мая 1703 г. 6 Гвардейские офицеры Преображенского и Семеновского полков носили медали на голубой ленте, а высшие чины на золотой цепи. На отчеканенной по эскизу Ф. Алексеева медали на лицевой стороне был представлен портрет Петра I в доспехах, а на оборотной — изображение двух шведских парусных судов, окруженных русскими лодками. С небесного свода простерта рука Провидения с короной и двумя пальмовыми ветвями. Над всей композицией, по верхнему полукружью, идет крупная надпись: «Небываемое бываетъ».

Следующей массовой наградной медалью стала серебряная медаль, учрежденная 16 мая 1703 г., «В память основания Санкт-Петербурга» 7. Она чеканилась на Кадашевском монетном дворе по рисунку медальера Филиппа Генриха Мюллера и носилась в петлице. На ее лицевой стороне было погрудное изображение Петра I с лавровым венком на голове, в доспехах и мантии, на оборотной стороне — сложная аллегорическая композиция с планом Петропавловской крепости, изображением фигур Минервы и Меркурия, медальоном с портретом Петра I. 9 августа 1704 г. появились золотые и серебряные медали «За взятие Нарвы», выполненные по эскизу Ф. Алексеева 8. На лицевой стороне —

портрет Петра I, на оборотной — изображение бомбардировки Нарвской крепости.

16 октября 1706 г. были учреждены овальные золотые и серебряные медали «За победу под Калишем» ⁹. Штемпели для них резали: лицевую сторону — Соломон Гуэн, оборотную — Готфрид Гаупт. Золотые медали были разных размеров, и награждение той или иной медалью производилось в зависимости от чина и заслуг награждаемого. Они носились на голубой ленте. Высшие чины армии получали золотые медали, заключенные в ажурную золотую рамку, украшенную финифтью и инкрустированную драгоценными камнями и алмазами. Эти «нарядные» медали крепились на одежде с помощью подвески в виде богато оформленной короны. Серебряные медали выдавались солдатам и так же, как и офицерские золотые медали, носились на голубой ленте. На лицевой стороне медалей в лавровом венке и доспехах, задрапированных мантией, был изображен Петр I, на оборотной стороне — Петр I в античном одеянии, верхом на вздыбленном коне на фоне сражения. Слева из небесного свода над головой Петра простерта рука с венком; по обе стороны надписи: «За верность», «И мужество», под обрезом указан год — «1706». Подобные золотые и серебряные медали, но круглой формы, выполненные по рисунку С. Гуэна и Г. Гаупта, были учреждены 28 сентября 1708 г. ¹⁰ Они отметили блестящую победу русских войск, разбивших корпус Левенгаупта у деревни Лесной. На лицевой стороне этих медалей изображен портрет Петра I, на оборотной — изображение Петра I в античном одеянии верхом на вздыбленном коне, на фоне сражения; вверху ангелы держат над его головой корону; выше — развевающаяся лента с надписью «Достойному — достойное». 27 июня 1709 г. в честь победы под Полтавой вводятся золотая (офицерская) и серебряная (унтер-офицерская и солдатская) медали «За Полтавскую баталию» ¹¹. Штемпели этих медалей резали С. Гуэн и Г. Гаупт. Медали носились на голубой ленте. На лицевой стороне медалей был дан погрудный портрет Петра I с лавровым венком на голове, в латах, с наброшенным поверх плащом. На оборотной стороне изображена кавалерийская схватка; вдали видна Полтава. В самом верху, по кругу, надпись: «За Полтавскую баталию». 30 июня 1709 г. появилась еще одна серебряная медаль — «За взятие в плен Левенгпупта», отметившая раз-

гром отступающих шведских сил в районе Переволочны. Ею награждались солдаты отряда А.Д. Меншикова, участвовавшие в погоне и взятии в плен остатков шведской армии. На аверсе медали дан традиционный портрет Петра I, а на реверсе — аллегорическое изображение Минервы в виде женщины с копьем в правой руке, сидящей на берегу реки, на фоне боевых знамен; слева — овальный щит с латинской надписью: «Левенгаупт взят с остальным войском»; далее — фигура старца, опирающегося на опрокинутый сосуд, из которого вытекает струя воды, олицетворяющая реку Днепр. Вверху, по кругу, латинская надпись: «Конец труда — Победа». 19 февраля 1714 г. для награждения руководителей русских войск под командованием М. М. Голицына, разгромивших шведов около финского города Ваза, была отчеканена золотая медаль «За Вазскую баталию» для ношения на голубой ленте 12 . Автор рисунка медали Φ . Γ . Мюллер на лицевой стороне изобразил портрет Петра I, а на оборотной — надпись: «За Вазскую Баталию».

К массовым наградным медалям, учрежденным в послеполтавский период Северной войны, относятся и три наградные медали, отметившие морские победы молодого российского Балтийского флота. Первая из них была предназначена участникам морского сражения у полуострова Гангут 27 июня 1714 г. ¹³ Штемпели золотой и серебряной медалей «За победу при Гангуте» были изготовлены Ф. Г. Мюллером. На лицевой стороне этих медалей был дан портрет Петра I, а на оборотной — композиция морского боя. Золотые офицерские медали носились на золотых цепях, а серебряные (солдатские и матросские) на голубой ленте.

Второй медалью была медаль «За взятие трех шведских кораблей» 24 мая 1719 г. между островами Эзель и Готска-Санде. 20 июня 1719 г. в честь этого события последовал Указ Петра I: «господин Президент, отпишите в Москву дабы в монетном дворе сделали немедленно монет золотых для раздачи морским офицерам, которые взяли три Шведских воинских корабля майя в 24 день сего 1719 г., а именно числом 67 разных сортов, и велите у всех сделать на одной стороне баталию морскую, а на другой стороне обыкновенную Нашу Персону» 14. Позднее были отчеканены такие же серебряные медали для награждения солдат и матросов. Медали (и золотые, и серебряные) носились на голубой ленте.

Третьей наградной медалью за морские успехи были золотые и серебряные медали «За победу при Гренгаме» 27 июля 1720 г. На лицевой стороне этих медалей был дан портрет Петра I, на оборотной — сюжетная композиция морского боя. Медали выдавались в соответствии с чином награждаемого: «Штабофицерам на цепях золотых жалованы медали золотые же, которые чрез плечо носили, а обер-офицерам золотые медали на голубой ленте, которые прикалывая к кафтанной же петле, нашивали, с надписью на тех медалях о той баталии» 15.

Завершает перечень массовых наградных медалей периода Северной войны золотые и серебряные медали, учрежденные «В память Ништадтского мира» 30 августа 1721 г. 16 Золотые медали предназначались для награждения офицеров, а серебряные — для награждения солдат и матросов, участвовавших в боевых действиях Северной войны. На аверсе этих медалей изображалась сюжетная аллегорическая композиция на библейскую тему: на море, покрытом волнами, Ноев ковчег и летящий над ним голубь с оливковой ветвью в клюве; на горизонте очертания двух городов, соединенных радугой, Санкт-Петербурга и Стокгольма; вверху, над радугой — надпись: «Союзомъ мира связуемы». Внизу, под обрезом — «Въ неистате попотопе северныя воины 1721». На оборотной стороне текст, прославляющий деяния Петра I: В.И.Б.Щ. (Великому и Благоверному Щастливому) Гдрю (государю) Петру І. Имянемъ и делами. Великому. Российскому императору. И отцу. По два десятолетнихъ триумфоровъ северъ умирившему сея из серебря домашняго. Медалия. Усерднейше приносится». Медали «В память Ништадтского мира» носилась на голубой ленте.

К персональным наградным медалям, связанным с событиями Северной войны, можно отнести персональную золотую медаль, выданную в октябре 1708 г. ближайшему сподвижнику Петра I генерал-адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину за победу над морскими и сухопутными шведскими войсками, пытавшимися в 1708 г. захватить Санкт-Петербург ¹⁷. Автором рисунка этой медали были С. Гуэн и Г. Гаупт. На лицевой стороне медали изображен портрет Ф. М. Апраксина в парике, мантии, доспехах и накинутом поверх плаще. На оборотной стороне изображены четыре военных корабля с развевающимися флагами и вымпелами; на заднем плане, на берегу моря, вдали

видна конная битва; вверху простертые из облаков две руки, держащие лавровый венок.

К этому же ряду медалей условно можно отнести «Орден Иуды» (медаль для украинского гетмана И.С. Мазепы). Как известно, Мазепа перешел на сторону шведского короля Карла XII, и Петр I надеялся захватить изменника и дал указание: «Сделайте тотчас монету серебряну весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Иуду на осине повесившегося и внизу тридесять серебряников лежащих и при них мешок, а позади надпись против сего: "Треклят сын погибельный Иуда еже за серебролюбие давится". И к той монете сделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно» 18. Однако Мазепа избежал плена, и эта «награда» не нашла своего «героя».

К фалеронимам периода Северной войны в полной мере можно отнести и орден Святого Александра Невского, учрежденного 28 января 1722 г. Сохранились документы, подтверждающие введение этого высокого знака отличия в связи с окончанием Северной войны и подписанием Ништадтского мира. Так, в одном из донесений французского посла в России де Кампредона, прибывшего в Санкт-Петербург в феврале 1721 г. из Швеции, где он был «полномочным французским министром» (т.е. послом) для налаживания дружеских связей с Россией, а также для содействия в подписании мирного договора между Россией и Швецией, читаем: «Вчера все министры приглашены были на большой праздник, данный по случаю мира. Служили молебен при громе пушек и ружейной пальбе двух гвардейских полков и Царь учредил военный орден Св. Александра (Невского) в подражании французскому ордену Св. Людовика» ¹⁹. Другой документ, относящийся к этому времени, содержится в «Дневнике камер-юнкера Берхгольца», переведенный с немецкого языка на русский И. Аммоном и опубликованный в 1858 г. Он свидетельствует не только о подготовке к учреждению Петром I ордена Св. Александра Невского, но и об изготовлении его знаков для пожалования. Причем введение нового ордена непосредственно связано с празднованием завершения Северной войны и подписанием Ништадтского мира. Приехавший вместе с голштинским герцогом Карлом Фридрихом в Москву в связи с этими торжествами его камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц

(так же как и де Кампредон и другие зарубежные и российские высокопоставленные гости) 23 декабря 1721 г. сделал следующую запись в своем дневнике: «Когда его высочество (герцог Голштинский) уехал, я пошел с майором Эдером на квартиру последнего. Хозяин ее, немецкий ювелир, делает, говорят, для императора (Петра I) до 40 знаков нового ордена, который его величество хочет учредить и назвать орденом Св. Александра Невского. В отношении к Андреевскому (т.е. ордену Св. апостола Андрея Первозванного), он, как я слышал, будет то же, что в Дании орден Данеброга в отношении к ордену Слона» ²⁰. Таким образом, Петр I во время празднования победного окончания войны со Швецией в Москве 28 января 1722 г. учредил орден Св. Александра Невского. Военный характер новой российской награды был точно определен очевидцами этого события — зарубежными обозревателями, которые сравнивали соотношение первых российских орденов — Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского — с французскими орденами Св. Духа и Св. Людовика, а также с датскими орденами Слона и Данеброга, что получило свое отражение в соотношении цветов орденских лент: голубой для ордена Св. Андрея Первозванного и красной для ордена Св. Александра Невского, ставшего одним из высших фалеронимов дореволюционной России. Орден имел одну степень, а орденские знаки состояли из золотого креста, красной муаровой ленты и серебряной восьмиконечной звезды. На лицевой стороне креста, украшенного «рубиновыми стеклами», в середине, в розетке на белом поле, было изображение Александра Невского на коне, на оборотной стороне — на белом поле, вензель «SA» (Святой Александр) под княжеской короной. В промежутках между концами креста помещались золотые двуглавые орлы. В центре орденской звезды давалось изображение такого же вензеля, что и на оборотной стороне креста, а по окружности, на красном фоне — орденского девиза: «За труды и Отечество», начертанного золотыми буквами, и двух зеленых лавровых веточек внизу. Крест носили на ленте через левое плечо, а звезду на левой стороне груди. Крест и звезда могли украшаться бриллиантами, что составляло высшую степень ордена. 30 августа 1735 г. Анна Иоанновна ввела специальное одеяние для кавалеров ордена, а 5 апреля 1797 г. Павлом I был утвержден статут ордена ²¹.

Наряду с вышеназванными знаками отличия, в первой четверти XVIII в. появляется еще один фалероним, также связанный с событиями Северной войны. Это так называемые наградные персоны — миниатюрные портреты Петра I, предназначенные для ношения на груди. По ценностной шкале наград они шли сразу же за орденскими знаками. Первым из известных военных событий, за которое были выданы наградные портреты, является сражение при Лесной в 1708 г. 22 Сохранился наградной портрет с точным указанием, что это боевая награда: на его оборотной стороне есть надпись: «La vertu» — храбрость ²³. Подобной награды удостоился и целый ряд офицеров, участвовавших в Полтавском сражении ²⁴. Среди награжденных «государевым портретом» был и комендант города Полтава полковник А. С. Келин 25. Наградные портреты носили в петлице кафтана (реже на шее) на голубой Андреевской ленте. Миниатюрные портреты Петра I исполнялись русскими мастерами письма по эмали Г. С. Мусикийским и А. Г. Овсовым ²⁶.

Кроме ордена Св. Александра Невского, наградных портретов, наградных массовых и персональных медалей, связанных с событиями Северной войны, существовали и так называемые офицерские знаки. Например, для офицеров Преображенского и Семеновского полков, участвовавших в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г., были введены особые знаки отличия — пластины в форме полумесяца с закругленными концами с надписью: «1700 года 19 NO» и изображением голубого Андреевского креста под разноцветной короной. У обер-офицеров знаки были с позолоченной вокруг каемкой, а у штаб-офицеров — сплошь золоченые. Подобные знаки были позже введены (но без данной надписи) и для офицеров других воинских частей, отличившихся в Северной войне ²⁷.

Наконец, к фалеристическим памятникам Северной войны относятся две юбилейные наградные медали начала XX в. Это медаль «В память 200-летия Полтавской победы» и «В память 200-летия сражения при Гангуте». Медаль «В память 200-летия Полтавской победы» была учреждена 14 июня 1909 г. ²⁸ Медалью награждались все военнослужащие тех частей, которые участвовали в Полтавской битве и сохранили то именование, которое носили в 1709 г.; все генералы, штаб- и обер-офицеры, гражданские чиновники Военного ведомства, официальные представители;

нижние чины и кадеты, принимавшие участие в параде в Полтаве в день празднования Полтавской битвы; все лица, принимавшие активное участие в разработке вопросов по устройству юбилейных торжеств, а также все прямые потомки мужского пола генералов и командиров отдельных частей, участвовавших в Полтавском сражении. Медаль изготовлялась из бронзы и носилась на голубой Андреевской ленте. На лицевой стороне медали было изображение Петра I с лавровым венком на голове. На оборотной стороне вместе с надписями: «Полтава», «1709», «1909» были отчеканены слова из приказа Петра I, отданного в день Полтавской битвы: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия». Медаль «В память 200-летия сражения при Гангуте» была утверждена 28 ноября 1913 г., а Положение -27 июля 1914 г. 29 Медалью награждались все чины морского ведомства, состоявшие на действительной службе ко дню празднования юбилея, а также все прямые потомки мужского пола адмиралов, генералов и командиров отдельных частей, участвовавших в этом морском сражении. Медаль изготовлялась из бронзы и носилась на голубой Андреевской ленте. На лицевой стороне медали было изображение Петра I с лавровым венком на голове, в доспехах, с лентой ордена Св. Андрея Первозванного. На оборотной стороне дано схематическое изображение боевого строя русских галер и шведских кораблей перед боем, а также надпись с изречением Петра I: «Прилежание и верность превосходитъ сильно».

В целом фалеристические памятники Северной войны являются яркими свидетельствами военных побед нашей страны в первой четверти XVIII в. Они отражают мужество и храбрость русских солдат, матросов и офицеров, полководческий талант военачальников, всех тех, кто сражался во имя процветания Отечества.

- ⁵ *Кузнецов А.* Чепурнов Н. Наградная медаль. Т. 1. М., 1995. С. 17–20.
- 6 *Спасский И. Г., Щукина Е. С.* Медали и монеты Петровского времени. Л., 1974. С. 62.
- ⁷ *Чепурнов Н.И.* Наградные медали Государства Российского. М., 2000. С. 33–35.
 - 8 Щукина Е.С. Медальерное искусство России в 18 веке. Л., 1962. С. 18.
 - 9 Гинсбург С. М. Русские награды. Алма-Ата. 1964. С. 2.
- $^{10}\,$ *Рихтер В.Г.* Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж. 1972. С. 109.
- ¹¹ *Иверсен Ю. Б.* Медали на деяния императора Петра Великого. СПб., 1872. С. 22.
- $^{12}\,$ Рихтер В. Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. С. 78.
 - 13 Щукина Е.С. Медальерное искусство России в 18 веке. С. 32.
- 14 Полное собрание законов Российской империи (далее $^{-}$ ПСЗ). Собр. первое. Т. 5. СПб., 1830. № 3394.
 - 15 Записка Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 7.
 - ¹⁶ *Чепурнов Н.И.* Наградные медали Государства Российского. С. 65–67.
 - 17 Там же. С. 41−43.
- 18 Платонов С. Ф. Орден Иуды. 1709 // Летопись занятий историко-археологической комиссии. Л., 1927. Т. 1. С. 194.
- ¹⁹ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 49. СПб., 1885. С. 44. (Данное донесение де Кампредона было направлено 29 января 1722 г. в адрес кардинала Дюбуа.)
- $^{20}\,$ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Ч. 2. М., 1858. С. 18.
- 21 Установление о Российских Императорских орденах // ПСЗ. Собр. Первое. Т. 24. СПб., 1830. № 17908.
 - ²² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. М., 1950. С. 1088.
- $^{23}\,$ Дуров В.А. Русские боевые награды за Полтавское сражение // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5. С. 62.
- 24 Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1698 даже до заключения Нейштадского мира. Ч. 1. СПб., 1770. С. 239.
- 25 *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... Т. 4. М., 1838. С. 82.
- 26 *Комелова Г.Н.* Русская миниатюра на эмали. 18 начало 19 века. СПб., 1995. С. 27.
- 27 *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 1. СПб., 1898. С. 228.
 - 28 ПСЗ. Собр. Третье. Т. 29. СПб., 1912. № 32149.
- 29 См.: *Лозовский Е.В.* К истории учреждения медали в память 200-летия Гангутской победы // Вторые Андреевские чтения по фалеристике: Тез. докл. СПб., 2001. С. 17–19.

¹ 1. Монетообразные наградные медали. 2. Массовые наградные медали. 3. Персональные наградные медали. 4. Орденские знаки (Св. Александра Невского). 5. Наградные портреты. 6. Офицерские наградные знаки. 7. Юбилейные наградные медали в память событий Северной войны.

² Спасский И.Г. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л., 1961. С. 92−134.

³ Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970. С. 144–146.

⁴ Там же.

Н. Р. Славнитский

ВОИНСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ЦЕРЕМОНИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛТАВСКОЙ БИТВОЙ

Победа русских войск под Полтавой, где была повержена армия, считавшаяся до того момента одной из сильнейших в Европе, как известно, стала переломом в ходе Северной войны и, естественно, в дальнейшем — одним из символов военно-патриотического воспитания. Хорошо известно, что в царствование Петра I в Санкт-Петербурге постоянно отмечались «викториальные» праздники, и Полтавская победа не была исключением.

Первая годовщина сражения отмечалась летом 1710 г., и ее Петр I решил совместить с еще одним викториальным праздником -27 июня отмечалось взятие укреплений Выборга. Описание этого праздника мы находим в дневнике датского посланника при русском дворе Ю. Юля: «Царь сам вышел к Преображенскому полку, построившемуся за крепостью Санкт-Петербургом, и, сделав различные распоряжения относительно того, как Преображенский и Семеновский полки должны расположиться кругом на площади, пошел в собор... Когда обедня закончилась, царь со всею свитой вышел на площадь... Там была поставлена красная скамейка (обтянутый красным сукном амвон) и несколько аналоев с образами, книгами и свечами. На амвон взошел архимандрит Феофилакт Лопатинский, ректор патриаршей школы в Москве, и под открытым небом пред всем народом произнес проповедь, закончившуюся молебном. Затем раздался сигнальный выстрел, и открылась круговая пальба с крепостного вала, из верфи и четырех фрегатов, нарочно для этого случая расставленных накануне по Неве. Преображенский полк, которому сам царь подавал знак к стрельбе, заключил салют залпом. Повсюду выстрелы произведены были в три приема... Посреди круга воздвигнута была пирамида, на которой висело 59 взятых в Выборге знамен и штандартов» ¹. Надо сказать, что в ходе этой церемонии были заложены основные принципы празднования годовщины Полтавской победы в Санкт-Петербурге в царствование Петра I: местом церемонии стал Петропавловский собор, и само празднование сопровождалось молебном и салютом из пушек. При этом следует отметить, что регламент викториальных праздников к тому времени уже сложился: при чтении Евангелия производился первый залп из пушек, после окончания молебна — второй, а при выходе царя из церкви — третий.

Вечером того же дня был сожжен фейерверк (к слову, первый «летний фейерверк»), однако тут мнения исследователей расходятся: Е. А. Погосян полагает, что он был посвящен годовщине Полтавской победы, а Д. Д. Зелов считает, что фейерверк был сожжен по случаю взятия Выборга ². Он же отмечал, что в праздновании годовщин военных побед фейерверочная традиция не сложилась ³. Как будет показано ниже, действительно, фейерверки при празднованиях годовщин Полтавской победы были редкостью.

В последующие годы празднования годовщин этой победы были регулярными, но не столь торжественными. Объясняется это, во-первых, тем, что они не сопровождались дополнительными церемониями (как в 1710 г., когда это совместили со взятием Выборга), а во-вторых, тем, что царь редко оказывался в нужный день Санкт-Петербурге. Поэтому все ограничивалось благодарственным молебном и пушечным салютом со стен Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей. Так, к примеру, произошло в 1716 г., когда «по отпении литоргии в Троице и по отправлении благодарного молебна стреляли з города и с Адмиралтейства, обыкновенно из пушек» 4. В некоторых случаях в эти дни празднование сопровождалось и фейерверком 5.

А в 1718 г., когда царь оказался в Санкт-Петербурге, празднование было более торжественным: «...прибыли к Троице, где

и царское величество быть изволил, которого поздравляя бывшею под Полтавою баталиею, слушали литоргию. По отпуске оной его царское величество и его светлость и прочие господа офицеры вышли в строй и дан был по батальонам залф, между тем с болварков палили из пушек. Потом прибыли на Почтовый двор, где учреждены были столы, и по малых разговорех кушали. После кушанья прибыли в сад его царского величества, где довольно веселились» 6.

Так же торжественно (в присутствии Петра I) отмечали годовщину Полтавской победы и 27 июня 1720 г.: «В праздник Святого Самсона странноприимца его величесто изволил быть у обедни в церкви святой троицы и как на литоргии стали читать Евангелие, палили с города из 33 пушек по окончании литоргии из 43 по благодарном молебне из 53 пушек, потом лейб гвардии палили из мелкаго ружья, беглым огнем три раза которые были в строю у Троицы на площади между оными залпами палили из полевых Преображенских пушек три ж раза переменяясь с бегучим огнем помянутой строй лейб гвардии... на городу стоял штандарт фрегат швецкой был убран на Неве разными флагами» ⁷. Здесь следует отметить интересный момент: Е. А. Погосян пишет, что в 1720 г. Петр I снова перенес празднование Полтавы за пределы Петербурга, ссылаясь на его письмо к Екатерине от 26 июля, где тот сообщил о приезде к Красной горке 8. Однако в приведенном нами описании четко зафиксировано, что царь в тот день был у обедни в Троицкой церкви. Скорее всего, он на следующий день, в годовщину сражения вернулся в Санкт-Петербург, поэтому позволим себе не согласиться с мнением, что Петр «специально выехал к флоту, чтобы "брать" здесь годовщину Полтавы».

При этом Петр I нередко старался «подогнать» к этому празднику и въезд иностранных послов в столицу Российской империи. В частности, в 1713 г. «в 27 день июня то есть в день Полтавской баталии приехал в Питербурх посол Персицкой и с подарками; он был с купчиною на яхте, а прочие с зверми и птицами на других судах. Его величество и господа сенаторы и прочие жители Питербурхские встречали все, в буерах отъехав, близ Канец; а как доехали до города, тогда стреляли из пушек и оной посол перевезен на квартиру, а его величество изволил поехать на Петровский остров. Того ж числа в вечеру на пло-

щади был огненной фейверок и зажигали один план, потом пущали люст-кугели и ракеты» ⁹. Выскажем предположение, что в данном случае это связано с намерением царя не только торжественно встретить иностранную делегацию, но и продемонстрировать мощь русского оружия.

В 1721 г. церемония оказалась еще более торжественной. Секретарь голштинского посольства Ф. Берхгольц описал ее следующим образом: «Шагах в пятидесяти от алтаря стоял его величество царь в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная портупея. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику, как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу. Позади его стояли подполковники гвардии: по правую сторону князь Меншиков, по левую — генерал Бутурлин, а за ними, в три или четыре ряда, большое число обер-офицеров, все с пиками в руках и шляпами под мышкой. Как в день празднования коронации, и теперь вся гвардия была в сборе и стояла в строю поодаль. Ее величество царица с вдовствующею царицею и всеми придворными дамами находилась в это время на небольшом балконе, устроенном перед входом в церковь... Богослужение, когда мы вошли, подходило уже к концу, и при нас продолжалось только несколько времени пение, из которого я ничего не мог понять... В продолжение этого чтения царь и все присутствовавшие (исключая иностранцев) стояли на коленях, и когда была пущена ракета, с крепости последовало три залпа изо всех пушек, которым отвечали орудия, стоявшие за палаткою, и вся гвардия — троекратным беглым огнем из ружей, исполненным со всевозможною точностью; наконец, стреляли также с галер, расположенных у берега. Когда все это кончилось и многочисленное духовенство, в великолепных облачениях, в предшествии распятия и восковых свеч, возвратилось в церковь, начался обратный марш гвардии под предводительством самого царя, как полковника, к реке, на которой стояли галеры, перевезшие его опять на другую сторону, где гвардия стояла лагерем» 10.

В 1723 г. в церемонии вновь принимали участие гвардейские полки, а также и полки Санкт-Петербургского гарнизона:

«В 27 день июня палили за Полтавскую баталию три раза: по начале молебна из 21 пушки потом со Адмиралтейства из транспорта, потом во чтение святого Евангелия из 27 по окончании молебна из 31 пушки також и со Адмиралтейства и с транспорта а потом со стоящих на площади полковых от гвардии пушек, палили один раз а после их гвардия и протчих наполных полков салдаты беглым огнем один же залп из мелкова ружья...» ¹¹ Ф. Берхгольц в своем дневнике отметил, что «день Полтавского сражения праздновался обыкновенным и уже описанным мною порядком», а также и то, что на Петре I в тот день снова был мундир, в котором он сражался под Полтавой ¹².

А вот в следующем году Петра I в день годовщины победы не было в Санкт-Петербурге, поэтому и празднование было скромным — молебствие и пушечная пальба, а вечером фейерверк 13 .

Надо сказать, что празднование самим Петром I годовщины сражения проводилось регулярно, независимо от того, где он в тот день находился. При этом устойчивой «идеологии» этой годовщины к 1718 г. так и не сложилось: в одних случаях она оказывалась объединена с празднованием тезоименитства царя, в других — с торжеством по случаю военной победы или событиями дипломатического быта. Главной особенностью празднования Полтавы и следующего за ней тезоименитства было то, что этот праздничный «сезон» строился во многом по модели Нового года 14.

Следует также отметить, что после 1721 г. основным викториальным праздником стало уже не Полтавское сражение, а годовщина заключения Ништадтского мира, хотя годовщину Полтавского сражения по-прежнему отмечали ежегодно до самой кончины Петра Великого.

В короткое царствование императора Петра II празднования годовщин победы под Полтавой прекратились, однако сразу после переезда императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербург в 1732 г. церемонии годовщины этой победы 15 возобновились (причем это был единственный «викториальный» праздник, отмечавшийся в те годы). Это продолжалось до середины 1730-х гг., а затем на первый план стали выходить победы русской армии на полях Русско-турецкой войны 1736–1739 гг., а Полтавскую победу со временем стали «забывать».

100-летие Полтавского сражения в Санкт-Петербурге никак не отмечали, но в царствование Николая I к годовщинам этой победы старались приурочить разного рода мероприятия. В частности, 27 июня 1836 г., «в день воспоминания знаменитой победы под Полтавою, государю императору благоугодно было назначить торжественное открытие Чесменской военной Богадельни» ¹⁶. А через несколько дней на Кронштадтском рейде состоялся военно-морской парад, в котором принимал участие «Дедушка русского флота» — ботик Петра Великого. Это судно, находившееся в Санкт-Петербургской крепости, 28 июня (т.е. на следующий день после годовщины Полтавского сражения) по распоряжению императора было торжественно выведено из крепости по специально разработанному церемониалу 17, доставлено в Кронштадт, а 3 июля ботик на корабле «Геркулес» совершил торжественное шествие мимо военных судов Балтийского флота. Кроме того, можно отметить, что 27 июня 1841 г. в Кронштадте был открыт памятник Петру I 18, а 27 июня 1846 г. была освящена церковь Петра и Павла в Шуваловском парке.

Следующее празднование годовщины победы русской армии под Полтавой состоялось лишь в 1909 г. — в дни 200-летия этого памятного сражения. Основные торжества в присутствии императора Николая II и при участии полков, принимавших участие в сражении, состоялись в Полтаве ¹⁹, но небольшие мероприятия прошли и в Санкт-Петербурге. 26 июня в Петропавловском соборе митрополитом была совершена заупокойная литургия и после нее отслужена панихида по императоре Петре I и всем павшим в Полтавском бою воинам (а также и в Сампсониевском соборе), а на следующий день, 27 июня на гробницу императора были возложены две памятные медали (золотая и бронзовая), выбитые по случаю 200-летия победы 27 июня 1909 г. В тот же день были открыты памятники Петру Великому возле Сампсониевского собора и на Адмиралтейской набережной. Эти церемонии сопровождались небольшими парадами войск (у Сампсониевского собора — рота лейб-гвардии Московского полка и два батальона Онежского полка, а также пожарная дружина имени Петра Великого, а на Адмиралтейской набережной — рота гвардейского экипажа и два батальона 890-го пехотного Беломорского полка). Кроме того, состоялся парад

(а также богослужение) возле памятника Петру Великому на Сенатской площади. В этом параде принимали участие рота 2-го Балтийского флотского экипажа со знаменем и батальоны (по два) от полков: 91-го пехотного Двинского и 92-го пехотного Печерского, которые проходили церемониальным маршем перед памятником. Парады, по традиции, сопровождались артиллерийским салютом со стен Санкт-Петербургской крепости, а богослужения — крестными ходами 20.

Подводя итоги, можно сказать, что празднование «Полтавской виктории» в Санкт-Петербурге в первое десятилетие после этого события стало основным «викториальным» праздником и по масштабам занимало ведущее место среди праздников и церемоний в Санкт-Петербурге петровского времени, причем наиболее торжественно проводилось в том случае, когда в Санкт-Петербурге находился Петр І. В случае его отсутствия праздничные мероприятия проходили, но менее торжественно. После смерти Петра годовщина Полтавского сражения практически не отмечалась (за исключением короткого периода в царствование Анны Иоанновны и единичного случая в 1836 г., а также торжественного празднования 200-летия Полтавского сражения в 1909 г.).

- 13 Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 123.
- 14 Погосян Е. А. Петр I архитектор российской истории. С. 68.
- 15 Санктпетербургские ведомости. 1732. 29 июня. С. 235; Санктпетербургские ведомости. 1733. 2 июля. С. 214.
 - 16 Санкт-Петербургские ведомости. 1836. 1 июля. С. 646.
 - 17 РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 272. Л. 4, 5-8.
- 18 *Тимофеевский Ф.А.* Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 111.
- 19 Подробнее см.: *Ульянова Г. Н.* Национальные торжества // Россия в начале XX в. М., 2002. С. 549–551.
 - 20 Русский инвалид. 1909. № 139. 27 июня. С. 1; № 140. 28 июня. С. 1–2.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 221–222.

² Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 62.

³ Там же.

 $^{^4}$ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. Вып. 10. М., 2000. С. 50.

 $^{^5}$ Журнал Санкт-Петербургской крепости // БАН ОРРКК. Ф. 57. № 31. 7. 14. Л. 64.

⁶ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 234.

⁷ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 78.

⁸ Погосян Е.А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

⁹ Походный журнал 1713 г. СПб., 1913. С. 32.

 $^{^{10}}$ *Берхгольц* Ф. Дневник камер-юнкера Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 144–147.

¹¹ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 115.

¹² *Берхгольц* Ф. Дневник камер-юнкера Берхгольца. С. 95.

О. А. Кривдина

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ВОЕННЫЕ МОТИВЫ В СКУЛЬПТУРЕ XVIII в.

Скульптура Петровской эпохи пронизана пафосом сражений и великих побед на суше и на море, одержанных русской армией в Северной войне. Как указывают историки, мысль о борьбе со Швецией впервые была высказана Петру курфюрстом Бранденбургским Фридрихом во время посещения русским царем Пруссии. План Петра I воевать со Швецией за обладание восточным побережьем Балтийского моря был успешно претворен в жизнь и завершился подписанием Ништадтского мирного договора.

Русско-шведские военные сюжеты в скульптуре XVIII в.— тема широкая, охватывающая разнообразные произведения, поэтому в данном случае объектом для изучения были выбраны барельефы, выполненные для Триумфального столпа в честь императора Петра I и Северной войны, создание которых относится к 1720-м гг. «Увенчанный фигурой Петра I Триумфальный столп был предназначен для украшения главной площади новой столицы; многочисленные статуи у подножия и 34 барельефа с лаконичными, выразительными надписями призваны были рассказывать о славных подвигах русского народа, армии и флота»,— писал Г. М. Преснов в своей публикации, посвященной Триумфальному столпу 1.

В собрании Государственного Русского музея хранятся уменьшенные повторения второй половины XIX в. по моделям, исполненным А.К. Нартовым и Б.К. Растрелли. Медальоны выполнены в технике гальванопластики из меди, их диаметр колеблется от 11 до 13 см. Вся серия поступила в Русский музей в 1929 г. из Общества поощрения художеств.

Реконструированный в 1938 г. в Русском музее Триумфальный столп и относящиеся к нему оригиналы барельефов экспонируются в отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа ². Установленный в центре зала «Ротонда» столп оформлен рельефами с изображением сцен важнейших сражений: при деревне Лесной, Полтавской баталии, взятия Риги и Ревеля, Прутского похода, взятия Фридрихштадта, Гангутского боя и взятия Дербента. Там же хранится ряд бронзовых копиров, выполненных А.К. Нартовым. В литературе указывается, что в оформлении столпа участвовали архитектор М. Земцов, инженер-механик Ф. Зингер, скульпторы Н. Пино и А. Шульц, гравер С. Коровин, чеканщики С. Воинов, И. Барякин, Н. Звонов. Серия барельефов Триумфального столпа повторена частично в царских чертогах Троице-Сергиевой лавры в Загорске под Москвой.

«Выполняя волю царя, Нартов должен был сконструировать токарно-копировальные станки для вытачивания на них задуманного Петром I Триумфального столпа, который бы навеки прославил великие победы, славу и силу русского воинства, одержавшего многие победы над шведской армией и флотом. Петр I, уверенный в окончательной победе и завершении войны, еще 2 января 1721 г., за полгода до заключения Ништадтского мира, указал скульптору Бартоломео Карло Растрелли, успевшему к тому времени зарекомендовать себя рядом прекрасных работ, "сделать оный образец, столп триумфальный, чтобы в нем явить и показать виктории, его Величеством одержанные и украшеньми"»,— отмечалось М.Э. Гизе в статье «Андрей Константинович Нартов — художник токарного искусства» 3.

Из документальных источников известно, что Петр I сам разработал композицию столпа, выбрал сюжеты и заказал изготовление модели, «чтобы убедиться в четкости композиции столпа и точности решения всех его барельефов» ⁴. Вариант столпа, выполненный Б. К. Растрелли, был утвержден к реализации. Работы Нартова над барельефами, копирами и медальонами для столпа датируются 1721–1725 гг.

Исследователи, посвятившие свои работы изучению истории создания Триумфального столпа, констатируют, что в вопросе

установления авторства рельефов нет однозначного ответа в связи с отсутствием документов ⁵. В настоящее время не представляется возможным распределить сюжетные композиции между Нартовым, Растрелли и другими художниками. Мы сосредоточим внимание исключительно на сюжетной стороне, отражающей русско-шведские военные эпизоды Северной войны, получившие наглядное претворение в композициях рельефов.

Известно, что Нартовым были созданы восемь композиций с батальными сценами на медных пластинах, размеры которых отличаются. Одни имеют высоту 24,5 см, другие — 29 см. По длине пластины от 98 до 107.5 см. «Тогда же по этим пластинам Нартовым были сделаны восемь бронзовых литых копиров в виде полых цилиндров, повторяющих барельефные изображения пластин... Размеры верхних и нижних диаметров копиров меняются в последовательности, предусмотренной их размещением на столпе» — так М.Э. Гизе описывает специфику конструкции столпа. В нижней части находится медный цилиндр с композицией «Бой при деревне Лесной», диаметр которого 35 см. В верхней части ствола — композиция «Взятие Дербента» диаметром 28,5 см. Таким образом, ствол сужается кверху. В 1725 г. вскоре после смерти Петра Великого Нартов получил указ Екатерины I сделать «начатый столп... вечно достойной памяти его императорского величества, на котором будут изображены разные баталии...» 6

В литературе упоминается предшествующая созданию столпа «Пирамида четырех фрегатов», воздвигнутая в честь победы при Гренгаме на Троицкой площади Санкт-Петербурга, где при Петре проводились торжества. «На блоках пирамиды с лицевой стороны изображены барельефы, представляющие наиболее прославленные петровские баталии. В этих композициях, с движущимися в клубах дыма войсками, с поверженными солдатами и конями, с группами сдающихся в плен шведов, как и в большой сцене морского боя в центре гравюры⁷, уже намечена в общих чертах будущая батальная тематика многих барельефов Триумфального столпа», — писал Г. М. Преснов⁸.

Для пьедестала колонны были созданы четыре рельефа, из которых три посвящены русско-шведским военным сюжетам — «Взятие Шлиссельбурга» (1702), «Взятие Нарвы» (1704), «Битва при Калише» (1706) и рельеф-композиция,

представляющая «Создание Петербурга» (1703). Для многофигурных композиций, размещавшихся на восьми цилиндрах стержня столпа, были выбраны следующие темы: «Крепкому под Лесным шведу крепчайший Петр сломи выю» (170), «Россиский Самсон шведского при Полтаве льва растерза» (1709), «Крепкая ревелская стена потрясеся при Петре» (1710), «Безопасная Рига не убежа от рук Петровых» (1710), «Меч отца россиска пожре у Прута поганые турки» (1711), «Фридрикштад торжество прославляет Петра перваго» (1713), «Мужество Петрово при Ангуте явлено» (1714), «Склонися древний Дербень вечному в славе Петру» (1722).

Известны и сюжеты для круглых барельефов: «Нева не укрыла Канцов от россиския пушки» (1703), «Россиский монарх утопи врага при Катарингофе» (1703), «Силна ладия россиска на Чюдском озере» (1704), «Сила Петрова разруши стены града Дерпта» (1704), «Велие дерзновение великим Петром в Кронштате усмирися» (год не указан), «Митава свидетельствует мужество Петрово» (1705), «У Петра под Добрым не без добрыя победы» (1708), «Эльбин паде от десницы Петровы» (1710), «Скипетр орла россиска сокруши Динамент» (1710), «Рука россиска Пернов покорила» (1710), «В Эренсбурге орел вогнездися россиски» (1710), «Бомба россиска нашла место в Кексгольме» (1710), «Крепость Выборгская паде пред Петром великим» (1710), «Марс у Тонинга удивися мужеству Петрову» (1713), «Гелсенфорс россиским подчинися галерам» (1713), «Не стерпя силы Петровы Штетин покорися» (1713), «Страшен Петр при Пелкине явися» (год не указан), «Вазовская баталия» (год не указан), «Крепость Нейшлоса ослабела от руки Петрова» (1714), «От галер россиских не прекрыл Гренгам четыре фрегаты» (1720), «Мирны во веки пребудем» (Ништадский мир) 9 и два портретных барельефа Петра I и Екатерины I.

В Русском музее хранится 13 композиций на перечисленные сюжеты. В каталог Русского музея они включены под упрощенными названиями, например: «Взятие Шлиссельбурга», «Битва при Калише», «Битва под Добрым», «Взятие Митавы» 10 и другие.

К композициям, изображающим ранние сражения, относятся «Взятие Шлиссельбурга» (1702) и «Взятие Нарвы», свершившееся в 1704 г. Сравнивая стилистическое и пластическое выполнение этих работ, обращают на себя внимание общие

моменты. Например, одинаковое изображение клубов дыма в виде специфических завитков в форме спиралей, напоминающих собой цветы роз, трактовка фигур офицеров в преображенских мундирах, фалды которых динамично развиваются. Эти наблюдения дают основание говорить о руке одного автора. В отличие от других рельефов, где тексты размещены в верхней части окружности, здесь, как и на рельефе «Взятие Выборга», надписи расположены наверху на лентах.

Другое стилистическое решение отличает три композиции — «Сражение на Чудском озере» (1704), «Взятие Перново» (1710) и «Взятие Нейшлота» (1714). В этих рельефах изображениям фигур солдат и офицеров приданы удлиненные пропорции. Клубы дыма от выстрелов плотные, слоистые и массивные, словно кроны деревьев. Одинаковыми штрихами изображается рябь на воде. При сравнении всех имеющихся в собрании Русского музея рельефов возникает предположение, что они выполнялись не только разными мастерами, о чем ранее писали исследователи, но и отдельные фрагменты и части композиций лепили несколько художников. Один — выполнял фигуры, другой — пейзаж с видом архитектурных сооружений, третий специализировался на создании морских сражений.

Такое распределение было специфической особенностью искусства петровского времени. Тем более оно способствовало наилучшему и быстрому выполнению срочного официального заказа Петра Великого на создание Триумфального столпа. Учитывая, что необходимо было исполнить не только модель столпа, но и уменьшенную модель, оформленную рельефами из слоновой кости, это предположение вполне очевидно. Однако в связи с отсутствием документальных материалов можем лишь предложить эту версию о работе нескольких авторов над каждой из композиций для Триумфального столпа. Это не означает, что ряд рельефов создавался самостоятельно одним автором, например, таким как Б. К. Растрелли, обладавшим исключительно индивидуальной творческой манерой и высочайшим профессионализмом.

Крупнейшему сражению Северной войны — Полтавской битве, 300-летие которой отмечалось в 2009 г., была посвящена уникальная выставка «Совершенная виктория», организованная Государственным Эрмитажем совместно с Государственным

историко-культурным музеем-заповедником «Московский Кремль». Кроме российских музеев, в создании экспозиции принимали участие три стокгольмских музея: Музей армии, Национальный музей и Королевская Оружейная палата. В числе представленных экспонатов достойное место было отведено серии рельефов, предназначавшихся для оформления Триумфального столпа в Петербурге 11. Как отмечено в юбилейном издании, эти рельефы «ярко характеризуют особенности развития русской скульптуры в 20–30-х гг. XVIII в. и являются одновременно драгоценными памятниками славным победам русской армии в Северной войне» 12.

 $^{^1}$ *Преснов Г. М.* Триумфальный столп в память Петра I и Северной войны // История русского искусства, М., 1960. Т. V. С. 475.

 $^{^2}$ Реконструкцию модели Триумфального столпа выполняли Г. М. Преснов, С. С. Гейченко, Ф. Ф. Бернштам.

 $^{^3}$ *Гизе М.* Э. Андрей Константинович Нартов — художник токарного искусства // Teatrum Machinarum или три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге. К 300-летию со дня рождения А. К. Нартова. Каталог. Гос. Эрмитаж, галерея «Петрополь», 1993. С. 20.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 24.

 $^{^6}$ Основные даты жизни и творчества Андрея Константиновича Нартова // Teatrum Machinarum или три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге. С. 28.

⁷ Необходимо пояснить, что «Пирамида четырех фрегатов» была изображена П. Пикартом на гравюре «Петр Первый, царь и повелитель всероссийский» (см.: *Ровинский Д.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Стлб. 521.

 $^{^{8}\,}$ Преснов Г. М. Триумфальный столп в память Петра I и Северной войны. С. 476.

⁹ Темы барельефов приведены по: *Преснов Г. М.* Триумфальный столп в память Петра I и Северной войны. С. 481–482.

¹⁰ Список рельефов из собрания Русского музея см.: Скульптура XVIII— начало XX века. Государственный Русский музей. Каталог. Л., 1988. С. 126–129.

 $^{^{11}}$ Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. СПб., 2009.

¹² Там же. С. 47, 50.

С. Е. Ивлева

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ О ФИНЛЯНДИИ В СОБРАНИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА Е. Н. ТЕВЯШОВА

Иллюстрированные издания о Финляндии, находившиеся в книжном собрании петербургского коллекционера Евгения Николаевича Тевяшова (1846–1914) и поступившие в 1918 г. в библиотеку Художественного отдела Русского музея, представляли собой интересные образцы русской иллюстрированной книги XIX в. Их тематическая подборка свидетельствовала о живом интересе коллекционера к территории, связанной с Россией прочными нитями исторических и культурных связей.

В кругу петербургских знатоков гравюры и книги конца XIX— начала XX в. Евгений Николаевич Тевяшов был фигурой заметной. Даже на фоне блестящей плеяды товарищей-коллекционеров: В. А. Верещагина, Н. В. Соловьева, М. А. Остроградского, Н. К. Сенягина он выделялся постоянством собирательских интересов. Гравюры, литографии и иллюстрированные издания составляли главный предмет его коллекционирования.

Евгений Николаевич Тевяшов родился 6 мая 1846 г. Наследник старинного дворянского рода, выпускник Александровского лицея, сотрудник Министерства финансов ¹, он начал собирать коллекцию с начала 1870-х гг., в то время, когда «отсутствие конкуренции давало возможность приобретать русские редкости по сравнительно дешевой цене» ². Помощником Тевяшова был Д. А. Ровинский ³, составитель «Указателя имен и предметов» к его «Подробному словарю русских граверов» ⁴. Тевяшов сам занимался гравированием, создал несколько офортов, которые

Д. А. Ровинский включил в «Словарь русских граверов» 5. Он был обладателем одного из лучших собраний русской литографии, коллекционирование которой к концу XIX в. не стало еще распространенным явлением. Он составил единственную в своем роде коллекцию книжных виньеток, состоящую из «превосходных "отдельных" отпечатков, нередко до подписей, или в неизвестных разновидностях» 6. На материалах этих коллекций Тевяшов написал работу, скромно названную «Описание нескольких гравюр и литографий» 7. Его труд высоко оценили современники, и до сих пор он не потерял своего значения.

«Искренне преданный делу русского коллекционирования» ⁸, Тевяшов всегда готов был помочь и начинающим собирателям, и умудренным опытом коллегам. «Он не закрывал в своих шкафах и комодах собранные им сокровища, но давал их широко на использование всем, желающим работать над изучением русской графики» ⁹. Активно занимаясь популяризацией иллюстрированной книги в лучших ее образцах, Тевяшов стал одним из основателей Кружка любителей русских изящных изданий, призванного сохранять и развивать лучшие традиции книжного творчества. С момента основания (1904) он был товарищем председателя, и многие начинания Кружка — и издания, и выставки — осуществились только благодаря усилиям Тевяшова.

И все же главной страстью Тевяшова было коллекционирование. Его обширное собрание состояло из трех разделов: русской гравюры, литографии и иллюстрированных изданий. Собрание гравюр и книг Тевяшов рассматривал как равные части единой коллекции, дополняющие друг друга, и подбирал иллюстрированную книгу с не меньшей основательностью, чем коллекцию гравюр. Даже внешний вид книг тевяшовской коллекции свидетельствовал о его трепетном к ним отношении. Книги украшали лучшие петербургские мастера переплета. Для них был подготовлен экслибрис, который неизменно наклеивался на форзацы 10. 200 единиц своего книжного собрания Тевяшов опубликовал в третьей части издаваемых Кружком «Материалов для библиографии русских иллюстрированных изданий» 11, редактором которой он сам и стал.

Известный библиофил У.Г. Иваск, описывая в числе прочих частных коллекций собрание Тевяшова, на первое по значимости место поставил в нем иллюстрированные издания ¹².

Н. В. Соловьев — издатель журнала «Русский библиофил», давая собранию качественную характеристику, указал, что в нем были «русские иллюстрированные издания, преимущественно начала XIX века, в их лучших образцах» ¹³.

Иллюстрированные издания о Финляндии количественно составили небольшую часть книжного собрания Тевяшова. Но эти экземпляры принадлежали к «лучшим и ярчайшим образцам» русских иллюстрированных изданий. Это были книги с иллюстрациями, гравированные альбомы (преимущественно литографированные), выпущенные в основной своей части с начала 1830-х до конца 1850-х гг. ¹⁴ Издания объединяла тема культурно-исторического изучения Финляндии, включавшая путешествия по различным ее частям, изучение исторических памятников и архитектуры финских городов, природные достопримечательности. Кроме того, все «финские» издания представляли собой пример использования в их художественном оформлении передовых иллюстрационных граверных техник — литографии и ксилографии, и в этом качестве они также представляли для Тевяшова коллекционную ценность.

Таким был литографированный альбом Валериана Лангера «Six Vues de Finlande» 15. 6 литографий на китайской бумаге великолепного качества представляли виды Выборгской крепости, усадьбы Монрепо и Иматры. Все они были отпечатаны в заведении известного петербургского литографа Тюлева. Совершенно другого рода издание — изящный карманный (в 16 долю листа) путеводитель Николая Лызлова «Красоты Финского залива», в оформлении которого были применены две популярные иллюстрационные техники — литография и ксилография. За изящной литографированной обложкой голубого цвета следовал титульный лист с политипажной виньеткой, представлявшей новинку техники — пароход. Далее был помещен занимательный рассказ о «кратковременной прогулке в Равель и Гельсингфорс» 16. Издание, предназначенное «в помощь будущим путешественникам», сообщало не сведения о конкретных достопримечательностях, а передавало общие впечатления от увиденного: «Гельсингфорс, небольшой красивый город в новейшем Европейском вкусе, кажется маленьким Петербургом, так как главные его части расположены в виде набережной. <...> Во время танцев мы мо-

жем от прелестных дам обратить взоры на прелестную лазурь моря... насладиться дивною картиной утопающего в пучинах солнца» ¹⁷. Издание было проиллюстрировано видами Ревеля и Гельсингфорса, выполненными в технике ксилографии. К теме культурно-исторических путешествий по Финляндии относились и номера журнала «Иллюстрация» за 1847 г., в которых были помещены отрывки из книги академика Я. Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки» (СПб., 1847) 18. Книга была посвящена посещению Гротом мест, связанных с путешествием по Северной Финляндии в 1819 г. Александра І. В «Путевых записках» и журнальной главе Грот часто упоминал книгу участника путешествия 1819 г. Севастьяна Грипенберга 19. Эта книга в 1828 г. была издана в Петербурге. К ней прилагались 7 черно-белых литографий, выполненных с рисунков художника Больмса и напечатанных в Париже. Литографии представляли виды мест пребывания в Финляндии Александра. Литографии из книги Грипенберга специально для гротовской главы журнала «Иллюстрация» перегравировал в технике ксилографии Л. Серяков. Этот удачный пример перевода изображений из одной граверной техники в другую Тевяшов счел необходимым иметь в своей книжной коллекции. Интересным экземпляром собрания явился том иллюстрированного журнала «Живописный сборник» за 1858 г., с очерком «Финляндия и финляндцы» 20. Главным источником рассказов о Финляндии в нем стала книга известного путешественника, князя Эммануила Михайловича Голицына «Финляндия». Двухтомное сочинение князя вышло в 1852 г. в Париже на французском языке. Очерки были переведены на русский язык и печатались в трех номерах «Живописного сборника». Очерки сопровождались иллюстрациями, которые, скорее всего, и привлекли внимание Тевяшова. Виды Финляндии с рисунков художника Фримана гравировали в лучшей парижской ксилографической мастерской Беста и Лелуара по заказу издателя «Живописного сборника» В. Е. Генкеля.

Изысканная, эстетская коллекция Тевяшова была «очень петербургской» и могла по-настоящему быть оценена только в родном городе. Подтверждением этого стали воспоминания известного московского букиниста П.П. Шибанова. Он писал, что собрание Тевяшова его не заинтересовало. «Сколько раз

я подходил к нему,— вспоминал Шибанов,— покушался купить и каждый раз уходил разочарованным <...> у нас в Москве коллекциям виньет не придавалось такого большого значения, как в Петербурге» 21 .

По-разному сложилась судьба графической и книжной частей коллекции Тевяшова ²². Евгений Николаевич умер 1 марта 1914 г. Его вдова — Надежда Кузьминична в конце 1915 г. продала графическую часть коллекции известному петербургскому антиквару А. Ф. Фельтену в его эстампный магазин. В начале марта 1916 г. Фельтен предложил Русскому музею Александра III купить у него коллекцию Е. Н. Тевяшова. Коллекция у Фельтена была приобретена. Часть листов предназначалась для Памятного отдела, основная часть для Художественного. Приобретением для музея коллекции Е. Н. Тевяшова было положино «начало нового отдела произведений графического искусства» ²³.

Судьба книжной части коллекции Тевяшова была иной. Часть книг для своего собрания купил коллега Тевяшова по Кружку М. А. Остроградский, но большая часть осталась в семье коллекционера. Во второй половине 1918 г. у вдовы Тевяшова для библиотеки Художественного отдела было приобретено «58 книжных названий (65 томов)» ²⁴, в их числе и издания о Финляндии. Книги влились в общий библиотечный фонд. О принадлежности изданий к собранию Е. Н. Тевяшова свидетельствует его гербовый экслибрис на книжных форзацах.

- $^{10}~$ Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков. М., 1905. С. 276. На экслибрисе был изображен герб рода Тевяшовых.
- ¹¹ Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий. Выпуск третий. № 401–600. / Составил Е. Н. Тевяшов. СПб., 1910.
- $^{12}~\it{Иваск~У.Г.}$ Частные библиотеки в России. Часть II. Приложение к «Русскому библиофилу» за 1911 г. СПб., 1812. С. 54.
 - ¹³ Соловьев Н. В. Е. Н. Тевящов. С. 101.
- 14 Исключение составила вышедшая в 1799 г. книга: *Георги Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В чет. част. СПб., 1799. (Ч. І. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем руссов).
- $^{15}\,$ Лангер B. Six Vues de Finlande par V. Langer. Dans la Lithographie de Tuleff. 1832.
 - 16 Лызлов Н. Красоты Финского залива. М., 1840. С. 5.
 - 17 Там же. С. 54.
 - 18 Иллюстрация. № 28. С 54–59; № 33. С. 139; № 34. С. 155.
- ¹⁹ *Грипенберг С.* Описание путешествия Государя Императора Александра I из станции Нисселе в город Каяну во время последнего вояжа Его Величества в Великое Княжество Финляндское в 1819 году. СПб., 1829.
 - 20 Живописный сборник. № 2. С. 46–57; № 3. С. 86–92; № 4. С. 125–143.
- 21 *Шибанов П.П.* Друзья книги // Книга. Исследование и материалы: Сборник. М., 1973. С. 171.
- $^{22}\,$ О графической коллекции Е. Н. Тевяшова см.: Власова О. В. Коллекция гравюры и литографии Е. Н. Тевяшова // Материалы VI Царкосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 262–271.
 - 23 ВА ГРМ. Оп. 1. Д. 9. Л. 28, 30; Д. 686. Л. 2.
 - 24 ВА ГРМ. Оп. 6. Д. 47. Л. 18.

¹ Тевяшов начал службу в Министерстве финансов в 1866 г., дошел по служебной лестнице до звания Тайного советника и члена Совета Министерства.

 $^{^2}$ *Адарюков. В. Я.* Е. Н. Тевяшов // Среди коллекционеров. 1921. № 11–12. С. 52.

 $^{^3}$ Для «Словарей» Ровинского Тевяшов сообщал данные по отдельным гравюрным листам своего собрания.

⁴ *Тевяшов Е. Н.* Указатель имен и предметов, упомянутых в «Подробном словаре русских граверов» Д. А. Ровинского. СПб., 1899.

⁵ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. II. СПб., 1895. С. 993.

⁶ Адарюков В. Я. Е. Н. Тевяшов. С. 52.

⁷ Тевяшов Е. Н. Описание нескольких гравюр и литографий. СПб., 1903.

 $^{^{8}}$ *Соловьев Н. В.* Е. Н. Тевяшов. Некролог // Русский библиофил. 1914. № 3. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

Л.В. Орфинская

ТЮРЕМНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ РЕФОРМЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ

Финляндские тюрьмы в XIX в. управлялись особым порядком и имели свое центральное управление в Гельсингфорсе. Они не входили в состав общеимперской пенитенциарной системы и не подчинялись Главному тюремному управлению Российской империи, находившемуся в Санкт-Петербурге. Это особое, унифицированное управление, равно как и характер народа и местности, наложили на некоторые стороны организации и ведения тюремного дела свой отпечаток.

С возникновением реальной возможности созыва земских чинов автономии появились надежды на осуществление многих важных законодательных реформ, в том числе на издание нового Уголовного уложения. К этому времени следует отнести начало пенитенциарной реформы в Финляндии, так как изменения, к которым тогда приступили, имели во всех отношениях характер коренного преобразования тюремного дела. Мнение о том, что уголовные законы устарели, разделяло все финское общество.

В период преобразований, начавшихся во время работы Сейма 1863—1864 гг., предполагались значительные изменения уголовного законодательства и системы исполнения наказаний. Основной целью переходной реформы объявлялось приведение существующих мест заключения в соответствие с применением новых современных уголовных и пенитенциарных законов. Специально созданная комиссия в том же году представила

проект, включавший положения об изменении условий лишения свободы.

По официальным сведениям, тюрьмы автонимии «находились в весьма неисправном состоянии» $^{1}.$

К началу пенитенциарных преобразований в Финляндии, кроме городских тюрем в большинстве городов и нескольких селах, имелись следующие карательные учреждения: 4 смирительных дома -3 для мужчин и 1 для женщин; 5 исправительных -3 для мужчин и 2 для женщин; тюрьма для подследственных арестантов; губернские тюрьмы во всех 8 губерниях и 3 уездные тюрьмы.

В середине XIX в. по инициативе правительства было впервые предпринято исследование тюремного дела в крае. В ходе инспекторской работы комиссии состояние зданий этих учреждений было признано неудовлетворительным, они требовали значительного ремонта и перепланировки даже для реализации переходной пенитенциарной системы, предусматривавшейся постановлением 1866 г. об исполнении наказаний лишением свободы. Уложение 1734 г. не содержало правил отбывания разных, встречавшихся в нем видов лишения свободы. Некоторые инструкции, изданные в течение первой половины XIX в., старались упорядочить тюремную организацию. При условиях исполнения наказания, зависевших от личного усмотрения, недостатки замечалась как в управлении, так и в содержании арестантов. Кроме того, порядок исполнения наказания был крайне разнообразным вследствие того, что все места заключения, даже предназначенные для преступников того же разряда, имели собственные инструкции с неодинаковыми правилами и состояли в ведении различных властей.

«Постановление о исполнении наказаний лишением свободы» от 26 ноября 1866 г. ², основанное на современных принципах уголовного права того времени, определило только два вида наказания: денежные взыскания и лишение свободы. Оно вступало в силу с 1 января1870 г. и представляло переход от устаревшего шведского уложения к новому, проект которого уже составлялся. Восполнив давно ощущавшийся недостаток пенитенциарного законодательства, это постановление стало в Финляндии первым законом о тюремной организации, основанной на началах определенной тюремной системы в современном смысле. Оно

различало три вида наказаний лишением свободы, а именно: смирительный дом, тюремное заключение на хлебе и воде, заключение в тюрьме. Смирительным домом заменялись более тяжелые виды наказаний в виде принудительной работы, зафиксированные в уложении 1734 г. и позднейших нормах.

При наказании смирительным домом имелось в виду не только содержание преступника под стражей и занятие его трудом, но и его исправление через обучение, дисциплину и работу. В одиночном заключении должны были содержаться только несовершеннолетние преступники, не достигшие 18-летнего возраста, и преступники старшего возраста, которые в силу своей нравственной испорченности развращали бы других заключенных. Остальные арестанты должны были содержаться днем вместе и заниматься общей работой, а ночью размещаться в одиночных камерах, в случае недостатка помещений — в общих спальнях под присмотром во избежание общения между собой.

Содержание в тюрьме на хлебе и воде приводилось в исполнение в губернских или уездных тюрьмах и отбывалось по возможности в одиночестве под наблюдением врача.

Под «тюремным заключением» подразумевалось наказание лишением свободы, которое упоминалось в шведском Уложении и последующих нормах как тюремное заключение, или просто заключение, заключение в крепости или в смирительном доме без работы и отбываемое в губернских или уездных тюрьмах в совместном заключении. На срок наказания до 8 дней могло отбываться в городской тюрьме.

Таким образом, постановление 1866 г. вводило прогрессивную систему тюремного заключения. Основные принципы этой системы требовали предварительного одиночного содержания арестанта. Но повсеместно на практике на время пришлось отказаться от предполагаемого порядка, так как существовавшие в то время места заключения не были оснащены необходимым количеством одиночных камер.

По уголовным законам 1866 г. отбывание лишения свободы в смирительном доме значительно расширялось, что естественно привело к увеличению числа заключенных. Таким образом, приступили к строительству зданий именно для смирительных домов. Хотя более оправданным с точки зрения основ тюрьмоведения представлялось начать преобразование с губернских

тюрем, т. к. там содержались подследственные. Пока места предварительного заключения оставались неудовлетворительными, что содействовало развращению подследственных, нельзя было ожидать заметных результатов от улучшения быта заключенных в смирительных учреждениях.

В 1860-е гг. под руководством судьи Адольфа Гротенфельта был разработан обширный план по развитию тюремного дела по западноевропейским образцам. Частичное обновление исполнения наказания 1866 г. способствовало подготовке широкого общественного мнения Финляндии в пользу необходимости быстрого и глобального преобразования системы исполнения наказаний в виде лишения свободы.

Воплощая реформу, правительство в 1869 г. выделило $300\,000$ марок 3 на строительство на территории Тавастгусского 4 тюремного замка здания с 66 одиночными камерами. В 1871 г. состоялось открытие смирительного дома.

На сейме 1872 г. по поводу намеченной тюремной реформы выступили земские чиновники с предложением о подробном изучении специалистами вопросов, которые должны быть приняты во внимание при реорганизации пенитенциарной системы. Уже в следующем 1873 г. по распоряжению правительства была создана вторая специальная комиссия. По истечении нескольких рабочих месяцев эта комиссия выработала заключение, которое и легло в основу последовавшей тюремной реформы.

Основным принципом реформы являлось заключение приговоренных к отбыванию лишения свободы в смирительных домах или к общественным работам в нескольких рационально оборудованных больших тюрьмах, отдельно для мужчин и женщин. По возможности эти тюрьмы должны были быть построены в центральных местах Великого княжества. Подследственные арестанты и приговоренные к содержанию на хлебе и воде должны были отбывать наказание в губернских тюрьмах.

С тех пор строительные работы продолжались безостановочно, и по мере возведения новых тюремных зданий и перестройки старых заключенные разных категорий перераспределялись между местами лишения свободы. В 1875 г. расширили смирительный дом в $A60^5$, израсходовав $550\,000$ марок из казны края 6. В 1881 г. было закончено строительство нового смирительного дома «Сернес» около Гельсингфорса 7, которое потребовало $217\,058$ марок 8.

Затем была перестроена и расширена Тавастгусская тюрьма. Вышеупомянутое здание с одиночными камерами заняла губернская тюрьма, а старый переоборудованный замок расширили, пристроив 2 флигеля с одиночными кельями. Там разместили под общим управлением смирительный и рабочий дома для женщин. В Вильманстранде 9 были реконструированы старые тюремные здания и построено одно новое для размещения там рабочего дома для лиц мужского пола.

Успешно завершив строительное преобразование центральных мест заключения, тюремное ведомство перешло к усовершенствованию губернских. В 1884 г. закончилось строительство новой тюрьмы в Выборге, в конце 1885 г.— в Улеоборге 10. Затем были построены и открыты в 1890 г. губернские тюрьмы в Гельсингфорсе, Куопио, С-Михеле 11, Николайстаде 12 и Або. Таким образом, все губернские тюрьмы автономии в сравнительно короткий промежуток времени значительно отстроились и стали располагать зданиями, предназначенными для системы одиночного заключения. Но имелись и общие камеры для арестантов, которые должны были отбывать наказание в общем заключении.

Только в конце 80-х гг. правительство признало здания финляндских губернских тюрем удовлетворяющими потребности пенитенциарной науки, и 14 января 1891 г. сенатом было утверждено новое Положение о губернских тюрьмах ¹³.

Кроме перечисленных общих мест заключения, ко времени завершения реорганизации в большинстве городов со старых времен оставались упомянутые уже особые городские тюрьмы. Они содержались на средства городского бюджета и предназначались для подследственных арестантов, ожидавших решения городских судов. Впоследствии для достижения цели объединения и централизации тюремной системы в губернских городах произошло слияние этих тюрем с губернскими. Причем город перечислял казне установленные средства содержания отдельной городской тюрьмы. Вследствие этого городские тюрьмы в более значимых городах края стали служить лишь для осуществления полицейских целей.

Тюремное преобразование коснулось и уездных тюрем, которые являлись на практике отделениями губернских для отдаленных уездов и предназначались для тех же целей. Ограничение со-

ставлял срок отбывания наказания, не превышавший двух месяцев. В городе Каяни было построено новое здание уездной тюрьмы, в Кастельгольме и Киттиля реконструировались старые.

Таким образом, по мере продвижения реорганизации тюремной системы Финляндии многие старые тюремные учреждения упразднялись, их заменяли новые, построенные в полном соответствии с требованиями пенитенциарной науки, возведенные главным образом по системе одиночного заключения, но имеющие и общие камеры для арестантов, приговоренных соответственно к общему заключению. К концу 80-х гг., когда предпринятая реформа могла считаться завершенной, в Финляндии имелись следующие карательные учреждения: 4 центральные тюрьмы и губернские тюрьмы во всех 8 губернских городах и 3 уездные тюрьмы. Городские и уездные тюрьмы продолжали выполнять функции преимущественно мест предварительного заключения, где подследственные находились до суда. Число уездных тюрем, пригодных для одиночного заключения, в целях экономии средств было сокращено до трех.

К центральным тюрьмам относились: смирительный дом под Гельсингфорсом, предназначенный для лиц мужского пола, приговоренных на срок не более 5 лет; смирительный дом в городе Або для мужчин, приговоренных пожизненно или на срок не менее 5 лет; смирительный и рабочий дома в городе Тавастгусе для женщин, приговоренных к смирительному дому или общественным работам за бродяжничество; рабочий дом в городе Вильманстранде для мужчин, приговоренных за бродяжничество к общественным работам. В соответствии с правилами о перевозке арестантов по правительственным железным дорогам, утвержденными 3 октября 1889 г., при железнодорожной станции Рихимяки была построена пересыльная тюрьма 14.

К началу вступления в силу нового Уголовного уложения 1894 г. в 15 тюрьмах княжества, не считая мелких городских, могли отбывать одиночное заключение в соответствии с установленными законодательством режимами содержания днем и ночью 1156 человек, только ночью — 465 человек 15 .

С 1872 г. Сейм ежегодно выделял значительные суммы на улучшение состояния тюрем. К 1892 г., когда строительные работы считались в основном законченными, на них было затрачено около 7,6 млн марок 16. При этом в тюрьмах было больше мест,

чем в среднем заключенных ¹⁷. Тюремная реформа проводилась в умеренном духе, разумно и энергично, чему во многом способствовала стабильная внутриполитическая ситуация в княжестве ¹⁸. По истечении трех десятилетий начиная с 1860-х гг. Финляндия приобрела тюремную систему, отвечающую мировым стандартам. Вышеизложенные факты подтверждают, что в Финляндии была создана целая система современных тюремных сооружений, отвечающих требованиям тюрьмоведения того времени.

- 4 Современное название Хамеенлинна.
- 5 Современное название Турку.
- 6 Владимиров С. Организация тюремного дела в Финляндии. С. 1118.
- 7 Современное название Хельсинки.
- 8 Владимиров С. Организация тюремного дела в Финляндии. С. 1118.
- 9 Современное название Лаппеенранта.
- 10 Современное название Оулу.
- 11 Современное название Миккели.
- 12 Современное название Вааса.
- 13 Всеподданнейший отчет Хозяйственного Департамента Императорского Финляндского Сената за 1894 г. Гельсингфорс, 1896. С. 9.
 - 14 Там же. С. 11.
 - 15 Финляндия в 19 столетии. Гельсингфорс, 1894. С. 131–133.
- Virtanen V. Rangaistusjärjestelmän uudistus Suomessa 1800-luvun loppupuoliskolla. Vankeinhoito. Helsinki, 1938. S. 121–124.
- ¹⁷ *Laitinen J.* Vankeinhoidon voimavarojen kehitys 1860-luvulta nykypäivään. Suomen vankeinhoidon historia. Helsinki, 1981. S. 181–187.
- ¹⁸ *Бахтурина А.Ю.* Окраина Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 230.

A. Yummo

ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР В 1918—1944 гг.

До 1917 г. в Петрограде проживало около 28 000 финнов, а в губернии еще порядка 140 000 ингерманландцев. Однако в 1918 г. после окончания гражданской войны в Финляндии около 10 000 финских красноармейцев и их родственников перебрались в Советскую Россию. На беспокойной границе с Финляндией тогда миграция шла в обе стороны, поскольку с другой стороны финские граждане после прихода к власти большевиков в массовом порядке начали возвращаться на родину. Из Петрограда и его пригородов в Финляндию переехали также тысячи ингерманландцев. Вакуум заполнялся финскими красногвардейцами, разделяющими социалистические убеждения и разворачивающими свою активную политическую деятельность. Еще летом 1918 г. они в Петрограде стали издавать новые финноязычные газеты.

Финская коммунистическая партия была основана в августе 1918 г. При финансовой поддержке РКП(б) за два последующих года финские коммунисты наладили выпуск многочисленных изданий, начиная от листовок и газет и заканчивая уже журналами. В основном они были заполнены соответствующими пропагандистскими материалами КПФ и содержали идеи необходимости начала новой революции в Финляндии. Причем в финских коммунистических кругах полагали, что при поддержке российской власти революция в Финляндии может опять начаться.

¹ Отчет прокурора императорского Финляндского Сената о судопроизводстве и наблюдении за применением законов в крае, сообщенный Сейму Финляндии 1909 года. Гельсингфорс, 1913. С. 35.

 $^{^2}$ Сборник постановлений Великаго Княжества Финляндскаго. 1865−1866. Гельсингфорс, 1867. № 27. С. 9−18.

³ *Владимиров С.* Организация тюремного дела в Финляндии // Тюремный Вестник. СПб., 1911. № 10. С.1118. В 1865 г. меняли по курсу 4 марки к 1 рублю.

В период 1918–1920 гг. одним из основных в этом отношении изданий была газета «Вапаус». Но она была не единственным печатным органом КПФ. Печаталось еще около 300 различных изданий, из которых значительную часть стремились распространять Финляндии. Из опубликованного почти половину составляли листовки, которые затем тайно переправлялись в Финляндию. Тиражи этих изданий были, однако, относительно небольшими, поскольку их читателями были, прежде всего, финские коммунисты.

Но финский язык начал входить в обиход и в русской Карелии. Там, в Карельской трудовой коммуне, основанной в 1920 г., он наряду с русским стал местным письменным языком. Здесь проживало около двух тысяч финнов. Более того, финские коммунисты решили создать в Карельской трудовой коммуне для финнов местное самоуправление. Председатель Карельского облисполкома красный финн Эдвард Гюллинг планировал даже распространить советскую власть на Финляндию и на всю Скандинавию. Позже, в 1923 г., Карельская трудовая коммуна была преобразована в Карельскую автономную Советскую Социалистическую Республику, а газета «Карельская коммуна» стала называться «Красная Карелия».

Тем не менее в начале 1920-х гг. финноязычная издательская деятельность коммунистов постепенно начала сокращаться, поскольку экономическая поддержка РКП(б) коммунистической партии Финляндии значительно уменьшилась. Финны тем не менее сумели основать в Советской России собственное издательство — «Кирья». Его деятельность стала развиваться уже с середины 20-х гг. центральными темами литературных работ, публикуемых финскими коммунистами в СССР, стали уже не только проблемы политической пропаганды, но и жизни в Советском Союзе, а также строительство социалистического общества. К вопросам подготовки революции в Финляндии теперь не относились как к спешным задачам, хотя исследователи финского революционного движения продолжали публиковать материалы о классовой борьбе в Финляндии и о гражданских войнах в Карелии.

Издательская деятельность на пороге нового десятилетия в Ленинградской области к тому же начала в тот момент распространяться на советскую Карелию. В Петрозаводске

появилась собственная типография. В то же время издательство «Кирья» издавало много художественной литературы. В начале 1930-х гг. стали выходить в свет произведения некоторых финских классиков (Алексис Киви, Минна Кант, Юхани Ахо, Майю Лассила), которых в коммунистической среде воспринимали как достаточно «пролетарских» писателей. В целом в 1930-е гг. в советской Карелии и Ленинградской области финноязычное издательское дело активно продолжало развиваться. Общее количество изданий, напечатанных к концу 1935 г., доходило до трех тысяч наименований, а общее количество трудов исчислялось миллионами. В это время в советской Карелии жили уже около 12000 финнов и еще около 6000 переехавших из Америки американских финнов.

Но ко второй половине 1930-х гг. в СССР началась полоса преследований и «чистки» как в партии, так и в стране. Принадлежность к финскому народу и использование финского языка было признано проявлением национализма. В целом «чистки» трагически отразились на судьбах финнов, проживавших за восточной границей своей страны. Не менее печально складывалась судьба и американских финнов, а также ингерманландцев, поскольку их тоже уничтожали в массовом порядке. За короткий срок полностью ликвидировали и все достижения двадцатилетней издательской деятельности, осуществлявшейся на финском языке. В результате эти публикации за короткий срок стали раритетными. Более того, для финнов теперь возникли трудности, связанные с незнанием русского языка, с трудом понимали «новоязык» карел, который был составлен на кириллице 1. Это была смесь русского, финского и карельского языков.

Однако «бубрихский карельский» достаточно быстро, спустя три года, исчез в круговороте политических изменений, происходивших в СССР. С началом «зимней войны» в советской языковой политике произошел серьезный поворот, поскольку с конца 1939 г. финский язык вновь вошел обиход во фронтовых газетах и листовках.

В результате «зимней войны» к СССР были присоединены до 10% территории Финляндии. Самая крупная часть этой территории была присоединена к новой Карело-Финской Социалистической Республике, граница которой с РСФСР на Карельском перешейке в общих чертах соответствовала так

называемой «линии Маннергейма». В новой республике были проведены выборы и составлена новая конституция. Финский язык был вновь принят как второй официальный язык, а «бубрихский карельский» окончательно исчез в 1940 г. В связи с прошедшими ранее «чистками» решение задачи повышения значимости финского языка на практике стало нелегким делом. Более того, поскольку ингермандские районы Ленинградской области не входили в Карело-Финскую Социалистическую Республику, то здесь финский язык так и не стал официальным языком, несмотря на то что в этих местах проживало очень много финноязычного населения.

Однако летом следующего года началась новая война, называемая по-фински «войной-продолжением», а по-русски Великой Отечественной войной. В новых условиях финский язык начал уже фигурировать главным образом лишь в пропагандистских изданиях — в газетах и листовках.

Тем не менее, хотя произведения, изданные на финском языке в СССР, во многом были в конце 1930-х гг. уничтожены, их ликвидация не оказалась совершенно полной. За период «войны-продолжения» финнами была собрана в Архиве трофеев Восточной Карелии, размещенном в Яянислинне (Петрозаводске. — Πep .), в здании петрозаводского университета вся найденная там литература. Особое внимание тогда обращали на обнаруженные финноязычные книги периода 1918–1937 гг. Здесь предусматривалось пополнить относительно скудные запасы книг, приобретенных в Финляндии за прошедший период. В числе собранной для архива литературы большую часть составляли, естественно, книги, написанные на русском языке. Финноязычная доля книг была весьма незначительной. Из Архива военных трофеев предусматривалось редкую литературу присоединить к книжным собраниям библиотеки Хельсинкского университета и прочих важных учреждений Финляндии. Однако в Архиве военных трофеев в конце 1942 г. произошла катастрофа. Здание было подожжено, и в результате была утрачена большая часть собранного тогда материала. Это ускорило отправку в Финляндию оставшейся после пожара литературы. В 1943 г. в архиве была создана так называемая ниванкская рабочая группа, выполнившая задачу составления картотеки этой литературы для будущей библиографии Восточной Карелии. По окончании войны данная работа все же была прервана, и вывезенный в Финляндию материал пришлось вернуть в СССР.

Тем не менее в годы войны Финляндии все же удалось добиться определенного расширения фондов финноязычной литературы, вышедшей ранее в Советской Карелии. В результате произошли значительное пополнение коллекций библиотеки Хельсинкского университета по Советской Карелии. Сохранилась и находится в библиотеке Хельсинкского университета составленная в годы войны картотека литературы, полученной финскими властями в Советской Карелии. Так удалось спасти значительную часть той финской культуры за двадцать лет, которая издавалась по ту сторону границу.

Библиографический проект с неполной картотекой позднее по так называемым «общим причинам» был почти забыт. Данную тему посчитали в Финляндии щекотливой. О ней забыли вплоть до распада СССР. Более того, часть трофейной литературы оказалась в частных руках, хотя это запрещалось законом. Тем не менее в 2008 г. в Финляндии вышел подробный перечень всех изданий, которые выпускались в Советском Союзе в 1920–1930 гг. ² Это издание в новых уже условиях позволит продолжить исследовательскую работу со всем комплексом финноязычных книг, изданных за пределами Финляндии.

¹ Так называемый «бубрихский карельский язык».

² Uitto A.-K.P. Suomea rajan takana 1918–1944: suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Helsinki, 2008. В перечне 2222 впервые используется материал Национальной библиотеки Финляндии и прочих собраний, включая интернетфайлы Российской национальной библиотеки. Библиография насчитывает 3566 напечатанных в СССР финноязычных и 270 произведений на бубрихском и карельском языках (включая годовые подборы газет).

К.С. Балашова

СТАНОВЛЕНИЕ ФИНЛЯНДСКО-СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «ЛИНИИ ПААСИКИВИ—КЕККОНЕНА» (КОНЕЦ 1940-х — 1950-е гг.)*

Одним из наглядных примеров успешного международного трансграничного сотрудничества являются взаимовыгодные добрососедские связи между Россией и Финляндией, на протяжении многих лет успешно сотрудничающих в экономической, гуманитарной и культурной сферах и решающих в конструктивном ключе многие проблемы, представляющие взаимный интерес. Однако если экономика и политика являются основанием в фундаменте межгосударственных отношений, то культура, наука, образование, фактически становятся определенными связующими звеньями, которые придают этому фундаменту особую прочность.

При этом следует учитывать, что за предшествующий период в истории советско-финляндских отношений обстановка в области культурного сотрудничества складывалась далеко не самым лучшим образом 1. Безусловно, особую роль здесь играли политические отношения двух стран. После обретения независимости в 1917 г. и победы в 1918 г. белого движения в гражданской войне новую Финляндию явно беспокоила по-

литика советского правительства, которая, как считалось, была «идеологически чуждым и враждебным» для соседней страны. Эта обеспокоенность усиливалась свежей памятью о русификации Финляндии в конце царской эпохи.

В целом между Первой и Второй мировыми войнами отношения между двумя странами официально считались нормальными, но на деле они оставались напряженными. С одной стороны, в СССР рассматривал Финляндию в качестве «империалистического трамплина», находящегося в опасной близости от Ленинграда, а с другой стороны, в Финляндии хотя и читали М. Горького и знали В.В. Маяковского, но идейное содержание их работ, очевидно, не привлекало интеллигенцию. Сведения же, которые доходили в Финляндию, скажем, о Соловецком лагере или об общем процессе коллективизации в Ингерманландии, пугали значительную часть финского населения ². Соответственно, и российских беженцев-эмигрантов также принимали в Финляндии не слишком приветливо 3. Культурные мероприятия, которые тогда организовывались в советском полпредстве, посещали некоторые представители левой интеллигенции, к которым большинство населения относилось с подозрением ⁴.

В конце 1930-х гг. вспыхнула советско-финляндская война. Она проходила уже в условиях начала Второй мировой войны. Когда в марте 1940 г. «зимняя война» закончилась мирным договором, то с точки зрения СССР, как представляется, «финляндский вопрос» остался «неурегулированным», в том смысле, какой вкладывался согласно секретному протоколу к германо-советскому договору от 23 августа 1939 г. ⁵ Как считалось в Москве, Финляндия оставалась во враждебном СССР лагере, и эту ситуацию трудно было чем-либо изменить ⁶.

Правительство Финляндии, чтобы показать стремление к установлению добрососедских отношений, учредило в 1940 г. Комитет по развитию культурных отношений с Советским Союзом. В числе других членами комитета были Бертель Хинце, Хелла Вуолийоки и Юрье Рууту. Однако В. М. Молотов не поддержал предлагавшиеся этим комитетом мероприятия, поскольку, как считает известный финский исследователь П. Лунтинен, рассматривал эти действия как антисоветскую попытку подменить деятельностью комитета работу «общества

^{*} Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

мира и дружбы с Советским Союзом» 7 . В СССР с большим вниманием отнеслись к этому Обществу, возникшему в Финляндии еще в мае 1940 г., и именно ему начали оказывать соответствующую поддержку 8 .

Но, как известно, в июне 1941 г. вспыхнула очередная война с Советским Союзом, получившая в Финляндии название «войны-продолжения» (1941–1944). Она закончилась подписанием перемирия, подписанного в Москве 19 сентября 1944 г. Именно с этого отрезка времени и начинается новый этап советскофинляндского сотрудничества в области культуры, который коренным образом отличался от предшествующего периода в развитии отношений между двумя странами.

Важным обстоятельством, которое следует учитывать, рассматривая вопрос, связанный со становлением финляндско-советского культурного сотрудничества, было то, что подписанное соглашение о перемирии, определяя положение Финляндии как побежденной страны, тем не менее не лишало ее при этом государственной независимости, права проводить самостоятельную внешнюю политику. В Финляндии, в отличие от других стран, воевавших на стороне Германии, не был введен оккупационный режим, поскольку Советский Союз счел возможным не пользоваться в этом правом победителя. Несомненно, что данное обстоятельство демонстрировало особую политику СССР в отношении Финляндии, что выразилось и в зарождении нового этапа финляндско-советского сотрудничества в области культуры.

Анализируя влияние соглашения о перемирии, Ю. К. Паасикиви подчеркивал: «Мы с удовлетворением констатируем, что Советский Союз, как и его союзники, признает само собой разумеющимся фактом государственную самостоятельность Финляндии и право ее народа на самоопределение». Он особо отметил, что соглашение обеспечивает «предпосылки для существования Финляндии в качестве свободной страны в мировой системе, целью которой является обеспечение мира после этой войны» 9.

Паасикиви не только стремился сформулировать и официально провозгласить основные принципы новой внешней политики. На протяжении 12 лет он пытался претворять эти принципы в жизнь, проводил большую работу, направленную на то, чтобы

новый курс был не только правительственной, но и общенациональной политикой. В этом, естественно, он опирался на ряд государственных и политических деятелей Финляндии, которые еще в годы войны выражали мнение о необходимости кардинального изменения финской восточной политики. Наиболее решительным в данном направлении был один из лидеров партии Аграрный Союз У. К. Кекконен. Так, через неделю после подписания соглашения о перемирии с СССР он, говоря о новой политической линии, у начала которой стоит Финляндия, заявил: «Мы должны исходить из того факта, что Финляндия и Россия были и будут соседями. Наши национальные интересы требуют создания взаимного доверия в отношениях между нашими странами... Создание хороших отношений с ведущей европейской державой не только наш единственно возможный выбор, это в то же время правильная политика и с точки зрения наших национальных интересов» 10.

Что же касается отношений между двумя странами в культурном плане, то они также сыграли и достаточно существенную роль в развитии новых советско-финляндских отношений. Был получен важный импульс в процессе формирования связей, которые строились при поддержке государства и в большинстве случаев через официальные учреждения. Но наряду с этим также важную роль в этом отношении сыграло созданное в 1944 г. новое Финляндско-советское общество дружбы. Эта организация была призванна оказать соответствующее общественное влияние на формирование нового облика сотрудничества между двумя странами в области культуры. Показательно при этом то, что в церемонии учреждения этой организации участвовал непосредственно премьер-министр Финляндии Ю. К. Паасикиви.

Развитию связей содействовал и большой успех, который сопутствовал гастролям в 1945 г. по Финляндии Ансамбля песни и пляски Красной Армии под управлением А.В. Александрова. Особенно сильное впечатление на слушателей производило исполнение гимна Финляндии «Ой, поднимись Суоми...». Так начали закладываться основы будущего советско-финляндского сотрудничества в области культуры. Для содействия развития финляндско-советского культурного сотрудничества и изучения жизни в СССР в 1947 г. был создан в системе Министерства просвещения и культуры Финляндии Институт культурных связей

между Финляндией и Советским Союзом — ныне это Институт России и Восточной Европы. Этот институт стал играть весьма важную роль в развитие научного и культурного сотрудничества между народами и продолжал свою деятельность как важный цент изучения соседнего с Финляндией государства вплоть до наших дней. Примером этому может служить издание и переводы в стенах института работ российских и финских исследователей ¹¹.

Тем самым открывался весьма перспективный этап в области научного и культурного сотрудничества между двумя народами полностью стал соответствовать новой внешней политики Финляндии. Эту политику уже в середине 50-х гг. начали называть «линией Паасикиви», а затем и «линией Паасикиви—Кекконена». Безусловно, послевоенная восточная политика Финляндии строилась на заключенном между двумя странами в апреле 1948 г. Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Именно его положения легли в основу кардинально меняющихся советско-финляндских связей в области культуры. Не случайно поэтому в 5-й статье договора особо подчеркивалось, что «стороны подтверждают свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией» 12.

Как стало обычным в других странах Европы, также и в Финляндии различные города начали также обретать для себя советские «города-побратимы». Первыми «городами-побратимами» в 1953 г. стали Турку и Ленинград, а также Лахти и Запорожье, затем в 1954 г. эти отношения уже оформились между Хельсинки и Москвой, Тампере и Киевом ¹³. Это движение «породненных городов» позволяло уже на муниципальном уровне организовывать обмен различных делегаций, а также проведение разнообразных мероприятий в области культуры.

Однако крупный перелом в общественном сознании послевоенного времени произошел лишь в начале 50-х гг., когда репарации и иные обязательства Финляндии перед СССР были полностью выполнены. К этому времени знаковые фигуры военной эпохи — Маннергейм и Сталин ушли с арены мировой политики.

Перемены, начавшиеся в СССР в середине 1950-х гг., затронули не только внешнеполитическое мышление, но также

изменили отношение к зарубежному научно-техническому и промышленному опыту. Финляндия стала для СССР важнейшим каналом доступа к новейшей западной технологии, привлекая советских специалистов собственными техническими разработками, опытом по организации и рационализации труда в промышленности, способностью добиваться минимальных затрат при получении максимального эффекта.

Имелись также и другие явные признаки перемены общественного климата. Усилия нового советского руководства по формированию положительного образа СССР, несомненно, способствовали распространению оптимизма в Финляндии в целом. В середине 50-х гг. в стране сложилась динамичная и чрезвычайно доходная массовая культура, которая создала новый имидж Финляндии — страны равноправной и урбанизированной 14.

Подписанное в 1955 г. советско-финляндское соглашение о научно-техническом сотрудничестве ¹⁵, привело к разнообразному культурному обмену. Финляндцы получили возможность учиться в Москве, например, в медицинских вузах, финские аспиранты были стажерами в Московском государственном университете. Национальный архив Финляндии получил возможность изготовить микрофильмы из хранящихся в архивах СССР материалов, касающихся Финляндии, и это имело важное значение для исследований до тех пор, пока в 1990-х гг. российские архивы не стали доступными для финских ученых.

Фактически тогда уже закладывались те основы советско-финляндского научно-технического и культурного сотрудничества, которые затем будут активно развиваться. В этом отношении весьма важное значение для развития культурных связей Финляндии с СССР имели финляндско-советские соглашения и протоколы, так или иначе касавшиеся сотрудничества в области культуры, науки и образования, издательского и архивного дела, радио и телевидения. Таких соглашений и протоколов лишь в период с 1960 по 1983 г. было около двадцати. Первое «Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Финляндской республикой» было подписано 27 августа 1960 г. 16

Когда начались туристские поездки финнов в Советский Союз, «Интурист» показывал гостям достижения советской

культуры и объекты российской старины, которые были тщательно отреставрированы. Туристы знакомились с театром им. Кирова и с Большим театром, а также с сокровищами Петергофа и Кремля и с Выставкой достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве.

Продукцию советской культуры начали постепенно принимать как самозначимую, независимо от идеологии и направления. На книжных полках появились в переводе на финский язык воспоминания И. Г. Эренбурга, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Облако в штанах» В. В. Маяковского, «Белый пароход» Чингиза Айтматова, «Спутники» В. Ф. Пановой, автобиография К. Г. Паустовского.

Таким образом, после выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии политика Финляндии в области культуры была ориентирована на сотрудничество с Советским Союзом. Важную роль в этом, очевидно, играли различные официальные учреждения. Так, для того периода было характерно создание многообразных организаций при участии государственных лиц, появление «городов-побратимов» и т. д. Договорной основой сотрудничества выступали различного рода финляндско-советские соглашения и протоколы, так или иначе касавшиеся связей в области культуры, науки и образования, издательского и архивного дела, радио и телевидения.

Подводя итог, следует заметить, что связи в области культуры, которые активно начали развиваться между СССР и Финляндией в конце 1940–1950 гг., успешно развиваются и сегодня. Таким образом, тогда были созданы благоприятные перспективы для общего зарождения сотрудничества в области и культуры, которое существует и благоприятно продолжает развиваться между нашими народами и в наши дни.

- $^3\,$ См.: Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003.
- $^4\,$ *Лунтинен П.* Культурное взаимодействие России и Финляндии в XIX–XX вв. С. 207.
- 5 Секретный Дополнительный Протокол к Германо-советскому Договору о дружбе и границе между СССР и Германией // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 9.
 - ⁶ *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 57–116.
- $^{7}\,$ Лунтинен П. Культурное взаимодействие России и Финляндии в XIX–XX вв. С. 236.
- ⁸ Cm.: *Viitala H. M.* Rauhanoppositio. Pori, 1969; *Karttunen S.* Ystävyys vastatuulessa. Hels., 1966.
 - ⁹ Цит. по: *Apunen O.* Linjamiehet. Paasikivi-Seuran historia. Hels., 2005. S. 219.
 - ¹⁰ Цит. по: Ibid. S. 184.
- 11 См.: *Лаллука С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997; *Курбатов Ю.* Турку. История и архитектурный портрет города. СПб., 2004 и т. д.
- ¹² Советско-финляндские отношения 1948–1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 8.
- $^{13}\,$ Федоров В. Г. Советский Союз и Финляндия. Добрососедство и сотрудничество. М., 1988. С. 257.
- 14 *Мейнандер X.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 188–189.
- 15 См.: Советско-финляндские отношения 1948—1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии: Документы и материалы. С. 22—23.
 - 16 Там же. С. 82-83.

 $^{^1}$ См.: *Барышников В.Н.* Проблемы финляндско-советских взаимоотношений в области культуры в 1920–1930 гг. // Скандинавские чтения 2006 года. СПб., 2008.

 $^{^2}$ Лунтинен П. Культурное взаимодействие России и Финляндии в XIX—XX вв. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв.: Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. Санкт-Петербург, февр. 1999 г.; Хельсинки, май 2001 г.; Санкт-Петербург, сент. 2004 г.; М., 2006. С. 205.

Н. И. Барышников

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ ВОКРУГ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ (1948—1958 гг.)

В апреле 1958 г. исполнилось 10 лет со дня заключения между Советским Союзом и Финляндией договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот период имел ярко выраженную характеристику, связанную с процессами развития биполярной системы международных отношений в рамках начавшейся «холодной войны». Но уже тогда можно было подводить десятилетние итоги со времени после окончания Второй мировой войны как общего межгосударственного развития отношений в мире, так и конкретно определить первые результаты послевоенного десятилетия советско-финляндских отношений. Естественно, что эти отношения стали строиться на основе подписанного в 1948 г. договора о дружбе. Десятилетний срок уже позволял сделать определенные выводы о степени эффективности работы этого договора как в отношениях между СССР и Финляндией, так же как о значении этого договора в международном плане в целом.

Действительно, в тот период начал зарождаться определенный интерес к научному осмыслению первых результатов истории, связанных с заключением договора и развитием в целом на его базе советско-финляндских отношений. Более того, начали появляться первые научные работы, посвященные данной теме. А в сентябре 1953 г. в Хельсинки была даже защищена диссертация исследователя В.О. Вейлахти на тему: «Договор о сотрудничестве и взаимопомощи — основа политических от-

ношений между Финляндией и Советским Союзом». Из отчета о ее защите видно, что Вейлахти на основе официальных документов и имевшихся в Финляндии доступных ему источников постарался рассмотреть развитие советско-финляндских отношений после заключения этого договора, а также проанализировал отношения Финляндии с другими странами. Диссертант пришел к выводу, что послевоенная политика Финляндии была правильной и должна и в дальнейшем основываться именно на этом договоре ¹.

Эту же идею высказал в 1954 г. в своей научной работе известный военный исследователь подполковник в отставке Вольф Халсти, который рассмотрел весьма серьезные проблемы обороны Финляндии, учитывая при этом факт существования договора о дружбе с СССР². Автор книги, касаясь военных статей договора, постарался проанализировать обороноспособность Финляндии в случае возникновения военной опасности. «Этот договор,— указывал Халсти,— является центральным пунктом вопроса обороны Финляндии, от которого должны исходить все расчеты, планы и приготовления. Они должны быть нацелены на выполнение всех тех обязательств, которые могут вытекать из необходимости практического выполнения договора, и они должны быть такими, чтобы выполнение договора могло проводиться по возможности эффективно и с меньшими потерями» ³.

Но с другой стороны, в начале научно-исследовательского изучения роли данного договора необходимо было также обратить внимание на анализ внутриполитической ситуации, которая сложилась в Финляндии во второй половине 1940-х гг. В этом плане положение внутри самой страны характеризовалось достаточно сложными процессами. Не случайно поэтому уже тогда стали появляться исследования, в которых особо обращали внимание именно на существующую в тот период достаточно большую опасность, которая могла возникнуть для существующего в Финляндии социально-политического строя. Показательным, в частности, стало издание в 1955 г. книги Лаури Хювямяки «Опасные годы. 1944—1948 гг.». В ней финский исследователь, описывая заключение договора с СССР, активно подчеркивал, что после получения Финляндией от Советского Союза предложения заключить договор «финский вопрос

вплелся в серию драматических событий», которые поставили внутриполитическую ситуацию в Финляндии в критическое положение ⁴. Это замечание требует научного анализа, поскольку обстановка в Финляндии действительно серьезно менялась, хотя в отечественной историографии по данному вопросу нет специально подготовленных научно-исследовательских работ, где подробно была бы раскрыта обострившаяся борьба вокруг уже подписанного советско-финляндского договора ⁵.

Тем не менее перед тем как рассмотреть внутриполитическую ситуацию в Финляндии 1948—1958 гг. следует все же учитывать, что с момента выхода страны в сентябре 1944 г. из Второй мировой войны и до начала 1948 г. в ее внутриполитическом положении произошли уже значительные изменения ⁶. Они носили кардинальный по своей сути характер, поскольку прежнее финское руководство, находившееся у власти в предшествующий период, вынуждено было отойти от управления страной. Более того, основные виновники вовлечения Финляндии во Вторую мировую войну, такие как бывшие президент Р. Рюти, премьер-министры Ю. Рангель и Э. Линкомиес, министр В. Таннер и другие, были преданы в руки финской фемиды и осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Одновременно с этим сторонники радикально левого развития государства и, прежде всего, представители Коммунистической партии Финляндии получили после 27 лет нахождения в глубоком подполье возможность легальной политической деятельности. Они сумели в октябре 1944 г. создать и возглавить блок левых организаций — Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ). Более того, тогда же в руководство таких важных государственных ведомств и учреждений, как полиция, информационное бюро, радио, школьное управление и другие, пришли сторонники КПФ. Наконец осенью 1944 г. образовалось общество «Финляндия — Советский Союз», объединившее сторонников установления дружественных отношений с СССР.

Прошедшие в 1945 г. выборы в парламент показали очевидное нарастающее влияние в стране сторонников коммунистов. Так, блок ДСНФ получил четвертую часть всех голосов избирателей и 49 депутатских мандатов 7. После этого в парламенте начала складываться уже левоцентристская коалиция, в которую вошли наряду с этим объединением еще две крупней-

шие фракции — социал-демократы и аграрный союз. На базе этого блока было сформировано новое правительство во главе с Ю. К. Паасикиви, в состав которого были включены и коммунисты. В следующем, 1946 г., когда Паасикиви стал президентом Финляндии, правительство возглавил видный деятель ДСНФ Мауно Пеккала.

Таким образом, внутриполитическая обстановка в Финляндии складывалась благоприятно для установления новых советско-финляндских отношений. Более того, 10 февраля 1947 г. в Париже был подписан с Финляндией мирный договор, что означало окончательный выход из состояния войны, в котором Финляндии пребывала.

В этот исторический период официального перехода Финляндии от войны к миру президент Ю. К. Паасикиви, выражая пожелание финскому народу на будущее, сделал заявление, которое потом не раз повторялось финскими государственными и политическими деятелями, неоднократно приводилось в литературе о советско-финляндских отношениях. Он сказал: «Мы должны соблюдать добрососедские отношения с Советским Союзом, и наша внешняя политика никогда не должна повернуться против СССР. Моя политика состоит в том, чтобы весь финский народ стал сторонником этой внешнеполитической линии... Если кто-либо в будущем попытается напасть на Советский Союз через нашу территорию, мы вместе с Советским Союзом будем сражаться против агрессора так стойко и так долго, насколько позволят силы» 8.

Однако подобные заявления уже делались в условиях разгорающейся «холодной войны». Укрепление добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией протекало в сложной международной обстановке. Скандинавские страны и Финляндия, занимающие важное стратегическое положение в Северной Европе, стали превращаться в весьма значительную зону интересов как стран Запада, так и СССР. Более того, Соединенные Штаты сумели уже распространить так называемый «план Маршалла» на всю Скандинавию. После этого три страны из пяти государств Северной Европы были вовлечены в Североатлантический блок (Норвегия, Исландия, Дания). Что же касается Финляндии, то здесь «по своему географическому положению,— писал известный американский военный

журнал "Милитери Ревью", — Финляндия занимает важное место в стратегической картине Северной Европы. Ее сила имеет первостепенное значение для других Скандинавских стран так же, как и для свободной Европы в целом» 9.

Не случайно поэтому в Хельсинки также получили предложение примкнуть к «плану Маршалла». Однако в ходе обсуждения этого вопроса на заседании финского парламента большинство депутатов отвергли идею присоединения к нему Финляндии. Тем не менее определенные исследователи отмечали, что отказ финской стороны был вызван негативным отношением к этой экономической программе в Москве. Известный в Скандинавии шведский историк и экономист профессор Артур Монтгомери писал, что от «помощи по плану Маршалла» Финляндия отказалась «под давлением России» 10.

Однако очевидно, что большую роль сыграл не сам фактор возможного давления на Финляндию со стороны СССР, а скорее вероятное понимание финским руководством позиции по данному вопросу Москвы. Естественно, что не последней была линия, которую пытался проводить премьер-министр Финляндии Мауно Пеккала.

В результате именно на премьера, политика которого была направлена на учет мнения СССР по внешнеполитическим вопросам, была предпринята атака противниками этой линии. Однако позиция Мауно Пеккала сыграла не последнюю роль в следующем 1948 г., когда финский премьер-министр в Москве подписал с советским руководством договор о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Как сама идея заключения этого договора, так и факт его подписания было воспринято в финских общественных кругах далеко неоднозначно. В Финляндии была развернута широкая кампания по обсуждению договора о дружбе. Причем на страницах газет появились критические статьи в отношении внешней политики Советского Союза. «Можно понять, — писала тогда газета "Хельсингин саномат", — что в соответствии с тем договором, который желают заключить русские, Финляндия будет в будущем заранее привязана к известной великой державе и затем окажется с самого начала втянутой в любой военный конфликт, в котором может участвовать великая держава, имеющая обширные мировые интересы» 11. В стране стали рас-

пространяться устойчивые слухи о том, что, заключив договор с СССР, Финляндия вынуждена будет в случае войны «посылать своих сынов воевать на сопки Маньчжурии» 12 .

Естественно, что еще на момент обсуждения этого договора в Финляндии начали активно раздаваться требования отклонить предложение СССР, поскольку оно оказывалось несовместимым «со стремлением Финляндии к политике невмешательства» и «угрожает ее суверенитету». Орган коалиционной партии газета «Ууси Суоми» писала, что в случае заключения договора «существующие жизненные права народа» и его «традиционные общественные и государственные устои» окажутся в опасности ¹³. А орган торгово-промышленных кругов страны газета «Кауппалехти» вообще писала, что подписание оборонительного союза с СССР «будет фактически означать конец самостоятельности Финляндии» ¹⁴.

Об этом писали и за рубежом. «Финляндия разделит судьбу Чехословакии — было трафаретным выражением иностранных газет», — писал историк Л. Хювямяки 15, намекая на то, что в это время в Чехословакии было образовано правительство во главе с коммунистами. Он замечал, что «слова "Прага" и "Хельсинки" слились на полосах газет всего мира» 16. Действительно, внутриполитическая обстановка в стране начала стремительно обостряться и все это не могло не наложить серьезного отпечатка на характер обсуждения советского предложения в финляндском парламенте.

В конечном счете после долгих переговоров лидеров парламентских фракций с президентом Ю. К. Паасикиви было достигнуто соглашение о принятии в принципе предложения советского правительства. При этом, как заявил тогда Мауно Пеккала, благодаря пониманию, проявленному со стороны СССР к специфической позиции Финляндии, «оказалось возможным достичь результатов, соответствующих... особым условиям» Финляндии и «удовлетворяющих обе стороны» ¹⁷. 6 апреля 1948 г. советско-финляндские переговоры закончились подписанием договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Заключенный договор явился важным этапом в развитии советско-финляндских отношений. Он создавал исключительно благоприятные условия для отхода в политике от недоверия и недружелюбия двух государств, существовавших в довоенный

период и сохранившихся еще в известной степени в послевоенные годы.

Но он, однако, продолжал вызывать недовольство со стороны определенных слоев населения страны. Показательным в этом отношении явились обсуждение договора, проходившее в финляндском парламенте 28 апреля. Смысл выступлений ряда депутатов сводился к тому, что их фракции всегда были против заключения подобного договора с Советским Союзом, но «раз Финляндия находится в таком положении, что другого выхода нет, то надо утвердить договор» ¹⁸. В целом результат голосования был таким, что за ратификацию договора было подано 157 голосов, против — 11 ¹⁹. Таким образом, большинство членов парламента высказалось за ратификацию договора.

Как и следовало ожидать, учитывая предшествовавшие события, борьба между сторонниками и противниками нового внешнеполитического курса Финляндии на этом не закончилась. В первое десятилетие существования этого договора можно выделить здесь уже определенные ее этапы.

Первый этап (1948–1950) охватывает время, когда в политической борьбе в Финляндии удалось устранить из правительства представителей ДСНФ и создать кабинет, который фактически стал на путь отказа от сотрудничества с Советским Союзом.

После заключения договора в стране опять разгорелась острая политическая борьба, совпавшая по времени с очередными выборами в парламент, намеченными на 1–2 июля 1948 г. Перед этими выборами в начале мая окончательно распался блок трех парламентских фракций. Из него вначале вышла социал-демократическая партия, а вслед за ней и аграрный союз.

Все это сделало позиции сторонников коммунистов весьма шаткими. Однако, несмотря на исключительно неблагоприятные условия, создавшиеся для ДСНФ в ходе предвыборной кампании, это объединение все же сохранило за собой в парламенте 38 депутатских мест, потеряв по сравнению с предыдущими выборами 1945 г. 22 тыс. (около 6%) голосов. Но сохранить блок трех парламентских фракций в новом составе законодательного органа страны все же не удалось. В результате выборов было создано однопартийное правительство, состоящее из социалдемократов во главе с К. Фагерхольмом.

С приходом к власти нового правительства начала заметно меняться внутренняя и внешняя политика Финляндии. В этот момент была распущена государственная полиция, в руководстве которой были коммунисты. Вместо нее была образована так называемая «охранная полиция». Началось общее увольнение прокоммунистически настроенных лиц из государственных учреждений. Кроме того, их тогда постарались вывести из советов по радиовещанию, из государственной литературной, театральной и других комиссий.

В отношениях с Советским Союзом новое правительство также стало на путь игнорирования прежних договорных обязательств. В нарушение 8 и 15 статей мирного договора в ряде мест возобновили свою деятельность под видом «стрелковых клубов» и «охотничьих обществ» запрещенные военизированные организации. Также вопреки мирному договору были досрочно освобождены из тюрьмы главные военные преступники (Р. Рюти, В. Таннер и др.), причем ряд финских газет опубликовали статьи, в которых выражали «сожаление», что «невинным людям» пришлось «пострадать».

Более того, финское правительство ослабило экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Если в 1946 г. торговля с СССР составляла более 20% всей внешней торговли Финляндии, то в 1949 г. она снизилась до 13,4%, а в 1950 г., когда с Советским Союзом не было заключено даже годичного торгового соглашения, дошла до $7\%^{20}$.

Происшедшие перемены во внутренней и внешней политике Финляндии свидетельствовали о том, что страна начинала постепенно возвращаться к прежнему довоенному политическому курсу. Однако это создавало очередное политическое напряжение в стране, поскольку значительная часть населения Финляндии этот курс уже явно не поддерживала. Вплоть до того, что в парламенте был даже поставлен вопрос о доверии правительству Фагерхольма. Голосование, состоявшееся по этому вопросу 23 февраля 1949 г., показало, что правительство не имеет необходимой поддержки — оно получило доверие большинством всего лишь в два голоса.

Еще более определенное отношение населения Финляндии продемонстрировало к политике социал-демократического правительства на президентских выборах. Они проходили в начале

1950 г. Социал-демократическая партия потерпела ощутительное поражение, потеряв по сравнению с парламентскими выборами 1948 г. более 160 тыс. голосов. В результате правительство Фагерхольма вынуждено было уйти в отставку.

Вместо него был сформирован новый кабинет во главе с лидером партии аграрный союз и членом центрального правления общества «Финляндия — Советский Союз» Урхо Калево Кекконеном. Это правительство взяло курс на укрепление добрососедских отношений с Советским Союзом.

Можно говорить о том, что с этого момента начинается второй этап (1950–1955) противостояния сторонников и противников нового внешнеполитического курса страны. За эти годы оба государства смогли установить друг с другом достаточно прочные политические, экономические и культурные связи. Именно тогда договор о дружбе превратился на деле в основу советско-финляндского сотрудничества.

Отличительной особенностью этого этапа являлось еще и то, что если в предшествовавший период шаги Советского Союза в сторону Финляндии вызывали в большей степени подозрительность и не встречали необходимой поддержки у финского правительства, то теперь новое руководство стало и само проявлять инициативу в развитии сотрудничества с СССР.

Успешными стали начавшиеся тогда встречи на высшем уровне. Так, в 1954 г. финляндская правительственная делегация во главе с У. К. Кекконеном посетила Москву, что послужило поводом к ответному визиту в Хельсинки советской правительственной делегации во главе с А.И. Микояном. В ходе бесед, которые состоялись между государственными деятелями Советского Союза и Финляндии, были обсуждены пути дальнейшего развития сотрудничества между обеими странами ²¹. В том же году состоялся обмен парламентскими делегациями, положивший начало установлению контакта Верховного Совета СССР с финляндским парламентом ²².

Новые тенденции на политическом и государственном уровне в Финляндии не всегда встречали полную поддержку. Критика прежде всего была направлена против внешнеполитической деятельности премьера. В результате атак, предпринимавшихся на правительство Кекконена сторонниками возвращения Финляндии к прежнему довоенному внешнеполи-

тическому курсу, в стране неоднократно создавались затяжные правительственные кризисы. С января 1951 по ноябрь 1953 г. кабинет Кекконена переформировывался пять раз.

Особенно усилилось наступление на политику Кекконена после того, как газета «Мааканса» 23 января 1952 г. опубликовала текст его речи, в которой он рассматривал значение советско-финляндского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи для обеспечения безопасности Финляндии ²³. Кекконен указал, что вооруженное нападение на Финляндию или Советский Союз через финскую территорию может произойти посредством использования «какой-нибудь граничащей с Финляндией Скандинавской страны». Поэтому, отметил премьер-министр, интересам Финляндии соответствовал бы нейтралитет скандинавских стран, так как он устранил бы даже теоретическую угрозу «нападения на Советский Союз через территорию Финляндии» ²⁴.

Естественно, что столь серьезное заявление встретило тогда внутри страны весьма неоднозначную реакцию. Лидер Национальной коалиционной партии А.И. Салминен, выступивший затем в Тампере, заявил, что случай с речью Кекконена показал, «как не надо вести внешнюю политику» ²⁵.

Представители коалиционной партии, а также правое руководство социал-демократической партии упорно настаивали, чтобы правительство Финляндии возглавил другой политический деятель. «Ведь есть же у нас другие способные на это люди, помимо Кекконена?» — восклицали некоторые газеты коалиционной партии. Чтобы скомпрометировать Кекконена, в стране распространялись всевозможные слухи о тайных обещаниях премьер-министра правительству Советского Союза. «Порождение недоверия к руководству внешними отношениями и тем, кто ведает ими в течение ряда лет, — говорил Кекконен 28 августа 1955 г., — было постоянной работой некоторых кругов. Особенно популярным было распространение тревожных слухов» ²⁶.

В ноябре 1953 г. оппоненты Кекконена все же добилась отстранения его с поста премьер-министра и формирования правительства, которое по своему составу ничем не отличалось от довоенных. Но попытки возвратить страну к старому внешнеполитическому курсу все же не удались. Парламентские

выборы, проходившие в марте 1954 г., показали, что широкие слои финского населения не хотят поддерживать прежний политический курс. Коалиционная партия, проповедовавшая идею пересмотра внешней политики Финляндии и являвшаяся инициатором создания нового правительства, потерпела по сравнению с предыдущими выборами очередное заметное поражение. Если на парламентских выборах 1948 г. за нее голосовало 320 тыс., на выборах 1951 г.— 264 тыс., то в 1954 г.— 257 тыс. избирателей ²⁷. Показательно также, что Кекконен, зарекомендовавший себя в Финляндии как сторонник миролюбивой политики и развития добрососедских отношений с СССР, получил наибольшее количество голосов из числа буржуазных кандидатов в депутаты парламента.

Учитывая настроения избирателей, президент Ю. К. Паасикиви поручил Урхо Кекконену сформировать новое правительство. Однако руководство правых партий объединилось, чтобы воспрепятствовать возвращению Кекконена на пост премьер-министра. Решение правительственного вопроса затянулось. Только в мае 1954 г. буржуазные партии пришли к компромиссному решению: правительство возглавил лидер шведской народной партии Ральф Тернгрен, а У. Кекконен был назначен министром иностранных дел. Но это правительство просуществовало только полгода. Лидеры социал-демократической партии, боясь потерять влияние среди своих избирателей и при условии получения большинства министерских портфелей в правительстве (8 из 12), все же соглашались, чтобы на пост премьер-министра вновь возвратился Урхо Кекконен. В октябре 1954 г. на этих условиях было создано новое правительство, просуществовавшее до избрания У. Кекконена президентом Финляндии.

В сентябре 1955 г. сторонники укрепления советско-финляндского сотрудничества отмечали свою новую победу, положившую начало *третьему этапу* борьбы за реализацию договора о дружбе. 19 сентября 1955 г. между Финляндией и Советским Союзом был подписан протокол о продлении на 20 лет срока действия этого договора, а также соглашение о возвращении Советским Союзом Финляндии территории Поркката-Удд ²⁸. Эти исключительно важные решения были приняты по предложению советского правительства во время

визита в Москву президента Финляндии Ю. К. Паасикиви и сопровождающего его премьера У. К. Кекконена, а также министра обороны Э. А. Скуг и бывшего министра иностранных дел Р. Свенто. «Приступая к переговорам, — говорил председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, — мы ставили перед собою задачу обеспечить дальнейшее укрепление дружественных уз, связывающих наши народы. Принятые нами в результате переговоров решения бесспорно отвечают этой задаче. Соглашение о продлении еще на 20 лет советскофинляндского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также досрочная передача Советским Союзом арендуемой им по Мирному Договору территории военно-морской базы Порккала-Удд являются ярким свидетельством искренней дружбы и доверия, установившихся в отношениях между нашими странами. В то же время эти решения означают новый, важный этап в развитии советско-финляндской дружбы» ²⁹.

В протоколе о продлении срока действия договора указывалось, что если Финляндия или Советский Союз не откажутся за один год до истечения 20-летнего срока от договора, то он останется в силе на следующие пять лет, и так каждый раз, пока одна из сторон не сделает за один год до окончания текущего пятилетия письменного предупреждения о своем намерении прекратить действие договора ³⁰.

Сообразуя свои действия со сложившейся обстановкой, те, кто до этого выступал против дальнейшего расширения связей с СССР, вынуждены были теперь выступить с одобрением итогов советско-финляндских переговоров. Главное внимание здесь, однако, обращали прежде всего на важность решения о возвращении Советским Союзом территории Порккала-Удд Финляндии. Что же касалось соглашения о продлении срока действия договора, то наблюдалось, как писал У. Кекконен в журнале «Кюнтая», «своего рода сопротивление» 31.

Если в сентябре некоторые финские газеты пытались поставить под сомнение целесообразность продления договора, то уже 4 октября при обсуждении в парламенте подписанных документов отдельные представители политических партий открыто выразили свое неудовольствие этим решением. Депутат от народной партии Ирма Карвикко (дочь бывшего президента К. Каллио) заявила, например, что она «почувствовала

разочарование, узнав, что центральным вопросом московских переговоров явилось продление на 20 лет договора о дружбе и взаимной помощи, к тому же еще за три года до истечения срока» ³². При этом «разъяснение» причины «разочарования» было сделано ею таким образом, чтобы создать мнение, будто Советский Союз предложил Финляндии продлить действие договора ввиду «сохранившегося у него недоверии к финнам», а не из соображений дальнейшего развития хороших отношений с финским народом. «Это разочарование исходит из констатации того,— заявила Карвикко,— что советские круги, оказывается, не смогли преодолеть те подозрения, которые, как я лично думала, уже перечеркнуты истекшим десятилетием».

На выступление Карвикко дал ответ сам У. Кекконен. Смысл его ответа сводился к тому, что у Советского Союза может, конечно, возникать подозрительность к внешней политике Финляндии, но причиной этому является деятельность некоторых финских кругов. «Когда в финских газетах писали, что наша восточная политика устарела и не отвечает духу времени,— сказал он,— то можно легко понять, что подобными заявлениями очень трудно рассеять возникающие сомнения» ³³.

В ходе заседания парламента представители правых партий выступили также за пересмотр установленной мирными договорами 1940 и 1947 гг. границы между СССР и Финляндией. «В настоящее время стоит вопрос о потерянной Карелии,— заявил депутат от коалиционной партии Е.В. Туули. — Удержание территории Карелии Советским Союзом, по моему мнению, не соответствует нынешнему духу договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» ³⁴. Другой представитель коалиционной партии О. А. Туурна прямо призвал к пересмотру мирных договоров. «Сейчас, когда повсюду,— заявил он, — вносятся предложения и изменения в послевоенные договоры (?!), в мире распространяется мнение, что Финляндия является единственной страной, которая довольна своим положением и границами. Это может стать для нас роковым. Чем дольше Советский Союз будет владеть Карелией, тем стабильнее будет этот факт. Правительству следовало бы напрячь свои силы, чтобы добиться пересмотра и других договоров между Финляндией и Советским Союзом, так, чтобы, основываясь на мире и дружбе, Советский Союз мог бы возвратить Финляндии обратно Карелию и другие полученные им в результате войны территории» 35 .

В дальнейшем призывы к пересмотру мирного договора все чаще и чаще начались появляться на страницах финской печати. Такие газеты, как «Ууси Суоми», «Карьяла» и некоторые другие, утверждали, что в новых условиях Карельский перешеек перестал иметь стратегическое значение и поэтому должен быть возвращен Финляндии. В отдельных статьях проскальзывали даже нотки запугивания Советского Союза. В феврале 1956 г. газета «Хельсингин саномат» писала, например, будто без пересмотра территориальных статей договора в Финляндии будет существовать «угроза мести».

Особенно усилились выступления финской печати за пересмотр мирного договора перед визитом в Финляндию председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, состоявшимся 21–26 августа 1956 г. Некоторые финские газеты писали, что во время его визита Финляндии может быть преподнесен «по русскому обычаю» подарок — Карельский перешеек с Выборгом. Все это делалось для того, чтобы вызвать у финского населения (особенно у переселенцев) настроение ожидания каких-то территориальных изменений, а затем, возможно, и чувство разочарования.

Отвечая на подобные выступления, газета «Известия» отмечала: «Вопрос о государственных границах между Советским Союзом и Финляндией... окончательно решен Мирным договором 1947 года и, следовательно, не подлежит какому-либо пересмотру. Поэтому нельзя не признать неуместной искусственно раздуваемую некоторыми органами печати кампанию за пересмотр границ. Эту кампанию нельзя совместить со стремлением укрепить дружбу между нашими соседними странами: она исходит от недоброжелателей, которые хотели бы помешать развитию искренних отношений между советским и финским народами» ³⁶.

И это все происходило уже в условиях приближающихся в Финляндии президентских выборов. Учитывая, что президенту в стране должна была принадлежать главная роль в определении внешнеполитического курса страны, борьба за этот пост носила весьма принципиальный характер. Обострению предвыборной борьбы способствовало также то обстоятельство,

что Ю.К. Паасикиви, принимая во внимание свой 85-летний возраст, отказался выставить свою кандидатуру.

В результате каждая политическая партия выдвинула своего кандидата: ДСНФ — Э. Кильпи, аграрный союз — У. К. Кекконена, социал-демократическая партия — К. Фагерхольма, коалиционная партия — С. Туомиоя, финская народная партия — Э. Рюдмана, а шведская партия — Р. Тернгрена.

16-17 января состоялись выборы лиц в составе 300 человек, которые должны были избрать президента. Наибольшее число голосов получил аграрный союз — 510 тыс. (на 200 тыс. голосов больше, чем на президентских выборах 1950 г.). В этом нельзя не видеть одобрения позиции Кекконена, выступающего за укрепление дружественных отношений с СССР. Народные демократы получили 336 тыс. голосов. В итоге у каждой партии оказалось избранным следующее количество выборщиков: у аграрного союза — 88, у социал-демократов — 72, у коалиционной партии — 57, у ДСНФ — 56, у шведской народной партии — 20 и у так называемой народной партии — 7.

15 февраля был заключительный этап выборов. В результате первого тура голосования ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. Перед вторым туром представители коалиционной партии старались сгруппировать силы так, чтобы не допустить избрания президентом как кандидата ДСНФ, так и аграрного союза. Но когда было проведено голосование, то наибольшее число голосов получили Фагерхольм (114) и Кекконен (102). В третьем туре за Кекконена был подан 151 голос, а за Фагерхольма — 149. По большинству голосов Кекконен был избран президентом Финляндии на очередной шестилетний срок. За Кекконена голосовали все выборщики аграрного союза и ДСНФ, шесть — народной партии и один — шведской народной партии (представитель крестьянского крыла).

Объясняя позицию ДСНФ, занятую на президентских выборах, председатель КПФ А. Аалтонен сказал: «Наша партия вместе с Демократическим союзом народа Финляндии... поддержала кандидата аграрного союза премьер-министра Кекконена, который в последние годы проводил и обещал проводить в дальнейшем политику развития дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом» ³⁷.

Итоги президентских выборов оказались, таким образом, важной победой в борьбе за превращение договора 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в прочную основу советскофинляндских отношений, а та политическая борьба, которая разворачивалась в Финляндии в 1950-е гг., явно свидетельствовала о том, что новый политический курс страны объективно и прочно закреплялся в финском общественном сознании.

¹ Suomen sosialidemokraaili. 1953. 29. 09.

² Halsti W. Suomen puolustuskysymys. Hels., 1954. S. 263.

³ Ibid. S. 255.

⁴ Hyvämäki L. Vaaran vuudet 1944–1948. Hels., 1955. S. 161.

⁵ См. исследования: Амбарцумов Е.А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Бартеньев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976; Похлебкин В.В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. 1713—1973. М., 1975; Бартеньев Т., Комиссаров Ю. СССР — Финляндия: Ориентиры сотрудничества. М., 1978; Петров И.А. Добрые соседи: Краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений. Петрозаводск, 1982; Похлебкин В.В. Урхо Калева Кекконен. Политическая биография. М., 1985; Комиссаров Ю. «Линия Паасикиви-Кекконена»: История, современность, перспективы. М., 1985; Федоров В.Г. Советский Союз и Финляндия. М., 1988; Fjodorov V. NKP: n Suomen osastolla 1954—1989. Hels., 2001 и др.

⁶ См.: Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960; *Ингульская Л.А.* В борьбе за демократизацию Финляндии. М., 1972; *Карвонен Т.* Советский Союз и Финляндия: сотрудничество, добрососедство. М., 1977.

⁷ Suomen tilastollinen vuosikirja. Vuonna 1945. Hels., 1946. S. 326.

 $^{^8\,}$ Из интервью журналу «SNS-Lehti» (центральный орган общества «Финляндия — Советский Союз». 1947. 12.02.

⁹ Military Review. 1952. № 8. P. 33.

¹⁰ Montgomery A. Russland och vår utrikespoliiik. Stokholm, 1949. S. 153.

¹¹ Helsingin sanomat. 1948.28.02.

¹² Cm.: Vapaa sana. 1949.3.04.

¹³ Uusi Suomi. 1948.28.02.

¹⁴ Kauppalehti. 1948.28.02.

¹⁵ *Hyvämäki L.* Vaaran vuudet 1944–1948. S. 161.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. С. 187.

¹⁸ Valtiopäivät 1947. Pöytäkirjat IV, His. 1948. S. 3891–3895.

¹⁹ Ibid. S. 3906.

²⁰ Suomen tilastollinen vuosikirja. Vuonna 1954. Hels., 1955. S. 133.

 $^{^{21}}$ См.: Советско-финляндские отношения 1948—1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 18—20.

- ²² Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Вторя сессия. Стенографический отчет. М., 1955. С. 527.
 - 23 Эта речь не была произнесена премьером ввиду его болезни.
- ²⁴ *Кекконен. У.К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству: Статьи, речи, письма 1943–1978 гг. М., 1979. С. 35–36.
 - ²⁵ Uusi Suomi, 1952, 13, 02,
 - 26 Цит. по: Правда. 1955. 31. 08.
 - ²⁷ Suomen tilastollinen vuosikirja. Vuonna 1955. Hels., 1955. S. 326.
- ²⁸ Советско-финляндские отношения 1948–1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. С. 24–27.
 - 29 Цит. по: Правда. 1955.20.09.
- ³⁰ Советско-финляндские отношения 1948–1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. С. 24.
 - ³¹ Цит. по: Там же. 1956.17.01.
 - 32 Helsingin sanornat. 1955.5.10.
 - 33 Ibid.
 - 34 Ibid.
 - 35 Ibid.
 - ³⁶ Известия. 1956.13.07.
- ³⁷ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1956. С. 601.

В. Е. Возгрин

ДАТСКИЙ ПУТЬ К ДЕКОЛОНИЗАЦИИ ГРЕНЛАНДИИ: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ

XX век отличался от предыдущих трех-четырех в смысле гуманизации в общечеловеческом ее понимании. И то, что в начале и середине этого великого столетия мир был потрясен двумя мировыми войнами, ничего в этом утверждении не меняет. Войны, как и рецидивы средневекового геноцида, стоившие миллионов жертв и немыслимых страданий для оставшихся в живых, были относительно краткими вбросами варварства в общую ситуацию (они продлились в общей сложности менее десяти лет). На протяжении остальных 90 лет человечество становилось все более человечным. И если предыдущие века шли под знаком колонизации народов, по большей части беззащитных, то одним из главных, если не самым главным из явлений XX в., стал процесс деколонизации. Причем не всегда добровольной для метрополий — а поэтому пока и не завершенной.

Бесспорно, колониальная эксплуатация коренных народов в нашем мире далеко не ликвидирована. Отнюдь не везде они обрели свои исконные права. Примеров этому множество. Приведу некоторые из них, опираясь на общепризнанные критерии, т.е. на некоторые выводы и решения, принятые на международном уровне. Что же это за критерии?

В конце 2007 г. ООН приняла Декларацию о коренных народах, в которой утверждалось их право на земли предков и на самоопределение. Статья 3 Декларации гласит: коренные народы отныне «сами свободно устанавливают свой политический

статус и свободно осуществляют свое социальное, культурное и экономическое развитие». Статья 26 устанавливает право этих народов и племен на земли, территории и ресурсы, которые они «традиционно занимали, использовали и приобретали» ¹.

Между прочим, эта Декларация, разумная с современной (в смысле культуры) точки зрения, была принята с большим трудом. Такие члены ООН, как США и Канада, голосовали против. Что вполне понятно — это грозило огромными убытками в случае, если индейцы или инуиты (эскимосы) обеих держав потребуют государственной независимости. Или хотя бы передачи нефтяных и иных разработок в собственные руки. Как и полностью всех доходов от продажи полезных ископаемых, леса или электроэнергии, получаемой на местных гидроэлектростанциях.

В отличие от столь определенного выбора обеих держав — и всех остальных, проголосовавших «за», — представители России и Украины в ООН предпочли трусливо воздержаться. Очевидно, Россия готовилась использовать впоследствии такую позицию при возможных запросах Запада по поводу нарушения прав малых народов, входящих в ее состав (о них — ниже). Украину же принятие Декларации поставило бы перед необходимостью решить, наконец, крымско-татарскую проблему, главным вопросом которой доныне остается официальная реабилитация народа, то есть предоставление ему права свободного расселения на исторической родине и возмещение материального и морального ущерба, связанного с депортацией 1944 г.

Тем не менее абсолютным большинством голосов Декларация была принята. Как и предполагалось, первым результатом этого исторического решения стали очередные перемены в отношениях Дании и Гренландии.

Датское королевство некогда было, как и некоторые другие европейские страны, колониальной державой. У нее имелись владения в Индии, Африке и на Вестиндских островах. Самой же крупной по площади колонией была Гренландия. И если с остальными колониями Дания рано или поздно рассталась ², то величайший остров мира оставался ее неоспоримой собственностью и в первой половине XX в.

Нужно отметить, что ситуация в Гренландии в качестве датской колонии изначально резко отличалась от положения

других колониальных владений европейских держав. Здесь никогда не практиковалось рабство — Дания была одной из первых стран, выступивших за отмену работорговли и рабского труда вообще в мире. Гренландские инуиты были свободны и не подвергались экономическому или духовному насилию. Миссионеры, начиная с «апостола Гренландии» Ханса Эгеде (1686—1758), просвещали язычников-инуитов истинно похристиански, предпочитая убеждение насилию. И уже в XIX в. датское правительство и торгово-промышленная Королевская Гренландская компания больше отдавали инуитам, чем получали выгоды от своей экономической деятельности на острове 3.

Но тем не менее формальный статус колониальной державы, очевидно, оскорблял гражданскую совесть датчан. И в 1953 г., вследствие изменения датской конституции Гренландия стала равноправной частью государства — такой же, как, например, балтийский о. Борнхольм с его жителями-датчанами. Однако большая часть гренландцев в лице своих политиков, прекрасно понимавших всю разницу в своей и датской культуре, традициях, истории и антропологии, практически с 1953 г. начала борьбу за автономию своей страны.

Лишь такой статус мог дать возможность в полной мере развиваться культуре инуитов, которая со временем стала все более размываться датской. В 1960-х гг. эта борьба принимала довольно острые формы, например демонстраций, в том числе и в Копенгагене. Между прочим, митинги в столице поддерживались многими датчанами, вообще в большинстве своем сочувственно относящимися к своим гренландским соотечественникам. Очередная победа была достигнута в 1979 г., когда местное управление островом было решено передать новосозданному гренландскому парламенту (ландстингу) и местной же администрации (ландсстюре). Естественно, этот переход к частичному самоуправлению (букв. «домашнему управлению» — hjemmestyre) совершался поэтапно и завершился не скоро 4.

Процесс превращения гренландского социума из древнего общества охотников на морского зверя (фактически, первые датчане встретили в Гренландии людей каменного века) в граждан государства европейского типа был длительным. И в нем было просто невозможно избежать ошибок, о которых ныне известно гораздо больше, чем во времена наших предков. Датчане,

исходя из самых добрых чувств по отношению к островитянам, пытались просветить их, естественно, по европейскому образцу. Так, они старались побороть высокую смертность в наступивший период плохой охоты 5 привлечением инуитов к работе на промышленных предприятиях, основанных на местном сырье, т. е. отчасти — и на добыче охотников и рыболовов.

Но эта социальная политика разрушала традиционное общество. Психика инуитов не выдерживала столь резкого перехода от традиционной модели жизни к новой, завезенной из Европы. Они стали подражать пришлым датчанам, потребляя неумеренно много завозных продуктов. Это было престижно — ежедневно пить дорогой кофе, ставить на стол невиданный здесь ранее хлеб и т.д. В результате появились болезни, ранее островитянам не известные. Переход к европейским продуктам от традиционных сырых мяса и рыбы, совершенно необходимых в экстремальных климатических условиях Гренландии, повлек за собой туберкулез в массовой форме, который едва удалось побороть лишь к концу XX в.

Столь же разрушительной для традиционного общества стала образовательная политика Дании. Как и экономика, она была рассчитана на проживание инуитов не в разбросанных на необозримых пространствах острова стойбищах, а в более или менее крупных поселках. Там даже 1-2 учителя были бы способны дать эскимосским детям минимальные знания, с которыми те могли бы по возможности поступить в среднюю школуинтернат, – а они уже были созданы датским Министерством Гренландии во всех городах и даже некоторых поселках. Для достижения этой цели были предприняты попытки ликвидировать как можно больше стойбищ и переселить их жителей в города. Внешне это выглядело как добровольная урбанизация. На самом деле, как писал в 1970-х гг. гренландский исследователь Ангмалорток Ольсен, люди переселялись «добровольно», когда в их стойбищах исчезали фактории и магазины, без которых они к тому времени уже не могли обойтись 6.

Так что эта ситуация не удовлетворяла и не могла удовлетворить политиков-инуитов, целое поколение которых выросло и профессионально развилось за последние 30 лет на волне общественных и парламентских дискуссий в Копенгагене и Нууке, столице Гренландии. В этом и была причина неудовлетворенно-

сти гренландцев при поистине «парниковых» условиях, которые Дания создала их родине в последние тридцать лет.

Заметим, что еще до принятия упомянутой Декларации ООН, тремя годами ранее, в датском парламенте (фолькетинге) была создана комиссия по проблеме гренландского самоуправления — Selvstyrekommissionen, — которая взяла на себя подготовку изменений в конституции Дании и будущего референдума по этому поводу. И в конце 2008 г. в Гренландии произошли большие перемены. Ряд политиков как Гренландии, так и Дании развернули кампанию подготовки к референдуму, на котором островитяне должны были высказать свое отношение к первому шагу на пути к полной независимости своей родины. То есть предоставления ей статуса самоуправляющейся территории. Но примечательный факт: еще до того, как была определена дата голосования, выяснилось, что практически все датские и гренландские партии дружно выступили за новый статус острова — в мировой практике случай политической конкуренции редчайший.

Да и те две партии, что противопоставили себя всеобщей позиции — датская Народная партия (Folkepartiet) и гренландская Демократы (Demokraterne), объясняли свою позицию лишь опасением слишком резкого разрыва Гренландии с Данией. Он мог, по их мнению, оказаться невыгодным в первую очередь для Гренландии, слишком давно и тесно связанной с бывшей метрополией не только в экономическом, но и культурном (пусть даже и искусственно созданном) отношениях. Скептики недоумевали — как страна с населением в 56000 человек сможет создать (и сохранить!) новую национальную валюту, собственный бюджет (половину которого ныне составляет датская ежегодная дотация), собственную оборону, которая оплачивается той же Данией и отчасти США? При этом некоторые политики (П. Педерсен, к примеру) предрекали: «Да она просто станет еще одним американским штатом» 7.

Между тем самые горячие сторонники самоуправления, отдавая себе отчет в слабости гренландской экономики, отнюдь не призывали к полному разрыву с бывшей метрополией. Один из старейших политиков-инуитов, 30 лет тому назад добивавшихся права на частичное самоуправление, Ларс-Эмиль Йохансен (партия Сиумут, крупнейшая в Гренландии), заявил

накануне голосования: «Будущее самоуправление не означает полную самостоятельность в результате разрыва с Данией. Гренландии это не нужно — ведь у нас слишком сильны исторические и семейные связи. Но нам нужно строить национальную экономику, которая поможет нам стать независимыми на деле,— ведь отношения нашей зависимости вредят и Гренландии, и Дании. Лишь грядущая экономическая независимость принесет нам и политическую свободу» 8.

Референдум состоялся 25 ноября 2008 г.— эта дата вошла в историю как Гренландии, так и Дании.

В голосовании приняло участие 72% избирателей. Это чрезвычайно высокий показатель, учитывая, что добраться до избирательного участка многим гренландцам было нелегко. Результат голосования: 75,54% избирателей высказались за статус самоуправления, 23,57% — против, остальные бюллетени оказались пустыми или неверно заполненными. Премьер-министр Дании А. Фог Расмуссен высказал удовлетворение этим результатом: «Голосование продемонстрировало мнение народов, общее для Гренландии и Дании» 9.

После окончания референдума упомянутый ветеран национального движения гренландцев, член гренландского и датского парламентов Л. Е. Йохансен принес благодарность премьерминистру Дании А. Фогу Расмуссену за «уникальную поддержку», оказанную инуитам в их стремлении добиться большей самостоятельности ¹⁰.

Что же дает гренландцам такой результат референдума? Приведем доводы за и против такого решения:

1. Гренландцы получают право распоряжаться своими ресурсами — в том числе полезными ископаемыми. Имеется в виду нефть — как в самой Гренландии, так и в прилегающих областях Арктики 11. Собственно потенциальные доходы от разработок рассматриваются ныне как ключ к будущей экономической, а значит, и политической независимости Гренландии. Пока нефтяных вышек на острове не видать, но уже обнаружены бесспорные признаки существования этого ценнейшего в нынешнее время источника энергии. То же право народ получает в отношении других минеральных богатств своего острова. Здесь были найдены и отчасти уже разрабатывались месторождения свинца, урана, золота и алмазов. Причем запасы эти

грандиозны. Проблема лишь в экстремально сложных климатических условиях ледяного острова — и в поисках стартового капитала для геологоразведки и начальной фазы разработки этих богатств 12 .

2. Гренландцы получают права и возможности самостоятельного этноса (а не части датской нации, как было доныне) с международно-правовой перспективой. В ближайшем будущем этот вопрос будет поставлен на повестку дня в ООН. При благоприятном решении его, в чем нет сомнений, Гренландия, даже не получив права самостоятельной державы, сможет отстаивать свои интересы в международном масштабе. Проблем здесь немало, но первой из них, которую инуиты планируют поставить на повестке дня в ООН, станет до сих пор невыясненная судьба атомной бомбы, которую американцы «потеряли» в 1968 г. в гренландских водах, и до сих пор не найденной ¹³.

Пока МИД Дании возбуждать этот вопрос, важный для здоровья гренландцев и для окружающей среды в целом, отказывается, вероятно, не желая осложнений с американской стороной, особенно во время экономического кризиса. Как метко выразился Л.Э. Йохансен, дело бы приняло иной оборот, окажись эта бомба близ датской столицы, на дне одного из заливов Балтийского моря ¹⁴.

3. Третий плюс самоуправления касается области международного права. Теперь гренландцы смогут, как только сочтут это нужным, провести следующий референдум (уже по вопросу полного отделения от Дании), не дожидаясь согласия на это датских властей. После чего Гренландия, очевидно, станет независимой страной.

После окончания ноябрьского референдума, но еще до законодательного оформления самоуправления Гренландии Дания обязалась ежегодно выделять в гренландский бюджет 3,2 млн крон. Собственно, указанная сумма пересылалась и раньше, но каждый год этот вопрос обсуждался в датском парламенте, что само по себе было для его гренландских депутатов (да и для всех инуитов в целом) несколько унизительно. Теперь гренландцы надеялись, что эта статья расходной части бюджета королевства, жестко фиксированная, будет реализовываться автоматически.

Наконец, если ранее все делопроизводство, переписка, законодательные акты и пр. велись и публиковались на датском

языке, то вскоре начнется постепенный переход на гренландский, который получит здесь статус официального языка. Впрочем, как предупреждали датские лингвисты, этот процесс может затянуться на долгие годы. Причина проста: в речи вчерашних зверобоев и рыбаков отсутствуют термины и семиотические комплексы современного технологического и бюрократического мира. И они были правы. Забегая вперед, скажу, что уже через 4 месяца после достижения самостоятельности выяснилось, что гренландские административная элита и интеллигенция, давно говорившие по-датски (а то и по-английски), не желают возвращаться к древнему языку своих предков-охотников 15.

Летом 2009 г. королева Дании Маргрете II прибыла в Гренландию. Здесь она, одетая в костюм эскимосских женщин, передала председателю ландстинга (гренландского парламента) Йосефу Мотцфельду долгожданный акт — Конституционный закон о самоуправлении Гренландии. Речь, которую королева произнесла при этом, заслуживает особого внимания историков и политиков. Эта речь была исполнена теплой благодарности и, естественно, родственных чувств к инуитам, столь долго бывшим подданными датских королей и, значит, соотечественниками датчан.

Приведу лишь одну фразу из обращения королевы к Й. Мотцфельду, прозвучавшего в столице Гренландии Нууке в исторический день 21 июня 2009 г.: «Для меня настало великое мгновение — передать тебе, а через тебя — всему гренландскому народу Закон о самоуправлении» ¹⁶.

Этот акт свидетельствовал о получении эскимосами всех прав, которые они отстаивали на протяжении полувека. Теперь инуиты превратились из подданных датской короны в самостоятельный народ по всем канонам современного международного права. Из этого следует, что они получили право на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, а также право полной собственности на недра Гренландии, сокровища ее шельфа и прибрежных вод. А гренландский язык отныне стал официальным на грандиозной территории — это более 2 млн кв. км. величественного ледяного покрова, окаймленного обнаженными скалами.

Любопытное совпадение — эти события произошли ровно через 30 лет после того, как та же королева Маргрете, в том же

Нууке (правда, тогда он еще носил датское имя Готхоб, т.е. Добрая Надежда) вручала гренландцам закон о местном самоуправлении. Новый же закон перекладывал всю ответственность за будущее новой страны на плечи инуитов. Впрочем, совокупность сфер этой ответственности пока остается в компетенции (и в бюджете) Дании.

Тем не менее гренландцы могут отныне по собственной воле брать на себя решение своих самых разнообразных проблем, которыми ранее занималась (и, кстати, продолжает заниматься) Дания. Но у гренландцев есть теперь законное право вводить эти сферы, одну за другой, в поле собственной компетенции, как только к этому появятся возможности. Причем не столько экономические (тут Дания, как всегда, поможет), сколько профессиональные.

После конституционного утверждения нового статуса Гренландии Дания, как и ожидалось, продолжает придерживаться своей «гренландской» политики не то чтобы наибольшего благоприятствования (этот термин из политического лексикона редко отражает действительную, а не вынужденную приязнь). В разгар Копенгагенской встречи декабря 2009 г., когда развивающиеся страны пытались возложить груз расходов по экологическому оздоровлению планеты на плечи стран развитых, Дания первой заявила о своей готовности полностью обеспечить Гренландию нужными средствами ¹⁷.

Что же касается собственной внешней политики новой Гренландии, то здесь первый шаг уже сделан — правда, пока лишь в области экологии. В октябре 2009 г. она заключила с Канадой межгосударственный договор о совместных мероприятиях, направленных на сохранение популяции белого медведя — впервые «через голову» Дании 18.

На протяжении нескольких десятков лет гренландский народ боролся против «данизации». Это понятие означало не только повсеместное использование датского языка в официальной сфере. Инуиты получали оплату за свой труд в датских кронах, на которые покупали в датских же магазинах привезенные из-за моря датские хлеб и молоко. Наиболее способные юноши и девушки получали высшее образование в Дании, а вернувшись на родину и посещая главный культурный центр острова — Дворец культуры в Нууке, знакомились

с репертуаром театральной жизни, составленном по-датски. И даже школьные осенние каникулы приурочивались к датским традиционным (так называемым «картофельным») 19 каникулам, хоть в Гренландии картофель никогда не рос. Та же ситуация наблюдалась в местном законодательстве, и (поразительно!) даже в узаконенных администрацией метрополии сроках охотничьих сезонов, одинаковых для Дании и Гренландии, несмотря на огромное географическое и климатическое различие между ними.

Но упомянутая борьба против датского культурного засилья выливалась исключительно в «гренландизацию», т. е. в идеализацию традиционного быта инуитов, имевшего тысячелетнюю историю. Таким образом, адепты этого пути культурного развития не могли не звать народ назад, в охотничье прошлое, к примитивному образу жизни. Легко понять, что путь этот был тупиковым. Многие гренландцы, особенно получившие образование, не желали менять современные городские квартиры на снежные иглу, да и стойбищ к концу XX в. осталось совсем немного. Поэтому, если бы каким-то чудом и возродилось традиционное эскимосское общество, многие и многие «новые» гренландцы, никогда не умевшие ни охотиться, ни править собачьими упряжками, ни рыбачить, оказались бы из него исключены.

Поэтому современные гренландские политики предлагают иной выход. Они призывают соотечественников «помириться с историей», едва ли не забыть ее (оставив, естественно, место в культурной жизни для местных художественных промыслов, народных танцев и т.д.) и начать жизнь с чистого листа. Ведь и датское многовековое присутствие на острове имело свои положительные результаты. Лишь благодаря датчанам инуиты покинули каменный век, среди них постоянно растет число людей со средним и высшим образованием, мастеров кисти, пера и резца, учителей, политиков и т. д. Последние, даже имеющие многолетний опыт борьбы за самоуправление, готовы передать факел этого движения молодому, более современному поколению. Именно оно, по их мнению, обладает свежим взглядом на вещи и способно наладить широкое политическое и экономическое сотрудничество с окружающим миром, способно реформировать гренландские инфраструктуру, систему образования, социальную и жилищную сферы, создать новые возможности в области культуры и занятости, озаботиться более справедливым распределением жизненных благ среди своих соотечественников 20 .

Однако этот путь весьма нелегок и, очевидно, долог. Уже самые первые реформы, которые предполагает осуществить новое управление острова, заменив датских полицейских, следователей, судей и адвокатов гренландскими, вряд ли осуществимы в ближайшем будущем. Дело даже не в том, что среди коренного населения весьма распространены алкоголизм и наркомания, довольно высок уровень бытовых уголовных преступлений — все это мы видим в Европе и не только в ней. Но борьба с этими явлениями требует высочайшего профессионализма, который пока свойствен лишь датским психологам, а также стражам правопорядка, по праву пользующимся репутацией едва ли не лучших полицейских в Европе — в том числе и по моральноэтическим качествам.

Еще одна проблема: каждый шестой ребенок в Гренландии не имеет самого необходимого — полноценного по качеству и достаточного по количеству питания. Это вызвано двумя основными причинами. Во-первых, подверженности родителей этих детей к алкоголизму и потреблению марихуаны. Во-вторых, семейные зарплаты невысоки, а жизнь на острове намного дороже, чем в той же Дании. Достаточно сказать, что в Гренландии сейчас вдвое больше бедных детей (прошу прощения за этот непрофессиональный термин), чем в остальных странах Севера. 30% маленьких инуитов растут в семьях, 39% которых вынуждены обращаться за получением социальной помощи 21. И здесь вся надежда гренландцев лишь на квалифицированную помощь датских социальных служб. Сами островитяне справиться с этой тяжелой, комплексной (социальной, антропологической, экономической, этнопсихологической) проблемой не в силах 22.

Есть области жизни, реформировать которые в принципе не готовы и самые радикальные из гренландских политиков. Речь идет, прежде всего, об упоминавшейся экономической и иной помощи Дании. До тех пор пока без нее нельзя обойтись, Гренландия останется в составе Датского королевства, говорят они. Зато эта принадлежность дает гренландцам права, равные

с датчанами. Прежде всего, право на бесплатное высшее образование, альтернативы которому на острове нет и вряд ли она появится в ближайшие десятилетия.

Далее, Гренландия по-прежнему не будет тратить ни кроны на собственную оборону и государственную безопасность, на медицинское обслуживание — такие статьи расхода, как и ранее, будут оплачиваться казной Дании. И это бремя (которое, кстати, не может не беспокоить датского налогоплательщика) будет снято с него, лишь когда гренландские доходы от добычи полезных ископаемых достигнут упомянутой суммы в 3,2 млн крон, — это условие утверждено в 2008 г. на законодательном уровне.

Когда это случится, когда гренландцы станут самостоятельными как в экономике, так и в подготовке собственных квалифицированных юристов, врачей, инженеров, архитекторов, преподавателей высшей школы,— сказать трудно. Даже наиболее оптимистично настроенные эксперты делают осторожный вывод о сроке в 40–50 лет.

Но есть на этот счет и иное мнение: о том, что небольшие страны вообще могут обойтись без многопрофильной системы высшего образования. Речь идет не только о крошечных Лихтенштейне или Андорре. Тысячи датчан и норвежцев уже не первый век получают образование за рубежом, это старинная скандинавская традиция ²³. Причем многие из них и ныне остаются там работать в течение более или менее длительных сроков. С другой стороны, тысячи иностранных специалистов находятся на постоянной работе в Дании, что в общем-то не несет с собой никакой угрозы самостоятельности или независимости этой скандинавской державы.

Первые шаги к важнейшему для Гренландии достижению — экономической независимости — уже делаются. Датская государственная компания Dong Energy выделила миллионы крон на поиски нефти на гренландском шельфе — как и иностранные нефтедобывающие гиганты Shevron и Exxon ²⁴. А к северу от г. Манитсока (Западная Гренландия) начинает гигантское строительство американская алюминиевая фирма Alcoa. Здесь будет возведено несколько цехов длиной по 1200 м каждый, общей площадью в 880 000 кв. м ²⁵. Предприятие, которое вступит в строй в 2014 г., будет производить 360 000 т металла в год. Оно рассчитано на привозное сырье (в Гренландии бокситов нет),

а причиной выбора столь экзотического места для размещения комбината стала дешевая электроэнергия, которой для плавки сырья требуется чрезвычайно много. Ее будут давать две гидростанции, что вполне оправдано и с экологической точки зрения. Утверждается, что это — крупнейший зарубежный вклад в индустрию Гренландии за всю ее историю, который даст место достойной работы для многих сотен ее жителей ²⁶.

Показательно, что к политикам, чья программа победила на референдуме, сразу после опубликования его результатов немедленно присоединились их противники, т.е. представители оппозиционной стороны. Теперь они вместе с новым правительством будут стремиться к тому, чтобы Гренландия, получившая право самой распоряжаться своими финансами, могла полностью отвечать за сферы ответственности, которые она принимает от датчан. В этом — основное отличие нового статуса региона от системы hjemmestyre. Именно поэтому старт новой экономической модели будет дан в сфере разработки полезных ископаемых, единственно способной вывести страну на путь к независимости. Но не дожидаясь новых денежных поступлений в кассу гренландского самоуправления, оно вместе с датским Министерством юстиции уже начало работу над передачей всех полномочий в руки инуитов ²⁷.

Никакое явление или процесс в мировой истории не могут быть по достоинству оценены вне сравнения со всем происходящим в ту же эпоху в остальной части мира — или, по крайней мере, на том же континенте, в той же части света. Не будет преувеличением сказать, что Дания дала великолепный пример тому, как надо расставаться с принадлежавшими империям землями, а также с их населением — по воле последнего. Причем мирно, цивилизованно, без кровопролития, почти, к сожалению, неизбежного в других частях нашего континента, да и не только на нем.

Датские политики и публицисты с полным правом утверждают, что гренландцам ныне могут позавидовать многие малые народы мира. Они приводят примеры Тибета, где коренной народ не может свободно исповедовать свою религию, находясь под игом коммунистического Китая. По-прежнему не имеют своего самоуправления скандинавские и российские саамы, канадские и российские инуиты, американские индейцы. Для

них — продолжает датский автор статьи под знаковым титулом «Свободная колония» — Гренландия стала возвышенным примером мирного перехода власти от колониальной администрации к органам местного, аборигенного самоуправления ²⁸.

При всем уважении к автору этих строк, нельзя не заметить, что он совершенно не уделяет внимания или ничего не знает о положении других народов, до настоящего времени остающихся в еще более жесткой колониальной зависимости или, по крайней мере, экономического неравноправия.

Из этого можно сделать вывод, что очевидно, Дания первой в мире понятие «сепаратизм» перестало быть обозначением преступной политики. Более того, можно сказать, что по данному вопросу Дания уже в 2008–2009 гг. первой вступила в истинный, а не календарный XXI век. Россия, скажем, или, например, США, Китай и т. д., к сожалению, все еще остаются в веке XX-м, со всеми его предрассудками и кровавыми ошибками, которые, как известно, хуже преступлений. Слова В. Путина, произнесенные в Давосе 29 января 2008 г. о том, что «нужно избавиться от колониальной идеологии», сами по себе возражения не вызывают. Под ними могли бы подписаться руководители практически всех бывших колониальных держав. Но смысл их не может не привести, по крайней мере, к трем выводам.

Первый. Деколонизация XX в. далеко не везде и не полностью завершена, пережитки колониальных идеологии и реальной политики еще сохраняют свою актуальность.

Второй. Одно дело — признать этот факт и призвать к завершению деколонизации, и совсем другое — осуществить этот процесс, доставшийся в тяжелое наследство от былых времен. Как мы видим хотя бы на примере с российским антикоррупционным законодательством, успех в борьбе с кровавыми пережитками прошлого требует не только деклараций о добрых намерениях, но и реальных шагов в этом направлении. И главное, всенародной поддержки.

И *третий* вывод. Такая поддержка естественна там, где народ ощущает, что не он служит государству, а государство — ему. Эта ситуация давно уже сложилась в Гренландии и Дании, недавно в очередной раз показавших всему миру пример принятия самых серьезных решений, в том числе и добровольного отказа от значительных территорий — если того хочет народ.

В других странах такие решения почему-то до сих пор считаются признаком не столько преданности правительств и первых лиц государства идеалу демократии, сколько свидетельством их административной и личной слабости. Но, как известно, лишь истинно сильные, волевые политики не страшатся таких обвинений. Они завоевывают свой авторитет, доверие и любовь народа совсем иными, альтернативными, а часто и прямо противоположными путями.

Как это происходит в современных Дании и Гренландии...

 $^{^1}$ Цит. по: Рагозин Л., Дмитриев А., Голунов И., Котин М. Возвращение первородства // Русский Newsweek. 2008. № 3 (177). С. 16.

² Подр. см. в: *Возгрин В.Е.* Колониальная история Дании // Сайт: http://novist.narod.ru/docs/NIR Denmark Empire.doc. C. 12–19.

 $^{^3}$ Подр. см. в: *Возгрин В. Е.* Гренландия // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 339–341).

⁴ Подр. см. в: *Возгрин В. Е.* Гренландия и гренландцы. М., 1984. С. 149–151. Далее: Возгрин, 1984.

⁵ Причиной уменьшения валового продукта, получаемого в результате промысла, стала миграция некоторых видов рыбы на север, что было вызвано потеплением климата и, соответственно, океанских вод. За рыбой туда же ушел морской зверь.

⁶ Подр. см.: Возгрин, 1984. С. 155.

 $^{^7\,}$ Grønland og grønlændere enige // Politiken, 26. 11, 2008; Et "aap" til selvstyre lurer i Grønland // Politiken. 22.11.2008.

⁸ Et "aap" til selvstyre lurer i Grønland // Politiken, 22.11.2008.

⁹ Fogh er glad for grønlændernes ja til nyt selvstyre // Politiken, 26.11.2008.

¹⁰ Grönländsk självständighet skymtar // Dagens Nyheter, 26.11.2008.

 $^{^{11}}$ Последние геологические изыскания показали, что нефтяные запасы Гренландии почти все расположены в северных областях и на северном шельфе острова (Här tar Grönland emot rätten till självstyre // Dagens nyheter, 22.06.2009).

¹² Sheibel M. L. S. Vi mister Grønland // Berlingske Tidende. 25.11.2008.

¹³ Американский стратегический бомбардировщик Б-52 рухнул 21 января 1968 г. на лед близ американской базы в Туле (полярный регион Гренландии). На борту находилось 4 атомные бомбы, обычная взрывчатка которых сдетонировала, но ядерный заряд не сработал. Плутоний, общей массой в 6 кг, был разбросан по льду и впоследствии собран, но не весь, а лишь 3,15 кг. Поиски на дне продолжились, впрочем, безрезультатно. Утверждают, что заряд одной из бомб целиком сохранился и до сих пор находится в гренландских водах. Он может, следовательно, в любой момент стать источником радиоактивной катастрофы (Atombomb kvar under Grönlandsisen // Dagens Nyheter. 11.11.2008).

- ¹⁴ Rothenborg O. Grönland kluvet till självstyre // Dagens Nyheter. 17.11.2008.
- ¹⁵ Kalaalit siuttui. Kalaalisut oqalussinnaanngitsut // Information, 12.11.2009.
- ¹⁶ Nu har Grønland selvstyre // Berlingske Tidende. 21.06.229.
- ¹⁷ Grønland får dansk støtte til klimamål // Information. 15.12.2009.
- $^{18}\,$ Canada og Grønland beskytter isbjørne // Information. 31.10.2009; Berlingske Tidende. 31.10.2009.
- 19 Эта традиция зародилась еще в эпоху первой части Нового времени, когда школьники были вынуждены участвовать в совместной уборке картофельных полей, от урожая которых зависел уровень жизни (или, не столь уж редко, особенно в военные годы сама жизнь) большинства датчан.
 - ²⁰ Rademacher J. Grønlands valg for fremtiden // Information. 9.12.2008.
 - ²¹ Hansen D. Massiv børnefattigdom i Grønland // Kristeligt Dagblad. 19.09.2009.
 - ²² Hviid S. Intet håb for grønlandske børn // Kristeligt Dagblad. 30.01.2009.
- ²³ Ни в Дании, ни в Швеции, ни в Норвегии сейчас нет вузовской системы, обеспечивающей *всю* потребность этих стран в специалистах. Это могут себе позволить лишь крупные державы Старого и Нового Света, что объясняется, прежде всего, экономическими причинами. В малых странах нет смысла учреждать университетские факультеты, постоянно выпускающие целыми курсами специалистов, которых, к примеру, в той же Дании востребованы буквально единицы, да и то не каждый год.
 - ²⁴ Dong tror på olja utanför Grönland // Dagens Nyheter. 11.09.2008.
 - ²⁵ Holm J. Grønlands store valg // Kristeligt Dagblad. 25.11.2008.
- $^{26}\,$ Nilsen S. I. Kæmpealuminiumsværk med grønlandsk vandkraft // Information. 15. 04.2008.
 - ²⁷ Rottbøll E. Grønland vil hurtigt i gang med selvstyre // Information. 27.11.2008.
 - ²⁸ Rottbøll E. En fri koloni // Information. 27.11.2008.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Л.Б. Александрова

АМПИР В АРХИТЕКТУРЕ ФИНЛЯНДИИ

Появление в финской архитектуре стиля ампир, завершающего этапа развития стиля классицизма, хронологически совпало с важнейшим событием в истории Финляндии — присоединением ее в 1809 г. к Российской империи на правах Великого княжества Финляндского. С этого момента финская архитектура стала развиваться под воздействием русского архитектурного влияния.

Основные направления, характерные для этого стиля: масштабные планировочные работы, ансамблевая застройка, создание строительных комитетов для руководства и регулирования рядовой застройкой городов — все это было свойственно также и финской архитектуре этого периода $^{\rm 1}$.

Градостроительство как ведущее направление в строительстве в течение всей первой половины XIX в. занимало ведущее место среди всех работ. Самым значительным событием в градостроительстве был перенос столицы из Турку в Хельсинки. Густавианский маленький городок Хельсинки был разрушен в ноябре 1808 г. в огне, в котором третья часть из 4000 жителей потеряли свои дома. Строительный комитет, созданный в 1810 г., поручил лейтенанту Андерсу Коке начертить новый план города. План Коке был одобрен в 1811 г.

Строительство фактически не начиналось до 1812 г., т.е. до того времени, когда Александр I радикально изменил природу проекта, объявив Хельсинки столицей княжества Финляндского. В тот же

самый день он назначил военного инженера Иогана Альбрехта Эренстрема главой Строительного комитета. Эренстрем подал краткую записку на скромную сетку плана Коке и приступил к созданию монументального каркаса для роста нового города.

План Эренстрема создавался постепенно, и окончательный вариант был утвержден только в 1817 г. Главное отличие нового плана от плана Коке — укрупнение форм кварталов, расширение улиц. Монументальным центром новой столицы была Сенатская площадь, расширенная версия прежней Новой или Большой площади. Новая улица на южной оконечности Старой площади была названа Александровской улицей. Александровская улица и другие главные магистрали — сегодня это Лиисанкату, Унионкату и Марианкату — были запланированы шире, чем другие улицы. Предполагаемый Эспланадный парк был ограничен двумя улицами-близнецами Северной и Южной эспланадами, чтобы отделить старый город от его нового южного продолжения. В соответствии с планом Эренстрема Булеварди как главная улица соединяла Эспланаду и набережную Хиеталахти. Унионкату была главной осью север-юг, ведущей к площади. Новое предместье появилось в современном районе Кампии. Более равномерная сетка плана была достигнута восстановлением набережной Клууви. В плане придавалось большое значение морскому характеру города: местам для прогулок по берегу моря и площадям, расположенным вдоль набережных.

Особенностью планировочной сетки Хельсинки является автономность отдельных его частей. Кварталы и улицы центра города и предместья Кампи находятся под углом друг к другу. Объясняется это особенностью рельефа и обилием акваторий. Этот принцип планировки города был продолжен и развит последующими архитекторами.

В соответствии с регламентом дома в центре города севернее Эспланады должны были всецело строиться из камня; дерево было разрешено только в предместьях. Но делались отступления от закона, так как лишь самые богатые купцы Хельсинки могли позволить себе строить из камня дома в два-три этажа вдоль Северной эспланады по плану инженера фортификации шведского происхождения Пэра Гранштедта (1764–1828). По его проекту в 1818 г. был построен так называемый дом Хейденштрауха — одна из первых построек в новом городе 2.

План города, по замыслу Эренстрема, делал Сенатскую площадь символическим сердцем Великого княжества Финляндского, где все главные учреждения имели определенное место в соответствии с иерархией. В соответствии с классической архитектурной теорией самое высокое место принадлежит церкви. Он наметил возвышающуюся скалу на северной границе площади для Лютеранской церкви (сейчас — Кафедральный собор), восточную сторону для Сената и западную сторону для его предполагаемого двойника — дворца генерал-губернатора. Императорский дворец, которому Эренстрем первоначально придал черты доминанты на площади, должен был по плану располагаться приблизительно на месте Рыцарского дома. Старые бюргерские дома вдоль южной границы предполагалось сохранить с последующей модернизацией. План Эренстрема обеспечивал прочную основу для строительства прекрасного нового императорского города-столицы княжества.

Другой наиболее значительной градостроительной работой было создание нового плана Турку. Пожар в бывшей столице в сентябре 1827 г. был самым опустошительным в Скандинавии. Более чем две трети районов жилой застройки — всего 2543 здания, треть из которых составляли каменные постройки, были разрушены. Генерал-губернатор дал Энгелю указания начертить новый план города, нацеленный на предотвращение пожаров в будущем. Созданный в 1828 г., он стал образцом для позднейших планов городов.

В соответствии с требованиями нового стиля ключевыми элементами плановой сетки, по Энгелю, были широкие улицы во всем городе и еще более широкие главные улицы, частично засаженные деревьями, а также большие приусадебные участки; на участках предполагалась зеленая зона в придомовых дворах для предупреждения пожаров. В отличие от плана Хельсинки, план Турку имел единую сетку для всех частей города, за что и получил название «Шахматная доска Энгеля». Дома вдоль главных улиц и на площадях дожны были быть исключительно из камня. Двухэтажные деревянные дома и с мансардными крышами были строго запрещены. Площадям были отведены территории в низинных местах. Обширный парк был запланирован вокруг Кафедрального собора, и современная Торговая площадь развивалась как новая главная площадь, застроенная

административными зданиями. Городские скалы были оставлены в их естественном состоянии.

Чтобы избежать монотонности из-за расплывчатости плана, Энгель спроектировал большое число планов кварталов ³. Лишь отдельные фрагменты ампирного стиля в Турку, которые появились в соответствии с этими планами, остались точками среди массивных доходных домов, построенных в позднейшее время. Две постройки Энгеля сохранились на Торговой площади — в стороне от красной линии площади — это православная церковь, окруженная деревьями, и здание Шведского театра (1836–1838), задавленного среди построенных позднее торговых зданий.

Градостроительные работы проводились и в других городах страны. Новые планы городов Тампере, Порво, Якобстадт, Ювяскюля, Сан Мишель и Сордавала были созданы также Энгелем. Планы этих городов не обладали ни масштабом, ни размахом как столичного Хельсинки, так и бывшей столицы города Турку — крупнейших городов первой половины XIX в. Они были малонаселенными, и их планировочные схемы не отличалась разнообразием, во многом повторяя элементы планировки обеих столиц. Город Порво получил городской план в стиле ампир, созданный Энгелем в 1832 г. После опустошительного пожара 1831 г. город Хямеенлинна нуждался в новом городском плане. План Энгеля был утвержден в следующем году, и вскоре началось строительство.

Хотя многие планы городов рисовались местными землемерами, все же они проверялись и изменялись в Интендантской конторе, возглавляемой Энгелем, чтобы соответствовать базовой сетке плана г. Турку. Землемеры вскоре адаптировались к новым планировочным принципам, и их проектные планы не подвергались столь существенным корректировкам.

Практически весь период господства стиля ампир в княжестве Финляндском связан с деятельностью Карла Людвига Энгеля — крупнейшего представителя ампира в архитектуре Финляндии. Значение этого архитектора для Финляндии той поры можно сравнить только с фигурой Карла Росси для России. Много общего в творческих биографиях этих зодчих. Будучи современниками (Энгель (1778–1840), Росси (1775–1849)), они одновременно начали и свою строительную деятельность.

Оба — крупнейшие мастера ансамбля. В их работах нашли свое воплощение высшие достижения классицизма. Удивительно совпадают этапы их архитектурно-строительной деятельности. В 1815 г. оба находились в Петербурге, а с 1816 г. начинается активная работа Росси в Петербурге, а Энгеля в Хельсинки и заканчивается в 1840-е гг. с угасанием стиля ампир.

Карл Людвиг Энгель, немец по происхождению, родился в Берлине в 1778 г. в семье квалифицированного каменщика. Закончил в 1804 г. Берлинскую Строительную академию, получил диплом архитектора и начал работать инспектором в правлении ведомства по строительству. Но в условиях войны Пруссии с Наполеоном строительные работы в стране практически не производились. Поэтому в конце 1808 г. он уезжает в Россию. Следует заметить, что на родину он так и не возвратился. Судьба уготовила ему роль главного архитектора Финляндского княжества. С 1809 по 1813 г. Энгель работает в Таллине в должности архитектора. Затем недолго, один год, с 1814 по 1815 г. служил у петербургского сахарозаводчика С. Р. Лохманна в Турку. С 1815 г. он выполнял заказы в Петербурге⁴.

Надо сказать, что петербургский период 1815—1816 гг. был временем приобретения опыта столичного строительства. Здесь он изучает русскую архитектуру, посещает строительные площадки возводившихся в то время зданий. Энгель оставил «Дневник», в котором подробно описывает свои наблюдения. Он участвует в конкурсах. Известны его проекты собора для Москвы, театра и частного дома для Петербурга. В этих проектах явно ощущается влияние на его творчество русского ампира.

Во время пребывания Энгеля в Петербурге его замечает Александр I как потенциального претендента на должность главного архитектора Княжества Финляндского. Существенную роль в назначении Энгеля сыграла авторитетная поддержка Эренстрема. В 1816 г. Энгель был назначен главным архитектором Комитета по реконструкции Хельсинки. Он занимал эту должность почти 10 лет, а в 1824 г. был назначен начальником Интендантского управления Финляндии. Должность главного интенданта, в компетенции которого находилось все финское строительство, Энгель занимал до самой смерти.

С начала XIX в. финская архитектура развивалась под явным влиянием Петербурга. Нужно отметить, что постройки

Энгеля, при их большом своеобразии, лишены провинциализма. Чувствуя характер финского ландшафта, используя лучшие традиции русской «классики» начала XIX в., он смог создать национальные формы финского классицизма. Ансамбли Энгеля положили начало становлению финской архитектуры, и их можно сравнивать с лучшими постройками того времени в других странах. Его сдержанный стиль, не тяготевший к декору, как нельзя более соответствовал духу суровой страны, а поэтому сразу прижился в Финляндии.

Главной работой Энгеля было строительство исторического центра Хельсинки, зданий вокруг Сенатской площади. По ее периметру располагались следующие здания: с восточной стороны Сенат, с западной — Университет. На северной стороне — главная доминанта ансамбля — современный Кафедральный собор (в то время церковь во имя св. Николая), с южной сохранена застройка XVIII в.

Первая постройка на площади — здание Сената как символ новой власти. Все корпуса здания сгруппированы вокруг внутреннего двора. Главный корпус Сената, обращенный к площади, был закончен в 1822 г., южное крыло в 1824 г. и восточное крыло — между 1826 и 1828 гг. Северное крыло в то время еще не было построено. Западная, главная часть, безусловно, соотвествует модели кваренгиевского палладианства: центральный передний корпус, подчеркнутый куполом и значительно выступающим центральным портиком и легкими фланкирующими выступами-ризалитами, доминирует в гармоничной трехэтажной постройке. Рустованная стена первого этажа и использование коринфского ордера в колоннах и пилястрах восходит к римским прототипам в зданиях Сената⁵. Прекрасны интерьеры лестницы на первом этаже и тронного зала за центральным портиком. Энгель особенно гордился своим техническим искусством в создании сводов лестницы.

После пожара в Турку Александр I решил перенести Университет в Хельсинки и определил для него участок на западной стороне площади. Императорский Александровский университет был закончен в 1832 г. Это пристанище цивилизации в ансамбле площади рассматривалось как двойник Сената. Энгель использовал ионический ордер для главного здания, замыслив его как храм Аполлона. Основные формы повторяют формы Сената,

но детали свидетельствуют о его собственном языке. Самое монументальное пространственное помещение в университете составляет трехэтажная лестница, напоминающая античный атриумный дворик и ведущая в полуциркульный зал собраний 6. Здание университетской библиотеки (1836–1840) не выходит непосредственно на площадь, а обращено главным фасадом к собору. Архитектура ее фасадов отлична от фасадов Сената и Университета. Коринфская колоннада портика установлена непосредственно на стилобат лестницы. Мощный аттик увеличивает высоту здания. Центральную часть здания венчает купол. От других зданий Энгеля, более простых и строгих по оформлению, библиотеку отличает богатое убранство помещений. Интерьеры парных читальных залов с колоннами коринфского ордера, цилиндрическими сводами с люнетами и гризайльной росписью сочетают в себе изящество декора и на редкость удачный пространственный замысел. Мягкое освещение, гармоничные пропорции, сообразные практическому характеру этого строения, составляют ее основные достоинства. В купольном зале библиотеки привлекает внимание верхнее освещение — стекающий из окон купола свет. Такое архитектурное решение, ставшее впоследствии характерным для стиля зодчих Финляндии, первым применил Карл Людвиг Энгель. Среди крупнейших библиотек Европы библиотека Хельсинкского университета отличается уникальностью строения. Прототипом послужили Энгелю римские термы Диоклетиана, в которых в числе прочего были и публичные библиотеки. Университетская библиотека была закончена в 1844 г., после смерти Энгеля 7.

Кафедральный собор (или церковь св. Николая) — это последнее сооружение, оформляющее площадь, построенное по проекту Энгеля. В 1830 г. Александр I утвердил проект. В 1830 г. было начато его строительство, а закончен он был уже после смерти зодчего в 1852 г. архитектором Лорманом. Крестообразный в плане, с четырьмя портиками, он перекрыт куполом на высоком барабане. Широкая лестница с подпорной стенкой ведет к собору, стоящему на гранитной скале в центре Сенатской площади. Его купол стал доминантой Хельсинки.

Уже в процессе строительства вносились изменения. Самые существенные из них — это замена здания кардегардий в виде подпорной стенки у основания собора лестницей и установка

четырех башенок на углах над карнизом. Если первое изменение было сделано самим Энгелем, то придание собору облика русского пятиглавого собора (первоначально собор был однокупольный) принадлежит ученику Энгеля — Лорману. Энгель работал над проектированием главной Лютеранской церкви в Хельсинки с 1818 г. до своей смерти. Первоначально предполагалось строительство церкви с высоким центральным куполом, с планом в форме латинского креста и с шестью коринфскими колоннами на каждой из сторон. Через десятилетие он урезал этот типично неоклассический проект, базирующийся на ренессансной теории и практике, до аскетичной простоты. Интерьер церкви отличается предельной строгостью отделки.

Университетское здание, а также Кафедральный собор, построенный в то же время, являются наиболее характерными образцами зрелого стиля Энгеля. Главным для зодчего были не пышное декоративное убранство, а монументальность ансамбля, его впечатляющее классическое единство. Сенатская площадь — центр города, созданный по замыслу К.Л. Энгеля и И. А. Эренстрема, представляет собой законченный архитектурный ансамбль.

Около тридцати общественных зданий, созданных по проектам Энгеля, во многом сформировали классицистический облик новой столицы. Только с 1817 по 1822 г. в Хельсинки им были построены дом городского коменданта и Морские казармы на остров Катаянокка, Кантонистская школа для мальчиков-сирот (1820–1823). Ее длинный, низкий фасад доминирует благодаря мощному центральному портику из ионических колонн. Гвардейские казармы (1822) выделяются на Казарменной площади, подчеркивая военную суровость. Ратуша, которая доминирует на Торговой площади, (реставрировалась несколько раз и поэтому несколько изменила свой облик), также принадлежит Энгелю. Характерные для ампира портики, рустованные стены украшают здания генерал-губернаторского дома, обсерватории, госпиталей и казарм (1820–1830). Вкрапленные в застройку разных частей города, они придавали единообразие его облику.

Параллельно с возведением Кафедрального собора строилась так называемая деревянная Старая церковь. Первоначально она была задумана как временное убежище для лютеран города

до того времени, когда строительство церкви Св. Николая будет закончено. Она была построена в 1824–1926 гг. за пределами городского центра. Православная церковь Святой Троицы была воздвигнута в те же годы за собором. Проекты обеих церквей также принадлежат Энгелю.

На углу Унионкату и Лиисинкату, на северном конце монументального центра, Энгель спроектировал клинический институт, или «старую клинику», которая была открыта в 1833 г. Все это разнообразие типов зданий подчеркивает необычайно широкий диапазон творчества зодчего.

Заслуживают особого внимания постройки Энгеля в бывшей столице — городе Турку. Одной из первых среди них было здание новой обсерватории. После трехлетних перипетий, связанных с выбором между проектами Энгеля, К. Басси и К. Росси, в 1816 г. был утвержден проект Энгеля. В марте 1817 г., исправленный и откорректированный, он был вновь утвержден императором. Планировочная схема здания напоминает планы стокгольмской обсерватории, спроектированной в 1747 г. Карлом Хорлеманом и построенной в 1752 г. План обсерватории Энгеля имеет форму креста, завершенную апсидой. Башенная часть в проекте Энгеля цилиндрическая. Здание, законченное в 1818 г., удачно завершило самую высокую гору на берегах Ауры — Вартиовуори — и получило название «Звездная башня».

Пространство площади, охваченное улицами Ауракату, Юлиопистонкату, Кауппиаскату и Эрикинкату, в соответствии с планом Энгеля, стало новым важнейшим общественным пространством города — Торговой площадью Кауппатори. Энгель хотел возвести здесь ратушу, но вместо нее по оси северо-западной границы площади в соответствии с приказом императора от 5 января 1838 г. была построена православная церковь.

Основной объем церкви имеет цилиндрическую форму. Короткие портики дорического ордера выступают по оси восток—запад; по оси север—юг из основного объема вырастают ризалиты также дорического ордера. Цилиндрический объем перекрыт полушарием с круглым отверстием в его завершении. Внутренний купол, также полушарие, украшенный кессонами, опирается на архитрав, поддерживаемый шестнадцатью колоннами коринфского ордера. В этом видна не только ссылка на оформление подкупольных пространств эпохи классицизма,

но и на первоисточник — римский пантеон. В проекте Энгеля колокола размещены своеобразно: они должны были висеть в середине небольших арочных проемов, размещенных в барабане, несущем внешний купол храма. Однако в этой части проект был изменен. По просьбе Государственного статс-секретаря Роберта Хенрика Ребиндера колокола были перенесены в цилиндрический фонарь, завершающий купол церкви. Основной объем православного храма Турку построили в 1839 г., а башенку-колокольню — в 1844 г.

В юго-западном углу Торговой площади в 1837–1838 гг. по проекту Гюлиха и Энгеля возвели Шведский театр. Таким образом церковь и здание театра сформировали первоначальный ансамбль площади.

Творческая плодовитость Энгеля необычайно велика. В числе прочих сооружений им спроектировано множество различных по назначению общественных и частных зданий не только для Хельсинки, но и для других городов Финляндии. Это ратуши, церкви, тюрьмы, больницы, казармы, усадьбы, провиантские склады. К проектам Энгеля в других городах Финляндии относится Кафедральный собор в городе Оулу. Построен в 1832 г. в Хамина.

Энгель, вне всякого сомнения, являлся в Финляндии ведущим представителем стиля ампир. До него здесь работали такие зодчие, как Жан Луи Деспре, придворный архитектор Густава III; швед Карл Хорлеман, автор Королевских ворот в Свеаборге; финн Якоб Рийф, известный преимущественно своими церквями, выходец из Италии Чарльз Басси, создатель Академии в Турку; Пер Гранштедт, шведский офицер-фортификатор, спроектировавший после пожара в Хельсинки первые особняки. Но наиболее значительной фигурой после Энгеля был Карл Басси. С его именем связана реконструкция территории вокруг старого центра Турку — Кафедральной площади. Совместно с К. Х. Гъервелом им были перестроены в новом стиле здания Старой и Новой академий.

Если фасады Старой академии имеют безордерное решение, они лишены декора, лишь нижний этаж центрального ризалита главного фасада рустован, а окна второго этажа украшены сандриками, то К. Басси украсил фасад Новой академии колоннадой, а в интерьере актового зала использовал богатый лепной

декор на сводах, опирающихся на колонны из полированного гранита.

Важнейшую роль в архитектуре Княжества Финляндского первой половины XIX в. сыграла Финская Интендантская контора в. Она была основана в Турку в 1810 г. В ее функции входило: надзор за правительственными зданиями, создание планов и просмотр проектов всех общественных зданий, присылаемых на рассмотрение со всего Княжества.

Первым директором Интендантской конторы был Шарль (Карло) Басси (1772–1840), итальянец, учившийся в Стокгольме, который работал в Турку с 1802 г. Хотя вскоре он был затенен своим преемником Карлом Людвигом Энгелем, вклад Басси в архитектуру Финляндии не следует недооценивать. Планы, созданные под его руководством с 1810 по 1824 г., включают сорок три новые церкви и церкви обновленные, больницы, школы, тюрьмы, амбары, мосты и многое другое. Кроме того, многие планы не были реализованы.

К. Л. Энгель был главой Интендантской конторы с 1824 г. Постепенно он собрал группу помощников, обучил их, создал из них штат конторы. Хотя в начале штат новой конторы состоял из двух человек, она основала первую официальную службу по подготовке архитекторов в Финляндии, таких как Яркко Синисало. Таким образом, Интендантская контора стала предшественницей профессионального архитектурного образования в Финляндии. Тем не менее еще не один десяток лет число компетентных финских архитекторов можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Деятельность Интендантской конторы распространялась на территорию всего Княжества Финляндского. Объем работ был необычайно велик, и справиться с ним было возможно, лишь используя так называемые образцовые проекты. Подобная практика была широко распространена и в России на протяжении всей первой половины XIX в. Издавались специальные альбомы чертежей фасадов, планов зданий и кварталов, ворот и оград. Эти альбомы рассылались в губернские правления многих городов России. Вполне вероятно, существовали они и в Финляндии 9.

Все эти мероприятия ставили своей целью повысить эстетический уровень рядовой застройки городов. В то же время они

были рассчитаны на широкий круг застройщиков, их различный имущественный уровень. Образцы использовались как для строительства из камня, так и из дерева, излюбленного материала финнов. Эти постройки, в большинстве несохранившиеся, выполненные по этим проектам, встречаются на фотографиях начала XIX в.

В архитектуре Финляндии первой половины XIX в. ясно видны два самостоятельных, хотя и развивающихся во взаимосвязи течения: народная деревянная архитектура, обладавшая большим своеобразием, и архитектура господствующих классов. Последняя была связана с западной и русской архитектурой, а первая с местной строительной традицией, формировавшейся на протяжении веков.

В официальной архитектуре безраздельно господствовали здания в стиле ампир, выполненные из камня. Что касается застройки предместий крупных и небольших городов, то там преобладали постройки из дерева, фасады которых повторяли классицистические формы каменных зданий в той степени, в какой им позволяли возможности этого материала.

Одними из самых многочисленных построек были церкви. По данным финского исследователя Вилле Лукаринена, более 180 новых церквей было построено в Финляндии между 1810 и 1865 гг. ¹⁰ Из них 43 были возведены под руководством Басси, 44 под руководством Энгеля и (72 в период 1841–1865 гг.) последователем Энгеля Эрнстом Бернардом Лорманом; остальные (21 церковь) были построены без участия Конторы. Каменные церкви все еще были редким исключением. И поскольку для строительства церквей из дерева требовалось согласие Сената, то почти все сельские приходы обращались туда и, как правило, получали разрешение.

Противоречия между местными мастерами и официальным направлением постепенно нивелировались. Классицистические и традиционные архитектурные формы могли сочетаться в одной постройке.

Крестообразный план оставался популярным. Лишь две зальные церкви были построены в Сомерниеми (1812–1813) и Лапинлахти (1822–1826) в период руководства К. Басси Конторой. Под руководством Басси Интендантская контора спланировала несколько вариантов местных двойных крестовых

планов. Это такие церкви, как в Юлиторнио (1811) и Миккели (1812), а также в Париккала (1812) и Савитайпале (1821). Среди прекраснейших и хорошо сохранившихся церквей, спроектированных Басси,— Старая церковь в Тампере. Она была закончена в 1824 г. на одном из четырех участков центральной площади. Стилистически строгие церкви периода Басси все еще представляют Густавианский классицизм.

Энгель при корректировке присланных в Интендантскую контору из провинции проектов церквей в большей степени придерживался ампирных принципов. В плане они представляли собой крестоообразные сооружения с внутренними скошенными углами, восьмиугольными или круглыми куполами с фонарями, на высоком восьмиугольном аттике, возвышающимися над центральным средокрестием. Здесь встречаются распространенные в архитектуре ампира двойные купола: интерьер имеет несколько меньшие по размерам купольные перекрытия. Девять из таких церквей были построены между 1826 и 1849 гг.: Алаярви, Лапуа, Исойоки, Пюхяйоки, Хейнявеси, Саариярви, Луумяки, Ветели и Кюми.

Так, например, он существенно изменил проект церкви из Алаярви, составленном в 1823 г. Хейкки Куорикоски, мастером-строителем из Остроботнии. Он заменил плоский и устаревший наружный купол более высоким и переделал внутренний купол, сделав его полуциркульным и украсив кессонами. Были исключены из экстерьера ордерные пилястры и оставлены только в интерьере. Наружные стены церкви в Лапуа получили полную ампирную обработку: все ее фасады были украшены классическими пилястрами под трехчастным антаблементом.

Стиль ампир характеризуется наличием романтического направления, связанного с обращением к различным стилям прошлого. Постройки, выполненные в подражание готическому стилю, получили название неоготики ¹¹. Восстановление Энгелем Кафедрального собора в Турку после пожара 1827 г. позволило архитектору в процессе практической работы соприкоснуться со средневековой архитектурой. А его самостоятельная работа — церковь в Лаукаа, спроектированная в 1833 г., уже содержит черты нового стиля, что и вызывало особый интерес к этой постройке среди учеников Энгеля. Внешние стены имеют арки и большое окно, расположенное

над входом. Готическое влияние заметно также и в интерьере: в двухчастных полуциркульных сводах, кафедре и алтаре. Эти новые черты отражали интерес архитекторов позднего классицизма к европейской готике, к стилю, который отразился на других проектах Энгеля 1830-х гг.

Стиль ампир в середине XIX в. сменился новым направлением в архитектуре — эклектикой. Ученик и преемник К. Л. Энгеля — К. Лорман — заканчивал многие постройки своего учителя, но впоследствии самостоятельные его работы были с элементами нового стиля. За полвека существования в финской архитектуре имперский стиль оставил заметный след в облике городов, усадебных комплексов и церковной архитектуре Финляндии.

¹ Главными источниками послужили работы на русском языке: *Иконников А. В.* Хельсинки. М., 1956; *Курбатов Ю. И.* Хельсинки. Л., 1985; *Курбатов Ю. И.* Турку. История и архитектурный портрет города. СПб., 2004; *Пилявский В. И.* Турку. Л., 1974; *Nikula R.* Architekture and landscape. The building in Finland. Hels., 1993; *Wickberg N. E.* Senaatintori / Senatstorget / The Senate Square / Der Senatsplatz. Hels., 1981.

² Курбатов Ю. И. Хельсинки. С. 20.

³ В отличие от финских исследователей, В.И. Пилявский придерживается мнения, что здесь были использованы образцовые проекты кварталов В. Гесте. см.: *Пилявский В.И.* Плодотворное влияние. Русско-финские связи и творчество зодчего Карла Людвига Энгеля // Строительство и архитектура Ленинграда. 1974. № 5. С. 34–36.

⁴ Более подробно о пребывании Энгеля в Петербурге см.: *Меланко В.* Карл Людвиг Энгель — зодчий центрального ансамбля города Хельсинки и его рукопись «О методах строительства и строительных материалах в Петербурге». Hels., 1995.

⁵ *Nikula R.* Architekture and landscape. S.70.

⁶ В XX столетии зал собраний был расширен, но вестибюль, в форме римского атриума, был восстановлен в своих оригинальных формах довольно успешно, несмотря на разрушения из-за попадания бомбы во время последней войны. Когда университет был расширен в 1930-е гг., чтобы занять весь городской квартал, Й. С. Сирен спроектировал расширение, следуя стилю Энгеля так близко, что многие сегодня забыли, что Энгелю принадлежит только крыло по Унионкату. См.: Ibid.

⁷ Финский исследователь Ларс Петтерссон усматривает в оформлении интерьера близость к Термам в Риме, известных Энгелю по французскому изданию рисунков лестниц, выполненных Палладио. Цит. по: Ibid. S. 71.

 $^{^8\,}$ После присоединения Финляндии к России Финская Интендантская контора включается в штат Российской империи. В Месяцесловах за $1813-1816\,{\rm rr}.$

указывается Интендантская контора и интендант над общественными зданиями в Финляндии Карл Баззи. См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Штат Российской Империи на лето от Рождества Христова. 1813. С. 502; Там же. 1814 г. С. 519; Там же. 1815 г. С. 504; Там же. 1816 г. С. 510.

- ⁹ Хотя в настоящее время точно не установлено использование Образцовых проектов, созданных в Санкт-Петербурге в 1809–1812 гг. архитекторами Л. Руска, В. Гесте и В.И. Стасовым, но, учитывая существовавшее в то время единое административное пространство, можно допустить, что Энгель был знаком с ними и мог использовать их в работе Интендантской конторы.
 - 10 Цит. по: *Nikula R.* Architekture and landscape. S. 75.
 - 11 В русской литературе псевдоготика.

М. Н. Васильева

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ КЕРАМИСТА М. ШИЛКИНА

Одной из основных линий творчества керамиста Михаэла (Михаила Николаевича) Шилкина, работавшего с 1937 по 1962 г. в художественной студии при заводе «Арабиа» в Хельсинки, на протяжении всей его жизни оставалась анималистическая скульптура. Во многих публикациях приводится высказывание самого М. Шилкина о том, что именно этот жанр является благодатным для керамиста, ведь помимо собственно пластических средств в распоряжении художника оказываются все те возможности, которыми обогащает художественный образ применение глазури. Ее цвет, светоносность, блеск, а также спонтанные потеки на поверхности и возможность сочетать ее с шероховатым шамотом позволяют передавать самые разные фактуры, имитировать подпалины, оперение и мех.

Кроме того, при изображении животных, по мнению М. Шилкина ¹, художник меньше подвержен опасности впасть в банальность или поддаться на компромисс, чем при изображении человека.

Самая первая скульптура, которая в 1937 г. на международной выставке покорила Париж и принесла автору мировую известность, была «Самсон и лев» ². Самсон с вылезающими из орбит от напряжения глазами, с гипертрофированными утяжеленными пропорциями представляется едва ли не более зверовидным, чем его четвероногий противник. Такая непривычная трактовка старого доброго сюжета, вызывающая улыбку, была высоко оценена жюри и зрителями и принесла скульптору золотую медаль.

М. Шилкин был прирожденным анималистом. Он любил и понимал животных, не уставал часами наблюдать за ними в зоопарке «Коркеасаари» в Хельсинки. Истоки его увлечения следует искать в детстве. Тогда он, деревенский мальчишка, впервые вылепил из разбитой колесами глины фигурки животных, которые стояли вдоль колеи. Чтобы не повредить, односельчане осторожно объезжали их на своих телегах. Отношение к животному как существу, наделенному душой, эмоциями, имеющему свою индивидуальность, роднит скульптора с В. А. Ватагиным, хотя, в отличие от последнего, у М. Шилкина знание животного не носит научного характера. Овладение спецификой анималистики приобреталось им исключительно благодаря природной наблюдательности, обострившейся в силу обстоятельств жизни. Скульптура этого жанра у М. Шилкина в полном смысле анималистическая, т. е. такая, в которой «животное трактуется как сама себя оправдывающая цель» 3.

При работе над анималистическими скульптурами М. Шилкина прежде всего интересовала возможность передать особенности движений, повадки, настроение и характер самых разных представителей фауны. Безусловная заслуга этого мастера состоит в том, что он, как никто другой, расширил сюжетный ряд анималистики. Помимо мотивов традиционных — таких как лошадь, лев, бык — он ввел целую серию новых. Это изображения земноводных (жаб, лягушек, змей) и экзотических рыб. Не были обойдены вниманием и редкие млекопитающие; среди них есть даже мамонт. Недаром финский исследователь Наталиа Башмакофф озаглавила свою статью в «Русской мысли», посвященную выставке анималистической скульптуры М. Шилкина «Ноев ковчег из керамики» 4, а Туйя Терво назвала одну из глав альбома о М. Шилкине «Керамический зоопарк».

За редким исключением (щенок ротвейлера в роли модели) скульптор работал по воображению. Подавляющая часть его работ из шамота крупного и среднего размера. Как правило, они выполнялись прямо в материале методом наращивания объема без всяких форм и в единственном экземпляре. Авторские повторения (если таковые имелись) не были и не могли быть точными копиями оригинала, потому что здесь «вступали»

стихии огня, земли, воды и воздуха. Результат обжига в печи — редукции — определялся стечением многих физико-химических процессов.

Не только круглая скульптура, но и многочисленные рельефы и плакетки с изображением разнообразных животных и птиц вышли из-под рук М. Шилкина. В своих монументальных рельефах скульптор почти всегда находил место для изображения «братьев наших меньших» — чаек, голубей, лошадок. А чего стоит изображение «неведомо как оказавшейся рядом» дворняжки в рельефе «Гроза» (по заказу фирмы «Стремберг»), где этот случайный персонаж помещен в композиционный центр, что совершенно «путает все карты» и вызывает юмористический эффект! Впрочем, Шилкин не был бы самим собой, если бы отказался от присущего ему юмора.

Наглядным примером тому служит скульптура льва, ныне хранящаяся в Музее Маннергейма в Хельсинки. Эта заказная работа предназначалась в качестве юбилейного подарка К.Г. Маннергейму, отмечавшему 75-летие. Это изображение льва, но какого... Старого, истощенного, со сломанным клыком, однако еще не забывшего о своей былой мощи и издающего грозный рык. Кстати, именно с этой скульптурой связана история, способная наглядно продемонстрировать, насколько М. Шилкин был требователен к себе как художник⁵. Первый вариант «Льва» не удовлетворил автора, и ему в спешном порядке пришлось выполнить еще один. Неудачная работа много лет хранилась без употребления, однако, когда ее попытались перевести в музей при «Арабиа», скульптор пресек это самым решительным образом, превратив ее в груду черепков. К слову, «суд черепков» был не единственным испытанием керамиста. Применявшийся в «Арабиа» метод обжига давал высокий процент брака из-за «трансмутаций» глазури.

Нельзя не упомянуть того факта, что реалистические скульптуры животных, особенно обитающих в финских лесах, выполненные М. Шилкиным из шамота, долгое время служили дипломатическими подарками финских делегаций за границей. Особенно излюбленными были рысь, медведь, лисица и полярный медведь. Невозможно дать исчерпывающую картину бытования анималистических скульптур работы М. Шилкина, настолько разнообразна их география и недосягаемы счастливые владельцы.

Достаточно сказать, что в 1960 г. президент Кекконен вручил в качестве свадебного подарка бельгийской королевской чете керамическую скульптуру белого медведя. Подарком городу Стокгольму послужила «Рысь», городу Москве — «Медведь», Ленинграду — «Мамонт», железнодорожной компании Швеции — «Рысь» 6 .

Работы М. Шилкина разошлись по музеям, частным коллекциям Финляндии, Швеции и других стран. Как правило, их приобретали на выставках. Крупнейшая в Финляндии частная коллекция принадлежит Кюэсти Какконену. Например, в ней есть «Тигр» (1942) с поливой на основе соединений железа, отличающийся умелой компоновкой. В этом отношении ее можно сравнить с работой советского скульптора И. С. Ефимова, славившегося умением вписать объем скульптуры в окружающее пространство.

В годы войны М. Шилкин часто обращался к созданию скульптур крупных хищных животных, воплощающих агрессию и силу.

Благодаря любезно предоставленной г-ном К. Ф. Геустом информации стало известно о созданной М. Шилкиным скульптуре из шамота в виде орла для надгробия.

Общестилевая тематика послевоенных лет потребовала других эмоциональных впечатлений. Люди жили ожиданием счастья, надеждой на избавление от лишений и тягот. К этому времени относится скульптура «Лиса» (1945). Уютно свернувшись в клубок, животное спрятало острую мордочку в мех, из которого выглядывают черные глазки.

Мягкий силуэт скульптуры, замечательный декоративный эффект, возникающий благодаря применению поливы «санг де беф» или «бычья кровь», позволяют создать образ, полный умиротворенности и гармонии.

М. Шилкин искусно применял полихромную поливу для почти тождественной передачи рисунка подпалин на шкуре животных. В музее при заводе «Арабиа» экспонируется скульптура «Жираф», впечатляющая уже своим размером (69 см). Скульптор блестяще справился с задачей, полностью выявив заложенные в материале возможности при изображении длинношеего спокойно лежащего животного. Густо нанесенный слой поливы образует причудливые потеки и тональные переходы. Передача внешнего облика максимально близка к прототипу.

В экспозиции музея «Арабиа» представлены работы М. Шилкина, в которых он проявил свое умение работать с «тестом». Например, в скульптуре «Коза» длинные тонкие полоски шамота с глазурью «кракле» условно изображают роскошное руно. В некоторых работах художник успешно применял приемы народной керамики. Так, в скульптуре «Овца с ягненком» для передачи завитков овечьей шерсти использованы шарики-налепы, покрытые глазурью; у взрослого животного они более крупные. В последних скульптурах сказывается стремление к декоративности, которая достигается в том числе и благодаря сочетанию матовых и глазированных поверхностей.

В некоторых работах М. Шилкин как бы отталкивался от анималистического мотива и не стремился к идентичности с прототипом. «Лев» (1939), ныне хранящийся в Национальном музее Стокгольма⁷, максимально условен. В этой работе мастер создал эффектную фактуру, проработанную пальцами.

Здесь первую скрипку играет сама керамика.

Совершенно особый период представляет работа М. Шилкина в Датской королевской мануфактуре в 1947 г., где он пробыл в общей сложности три месяца и создал, по данным Туйя Терво⁸, около тридцати скульптур, в их числе и анималистические.

В Дании находится статуэтка «Лиса» (около 50 см), которая отличается от более ранних изображений этого животного новой для М. Шилкина трактовкой темы. В данной работе ощущается влияние школы, имеющей давнюю традицию в анималистической скульптуре. Более полно выявлена структура тела животного; объем становится более напряженным, напружиненным. Под кожей лисы чувствуются бугры мышц, крепкий костяк; работа анатомически убедительна. Выразителен ракурс, который позволяет запечатлеть модель в ее естественном поведении. При кажущемся покое и неподвижности зверька раскрывается его интенсивная внутренняя жизнь. Физиогномика передана не только правдиво, но и с большим психологизмом. Характер лепки быстрый, сочный. Поверхность шероховата и не заглажена; ее оживляют графические линии — следы стеки. Более скупо, чем раньше, нанесена глазурь. В этой работе М. Шилкину удалось преодолеть в себе то, за что его нередко критиковали ранее — недостаточный интерес к анатомии и строению тела животного в его скульптурах.

После путешествия в Аргентину и знакомства с искусством инков в 1950 г. художник отходит от своей прежней реалистической манеры.

В 1950-е гг. у М. Шилкина появляются многочисленные скульптурно-условные изображения животных и птиц, включающие в себя геометризованные элементы, выполненные на гончарном круге. Это «Бык», «Кондор», «Петух», «Сова», «Обезьяна», «Куры, клюющие зерно», садовая скульптура «Кот». В них особенно сильно проявлялось само гончарство.

В музее «Арабиа» в настоящее время хранится «Бык» (44 см), к которому, если судить по черно-белой архивной фотографии, имелся «пандан». У музейного экспоната мощные горизонтальные рога с шероховатой поверхностью неглазурованного шамота и натуралистической фактурой. Они подобны вотивному подголовнику. У второй скульптуры, изображающей бодающегося быка, рога были развернуты по вертикали. Итак, «Бык» — он весь суть плоть и рога! У него нет головы как таковой. В основание рогов, имеющих натуральную величину буйволиных, графической врезкой нанесены черты лица. Глаза поставлены фронтально, как у человека, они лукавы. Зооморфный бог, сластолюбец Зевс, принявший облик быка, и прежде бывал сюжетом созданной М. Шилкиным «букрании»... но этот, словно налитый свинцовой тяжестью, кажется инкарнацией грубой животной силы. Самецпроизводитель в полном расцвете сил с подчеркнуто обозначенными признаками пола... его столбоподобные ноги плотно стоят на земле. Бык воспринимается как яркая метафора. Удивительно естественно выглядит движение хвоста, закинутого за спину, словно «Бык» обмахивается от назойливого гнуса. В этом характерном движении есть ассоциативная правдивость, хотя в целом скульптура очень условна. Это как бы «формула быка», а не он сам. Стихийно возникающие при обжиге в кассете затеки в керамике нередко эстетизируются. К сожалению, мы уже никогда не сможем спросить мастера, была ли «слезка» его шуткой или игрой стихий. В этой работе М. Шилкина пересеклись «мифологическая» и «анималистическая» линия его творчества.

В самый поздний период творческой деятельности М. Шилкина он обращается к приемам древнеегипетской скульптуры. Обобщенные образы животных, торжественная неподвижность позы, скупой силуэт, отсутствие случайных подробностей

в скульптурах «зверобожеств» оставили глубокий след в сознании художника.

Скульптура 1961 г. «Обезьяна» занимает промежуточное место между прежней, реалистической, стилистикой и новой. По сравнению с работами раннего «мифологического» периода изменяется наполненность образа. Сложность, глубина чувств позволяют говорить о качественно ином, более высоком уровне эмоционального воздействия, о трагизме, который прежде не был присущ витальному искусству М. Шилкина (Исключение составляет «Пьета»).

Выразительный жест животного (которого уместно назвать «горестным орангутаном») говорит о безнадежности. Это животное в неволе, и скульптор как бы вписал его внутрь невидимой сферы, повторив очертание в двойном контуре замкнутых рук. Покорно сложены ладошки ног, говорящие о смирении перед судьбой. Противоположно направленное движение могучих и одновременно бессильных рук придает образу психологическую многозначность. Опущенная вниз массивная голова создает впечатление пространственной сдавленности чуть подавшегося вперед тела. Психологизм, с каким вылеплено несчастное лицо, поражающее разладом между грубой пластической мощью тяжелых надбровных дуг, низкого лба, тяжелой челюсти и безволием пленника, очень убедителен. Опущенный на грудь подбородок, морщинки у глаз говорят о сломленном духе. Так сила и бессилие сталкиваются, чтобы придать образу выразительность и многогранность.

В последние годы своей жизни М. Шилкин создавал композиции, составленные из нескольких блоков в отливе из шамота. Чаще всего это птицы, например совы, куры, а также человекообразные. Они отличаются почти полным отсутствием глазури или очень скупым ее применением, как правило, в монохромном варианте. Эти художественные приемы придают шамоту в готовом изделии вид «керамического камня»; он становится подобен песчанику, что само по себе ассоциативно восходит к египетским изваяниям.

Подлинная монументальность, присущая стилю М. Шилкина, отличает скульптуру, изображающую мартышку (1960–1962). Это подобие стелы из блоков шамота, форма которых геометризована; она построена на чередовании плоскостей и объемов

и очень тектонична. Неглазурованный шамот и цветом, и структурой напоминает песчаник. Прижатые к телу руки животного лишь намечены объемно и графически. Замкнутый контур рук повторяет силуэт хвоста, словно животное в двойном кольце. Графическая прорисовка слегка намечает фактуру шерсти этой живой «окаменелости». Фронтальная ригидность скульптуры, прямая постановка головы, особая лепка глаз (они несоразмерно велики и лежат на уровне лица, не будучи заглублены) — все это позволяет говорить о переосмыслении приемов древнеегипетских ваятелей. Лицо выделено ритмом горизонталей, выразительна его мимика. Полные ужаса глаза остановились, они устремлены на нечто, находящееся вовне. При внешней статичности образ оставляет ощущение рвущегося наружу отчаяния. Лицо, глаза свидетельствуют о напряженной внутренней жизни, кипящей под спудом камня и прорывающейся из-под землистой маски.

На фотографии ⁹ эта скульптура видна сзади. Форма головы напоминает египетские скульптуры с отчетливыми линиями сгиба царского платка. Видна цепь, которой прикована обезьяна. В таком соседстве знака величия и орудия унижения есть нечто шокирующее, однако этот прием позволяет передать обстановку, окружение, в данном случае клетку. В этой скульптуре тело, телесная оболочка мятущейся души словно застыло и само стало подобием памятника. Эта работа М. Шилкина — одна из последних, она несет на себе печать его предчувствий. Это прощание художника.

М. Шилкиным была создана серия полихромных панно неправильной формы и блюд с графическими изображениями, часто с анималистическими мотивами: ослик, пеликан, петухи. Эти работы создавались с помощью гипсовых форм и по способу изготовления похожи на работы Рут Брюк, работавшей в художественной студии «Арабиа». Творчество М. Шилкина поливалентно. И если обычно он «существует» в своих работах на стыке скульптуры и керамики, то в панно он «между керамикой и графикой». Достаточно многочисленны «анималистические» тарелки работы М. Шилкина, о которых можно судить по черно-белым архивным фотографиям: «Драчливый петух», «Белые медведи на льдине», «Рыбки и змея», «Чернокожий малыш и змея на шкуре леопарда», «Кораллы». В графической манере исполнены плакетки, например «Петух».

Материалы фотоархива Музея художественной промышленности в Хельсинки позволяют представить, насколько плодотворной была работа М. Шилкина в анималистическом жанре. Благодаря фотографиям, любезно предоставленным для просмотра куратором архива г-жой Вилхунен, можно получить представление о реалистических скульптурных изображениях тюленя, коровы, верблюда, пантеры, быка, цверг-шнауцера, бизона, бегемота, барана, морского льва, кошки (работа находится в Германии), лисы, черепахи, гепарда, белки. В такой же манере исполнены чайки на фоне камней, петух, гриф, коршун, улитка, хищная рыба и маленький жираф, жеребенок и медвежонок. Большой пластической выразительностью отличается скульптурная группа «Нападение», в которой показан представитель кошачьих в прыжке. Уже простое перечисление работ впечатляет. Без упоминания рельефов картина, однако, была бы неполной.

Для Рованиеми выполнен рельеф «Бурый медведь», для интерьера фирмы «Эссо» — рельеф «Лоси», для наружной стены здания детского сада в Миккели — рельеф с изображением лосей, для торгового дома «Сокос» — украшения пилонов в виде медвежат и обезьянок. Самое прямое отношение к анималистике имеют рельефы «Чайки», «Северные олени», «Сафари».

Рельефы с изображением медвежат и ландышей, а также маленьких зебр, бегущих на фоне листьев монстеры, предназначены для украшения камина. По фотографии известен рельеф с изображением трех медведей, атакуемых пчелами. Существует фотография эскизного рельефа на сюжет романа Алексиса Киви «Семеро братьев»: на переднем плане детально проработанное изображение быка на поляне Импивара. Спасающиеся от него на камне люди даны торопливой эскизной лепкой. В Аргентине находится рельефное изображение рыцаря верхом на коне.

По черно-белым фотографиям в архивных материалах можно судить о рельефах, исполненных в «египетской» технике в виде графических изображений, процарапанных стекой на плоскости. К ним относятся рельеф с изображением медведей, рельеф с белыми медведями на льдине и чайками, рельеф с изображением играющих котят, неглазированный рельеф «Обезьяна», рельеф «Петух», маска тигра, рельеф с изображением двоих, едущих верхом на ослике, рельеф треугольной

формы, на котором изображен рыбак, белый медведь, олень, лось, стая птиц, рельеф с изображением рыбака и чаек.

Достаточно многочисленны плакетки или панно (также с «египетским» рельефом): с изображением совы, петуха, пеликана, лебедей, кота, двух сов, быка, голубей для студии «Инароос», курицы, обезьяны с закинутыми за голову руками, хищника, убивающего белька, и многое другое.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, насколько щедрым был талант художника, оставившего огромное творческое наследие. Кроме разнообразия колористических решений, благодаря применению селадоновой глазури, кракле, «санг де беф» в работах М. Шилкина ощущается живая рука мастера, безошибочное чувство материала, разнообразие художественных приемов и, главное, умение понять душу своих живых моделей.

Т.Г. Фруменкова

РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII— НАЧАЛО XX в.)

Воспитательные дома в России были созданы в царствование Екатерины II на основе идей европейского Просвещения. Естественно, что основатель воспитательных домов И.И. Бецкой, путешествуя по Европе в середине XVIII в., знакомился с теорией и практикой призрения и воспитания брошенных детей во Франции, Германии и других странах центра и запада континента. Тем не менее в подготовленных им проектах можно найти и крупицы опыта других европейских государств, среди которых упоминается Дания и соседи скандинавов, в первую очередь Голландия.

Прежде всего, в исторической науке почти нет сомнений в том, что И. И. Бецкой был побочным сыном кн. И. Ю. Трубецкого и появился на свет во время шведского плена отца. Имя и происхождение его матери остаются неизвестными, но, возможно, она была шведкой. Впрочем, о своих «родственных» связях со Швецией сам И. И. Бецкой в документах никогда не упоминал. От основателя воспитательных домов мы узнаем, что он учился в кадетском корпусе в Копенгагене 1. Правда, биограф И. И. Бецкого П. М. Майков не обнаружил его имени в списках учеников копенгагенского сухопутного военного училища, а списки учащихся морского училища не сохранились, но, думается, нет оснований не доверять случайному упоминанию об учебе в Копенгагене. В «Рассуждениях, служащих к новому установлению Шляхетского кадетского корпуса», адресованных

¹ Ahtola-Moorhouse L., Kalha H., Terva T. Michael Schilkin. Hels., 1996. S. 44.

² Ibid. S. 33.

³ Тиханова В. А. Скульпторы-анималисты Москвы. М., 1969. С. 40.

⁴ Русская мысль. 1997. 20-26 марта.

⁵ Ahtola-Moorhouse L. Kalha H., Terva T. Michael Schilkin. S. 76.

⁶ Idid. S. 23.

⁷ Idid. S. 72.

⁸ Ibid. S. 127.

⁹ Ibid. S. 127, 69.

Екатерине, И. И. Бецкой со ссылкой на личный пример заявлял о необходимости введения в корпусе караулов с обязательным участием кадетов: «Я сие пишу не с воображения, но испытав самым делом, на 12 году своего возраста, будучи кадетом, исполнял как я, так и товарищи мои охотно все сии должности в самое время жесточайшей зимы в Копенгагене» ².

Отсутствие ссылок на шведский опыт и организацию призрения в Дании в «Генеральном плане» воспитательного дома (1763), очевидно, связано с тем, что подобное учреждение в Стокгольме появилось примерно в то же время, что и в России. Воспитательный дом, основанный в 1624 г. королем Густавом-Адольфом, принимал детей лишь с 6 лет. Сиротское заведение для брошенных младенцев было основано там франкмасонами в 1753 г., в день рождения сестры короля Карла XIII принцессы Софии. В Копенгагене воспитательный дом «с туром», обеспечивавшим тайный прием, работал во второй половине XVIII в. «Ввиду массы детей, привозимых в него из Швеции, этот способ приема в 1774 г. был уничтожен», — утверждал автор исторического обзора призрения подкидышей М. Д. ван Путерен³.

Зато И.И. Бецкой в ходе своих путешествий не раз бывал в Голландии. В докладе по поводу «Генерального плана» И.И. Бецкой пояснял императрице, что «особливый дом» следует учредить «по примеру тех, которые имел я случай в Голландии, Франции и Италии и прочих местах видеть». В том же докладе автор привел любопытные доказательства того, что следует обучать не только мальчиков, но и девочек. По его путевым наблюдениям, где «женский пол, сверх обыкновенных и свойственных ему трудов, употребляется и во всякие другие работы, там обыватели несказанно довольственнее жизнь свою ведут, а паче в чистоте, так что, въезжая в город, ясно оное узнать можно; но нигде такая разность не оказывается, как при сравнении Голландии с Италиею. В первой земле вся работа отправляется женским полом, а в последней вся мужеским, так что женщин почти и не видать. Сколько же чистота первых не только увеселительна, но и для здравия весьма надобна, столько жизнь вторых гнусна и соединена со всякою неудобностию» 4.

В воспитательных домах, которые по плану И.И. Бецкого должны были выращивать людей «третьего чина, или сословия», преподавали иностранные языки — немецкий, француз-

ский и даже итальянский ⁵. Скандинавских языков среди них не было, но воспитанникам, из которых впоследствии должны были появиться купцы и торговцы, полагалось серьезно изучать географию, так как «купец российский и всяк торгующий, в делах своих весьма часто ошибается, не зная описания земель соседственных, не зная положения северных морей: Немецкого, Балтийского» ⁶.

В период, связанный с именем И.И. Бецкого (1763–1795), в Московском и Петербургском воспитательных домах трудилось много иностранцев — учителей, надзирателей, мастеров, обучавших детей. Их этническое происхождение документы называли редко, но и среди тех, чьи национальность и подданство указаны, встречались уроженцы Скандинавии.

Так, в 1778—1779 гг. в Московском воспитательном доме служили неизвестного нам происхождения иностранные подданные надзиратель Линк, учитель рисования Боберх, учителя-музыканты Шульц (обучал игре на контрабасе, трубе, кларнете и фаготе), Экель (на виолончели), Беринг (на флейте и гобое), ремесленники Нортлинг (учил детей «перчаточному мастерству»), Валдберг (токарное дело), Гас (Гаас) («бумазейный мастер»), Готфрейт (сапожник), Гилдебрант (ювелир) и Верген («шелкового и чулошного дела мастер») 7.

В 1783 г. в Петербургском доме на место уволенной 31 июля помощницы надзирательницы «пастора Иоганна Битберга дочери Шарлотты Ивановой» объявила свое желание поступить «уроженка швецкой нации Анна Псала Норман, которая для опыта и находится при той должности сего августа с 19, и оказала доволно к тому способности». 28 августа опекунский совет предоставил А. Норман постоянную должность помощницы надзирательницы «с произвождением жалованья по семидесяти... рублей» 8.

В 1780 г. при воспитательных домах решили начать подготовку «повивальных бабок» (акушерок), в том числе и из воспитанниц. В связи с этим И. И. Бецкой обратился к полномочному министру в Швеции А. С. Мусину-Пушкину. 21 ноября 1780 г. он писал: «Здешний воспитательный дом старается всегда к тем пользам, которые в оном для общества устроены, еще приумножать иные, в рассуждении чего осведомлялся во всех государствах о подобном сему заведениях, [и] нигде для человечества

столь полезнейших не нашел, как в Швеции, в учреждении повивальных бабок. Почему, будучи уверен в патриотических ваших мыслях, прошу Ваше превосходительство принять труд сообщить ко мне описание со всеми подробностями, на каком основании в Швеции те бабки содержатся: как обучаются, свидетельствуются, выпускаются, а притом также прошу уведомить меня и о кормилицах, кои, не имея одобрительного позволения от помянутого учреждения, не могут быть принимаемы в домы для кормления детей» ⁹. 8 (19) января 1781 г. посол ответил: «По вашему письму не попустил я ни одного случая к изысканию здешних учреждений, как о кормилицах, так и о повивальных бабках. Собрав все то, что здесь о том издано и постановлено, находящийся при канцелярии моей титулярный советник господин Сысоев упражняется теперь в переводе оных, и как скоро оные изготовлены будут, то не премину их тотчас... переслать». 6 (17) февраля бумаги были отправлены в Петербург, а 24 марта И.И. Бецкой известил своего корреспондента о том, что получил «стокгольмские учреждения о повивальных бабках и кормилицах» 10. В отчетном докладе 1787 г. И.И. Бецкой сообщал императрице, что к его заведениям в 1781 г. присоединилось училище повивальных бабок, «где теория с великою практикою соединена». По его сведениям, в училище работала опытная повивальная бабка из воспитанниц, проводился строгий экзамен, обученные акушерки выпускались «здесь и в провинциях», и обучение приносило хорошие плоды 11 . Шведский опыт, вероятно, был использован при его создании.

Продолжательница дела И.И. Бецкого «главноначальствующая над воспитательными домами» (1797–1828) императрица Мария Федоровна, европейская женщина по происхождению и воспитанию, проявляла большой интерес к организации и деятельности учебно-воспитательных учреждений в разных странах Европы. В бумагах императрицы среди собранных ею документов о подобных учреждениях в Лондоне, Веймаре, Штутгарте, Варшаве и других городах сохранилась и «Инструкция королевского большого хосписа в Стокгольме», переведенная на русский язык и датированная 22 октября 1800 г., когда Мария Федоровна только начинала реформировать воспитательные дома.

Судя по инструкции, хоспис занимался призрением и обучением «бедных детей», так что сам термин «хоспис» имел

значение, отличающееся от современного. Согласно инструкции, в 1785 г. под руководством городского магистрата в Стокгольме была создана сложная система управления воспитательным домом. Учреждению были предоставлены определенные привилегии. Принесенные в хоспис младенцы, за принятие которых взималась определенная плата, в течение 9 дней должны были находиться под особым медицинским наблюдением. Прошедшие своеобразный карантин дети не должны были надолго оставаться в хосписе. До двухлетнего возраста часть детей помещали за умеренную плату в особый пансион. Для кормления этих детей нанимали крестьянских женщин. Другие малыши отправлялись на вскармливание в сельскую местность за определенную плату. Подросшим детям под контролем учреждения давали начальное образование, обучали методам ведения сельского хозяйства, старались устроить в качестве крестьян, ремесленников, прислуги. Девушки состояли под покровительством хосписа до 20 лет 12. Следует сказать, что организация воспитательных домов в России при Марии Федоровне была близка к шведской модели, как и к другим европейским образцам.

В царствование императора Николая І государство и общество находились в изоляции от Европы. Ситуация изменилась на рубеже 1850–1860-х гг. Как и другие государственные служащие, сотрудники воспитательных домов стали регулярно посещать европейские страны для отдыха и лечения, ездить в командировки с целью изучения зарубежного опыта. Возобновились и другие контакты российских воспитательных домов с аналогичными заграничными учреждениями. Российские воспитательные дома за столетие своего существования стали частью европейской системы призрения сирот и подкидышей, и их работа вызывала интерес у иностранных коллег. 7 января 1859 г. управляющий IV отделением А.Л. Гофман сообщил почетному опекуну А. В. Веневитинову, что товарищ министра иностранных дел обратился к нему с просьбой доставить сведения, о которых через Генерального консула в Копенгагене просил начальник Копенгагенского воспитательного дома профессор Леви. По сведениям профессора, в выпущенном в Дании сочинении содержались историко-статистические сведения по проблемам призрения детей до 1839 г., в том числе излагалась история Московского и Петроградского воспитательных домов. 20 лет спустя Леви

подготовил 6 вопросов руководителям Петербургского дома. Он спрашивал, во-первых, не вводило ли правительство каких-либо существенных изменений в административную систему домов. Во-вторых, начальник Копенгагенского дома интересовался, не было ли сделано «перемен по внутреннему управлению, пропитанию детей у крестьян и дальнейшему их воспитанию в воспитательном заведении». В-третьих, он хотел знать, являются ли столичные дома единственными во всей России. В-четвертых, профессор спрашивал, сохранили ли «найденыши» дарованную им Екатериной II личную свободу, освобождение от податей и рекрутской повинности. Наконец, он задавал вопрос о том, представляют ли дома статистические отчеты, и интересовался статистикой «двух преступлений: изгнания плода и чадоубийства».

Через три недели, 28 января 1859 г., А.Л. Гофману был направлен ответ, в котором почетный опекун сообщал, что никаких существенных изменений в системе призрения не произошло. Он также изложил перемены, произведенные в организации столичного дома, рассказал об увеличении платы крестьянам-воспитателям детей, о правилах усыновления питомцев крестьянскими семьями, а также о передаче 18-летних воспитанников в распоряжение Морского министерства. Отслужив несколько лет в военном флоте и рабочих экипажах министерства, они составили Вольное матросское общество в Кронштадте, члены которого получали право наниматься матросами на торговые суда, а матросы-рабочие могли записываться в ремесленные цехи. А.В. Веневитинов утверждал, что, кроме двух воспитательных домов, работающих на особых основаниях, в губернских и уездных городах России действуют «сиропитательные домы», состоящие в ведении Приказов общественного призрения. Он разъяснил, что питомцы не подлежат никаким податям и повинностям, пока находятся в ведомстве воспитательного дома. Достигнув совершеннолетия и приписавшись «в мещанское состояние», они получали временную льготу — освобождались от уплаты податей на 2 года, а от рекрутской повинности на 5 лет. Опекун извещал датского профессора, что статистические отчеты воспитательные дома подают ежемесячно и даже ежедневно, а уголовная статистика относится к Министерству юстиции ¹³. Можно сказать, что в Копенгагенском воспитательном доме получили относительно полную справку о российской системе призрения.

Во второй половине XIX в. заграничные командировки сотрудников воспитательных домов становятся обычным явлением. В 1890 г. инспектор по медицинской части ведомства учреждений императрицы Марии предложил направить на 2-3 месяца в Германию, Францию, Италию и Австрию приват-доцента Медико-хирургической академии сверхштатного врача Петербургского дома М. Д. ван Путерена с целью изучения «способов искусственного вскармливания детей». Отчет о результатах командировки был в том же году опубликован. На основе зарубежного опыта, в том числе и скандинавского, он пришел к выводам, что приучают детей к искусственному вскармливанию в самих воспитательных домах, внимательно наблюдая за воспитателями и кормилицами и обучая их правильному уходу за младенцами. При приготовлении смесей учитывались современные достижения физиологии. Важную роль в организации призрения в Европе (и в северной ее части этому уделялось особое внимание) играли административные меры: ограничение приноса детей и усиление врачебного надзора.

Позднее М. Д. ван Путерен стал доктором медицины и главным врачом Петербургского дома. Используя материалы своих поездок и сведения, почерпнутые из литературы, он опубликовал подробный справочник «Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и в других странах». Первая часть труда содержит сведения об организации призрения брошенных детей в европейских странах, США и даже Бразилии.

Два кратких очерка посвящались организации этого дела в Швеции и Дании. По сообщению автора, в Швеции, как и в некоторых других государствах, в начале XX в. не было специальных законов о призрении подкидышей. Как и всякая помощь бедным, забота о них лежала на общинах. В воспитательный дом в Стокгольме принимали детей тех женщин, которые обязывались прослужить в доме кормилицами в течение 8 месяцев с платой 3 кроны в неделю; незаконных детей с единовременной платой 400 крон или с платой 200 крон, которую по бедности матери вносила община или благотворители; подкидышей, доставленных полицией; детей, чьи матери находились в больнице или

в тюрьме. Детей содержали в доме 3 месяца, затем их раздавали в частные семьи под надзор священника, представителя общины и особого чиновника. За пределами столицы и в Норвегии призрение подкидышей возлагалось на общины. В Норвегии нуждающиеся матери получали помощь на дому, а незаконными дети считались только тогда, когда рождались от незамужней женщины и женатого отца.

В Дании в начале XX в. матери внебрачных детей получали пособие от государства. Таких детей принимали и в воспитательное учреждение с единовременной платой в 500 франков примерно на тех же условиях, что и в Швеции. За детей, розданных в частные семьи, воспитатели получали определенную плату, а лучших воспитательниц поощряли премиями. В Копенгагене материальную помощь получали 700-800 матерей, еще 400-500 детей раздавали в приемные семьи. В стране была развита благотворительность. Работали благотворительные общества, поощрявшие кормление младенцев грудью, размещавшие детей в приличные семьи, устраивавшие детские дома семейного типа под надзором матерей. Старшие воспитанники учились в школах. Общество детских колоний, внедрявшее систему профессора Стефенсона, покупало небольшие имения и устраивало в них колонии не более чем на 30 детей, которые воспитывались и работали в них до 18 лет, с 14 лет получая жалованье 14.

В предреволюционные годы, и особенно в революционном 1917 г., в России поднимался вопрос о реформировании столичных воспитательных домов, составлялись проекты перестройки всей системы призрения сирот и подкидышей. Разрабатывая эти планы, сотрудники домов и чиновники ведомства продемонстрировали глубокое знание опыта самых разных европейских государств. Большое значение приобрели для них некоторые особенности скандинавской модели, о чем не раз упоминается в дошедших до нас проектах. Одной из центральных стала идея отмены тайного приема и привлечение родителей и родственников к воспитанию внебрачных детей.

Авторы проекта, разработанного в 1917 г. в Московском доме, большое внимание уделяли «мероприятиям по улучшению правового положения женщины». По их мнению, «отыскивание отца не только не должно воспрещаться... а должно, по примеру Венгрии, поощряться государством. За отсутствием возможности

отыскания отца к воспитанию должны привлекаться родители матери и другие близкие родственники. Принцип особенно строго проводится в северных государствах, где нередко за ненахождением родственников к участию в расходах по воспитанию ребенка привлекается община, к которой приписана его мать». Реформаторы считали, что такой взгляд не имеет ничего общего «с издавна господствовавшими воззрениями на призрение детей; долгое время на это смотрели как на акт милосердия, как на требование христианской морали» ¹⁵, но преодолеть традицию необходимо.

Чиновник Мариинского ведомства Н. Ганзен подготовил проект преобразования воспитательных домов не позднее 1916 г., но Петербургский дом представил его в качестве своей программы в 1917 г. Н. Ганзен также обратил внимание, что центральные воспитательные учреждения в европейских странах в начале ХХ в. являлись одновременно и приемными, и контрольными инстанциями. Так, в детском приемнике в Вене рядом с приемной для матери, желающей отдать ребенка на общественное попечение, находится комитет юрисконсульта, который на основе документов выясняет «нужду и право на попечение и во всех необходимых случаях возбуждает дело о взыскании и с отца денежной помощи. Очень строго отцы привлекаются в Скандинавских странах, их средства покрывают более 1/3 расходов на призрение детей». К скандинавскому примеру автор обратился и в разделе, посвященном планам организации в России «приютов-семей», являющихся, по его убеждению, «наилучшим воспитательным учреждением для детей, особенно младшего возраста, призреваемых государством или обществом и нуждающихся в семейной обстановке». По сведениям Н. Ганзена, такая форма была особенно распространена в Англии и Дании. Семья-приют в этих странах заводилась одним отцом или матерью для 10-20 детей. В семьях-приютах уделялось большое внимание физическому воспитанию детей (подвижным играм, гимнастике, саду или огороду), а также развитию их трудовых навыков и способностей к ремеслу. Те же цели, по его мнению, преследовали народные детские сады и трудовые убежища для детей в Стокгольме ¹⁶.

Итак, российские воспитательные дома стали частью европейской системы призрения сирот и подкидышей. Во второй

половине XVIII в. среди надзирателей, учителей и мастеров встречались уроженцы Скандинавии. Руководители и сотрудники воспитательных домов на протяжении полутора столетий их истории изучали и старались использовать опыт европейских стран, в том числе скандинавских. Особое значение он приобрел во второй половине XIX — начале XX в., когда в странах Северной Европы сложилась своеобразная и во многом отличавшаяся от российской система призрения брошенных детей. При Советской власти воспитание сирот стало делом государственным, и способы привлечения общества к проблемам призрения были мало востребованы. Зато значительный интерес к ним проявляет современная Россия.

Н.В. Белкина

К ВОПРОСУ О ФИНСКОЙ АНТРОПОНИМИКЕ

Имена людей — часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Любое слово, которым именовали человека, окружающие начинали воспринимать как его личное имя, и следовательно, любое слово могло стать именем.

Согласно современному финскому законодательству ребенок в течение двух месяцев после рождения должен получить имя (от одного до трех). Сведения об именах и фамилии новорожденного необходимо передать в национальный регистрационный центр незамедлительно после регистрации в церковной общине.

Ограничений при выборе имени немного: нельзя давать мальчику женское имя и наоборот. Нельзя давать неблагозвучные имена или имена, при дальнейшем склонении которых будет выявляться неблагозвучность, нельзя давать родным братьям и сестрам одинаковые имена. Однако, как говорится в законе, и эти условия могут не выполняться, если на то есть веская причина (религиозные соображения, иностранное подданство одного из родителей и т.п.). В будущем возможно изменение имени (имен), но только один раз в жизни 1.

По сведениям финского национального регистрационного центра, в Финляндии в настоящее время используется

¹ Майков П. М. И. И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 5.

² ΠC3. T. 17. № 12741.

³ *Пятковский А. П.* Начало воспитательных домов в России // Вестник Европы. 1874. Т. 6. С. 267; *Путерен ван М. Д.* Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. СПб., 1908. С. 68–69.

⁴ ΠC3. T. 16. № 11908.

⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 325. Л. 1−2 об.

⁶ ΠC3. T. 18. № 12957.

⁷ РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 325. Л. 2–2 об.; д. 422. Л. 2–3 об., 4 об.

⁸ Там же. Оп. 19. Д. 22. Л. 1.

⁹ Там же. Оп. 17. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2−4.

¹¹ Там же. Оп. 20. Д. 107. Л. 18.

¹² Там же. Ф. 759. Оп. 1. Д. 271. Л. 40-48.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-5 об.

 $^{^{14}}$ *Путерен ван М.Д.* Исторический обзор призрения внебрачных детей... C. 68-69.

¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2398. Л. 6-6 об.

¹⁶ Там же. Д. 2339. Л. 18, 22.

 $50\,000$ личных имен, причем 98% финнов использует всего 2000, а абсолютное большинство родителей выбирает из 100 основных имен, хотя в финском альманахе личных имен их содержится $795\,^2$.

В истории финских личных имен выделяются четыре периода.

Первый период — дохристианский, когда давали детям при рождении самобытные личные имена. Это были языческие имена, в целом ясные по значению и этимологически очевидные.

Практически у всех народов — и финны не исключение — женские имена символизируют нежность, целомудрие, грацию, красоту, их сравнивают с красивыми цветками, а мужские имена должны быть подобны мужскому характеру — это в основном смелость, власть, мужество, сила и другие качества.

В древности в Финляндии в качестве имен собственных или прозвищ использовались имена нарицательные, например возникшие от наименований различных тотемов — обожествляемых животных, растений, явлений природы: Päivä (Päivi) — день, Yö — ночь, Taivas — небо, Sade — дождь, Pisara — капля, Tuli — огонь, Salama — молния, Aurinko солнце, Pilvi — облако, Pouta — ясная погода, Sumu — туман, Tähti — звезда, Myrsky — буря, Kesä — лето, Kevät — весна, Talvi — зима, Tuuli — ветер, Usva — туман, Aalto, Laine — волна, Sadehelmi — дождинка; названия животных, птиц и рыб: Haukka — щука, Karhu — медведь, Orava — белка, Hirvi — лось, Kettu — лиса, Käki — кукушка, Sirkka — сверчок, Lintu — птица, Kiuru — жаворонок, Ori — жеребец, Otso — косолапый, Peura олень, Kerttu — малиновка, Kiiski — ерш, Pääsky — ласточка, Tilhi — свиристель; названия растений, плодов и ягод: Hilla морошка, Honka — сосна, Jalava — вяз, Kanerva — вереск, Karpalo — клюква, Kataja — можжевельник, Kielo — ландыш, Lehti — лист, Luumu — слива, Mansikka — земляника, Marja ягода, Naava — ягель, Oksa — ветвь, Puolukka — брусника, Ruusu — роза, Taimi — росток, Terhi — желудь, Terttu — гроздь, Tilli — укроп, Tuomi — черемуха, Vadelma — малина, Vilja зерно, Unikko — мак, Varpu — воробей, Vesa — побег; природных объектов: Aava — пустошь, Kallio — скала, Kari — риф,

Lampi — озеро, Louhi — глыба, Manner — материк, Meri — море, Mäki — холм, Oja — канава, Puro — ручей, Ranta — берег, Salmi — пролив, Suvanto — плес, Vuono — фиорд; названия по приметам: Нагтаа — седой, Ruskea — рыжий, Vino — косой, Lyhyt — низкий, Tukeva — коренастый; имена, выражающие отношение к ребенку: Ilo — радость, Kaivattu — жданный, Toivo — надежда, Hyvä (Hyväri) — хороший, Lemmikki — любимчик, Esikko — первенец, Aino — единственный; имена, выражающие человеческие качества, способности, профессии: Міеho — мужчина, Uro — самец, Sankari — герой, Laulaja — певец, Атрија — стрелок, Kalamies — рыбак, Venemies — лодочник, Seppä — кузнец, Kuningas — король. Женских имен сохранилось немного 3. Имена богов языческого пантеона: Ukko, Ahti, Tuoni, Tapio, Tuulikki.

Имя, как представлялось, — это частица души человека. И, желая ему навредить, достаточно причинить зло его имени. Возможно, это и послужило причиной появления необычных имен, в языческие времена ребенку иногда давали имя неблагозвучное, отталкивающее, тем самым как бы оберегая младенца от злых духов. (Ведь и злые духи не любят некрасивых имен.) Давались имена вроде Vihattu — ненавистный, Мато — червь, Ниопо — плохой, Noita — ведьма.

Во многих культурах верили, что имя — это часть человеческой судьбы, поэтому, давая ребенку имя известной личности или друга (родственника), предполагалось, что ребенок унаследует и судьбу (свойства характера) своего тезки.

Искусственная смена имени согласно поверью могла изменить судьбу, вылечить от тяжелой болезни.

С другой стороны, знание истинного имени давало власть над человеком, об этом говорит известная сказка про Паха Пейкко, колдовство которого становилось недействительным, если назвать его собственное имя Тииттелинтууре.

По этой же причине у человека есть безымянный палец — отсутствие у него имени не дает возможности колдунам помешать счастью в браке.

И сейчас в Финляндии существует обычай скрывать имя младенца до крещения. Еще нерожденного или некрещеного ребенка называют искусственно выдуманным ни мужским, ни женским именем типа Анну-Ейнар.

Второй период начинается после христинизации. Церковь привнесла вместе с христианскими религиозными обрядами иноязычные имена, заимствованные ею от разных народов древности.

В XVIII в. городская знать и офицерские семьи предпочитали королевские имена, а священство и бюргеры склонялись в пользу имен святых и библейских имен.

Каждый получал от священника крестильное имя. Крестильные имена соответствовали именам святых и были обычными христианскими именами.

Когда при крещении давалось то или иное имя, то подразумевалось, что святой — носитель этого имени — становится покровителем крестника. К этому святому полагалось обратиться священнику в молитве, завершающей чин крещения.

Наречение каноническим именем христианина являлось сакральным актом, соотнесенным с таинством крещения и обставленным определенным ритуалом. Каноническое имя определялось по святцам. Новорожденный должен был получить имя того святого, который поминался в день рождения ребенка.

При этом установление имени воспринималось как нечто фатальное, и потому имя преподобного могло означать счастье для новорожденного, а имя мученика — несчастье.

Ранее в Финляндии верили, что некрещеный младенец не сможет обрести вечное блаженство, и поэтому его стремились окрестить как можно раньше. По закону 1686 г. это надо было сделать не позднее 8 дней после рождения. Закон был упразднен только в 1869 г.

Согласно данным Пентти Лемпеайнена, автора Большой книги имен, в 2000 г. 40% всех имен, перечисленных в альманахе, ведут свое происхождение из Библии или церковной истории⁴.

Так, самые популярные имена в Финляндии: Juhani, Juho, Jussi, Jukka, Hannes, Hannu — произошли от древнееврейского Johannes, означающего «подарок бога». К имеющим древнееврейское происхождение также относятся: Abraham (Aapo), Adam (Aatami), Jaakob (Jaakko), Stefanus (Tapani, Tahvo, Teppo. Teppona), Anna, Daniel (Taneli, Tanttu), Maria, Martta, Saara, Samuel (Sami), Simeon (Simo, Simuna), Mikael (Mikkeli, Mikko).

Греческие корни у имен: Sofia (Sohvi, Viia), Teuvo (Theodoros), Teemu (Nikodemus); латинские у имен latinaan kuin Aukusti (Augustiisi), Leo, Vihtori (Victor), Maunu (Magma), Lyyli (Lydia), Manta (Amanda).

Германские по происхождению: Otto, Herman, Fredrik, Albert, Anselm, Vilhelm (Vilho, Ville), Iida, Ella, Ellen.

Таким образом, под влиянием Церкви в Финляндии получили распространение как библейские имена, так и имена персонажей (прежде всего, это святые, оставившие заметный след в истории Церкви). Имена святых финны преобразовали на свой лад:

Benediktus — Pentti, Laurentius — Lauri и Lassi, Martinus — Martti, Olavi — Uolevi, Uoti, Olli, Nikolaus — Nikki, Niilo; Knut — Nuutti, Gregorius — Reko, Korjus, Eskil — Eskeli, Esko; Sigfrid — Sipi, Clemens — Klemetti, Urbanus — Urpo, Katariina — Katri, Kaija, Kaarina, Kaisa; Margareeta — Marketta, Kreeta; Birgitta — Pirkko, Pirjo; Helena — Elina, Ilona; Valborg — Vappu или Valpuri; Kristiina — Kirsti Cecilia — Silja ⁵.

Третий период — это период подъема национального самосознания, когда возродились древние имена, а заимствованные имена адаптировались к финскому языку или буквально переводились на волне лексического пуризма.

Так из Wiilhelm появился Vilma, Robertti превратился в Roope и возродились народные имена, источником которых была в том числе и Калевала. Так, в альманахе 1890 г. уже упоминаются Aino, Kullekvo, Louhi, Annikki, Marjatta.

Четвертый, новый период начался после провозглашения независимости и ознаменовавшийся проникновением в финский язык большого числа заимствованных имен и активным имятворчеством. Так, после победы белофиннов в гражданской войне родители, придерживавшиеся коммунистических взглядов, могли назвать ребенка Варма Косто или Яло Тайсто. Альманах 1929 г. указывает на наличие и таких имен, как Äänis и Syväri, которые затем были запрещены, так как по закону нельзя давать имя, созвучное географическому названию или торговой марке.

Теперь, в XXI в., финны не испытывают недостатка в именах. Вернулись древние языческие имена — они не исчезли из обихода, а использовались в качестве прозвищ. Позднее от прозвищ были образованы некоторые финские фамилии, в том числе

и самые распространенные фамилии в Финляндии: Virtanen, Koskinen, Nieminen, Laine, Mäkinen, Järvinen ⁶.

На предпочтения современных финнов, как и ранее, оказывают влияние имена известных личностей (принцесса Диана в 1990-е гг., а в XIX в. шведская принцесса София дала имена многим девочкам). В Финляндии зарегистрированы десятки Наполеонов и Эвит.

Называют и в честь любимых литературных или сказочных героев Лумикки, и в 1940-х гг. после выхода Синухе егуптилайнена вошли в моду Минеа и Мерит. Современная литература дала финнам множество Гарри Поттеров, преобразовав их в Ярри Потери.

Тем не менее влияние Библии на имена остается сильным и в наши дни. Так, 9 из 10 самых популярных мужских имен прошлого года обязаны своим происхождением христианству: Juhani, Johannes, Mikael, Matias, Onni, Olavi, Elias, Oskari, Ilmari, Aleksi.

У женских имен эта цифра составляет 5 из 10, и самые популярные женские имена 2008 г. — Maria, Emilia, Sofia, Olivia, Aino, Amanda, Aurora, Matilda, Helmi, Ilona⁷.

В современные справочники имен включены Oliver, Ted, Bettina, Rosita, Netta, Moona и другие интернациональные имена. По статистическим данным, в Финляндии ежегодно рождается 50 000–60 000 младенцев и из них 2400 получают уникальные, вновь образованные имена ⁸.

В последнее время в Финляндии появилось большое количество публикаций, посвященных истории личных имен, в которых прослеживается призыв отказаться от ныне существующей моды на иностранные имена для детей и придерживаться традиционных финских имен.

Вот такое мнение можно найти на интернет-форуме читателей газеты «Илтасаномат»: «Мы долго думали над именем для нашего первенца и решили, что оно должно быть старым и иметь глубокие финские корни. Поэтому мы назвали сына Куллерво Сеппа» 9.

- 4 http://www.uta.fi/campus/981/eka.htm
- ⁵ E. A. Saarimaa. Etunimistamme.
- 6 http://192.49.222.187/Nimipalvelu/default.asp?L=1
- ⁷ По данным väestörekisteri
- 8 http://www.iltalehti.fi/perhe/200705036020518 pr.shtml
- 9 http://keskustelut.iltasanomat.fi/

¹ http://www.trasek.net/lakiasiat/Nimilaki.htm

² http://www.iltalehti.fi/perhe/200705036020518_pr.shtml

³ Kustaa Vilkuna Oma nimi ja lapsen nimi.

В.В. Цоффка

А. С. ПУШКИН КАК «МАЙМИСТ»

Впервые слово «маймист», слово с непрозрачным значением, составленное из угро-финских морфем (слов) по законам русского языка с использованием русского суффикса — «ст», вышедшее из употребления в начале XX в., встречается в переписке поэта с женой Н. Н. Пушкиной (Гончаровой). 21 сентября 1835 г. из сельца Михайловское он писал жене: «Ем я печеный картофель, как маймист (выделено автором этой статьи. — В. Ц.), и яйца всмятку, как Людвик XVI. Вот мой обед» 1. Кажется, что общий смысл этого сравнения всем понятен, но чем больше углубляешься в его конкретный смысл, тем больше возникает вопросов.

«Словарь языка Пушкина» указывает, что слово «маймист» в произведениях Пушкина встречается всего один раз и означает оно прозвище финнов (по-фински «maamies» — селянин). Далее следует вышеуказанная цитата из письма поэта ². Неужели Пушкин хотел сказать, что любит есть печеный картофель, как селянин. Селянин — очень обобщенное слово с отвлеченным, идиллическим значением; финское же слово «maamies» состоит из двух корневых морфем, обозначающих «землю» и «лиц мужского пола», и может быть переведено на русский язык как «земледелец, землепашец», как «крестьянин» наконец, если отвлечься от контекста пушкинского письма.

Обратимся к специальному изданию писем А.С. Пушкина к его жене, подготовленному Я.Л. Левковичем³. Составители

и редакторы не вдавались в подробности и конкретику этого сравнения, они истолковали значение слова в самом общем виде, а именно: «петербургское прозвище финнов». Однако финнов во внутренней Финляндии так не называли.

Более того, еще дальше от истинного смысла стоит перевод слова «маймист», данный в научно-публицистической статье А. Ю. Заднепровской «Ингерманландские финны» 4. Приведем цитату: «В XIX в. в русских исторических документах ингерманландских финнов иногда называли маймистами (от финского maamies — люди этой земли или просто финны). Широко бытовал и собирательный этноним чухны (чухонцы), который прилагался к различным группам прибалтийского населения. Этот термин носил не этнографический, а скорее бытовой характер и первоначально не имел пренебрежительного оттенка». В этом высказывании все правильно, кроме перевода на русский язык «таатies» как «люди этой земли». В обратном переводе на финский словосочетание «люди этой земли» будет выглядеть совсем по-другому «tämän maan ihmiset» и получит другой смысл.

В Словаре В.И. Даля также можно найти объяснение слова «маймист» (с ударением на первом слоге. — В. Ц.). «Маймист, м., птрб. прозвище чухон (от "эй мойста", — не знаю, не понимаю?)» предположительно [«эй мыйста»] 5. Очевидно, что пример, который приводит лексикограф, взят не из финского языка, в котором отрицательная частица спрягается и, таким образом, в первом лице «я не знаю», «я не понимаю» будет: minä (mä) en tiedä, minä (mä) en ymmärä. По-эстонски те же выражения выглядят как «ma ei tea» («я не знаю») и «ma ei saa aru» («я не понимаю»).

Богатый примерами материал дают словари, отражающие лексику XVIII века: «таатез» со значением «финский крестьянин; прозвище финнов» дает «Словарь русского языка XVIII века» со значением «селянин» и пометкой «областное, устаревшее», а также «Словарь русского языка» 6 с пометкой: «Маймист — областное и устаревшее (срв. "maamies" — селянин). Прозвище финнов». Именно это пояснение перекочевало в «Словарь языка Пушкина». Далее приводятся очень интересные примеры: «Вообразите себе человека низенького, толстенького, с опухлою и воспаленную физиономиею, небритого, немного с рыжими

нечесаными волосами, падающими до плеч, как у маймиста, в запачканном сюртуке, без эполет» 7 или «Кто носит волосы на голове с косым пробором, тот, во мнении раскольников, "маймист", жалкий грешник, а кто вдобавок носит длинные волосы, на его счет прибавляют название "маркитант"» 8.

Среди русских народных картинок в «Русском народном календаре» также можно найти такие стихи:

Две мыши с Розной горы От чухонки вдовы Тащат из шинка Ушат е́рзлова пива (т.е. мерзлого) Ветошного года Ис-под маймистского захода ⁹.

«Словарь русского языка XVIII века» приводит пример из документов XVIII в., в котором зафиксирован год употребления слова «маймист» — 1742^{10} .

И наконец, возьмем «Большой финско-русский словарь» (М., 2007. С. 355), в котором, очевидно, дано наиболее точное истолкование смысла этого слова: «maamies» — земледелец, хлебороб, мужик с пометкой «vanh», что значит — «vanhentunut» — устаревшее слово, выражение. Вероятно, именно это определение является наиболее приемлемым в оценке того, что имел в виду, А. С. Пушкин. Живший и в Царском Селе, и в Петербурге, и в Михайловском среди финнов, Пушкин хотел сказать жене, что он, будучи дворянином, аристократом, в деревне своей употребляет в своей пище печеный картофель, как чухонский, ингерманландский (ижорский) мужик.

Другое дело, могла ли правильно понять его слова жена?! Слово «мужик», вообще-то характерное для русского языка, в устах господ «крестьянин», употреблялось Пушкиным 76 раз, т.е. было одним из самых частотных слов в лексиконе великого русского поэта. И в деревне он, аристократ по происхождению, а по своим убеждениям демократ, предпочитал выглядеть перед женой простым русским мужиком, по крайней мере в еде — представителем низшего сословия русского народа, несмотря на то что в светском обществе слово «мужик» обладало специфической коннотацией — грубого, некультур-

ного и невоспитанного человека вообще! («Я мещанин, как вам известно, и в этом смысле демократ»,— писал Пушкин о себе как о человеке из низших слоев общества, не аристократе). Любопытно, что и король Франции Людовик XVI отличался простонародными привычками и не гнушался крестьянских вкусов. Поэтому Пушкиным он поставлен в этом отношении вровень с маймистом. Это подтверждается еще и тем, что для стилистики пушкинских писем к жене характерна грубоватая простота, свойственная, очевидно, природе русского языка, где низкий слог простолюдина и некоторая непристойность в выражениях была в целом присуща «мужицкому языку».

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Переписка 1835–1837. Т. XVI. М., 1997. С. 49.

² Словарь языка Пушкина. Т. 2. М., 2000. С. 558.

³ *Пушкин А. С.* Письма к жене. Л., 1986. С. 182.

⁴ Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. СПб., 2002. С. 531.

 $^{^5}$ Толковый Словарь Живого Великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб., 1881. С. 290.

⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. СПб., 2001. С. 36–37; Словарь русского языка, составленный Постоянной словарной комиссией АН СССР. Вып. 1. Т. 6. М.; Л., 1927.

⁷ Давыдов Д. Соч. Т. 2. С. 292.

 $^{^{8}\,}$ Труды Этнографического отделения Русского Географического Общества. Кн. 5. Вып. 1. С. 216.

⁹ Ровинский. Русский народный календарь. Кн. 1. С. 397.

¹⁰ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. СПб., 2001. С. 36–37.

В. П. Уланов, Л. В. Суворова

О РАБОТЕ НАД БЮСТОМ ФИНСКОГО ГРАФИКА И МОНУМЕНТАЛИСТА ТАПИО ТАПИОВААРЫ (1908–1982)

В 2008 г. коллекция портретов в мастерской петербургского скульптора В. П. Уланова пополнилась бюстом известного финского графика и монументалиста Т. Тапиоваары. С 1962 по 1982 г. творческий путь финского мастера оказался связан с городом на Неве. Тапио Тапиоваара (1908–1982) известен более всего как мастер политической графики и книжный иллюстратор, менее знакомы его живописные полотна, работы по дереву и металлу. Долгое время экспериментируя с разными материалами и техниками, Тапиоваара предпочел всем другим технику мозаики. Его сотрудничество с мозаичной мастерской Академии художеств в Ленинграде длилось два десятилетия 1. Художник смог осуществить здесь ряд монументальных произведений, десять мозаичных панно и один витраж, выполненные ленинградскими мастерами по рисункам художника. Они украсили многие города Финляндии и являют собой примечательную страницу финского монументального искусства. Четыре работы посвящены темам «Калевалы» — «Освобождение солнца» (1962), «Северная Дева» (1962), «Рождение Сампо» (1975), «Вяйнемейнен и Дева Похьелы» (1981). Монументальные поиски художника определены временем, он сознает важную роль единения архитектуры и монументального искусства, значение культурных традиций. Его искусство пропагандирует гуманистические идеи, оно доступно, народно. Финны всегда

ценили эти качества, их синтез, безусловно, влиял на духовное развитие страны 2 .

Тапса — так подписывает свои произведения художник родился в Сортавале, на берегу Ладоги. Его детство и юность прошли в большой семье лесника, он формировался в атмосфере «Калевалы». Именно в этих местах Карелии собиратель Э. Леннрот записал большинство рун, составивших эпос. Отец выбрал детям при крещении имена из финского эпоса. Имя Тапио значит «хозяин леса», и название района Хельсинки Тапиола, где поселился впоследствии художник, также связано с «Калевалой» ³. В тридцатые годы Тапиоваара учится в художественно-промышленном училище, заканчивает Рисовальную школу, Свободное художественное училище. Затем работает декоратором театра и кино, иллюстратором, сотрудничая с рядом издательств и журналов. Его линогравюры отличаются динамичностью композиции и эффективным использованием контраста черного и белого ⁴. В эти годы художник включается в рабочее движение: графические листы отразили бурные события современности. Когда пришло военное время, в составе пехоты Тапиоваара побывал во многих горячих точках фронта. Война оставила в его творчестве неизгладимый след. В послевоенные годы художник добивается известности, иллюстрируя книги финских писателей и поэтов. Становится членом Общества Финляндия — Советский Союз. а в 1956 г. и его вице-президентом. Суть гражданской позиции Тапиоваары — сотрудничество народов на благо развития общечеловеческих ценностей. Финский график был связан дружескими отношениями со многими ленинградскими художниками. Профессор В. Ветрогонский вспоминал, что знакомство с Тапиоваарой состоялось на выставке 1958 г. в Хельсинки. В составе ее оргкомитета с финской стороны выступал Т. Тапиоваара, с советской — М. И. Безрукова (1929–1999), искусствовед, известный исследователь финского и скандинавского искусства. Среди участников выставки были В.И. Мухина, В. А. Фаворский, А. Ф. Пахомов и В. А. Ветрогонский, который только что получил первую премию на молодежном фестивале в Москве за серию «Заводские будни». В небольшой квартире Тапсы в Хельсинки Ветрогонскому запомнилось множество детей, бегающих по дому, и радушие хозяйки. «Несмотря

на сложности политической обстановки, наследник репинской традиции, друг русских художников Тапиоваара открыто заявлял о наших добрых отношениях,— свидетельствовал Ветрогонский. Эта линия, ее в то время называли линией Паасикиви-Кекконена, создавала почву, а культурные контакты подкреплялись личными убеждениями» 5.

Как общественный деятель Тапиоваара стремился к расширению связей между нашими странами, и он нашел путь их дальнейшего развития в близкой для себя области изобразительного искусства. Многое приходилось преодолевать, и далеко не сразу художник получил заказы на монументальные работы. Но уже первый — мозаичное панно для клуба строительных рабочих в Хельсинки, построенного по проекту А. Аалто, быстро осуществляется в 1962 г. Исполнение первого панно совпало с приходом в Мозаичную мастерскую на должность художественного руководителя живописца В. Рябышева, выпускника Института им. И. Е. Репина. С Тапсой его связала не только творческая, но и общественная работа — Рябышев состоял членом Президиума Общества советско-финской дружбы. Освоив новую для себя технику, Тапиоваара воплотил сюжеты «Калевалы» в мозаичных панно, соединив мир эпоса с героями современности. Успешно разрешая задачи синтеза, художник украсил мозаиками многочисленные общественные сооружения Финляндии — банки, клубы, гостиницы, конторы, бассейны и пр. Причем работы подчеркивают, что главными деяниями в «Калевале» являются не ратные подвиги, а созидательная деятельность — создание лодки, кантеле, Сампо... Тапиоваара утверждал: «Человек свою суть проявляет в работе. Труд — основа всей культуры, и то, как человек себя выражает, уже составляет часть творческого достижения» 6. Панно «Освобождение солнца» открывало серию мозаик, посвященных темам народного эпоса. Художник остался доволен результатом. Газеты в Финляндии отметили использование в декоративном искусстве нового материала — смальты, ее удачную обработку и рождение нового типа мозаичного набора 7 .

Как вспоминали мастера-мозаичисты, подготовительный этюд был выполнен Тапсой в легких тонах, пастелью, но в панно звучание красок усилилось, так как работали золотом — «канторелью». Художник умело использовал декоративные

возможности смальты и создал яркое мажорное произведение. Все панно пронизано лучами солнца, размещенного в центре симметрично построенной композиции. По окончании работ фрагменты панно (его размер составил 7 на 3 метра) были доставлены в Финляндию по железной дороге. Монтаж включал их сварку, «зашивку» швов смальтой. Как правило, готовые блоки на месте монтажа устанавливали два мастера в течение двух недель. По приезде мастеров для установки блоков Тапиоваара, принимая работы, всегда внимательный, старался разнообразить культурную программу гостей в Финляндии. По свидетельству мастеров, мозаика «Освобождение солнца» как один из элементов ансамбля прекрасно «завязалась» с постройкой Аалто, в холле которой панно и было тогда установлено 8. В работе над другим панно — «Рождение Сампо», для Металлургического комбината в Раахе, принимали участие шестеро мозаичистов. Авторский картон с подготовительным этюдом в цвете размещался на стене, переводился на калькишаблоны по числу мастеров. На набор одного квадратного метра мозаики уходило около месяца «чистого» времени. Тапса любил «поковыряться» сам, он ценил мастерство, и свои отношения с мозаичистами строил на доверии. У него практически не было замечаний, вместе с тем он всегда следил за набором, специально приезжая в Ленинград. Художник обращал особое внимание на выполнение сложных разворотов фигур, они должны были получить его обязательное одобрение. В огромной светлой мастерской размещались низкие столы, за каждым мастером был закреплен определенный фрагмент панно; легкий балкон, обрамляющий зал, позволял с высоты наблюдать за ходом набора. Все мастера имели художественное образование, каждый обладал неповторимым характером и опытом: «Между нами, художниками, — вспоминал Тапиоваара, — выработался особый язык. Что-то всегда надо было изменять, а время все текло, но дело, благодаря таланту мастеров, шло, и я, с закатанными рукавами рубашки, работал в упоении как член бригады, наслаждаясь духом товарищества и взаимодействия» ⁹.

В статье «Как Леннрот представлял себе Сампо» исследователь «Калевалы» В. Кауконен сообщает, что под этим чудо-предметом подразумеваются способы добывания средств

жизни ¹⁰. Тапиоваара принимает эту концепцию, но его толкование Сампо в виде фантастического космического аппарата становится одновременно и универсальным, и современным. Осенью 1975 г. панно было открыто на Металлургическом комбинате в Раахе 11. Глубокое понимание художником калевальских легенд внесло в повседневную жизнь рабочих тепло сопричастности своей истории. Архив Российской Академии художеств хранит интересные документы о сотрудничестве Тапиоваары с Мозаичной мастерской. Это акты, тексты контрактов, письма. Договор финской фирмы «Раутаруукки» с Академией художеств от апреля 1975 г. сообщает о том, что Мозаичная мастерская обязуется изготовить по эскизам Тапиоваары в шестимесячный срок многофигурное панно «Ковка чудесной мельницы Сампо». Документы говорят, что на это панно площадью 13 кв. м уходит 390 кг смальты, причем стоимость одного килограмма материала тогда составляла 1 рубль 50 коп ¹². Многолетнее сотрудничество с художником оставило добрый след в памяти мастеров мозаики: А. Тимофеева, З. Никоновой, Г. Мельника и др. Многие картоны к выполненным ими панно стали экспонатами музеев. В частности, картоны к мозаике «Вяйнемейнен и Дева Похъелы» 13 хранятся в Карельском краеведческом музее в Петрозаводске. Эпический строй калевальских тем привнес в монументальную ткань мозаик Тапиоваары высокие, истинно духовные ценности, воплощенные с большой декоративной фантазией и мастерством. За эти произведения, включая графические листы «Власть Лоухи разрушена» (1975), он получил Почетную медаль Общества «Калевала» 14.

Осенью 1982 г. художник собирался принять готовый витраж на тему «Шведский король дает право на создание столицы в Хельсинки» для здания Союза городов Страхового общества «Канса». Но, подъезжая к Ленинграду, умер в вагоне поезда 16 октября 1982 г. В тот день на вокзале Т. Тапиоваару встречал его друг профессор М. М. Девятов. Работа над витражом была закончена через год, и в 1983 г. витраж был отправлен в Финляндию. Немногим ранее, в 1979 г., Девятов выполнил карандашный портрет финского художника. На рисунке мягкий, интеллигентного склада человек с чуть усталым, задумчивым взглядом. Этот портрет, а также ряд фотографий из архива

Т. А. Рябышевой послужили материалом для создания известным интерпретатором карело-финского эпоса скульптором В. П. Улановым 15 бюста Тапио Тапиоваары. Бюст выполнен в 2008 г., был впервые представлен на фотовыставке произведений В. П. Уланова в Кабинете истории искусств Института им. И. Е. Репина в ноябре того же года.

Скульптурный портрет финского графика и монументалиста органично пополнил галерею портретов своих современников: религиозного деятеля Урпо Кююхкюнена и актера Вилле Хаапасало, певца Виктора Клименко и рыбака Юкки-Пекки Соинена. Здесь же представлены скульптурные изображения прославленного собирателя народного эпоса Элиаса Леннрота и знаменитого политического деятеля маршала Карла Густава Маннергейма. Не случайно источником вдохновения для скульптора Уланова стала «Калевала»: предки художника имеют карельские корни, в детстве он часто слышал непонятный карельский язык, на котором с деревенскими жителями Тверской области разговаривала его бабушка. И сейчас, начав работать над образами «Калевалы», Уланов окунулся в мир своего детства. Вяйнемейнен, Ильмаринен и Куллерво с любовью оживают в его скульптурных композициях. Много работ скульптора посвящено финской тематике. Середина 1990-х гг. – время начала этой работы. В древнем карелофинском эпосе отразился особый духовный мир, мир людей, живущих в суровых северных краях. Лесов, озер, рек, водопадов, населенных множеством мифических существ — водяных и лесных духов, водяных существ — русалок, постоянных персонажей произведений мелкой пластики, выполненных из раскрашенной глины. Главный герой рун «Калевалы» Вяйнемейнен борется с силами зла из страны тьмы Похьелы, со злой старухой Лоухи. В этом отражается борьба светлых сил добра с темными и победой над злом. Именно эти сюжеты предстали перед участниками XI Международной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» на фотовыставке работ В. П. Уланова «Калевала» в залах Ассоциации международного сотрудничества.

Одновременно работая над темами «Калевалы», как рассказывает скульптор, он обратился к изображению современных финских людей, простых и знаменитых. Это упомянутые

финский пастор и финский рыбак, чемпион страны по ловле рыбы и владелец озера, а также композитор Сибелиус, написавший симфоническую поэму «Куллерво» и поэму «Финляндия», которую любил слушать маршал Маннергейм. Эта скульптурная галерея занимает достойное место в мастерской Уланова. В работе над образом Маннергейма Уланов пользовался редкими фотоматериалами из собрания составителя биографии Маннергейма Л. В. Власова. Спустя много лет барон Маннергейм «вернулся» в Санкт-Петербург — скульптурный портрет финского военачальника был приобретен в отель «Маршал» на Шпалерной улице, став частью его интерьера. На страницах своей книги «Тайна четырех генералов» В. Е. Чуров сообщает об открытии небольшого музея Маннергейма 11 сентября 2003 г. в стенах гостиницы: «В вестибюле бюст работы Вячеслава Уланова изображает Маннергейма в мундире с погонами русского генерала» 16. На открытии присутствовали посол Финляндии Рене Нюберг и Генеральный консул Кауко Ямсен. Автор приводит мнение владельцев гостиницы, что русские постояльцы с интересом изучают жизнь генерал-лейтенанта русской армии Густава Карловича Маннергейма, причем с большим вниманием, чем финские гости.

Одноклассник Уланова по СХШ, академик архитектуры Ю.И. Курбатов некоторое время назад предложил ему вылепить бюст подвижника на поприще укрепления финско-русских связей и прогрессивного графика Тапио Тапиоваары: в 2008 г. исполнялось сто лет со дня рождения мастера. Курбатов же стал и зачинателем этой посвященной 200-летнему юбилею государственности Финляндии фотовыставки. Вся экспозиция была выполнена руками реставратора, сотрудника Государственного научно-исследовательского музея Российской Академии художеств Т.И. Рыбаковой. В апреле 2009 г. выставка продолжила работу на конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Мы благодарны знатоку финского градостроительства профессору Ю.И. Курбатову за идею, реставратору Т.И. Рыбаковой за профессиональную помощь при оформлении экспонатов, а устроителям конференции — главе Ассоциации М.Ф. Мудрак и профессору В.Н. Барышникову за предоставленную возможность провести выставку «Калевала» в залах заседаний.

Попытка проникнуть при помощи творчества в финскую культуру помогает понять душу народа, его самобытность и уникальность. Искусство скульптора В.П. Уланова, его недавние экспозиции в Финляндии в городе Оривеси ¹⁷, а также в Выборгском замке в составе группы Новых передвижников ¹⁸ способствуют более глубокому постижению нашей общей истории, расширению сотрудничества на благо жителей наших городов и стран.

¹ *Суворова Л.В.* Тапио Тапиоваара и Мозаичная мастерская Академии художеств // Зарубежные художники и Россия. СПб., 1991. С. 46–51.

² *Jaukkuri M.* Tapio (Tapsa) Tapiovaara / Bildende Kunst. 1977. № 8. S. 392.

³ Savolainen E. Tapio Tapiovaara // Look at Finland. 1977. № 1. P. 40.

⁴ *Тапио Тапиоваара //* Искусство Финляндии 1900–1960. Живопись. Скульптура. Графика: Каталог выставки. Хельсинки, 1983. С. 130.

⁵ Интервью с заведующим кафедрой графики Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, народным художником, заслуженным деятелем искусств, профессором В. А. Ветрогонским (1923–2002) в 1989 г.

⁶ Savolainen E. Tapio Tapiovaara. P. 40.

⁷ *Jokinen P.* Tapsan kuva taistelee yha // Kuntamme tanaan. 1981. № 2. S. 8.

 $^{^{8}}$ «Освобождение солнца», 1962, мозаичное панно 7×3 . Хельсинки, Рабочий клуб по проекту А. Аалто.

⁹ Savolainen E. Tapio Tapiovaara. P. 42.

¹⁰ *Кауконен В.* Как Леннрот представлял себе Сампо // «Калевала» — памятник мировой культуры: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск, 1986. С. 31.

 $^{^{11}}$ «Рождение Сампо», 1975, мозаичное панно 6 × 2,3. Рааха, Металлургический комбинат.

¹² Научно-библиографический архив Российской Академии художеств. Ф. 9. Оп. 1. Д. 303.

 $^{^{13}}$ «Вяйнемейнен и Дева Похьелы», 1981, мозаичное панно 2,14 \times 3,15. Хельсинки, Главная контора страхового Общества «Канса».

¹⁴ Тапио Тапиоваара. Графика. Хельс., 1977. С. 17.

¹⁵ Уланов Вячеслав Павлович — скульптор, член Союза художников с 1975 г., родился в 1936 г. в Ленинграде. Житель блокадного города. Окончил среднюю художественную школу при Академии художеств. В 1963 г. окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, мастерскую известного советского скульптора В. Б. Пинчука. Работает в области монументальной и станковой скульптуры и пластики малых форм. Более тридцати лет выполняет реставрационные работы в должности художника-реставратора скульптуры в Отделе слепков Научно-

исследовательского музея Российской Академии художеств, участвует в сохранении наследия Отдела русской и советской скульптуры. Сопровождает в качестве реставратора музейные выставки во многие города России. К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне совместно с архитектором В. Н. Питаниным создал «Памятник воинской славы» на территории объединения «Адмиралтейские верфи» в честь ополченцев-адмиралтейцев, погибших в годы войны (1976, чугун) и ряд других монументальных работ, получивших одобрение М. К. Аникушина. Участник многочисленных выставок, в том числе персональной по приглашению Фонда культуры Болгарии в г. Велико Тырново (1989). В последние годы скульптор увлекся темами «Калевалы». Произведения В. П. Уланова экспонировались в Замке города Выборга и усадьбе «Монрепо», в 2005 г. выставка на тему эпоса прошла в Музее Анны Ахматовой. Работы скульптора находятся в музеях и частных коллекциях Болгарии, Польши, Финляндии, Великобритании и США.

- ¹⁶ *Чуров В.* Тайна четырех генералов. М., 2005. С. 256.
- ¹⁷ *Golubin V. A.* Kalevalan aiheita karjalaisin silmin // Oriveden Sanomat, 29.08.2006. № 66. S. 4.
- $^{18}\ \it{Cоколовa}\ E.$ «Новые передвижники» в Выборгском замке // Выборг. 2009. 7 авг.

И.В. Кириленко, Т.В. Пааскари

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДИЗАЙНА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Староскандинавский стиль ¹ уходит своими корнями в начало XIX в., в частности в сферу литературы. Художники, поэты и ученые, интересующиеся скандинавской мифологией, создавали эпические произведения, черпая темы из мира викингов. Для разработки этого стиля в области искусства потребовалось более длительное время. Хотя изящные украшения с использованием извивающихся драконов появились как декоративные бордюры во внутренней отделке еще в 1841 г. при строительстве королевских апартаментов вблизи Христиании (прежнее название Осло) начиная со второй половины столетия, староскандинавские мотивы стали широко распространены в изобразительном искусстве. Археологические раскопки, в частности норвежских кораблей в Туне в 1867 г. и в Гостаде в 1880 г., послужили стимулом для широкого распространения этого стиля.

Норвегия с ее вытянутым прекрасным побережьем, изрезанным глубокими фиордами, врезающимися в скалы, обращена на запад, к океану. Это страна смелых мореходов. Основные местные материалы — дерево и шерсть искусно использовались в средневековых церквях и в прекрасных гобеленах XVII—XVIII вв. В отличие от Дании, где небольшие расстояния между крайними точками и развитая водная сеть привели к ее централизации, Норвегия топографически расчленена на бесчисленные небольшие общины, расположенные вдоль фиордов и в заболоченных долинах.

Кроме географических и топографических факторов, большую роль в формировании скандинавского дизайна сыграл климат. За исключением небольшого различия в климате Дании на юге и в северных районах, во всех остальных странах наблюдается относительно длинная и местами суровая зима и короткое лето. Подобный климат послужил причиной развития зимнего дизайна (как назвал его Иенс Бернсен, директор Датского конструкторского совета в 80-е гг.). Он проявился в таких архитектурных деталях, как крутые крыши и маленькие окна, в прочном снаряжении для использования на открытом воздухе, например, лыжи, лопаты для снега, в утепленной спортивной и рабочей одежде, и в современной конструкции машин: от буровых установок для работы со льдом до огромных ледоколов.

Прежде всего, скандинавский климат породил интерес к жилищам и их меблировке, которого не наблюдалось нигде в Европе. В определенные периоды этот интерес почти перерастал в культ. Безопасный, теплый и уютный дом, стоящий на морозе среди снегов под звездным зимним небом, и сейчас воспринимается как символ, связанный с тоской по прошлому, ибо универсальная во всем мире техника и средства связи делают жизнь в индустриальных странах все более однообразной. В отличие от общественной жизни Европы, где улицы и площади служат основным местом встреч, скандинавская семья и общественная жизнь концентрируются в доме.

В Норвегии журнал «Бунют» («Новости жизни») был основан в январе 1941 г. группой молодых архитекторов, художников и дизайнеров. В первом его номере, вышедшем после войны в мае 1945 г., была опубликована идейная статья Хаакана Стенставальда, озаглавленная «Наш национальный характер». В этой статье Стенставальд утверждал, что главной целью норвежского дизайна должен быть поиск национальной самобытности, укорененной в традиции. Основное содержание статьи выражало общее мнение об отставании норвежского дизайна от дизайна других Скандинавских стран. Искусство Дании развивалось в 1940-е гг. на основе прочного фундамента, заложенного в предшествующий период. Признанные авторитеты, такие как Аксель Салто, Алвар Аалто, Кааре Клинт, Хеннингсен и др., продолжали быть ведущими дизайнерами, но с каждым годом

заявляли о себе более молодые таланты, особенно в области мебели, изделий из серебра и керамики. Основу дизайнерского стиля заложили Арне Якобсен, Ханс Вегнер, Бруно Матссон, Гертруда Васегорд и многие другие.

В Швеции в 1970-х гг. в области изящных искусств, декоративно-прикладного искусства и дизайна началась специализация. Почти одновременно во всех Скандинавских странах произошли изменения, связанные с перестройкой системы образования, расширившие возможности подготовки мастеров и дизайнеров. В результате область дизайна разделилась на отдельные самостоятельные группы, каждая из которых сохраняла свою направленность, свои критерии и задачи. Эти изменения приблизили мастеров к сфере изящных искусств и отдалили их от промышленности, способствовали тому, что дизайнеры теснее соприкоснулись с областями техники, являющимися важной составной частью промышленности. По мнению многих искусствоведов, это был необходимый процесс, который дал ощутимые результаты. Для ремесленников процесс «отдаления» означал серьезные изменения в роли и статусе, что повлияло на будущее производство. Согласно новой норвежской политике развития культуры, сформулированной в течение этого переломного десятилетия, ремесленники, работающие в области «изящных» искусств, рассматривались как единое целое и пользовались законодательной поддержкой Министерства культуры и науки, которая способствовала развитию искусств. Новая норвежская культурная политика явилась уникальной и прогрессивной.

Экономический спад, наблюдавшийся в шведской промышленности, заставил компании проанализировать и по-новому оценить свою продукцию. Работники «Ференинген свенск форм», проведя анализ продукции во многих странах, укрепились во мнении, что хороший дизайн играет большую роль, и это послужило своего рода стимулом для достижения намеченных целей. Промышленность Швеции могла выдержать конкуренцию на мировом рынке только благодаря хорошему дизайну и высокому качеству технического исполнения.

«Ференинген свенск форм» явился свидетелем постоянного, вплоть до нынешнего времени, интереса к открытию конструкторского центра в Стокгольме, деятельность и услуги которого

можно сравнить с деятельностью и услугами, предоставляемыми конструкторским центром нового типа, действующего под эгидой «Общества в Мальме». Эти планы нашли поддержку и одобрение у многих организаций, связанных с дизайном и декоративно-прикладным искусством, а также у многих изготовителей и потребителей.

В начале 1982 г. была проведена крупная выставка «Дизайн и традиция в Швеции» в музее искусства и ремесел Рехса в Гетеборге. Экспозиция охватила развитие декоративно-прикладного искусства и промышленного дизайна, начиная с 1890-х гг., и самое главное, дала возможность занимающимся декоративно-прикладным искусством и дизайном продемонстрировать свое видение современного дизайна и его будущее. На выставке были представлены две основные темы: поэтический функционализм и новое восприятие дизайна. Налицо мечта об обогащении функционального промышленного дизайна новым художественным вкусом. В Швеции, где прочно укоренился функционализм и социально-эстетические идеалы, будущее дизайна предстало новым эстетическим звучанием бытовых предметов первой необходимости.

Возрождение стиля викингов проявлялось по-разному в каждой скандинавской стране. В Швеции развитию этого стиля примерно в 1870 г. способствовала небольшая, но влиятельная группа лиц, связанная с художественным развитием, но этот стиль не стал популярным. В Стокгольме в этом стиле начали использовать староскандинавские мотивы в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве.

Швеция познакомилась с развитием дизайна в Англии в основном через Австрию и Германию. Ввиду того что Швеция располагала значительными ресурсами и ее правительство было более склонно к административной и организационной централизации, дизайн в стране развивался с четко сформулированными социальными задачами — «больше красивых вещей для повседневного пользования», и это стало характерным лозунгом. В полном соответствии с этой социальной и эстетической задачей в 1930 г. была организована функционалистская выставка в Стокгольме, в которой принимали участие все страны этого региона.

Не стало неожиданностью то, что Швеция оказалась непревзойденной в области гравирования по стеклу и в стекольном

производстве. Фирма «Оррефорс» завоевала множество медалей, ее успехи открыли путь к американскому рынку. Высокой оценки заслужили также художественные ткани, выполненные Мартой Маас-Фьеттерстрем и др., что свидетельствовало о прочных позициях Швеции в разных областях декоративно-прикладного искусства и дизайна. Традиции художественного стекла и тканей глубоко укоренились в Швеции. Большое стекольное производство выросло из кустарного промысла еще в XVIII в., ткачихи и художники по раскраске тканей унаследовали богатство идей от старых крестьянских традиций, на них были изображены быт, разная графика, сценки из деревенской жизни.

Скандинавский дизайн следует рассматривать как особую область в рамках культурного развития этих стран. Дизайн, другими словами, — это «предметы обихода по-скандинавски». Можно ли оценивать искусство независимо от политики, экономики и нравов общества? Вопрос проблематичен, но есть основания предположить, что дизайн в различных его проявлениях связан с другими течениями в обществе и его благополучием. Более того, скандинавский дизайн в значительной степени зависит от конкретных внешних факторов. Это не означает, что недооцениваются внутренние созидательные факторы. Несомненно, большое значение имеет изучение влияния одного дизайнера на другого; говоря о скандинавском дизайне, используют «сравнительный» метод. Великое искусство и бедность в стране не могут идти рука об руку.

Функционально направленная выставка, организованная Асплундом в Стокгольме в 1930 г., получила международное признание и послужила важным источником вдохновения для многочисленных архитекторов и дизайнеров во всей Скандинавии. Точно так же легендарные выставки Снедкерлаугета, организованные в Копенгагене, особенно после Второй мировой войны, оказали влияние и дали стимул большому числу конструкторов мебели в других Скандинавских странах. Даже в военные годы, когда вся творческая деятельность была парализована, нейтральная Швеция предоставила убежище многим архитекторам и дизайнерам из растерзанных войной братских стран. Здесь они встречались, обменивались идеями и опытом, более или менее совместно строили планы относительно своей работы, ожидая наступления мира. Почти все исландские дизайнеры,

присоединившиеся к этой группе, позднее проходили обучение в каждой из Скандинавских стран.

Расположенная на юге этого региона Дания состоит из полуострова европейского континента и прилегающих 300 островов; низко расположенная, плодородная земля, служащая опорой для эффективной промышленной базы. Дания обращена своим вытянутым, открытым побережьем к Англии и Западной Европе, и вполне естественно, что датский вариант скандинавского дизайна испытал очевидное влияние английского искусства и ремесел. В стране фермеров с богатыми традициями изготовление керамических изделий способствовало специализации. Копенгаген с давних пор был важным портом и торговым центром, что помогло Дании приобщиться к европейской культуре раньше других Скандинавских стран.

С точки зрения шведских специалистов, 1940-е гг. были годами изоляции, прерванных контактов. По мнению историка искусств Дага Видмана, «периодом идиллического размышления о прошлом декоративного формализма» явилось другое течение, которое возникло с развитием промышленного дизайна и под влиянием конструктивистского искусства, особенно если сравнить с функционализмом и другими передовыми течениями 1920-х и 1930-х гг. «Жесткий» и лишенный фантазии, этот стиль характеризуют килтские сервизы Кая Франка и бытовые приборы из нержавеющей стали Арне Якобсена. Будучи простым и логичным, этот стиль хорошо сочетался с металлами и новыми материалами, например пластмассой.

В самой Швеции функционализм проложил себе дорогу. К 1940 г. Швеция (после некоторого колебания) в результате проведения социал-демократическим правительством принципа функционализма стала функционалистической и осталась ею до настоящего времени. С уверенностью можно сказать, что внутренняя политика Швеции способствовала развитию шведской архитектуры и дизайна в том направлении, которое позднее привело к «национально-интернациональному» стилю.

Функционализм также быстро утвердился и в Финляндии, но в основном как результат ее внешней политики. Молодая, динамично развивающаяся республика имела одну главную цель — видеть свою страну на карте мира в качестве уважаемого члена сообщества наций. Следуя более или менее тем же на-

ционалистическим побуждениям, которые раньше вдохновляли архитекторов и дизайнеров павильона Парижской выставки (1900), дизайнеры попытались создать новый интернациональный стиль, чтобы показать, что Финляндия шагает в ногу со временем. Вскоре ведущие архитекторы создали функционалистские шедевры, появившиеся сразу же в журналах многих стран мира. Социальный аспект функционализма, который нельзя отвергать полностью, не играл в Финляндии такой ведущей роли, как в Швеции.

Хотя в этот период Скандинавские страны разделяли многие идеи относительно дизайна, каждая страна демонстрировала чтото свое. Финские изделия, например, обычно предназначаются для более элитарного потребителя, чем изделия в других странах. Так, в середине 1950-х гг. в прессе, в конструкторских организациях возникла оживленная дискуссия о путях и возможностях финского дизайна. Наибольшей критике подверглась промышленность из-за отсутствия интереса к предметам быта и за резкое различие между предметами массового производства и более престижными художественными изделиями. Дебатировался также вопрос о необходимости поощрения «звезд» среди дизайнеров, награждение их за лучшие изделия.

В Дании также развитию дизайна способствовали напряженные и увлекательные споры относительно архитектуры и дизайна, что частично было вызвано Стокгольмской выставкой 1930 г. Однако реакция там была совершенно отлична от реакции в Швеции и Финляндии. Этому было несколько причин, среди которых основная — географический фактор. На Швецию непосредственное влияние оказал Баухауз в Германии, в то время как Дания, более тесно связанная с английским дизайном и искусством, воспринимала массовое и авторское производство. Реакцию, получившую распространение в Норвегии, трудно объяснить в некоторой степени из-за ее региональной разобщенности, которая замедлила появление новых веяний. Позднее стали организовывать ежегодные выставки, названные «Развитие скандинавского дизайна», которые путешествовали по Скандинавским странам, и успех этих выставок обеспечивал производство новых и качественных изделий. Наряду с прессой и специальными журналами, посвященными дизайну, эти выставки сыграли

большую роль в обмене мнениями и во взаимовлиянии в мире скандинавского дизайна — вероятно, до такой степени, что скандинавский дизайн оказался оторванным от событий, происходящих за пределами Скандинавии, но он набирал силу и совершенствовался внутри каждой страны.

Самая удивительная черта современного дизайна и декоративно-прикладного искусства Скандинавских стран и Финляндии — это его интернациональный характер. В настоящее время трудно определить с первого взгляда место изготовления различных предметов. Отличительные национальные особенности в значительной степени утрачены: новые тенденции выходят за рамки национальных границ, появляются одновременно в нескольких местах и лишены четких стилистических особенностей. Кроме того, важную роль в распространении новых идей после 1970-х гг. сыграли конференции Всемирного совета декоративно-прикладного искусства. После каждой такой конференции в предметах прикладного искусства, изготовленных в различных Скандинавских странах, четко прослеживаются особенности национальной культуры. После 1970-х гг. в скандинавском декоративно-прикладном искусстве и дизайне заметно влияние двух отличительных черт международного характера. Одно из влияний пришло из Соединенных Штатов, где декоративно-прикладное искусство заметно освободилось от традиционного подхода.

Это влияние связано также с тем фактором, что многие известные дизайнеры, скульпторы, архитекторы в это время творили в США, например Карл Миллес, Элиел Сааринен и др.

Исландия и Норвегия, которые всегда ориентировались на Запад, вследствие своего географического положения, наиболее ощутимо восприняли американские идеи, в то время как другие Скандинавские страны продолжали придерживаться скандинавских традиций. Особенно большое значение имело развитие студийных ремесел в рамках национальных традиций, влияние которых наиболее заметно проявлялось в производстве стекла.

Среди стилистических направлений, которые появились в декоративно прикладном искусстве,— хай-тек («высокая техника»), и во многих работах отмечается влияние «нового искусства». В настоящее время декоративно-прикладное искусство вновь приобрело изящество, стало более утонченным.

Предпочтение отдается тонкому фарфору, менее грубой керамике. Художники набивных тканей отказались от смелых сюжетов и вновь обратились к более романтичному стилю, используя изящные, пастельные тона.

В настоящее время изделия скандинавского и финского дизайна «завоевали весь мир». Не только в огромной сети магазинов «Икеа», но и во многих художественных салонах представлены уникальные изделия из стекла — от абстрактных ваз, утонченных сосудов с цветными вставками до значительных глыб, скульптур и т. д. Будто произошла встреча с такими мастерами, как Тимо Сарпанева (Финляндия), Олле Альбериус (Швеция), Бертилл Валлиен (Швеция), Тапио Вирккала (Финляндия) и др. Произведения искусств ф. Оррефорс представлены не только в Лондоне, но также и в России — в Москве и других странах ближнего зарубежья.

¹ См.: Design in Sweden. Stockholm, 1985; Scandinavian modern design 1880–1980 Coper-Hewitt museum. New-York, 1982; *Кириленко И.В., Папаскири Т.В.* Скандинавский дизайн. Традиции и современность М., 1996; *Папаскири Т.В., Кириленко И.В.* «Северное сияние» скандинавских стран и Финляндии // Скандинавские чтения. СПб., 2008.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова Л. Б., канд. арх., Русская христианская гуманитарная академия
- *Базарова Т.А.,* канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН
- Балашова К. С., Санкт-Петербургский государственный университет
- *Барышников В. Н.* д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
- *Барышников Н.И.*, д-р ист. наук, профессор Северо-Западной академии государственной службы
- *Белкина Н.В.*, канд. пед. наук, Русская христианская гуманитарная академия
- *Бородина Т.П.*, канд. искусствоведения, Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты».
- *Бурков В.Г.*, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
- Васара В.-Т., Санкт-Петербургский государственный университет
- Васильева М. Н., Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина
- Возгрин В. Е., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
- Геуст К.-Ф., д-р наук, музей авиации Финляндии

340

Дубровская Е. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Жуков А.Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

 \mathcal{K} уравлёв Д. А., канд. ист. наук, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей

Катцова М. А., Санкт-Петербургский государственный университет

Костюк А.В., Санкт-Петербургский государственный университет

Кривдина О.А., канд. искусствоведения, Государственный Русский музей

Лебедев А.А., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Макуров В. Г., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

 $\it Mycae B$ В. И., д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Орфинская Л. В., канд. ист. наук, Университет Хельсинки

Славнитский Н.Р., канд. ист. наук, Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Cуворова Л. В., Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина

Уитто А., д-р наук, Военно-историческое общество Финляндии

 Φ руменкова Т. Г., канд. ист. наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Шкваров А. Г., канд. ист. наук, Университет Хельсинки

 ${\it Шрадер}\ T.A.$, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Aleksandrova L. B., candidate of archeology, Russian Christian academy for humanities
- Bazarova T.A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science
- Balashova K. S., Saint-Petersburg State University
- Baryshnikov V. N., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
- Baryshnikov N. I., PhD in History, professor of North-Western Academy of State Service
- Belkina N. V., candidate of pedagogical science, Russian Christian academy for humanities
- Borodina T.P., candidate of historical science, I.E. Repin memorial estate "Penaty"
- Burkov V. G., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
- Vasara V.-T., Saint-Petersburg State University
- Vasilieva M. V., the State academy of painting, sculpture and architecture named after I. E. Repin
- Vozgrin V. E., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
- *Gavrilov S. V.*, candidate of historical science, Military Academy of rear and transport named after army General A. V. Khruleyv
- Geust K.-F., PhD., museum of Aviation in Finland

- Dubrovskaya E. Y., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science
- Zhukov A. Yu., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science
- Zhuravlyov D. A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum
- Ivleva S. E., the State Russian Museum
- Katzova M. A., Saint-Petersburg State University
- Kirilenko I.V., Moscow
- Kostuyk A. V., Saint-Petersburg State University
- Krivdina O. A., candidate of historical science, the State Russian Museum
- Lebedev A. A., Saint-Petersburg State University of cinema and television
- Makurov V. G., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science
- *Musaev V. I.,* PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science
- Orfinskaya L. V., candidate of historical science, University of Helsinki
- Slavnitskiy N. R., candidate of historical science, Museum of history of Saint-Petersburg
- $\it Suvorova~L.~V.$, the State academy of painting, sculpture and architecture named after I. E. Repin
- Uitto A., PhD., Military-historical society of Finnland
- *Frumenkova T. G.*, candidate of historical science, Assistant professor of Russian State pedagogical university named after Gertzen
- Zoffka V. V., candidate of philological science, State Historical-literal open air museum of A. S. Pushkin
- Shkvarov A. G., candidate of historical science, University of Helsinki
- Shrader T.A., candidate of historical science, Museum of anthropology and ethnography of Russian Academy of Science

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Preface	7
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	9
Т.А. Базарова Резиденция вице-канцлера П.П. Шафирова на Городском острове в Петербурге: 1710−1720-е гг	10
Т. А. Шрадер Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт-Петербурге (XIX — начало XX в.)	19
Б.С. Жаров Телеграфист — переводчик — литератор — общественный деятель: П.Г. Ганзен в Санкт-Петербурге	29
В.И. Мусаев Проблема репатриации финляндских граждан из России после 1917 г.	36
Т.П. Бородина И.Е. Репин в финский период 1918–1930-х гг	49
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА	61
А. Ю. Жуков Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв	62
344	

А.Г. Шкваров Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809–1917 гг	76
Е.Ю. Дубровская Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 г.	81
ВТ. Васара Религиозный аспект идеологии партии ИКЛ	92
М.А. Катцова «Экономический скандинавизм» стран Северной Европы в 1920–1930-х гг. и группа Осло	101
В.Н. Барышников Возникновение и крах в Финляндии в 1940 г. «Общества мира и дружбы с СССР»	131
Д.А. Журавлев Организация социальной помощи инвалидам советско-финляндской войны в 1940–1941 гг	145
В. Г. Макуров Карелия в войне: 1944 г.— освобождение	152
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ	165
А.А. Лебедев Трофей Гангутского сражения прам «Элефант»— прототип «новоизобретенных» кораблей Черноморского флота	166
А.В. Костюк Медицинское обеспечение российского флота при Петре Великом	177
КФ. Геуст Советская военно-морская база Порккала-Ууд в Финляндии (1944–1956 гг.)	186
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ	191
В. Г. Бурков Фалеристические памятники Северной войны	192 345

Н.Р. Славнитский	
Воинские праздники и церемонии в Санкт-Петербурге, связанные с Полтавской битвой	202
О. А. Кривдина	
Русско-шведские военные мотивы в скульптуре XVIII в	210
С.Е. Ивлева	
Иллюстрированные издания о Финляндии	
в собрании петербургского коллекционера Е.Н. Тевяшова	216
Л. В. Орфинская	
Тюремное строительство как составная часть	
реализации пенитенциарной реформы	
в Великом княжестве Финляндском	222
A. Yummo	
Финская литература в СССР в 1918–1944 гг	229
	227
К. С. Балашова	
Становление финляндско-советского	
культурного сотрудничества в условиях формирования «Линии Паасикиви–Кекконена» (конец 1940-х — 1950-е гг.)	224
	234
Н.И. Барышников	
Десять лет борьбы	
вокруг советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948–1958 гг.)	242
	242
В. Е. Возгрин	
Датский путь к деколонизации Гренландии:	250
вызов современной колониальной идеологии и практике	259
НАУКА, КУЛЬТУРА	
И РЕЛИГИЯ	275
Л.Б. Александрова	
Ампир в архитектуре Финляндии	276
М. Н. Васильева	
Анималистическая скульптура	
в творчестве керамиста М. Шилкина	291
Т.Г. Фруменкова	
Русско-скандинавские контакты	
в истории воспитательных домов	
(вторая половина XVIII— начало XX в.)	301
Н.В. Белкина	
К вопросу о финской антропонимике	311
346	

3. В. Цоффка А. С. Пушкин как «маймист»	318
3. П. Уланов, Л.В. Суворова О работе над бюстом финского графика и монументалиста Тапио Тапиоваары (1908–1982)	322
И.В. Кириленко, Т.В. Пааскари Историческая оценка дизайна	
Скандинавских стран и Финляндии	331
Краткие сведения об авторах	340
Information about authors	342

CONTENTS

Preface	7
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	ç
T.A. Bazarova The Vice-Chancellor P. P. Shafirov's residence on Gorodskoy Island in Petersburg: 1710–1720s	10
T.A. Shrader Tillanders family of Finnish jewelers in Saint-Petersburg (XIX — the beginning of XX century)	19
B. S. Zharov A telegraphist — a translator — a writer — a public figure: P. G. Ganzen in Saint-Petersburg	29
V. I. Musaev The case of repatriation of Finnish citizens from Russia after 1917	36
T. P. Borodina I. E. Repin during his Finnish period 1918–1930s	49
ECONOMICS, WAR AND POLITICS	61
A. Yu. Zhukov Karelia in Russian-Finnish relations and contacts in XIV–XVI centuries	62
348	

A. G. Shkvarov Russian Cossacks in Finland	
during the autonomy period of 1809–1917	76
E. Yu. Dubrovskaya National armed groups in Karelia during the Civil War: the experience of 1918	81
VT. Vasara The religious aspect of the National-Patriotic movement's ideas (IKL party)	92
M.A. Katzova "Economic scandinavism" of the North Europe in 1920–1930s and Oslo group	101
V. N. Baryshnikov Formation and collapse of "The Society of peace and friendship with the USSR" in Finland in 1940	131
D. A. Zhuravlev Organizing social aid for disabled veterans of Soviet-Finnish war of 1940–1941	145
V. G. Makurov Karelia in war: 1944 — liberation	52
THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION	165
A.A. Lebedev Gangut's battle trophy: pram (artillery ship) "Elephant" –	
prototype of "newly invented" ships of the Black sea Navy 1	166
A. V. Kostyuk Medical treatment support of the Russian Nave in times of Peter the Great	L77
KF. Geust Soviet Naval base Porkkala-Uud in Finland (1944–1956) 1	186
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS	91
V. G. Burkov Faleristic artefacts	
and commemoratives of the Northern war	192 849

N. R. Slavnitskiy	
Military holidays and ceremonies devoted	
and connected with Poltavskaya battle in Saint-Petersburg 20	02
O. A. Krivdina	
Russian-Swedish military motifs	
in sculpture in the XVIII century	10
S. E. Ivleva	
Illustrated editions about Finland	
in Petersburg collector E. N. Tevyashov's assemblage	16
L. V. Orfinskaya	
Prison facilities construction	
as component of realization of penal reform	
in Grand princedom of Finland	22
A. Uitto	
Finnish literature in the USSR in 1918–1944	29
K. S. Balashova	
Establishing Finnish-Soviet cultural cooperation	
in conditions of forming "Paasikivi–Kekkonen line"	
(the end of 1940 th –1950s)	34
N.I. Baryshnikov	
Ten years debates and fighting	
over Soviet-Finnish treaty on friendship,	
cooperation and mutual help (1948–1958)	42
V.E. Vozgrin	
Danish way to decolonization of Greenland:	
challenge to modern colonial ideology and practice	59
SCIENCE,	
CULTURE AND RELIGION	75
L. B. Aleksandrova	
Empire style in Finnish architecture	76
M.N. Vasilieva	
Animalistic sculpture in ceramist M. Shilkin creative work 29	91
T. G. Frumenkova	
Russian-Scandinavian contacts in history of foster homes	
	01
N. V. Belkina	
	11
350	

<i>V. V. Zoffka</i> A. S. Pushkin as "maimist" (Petersburg nickname for Finns)	318
V.P. Ulanov, L.V. Suvorova On work over bust of Finnish graphic and monumental painter Tapio Tapiovaare (1908–1982)	322
I.V. Kirilenko, T.V. Paaskari	
Historical conceptualization of design in Scandinavian countries and Finland	331
Information about authors	342

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции

Редактор В.Н. Подгорбунских Корректор А.А. Борисенкова Художник О.Д. Курта Верстка Т.О. Прокофьевой

Подписано в печать с готового оригинал-макета 19.03.2010. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,46. Тираж 1000 экз. Заказ №

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15, Издательство Русской христианской гуманитарной академии. Факс: (812) 311–30–75; тел.: (812) 310–97–91 email: editor@rchgi.spb.ru. URL: http://www.rhga.ru